

Эволюция японцев, социальная и психическая

Сидни Льюис Гулик

**Evolution Of The Japanese, Social And
Psychic**

Sidney Lewis Gulick

The Project Gutenberg eBook of Evolution Of the Japanese, Social And Psychic.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Эволюция японцев, социальная и психическая

Автор: Сидни Льюис Гулик

Дата выхода: 22 октября 2004 [eBook #13831]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Майклом Цеельски и командой PG Online Distributed Proofreading Team.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ЭВОЛЮЦИЯ ЯПОНЦЕВ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПСИХИЧЕСКАЯ ***

Эволюция японцев , социальная и психическая.

СИДНИ Л. ГУЛИК, М.А.

Миссионер Американского совета в Японии

НЬЮ-ЙОРК ЧИКАГО ТОРОНТО

Компания "Флеминг Х. Ревелл

ЛОНДОН И ЭДИНБУРГ

Нью-Йорк: 158 Пятая авеню

Чикаго: 63 Вашингтон-стрит

Торонто: 27 Ричмонд-стрит, В.

Лондон: 21 Патерностер-сквер

Эдинбург: 30 Сент-Мэри-стрит

РОСТ ЦАРСТВА БОЖЬЕГО

By SIDNEY L. GULICK, M.A.

Иллюстрировано двадцатью шестью диаграммами 12 мо, ткань, \$1.50

"Эта книга будет полезна вдумчивым, искренним людям любой нации как ценнейшее миссионерское издание. Мистер Гулик прослеживает христианскую религию через всю

историю и до наших дней. Исследование спокойное, терпеливое, досконально честное и спокойно уверенное."

-- *Евангелист.*

ФЛЕМИНГ Х. РЕВЕЛЛ КОМПАНИ

Издательство

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа представляет собой попытку интерпретировать особенности современной Японии в свете социальных наук. В ней также делается попытка пролить свет на спорный вопрос о реальном характере так называемой расовой природы и процессах, в результате которых эта природа трансформируется. Если принципы социальной науки, изложенные здесь, верны, они применимы как к Китаю и Индии, так и к Японии, и, таким образом, будут иметь прямое отношение ко всей проблеме социального взаимодействия и взаимовлияния Запада и Востока.

Основу этой работы составляют выступления перед американской и английской аудиториями, сделанные писателем во время его недавнего отпуска. После возвращения в Японию он смог уделить лишь часть времени завершению набросанных тогда контуров, и хотя он с радостью оставил бы рукопись для дальнейшей доработки, он уступает настоятельным просьбам друзей, которые считают разумным, чтобы он больше не медлил с представлением своих мыслей широкой публике.

Японским читателям писатель хочет сказать, что, хотя он без колебаний сделал заявления, болезненные для любителя Японии, он сделал это не для осуждения или ненужной критики, а просто чтобы прояснить то, что кажется ему фактами. Если он ошибся в фактах или если его интерпретации несправедливо отразились на истории или духе Японии, никто не будет так рад исправлениям, как он. Пусть японцы будут уверены, что его главным мотивом, как при написании статей о Японии, так и при проведении своей жизни на этой земле, является глубокая любовь к японскому народу. Термин "туземец" использовался свободно, поскольку он является единственным естественным коррелятом для "иностранца". Можно сказать, что ни одно, ни другое не имеет уничижительного смысла, хотя антииностранцы и антииностранцы иногда их так используют.

Долг писателя слишком велик, чтобы признать его в деталях. Но всякий раз, когда он осознавал, что черпал идеи или предложения непосредственно у какого-либо автора, он старался указать источник.

Со времени подготовки большей части этой работы появилось несколько важных материалов в литературе о Японии, которые могли бы помочь писателю, если бы он обратился к ним в процессе работы. Книга преподобного Дж. К. К. Ньютона "Япония: Страна, двор и народ"; "Япония и ее возрождение" преподобного Отиса Кэри; и "Бусидо: Душа Японии" заслуживают особого упоминания. Все они являются прекрасными работами, интересными, сжатыми, информативными и хорошо сбалансированными. Если бы последняя из названных работ попала в руки гораздо раньше, она бы часто упоминалась и цитировалась в данном томе, несмотря на то, что в ней излагается идеал, а не реальное состояние старой Японии.

Следует особо отметить помощь, оказанную моими братьями, Галеном М. Фишером и Эдвардом Л. Гуликом, а также моей сестрой, миссис Ф.Ф. Джуэтт, в чтении и редактировании рукописи. Следует также выразить признательность за неоценимую критику и предложения в отношении общей теории социальной эволюции, отстаиваемой на этих страницах, сделанные моим дядей, преподобным Джоном Т. Гуликом, хорошо известным научному миру своим вкладом в теорию, а также в факты биологической эволюции.

С.Л.Г.

МАЦУЯМА, ЯПОНИЯ.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 13

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Окцидентальные представления о новейшей истории Японии - Япония как будто противоречит нашей теории национальной эволюции - Сходство древней и современной Японии - Японская эволюция "естественна" - Изучение японской социальной эволюции представляет необычный интерес, потому что она пережила столь заметные изменения - Потому что сейчас она находится в стадии быстрого роста - И происходит на наших глазах - А также потому, что здесь происходит уникальный союз окцидентальной и восточной цивилизаций - Сравнение Индии и Японии, 23

II. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Мифология и традиции - Подлинная история - Старая Япония - Переход от Старой Японии к Новой - Новая Япония - Вынужденная централизация иностранными государствами - Сделки и материальные инструменты, поставляемые из-за рубежа - Буйный патриотизм - "Ай-кокусин", 35

III. ПРОБЛЕМА ПРОГРЕССА

Прогрессирует ли Япония? - Счастье как критерий - Деспотичное правление милитаризма - Пустота обычной жизни - Положение женщины - "Великое обучение для женщины" - Развод - Определение прогресса - Несостоятельность гедонистического критерия прогресса, 52

IV. МЕТОД ПРОГРЕССА

Прогресс как современная концепция и идеал - Как был разбит "пирог обычаев" - "Правительство путем обсуждения" - недостаточный принцип прогресса - Две линии

прогресса , идеальная и материальная - Значение приезда Перри в Японию - Влияние на Японию окцидентальных идей - Материальный элемент прогресса - Ошибочное восхваление простоты старой Японии, Л. Хирн - Значение материального элемента цивилизации - Овладение природой - недостаток окцидентальной цивилизации, 61

V. ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЯПОНЦЕВ К ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Наш главный вопрос-Иллюстрации-японские студенты за границей-Чувствительность к насмешкам-Преимущества и недостатки этой характеристики-Национальная чувствительность к иностранной критике-Нагота-Формоза-Психическая и физическая гибкость-Приспособляемость-Некоторые очевидные исключения-Китайские идеографы-Как учесть эти характеристики, 72

VI. ВОЛНЫ ЧУВСТВ-АБДИКАЦИЯ

Японцы эмоциональны - Иллюстрация из политики - Склонность впадать в крайности - Опасность чрезмерного подчеркивания этой склонности - Японцы молчат - Уравновешенные люди в общественной жизни - Отречение - Цитируется Габбинс - Является ли отречение врожденной чертой? 82

VII. ГЕРОИ И ПОКЛОНЕНИЕ ГЕРОЯМ

Популярные национальные герои - тяга к современным героям - проницательность Таунсенда Харриса в отношении восточного характера - поклонение героям как препятствие для миссионерской работы - капитан Джейнс - опыт в Кумамото - "Мудрец из Оми" - "Истинный герой" - моральные герои в Японии - преимущества и недостатки поклонения героям - современные моральные герои - поклонение героям зависит от личности и идеализма - новый социальный порядок порождает новые идеалы и новых героев, 89

VIII. ЛЮБОВЬ К ДЕТАМ

Любовь японцев к детям - Детские праздники - Игрушки и магазины игрушек - Любят ли японцы детей больше, чем американцы - Важность в Японии сохранения семейных уз - Слабость японских семейных уз - Раннее прекращение демонстративной привязанности - Инфантицид, 96

IX. СУПРУЖЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Привязанность между мужем и женой - противопоставление восточной и американской оценки женщины - эта тема легко недопонимается - поцелуи - социальная привычка, неизвестная в Японии - демонстративная привязанность - социальная, а не расовая характеристика - несколько конкретных иллюстраций, д-р. Нисима - личный опыт - незаконнорожденные дети - мошенническая регистрация - усыновление взрослых - развод - моногамия, полигамия и проституция - расовый характер, социальный порядок и привязанности - положение женщин - социальный порядок и привязанности - социальный

порядок и оценка мужчины и женщины - новый социальный порядок и оценка мужчины - распространение христианских идеалов и реорганизация семьи, 102

Х. ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ-ТРУДОЛЮБИЕ-ПРАВДИВОСТЬ-ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТЬ

Японская жизнерадостность - Праздники - Пессимизм существует, но его легко не замечать - Повсеместное присутствие детей создает видимость жизнерадостности - Промышленность - Иллюстрации - Легкость в общении - Социологическая интерпретация - Взаимное доверие и доверчивость - Отношение к общинному феодализму - Изменения в общественном строе и характере - Опыт американского правления в доверии к японской чести - Дошиша и его трудности - Подозрительность - Необходимость при старом общественном строе - Необходимость постоянной осторожности в разговоре, 115

ХІ. РЕВНОСТЬ - МЕСТЬ - ГУМАННЫЕ ЧУВСТВА

Ревность, особенно приписываемая женщинам - Как она связана с социальным порядком - Ограничивается ли ревность женщинами? - Месть - Преподается как моральный долг - Месть и новый социальный порядок - Жестоки ли японцы? - Первые впечатления - Обращение с безумными - О прокаженных - Жестокость и черствость сердца в старой Японии - Буддийское учение и практика - Буддийские и христианские приюты для сирот - Обращение с лошадьми - Питки в старой Японии - Распятие и усечение копьями - Жестокосердие, культивируемое при феодализме - Жестокость и гуманные чувства в Западе - Отмена жестоких обычаев в древности и в старой Японии - Жестокость - социологическая, рост гуманных чувств - врачи и больницы - филантропия, 127

ХІІ. АМБИЦИИ И ТЩЕСЛАВИЕ

Честолюбие, как индивидуальное, так и национальное - "Банда Кумамото" - Самоуверенность и сомнение - определение природы - иллюстрации в использовании английского языка - готовность молодых людей взять на себя серьезную ответственность - продукт социального порядка - предположения о неполноценности простых людей - последствия - современная самоуверенность и предположения не лишены основания - самоуверенность и успех - самоуверенность и физические размеры - молодые люди и новейшая история Японии - самоуверенность и сомнение западных народов - открытость большинства японцев, 137

ХІІІ. ПАТРИОТИЗМ-АПОФЕОЗ-КУРАЖ

"Ямато-дамасии": "Душа Японии" - Патриотизм и недавняя война с Китаем - Патриотизм христианских сирот - Г-н Иши - Патриотизм для человека, а не для страны - Национальный патриотизм - Современный - Страстная преданность императору - Дар 20 000 000 иен императору - Конституция черпает свою власть от императора - Цитата из проф. Ямагучи Японское императорское престолонаследие восточного типа - наложницы и дети царствующего императора - апофеоз, восточный и западный - апофеоз и национальное

единство - политический конфликт между императорским и народным суверенитетом - японский и римский апофеоз - цитата профессора Нэша - мужество - культивировалось в древние времена - особенность японского мужества - "Харакири" - цитата Э. Гриффис цитирует мальчика-героя - Связь мужества с социальным порядком - Японское мужество не только физическое - Современный пример морального мужества, 144

XIV. НЕПОСТОЯНСТВО-СТАБИЛЬНОСТЬ-СТОИЦИЗМ

Иллюстрации непостоянства - проф. Объяснение Чемберлена - непостоянство как современная черта - постоянство цели, несмотря на изменения метода - молодость тех, на ком лежит ответственность - колебания интереса к христианству не являются справедливой иллюстрацией - период колебаний проходит - впечатлительность - "замазанные лица" - различие между глупостью Влияние буддизма на подавление эмоций - Иллюстрация подавленного любопытства - Отсутствие эмоциональных проявлений при появлении на публике - Солидность - социальная, а не расовая черта - Личная жизнь - Влияние буддизма на подавление эмоций - Отсутствие эмоциональных проявлений при появлении на публике - Солидность - социальная, Личный опыт - Повышенная живость христианских женщин - Связь эмоционального развития с интеллектуальным и с социальным порядком, 159

XV. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Широкое развитие эстетического чувства в Японии-Японское эстетическое развитие несбалансировано-Чувство запаха-Живопись-японское искусство уделяет мало внимания человеческой форме-социологическая интерпретация-обнаженная натура в японском искусстве-отношение к социальному порядку-искусство и безнравственность-карикатура-страсть к ненормальному в природе - ненормальные камни - петухи - эстетика речи - эстетическое чувство и использование личных местоимений - недостаток эстетического развития в отношении речи - социологические объяснения - тесная связь эстетики и поведения - социологические объяснения для Широкое развитие эстетического чувства - Классы жили в тесном соседстве - Дух зависимости и подражания - Универсальность культуры более кажущаяся, чем реальная - Дефекты эстетического вкуса - Дефекты этикета - Как объяснить - Старые и новые условия - "Западный вкус унижает японское искусство" - Иллюстрация эстетических дефектов аборигенов - Цветные фотографии - Эстетические дефекты народных святынь - Эстетика музыки - Опыт гавайского народа - Литературное эстетическое развитие - Астон цитирует - Архитектурное эстетическое развитие - Эстетическое развитие скорее социологическое, чем биологическое, 170

XVI. ПАМЯТЬ-ИМИТАЦИЯ

Психологическое единство Востока и Запада - Размер мозга и социальная эволюция - Размер мозга японцев - Память - Изучение китайских иероглифов - Социальный отбор и мнемоническая сила - Японская память в повседневной жизни - Память нецивилизованных и получивилизованных народов - Память индусов - Макс Мюллер цитирует - Усвоение японцами иностранных языков - Аргумент из языка в пользу социального, а не

биологического различия рас - Способность к подражанию; не стоит презирать - Проф. Чрезмерное подчеркивание Чемберленом японского подражания-Оригинальность в принятии конфуцианства и буддизма-"Синсю"- "Ничиренсю"-Принятие китайской философии-Доктор Нокс чрезмерно подчеркивает подневольное принятие-наше невежество в японской истории мысли-Причина непонимания Запада-Инкуб правительственной инициативы-Отношение подражания к социальному порядку, 189

XVII. ОРИГИНАЛЬНОСТЬ-ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ

Оригинальность в искусстве-Авторитетное подавление оригинальности-Цитата Таунсенда Харриса-Подавление христианства и гетеродоксального конфуцианства-Современное подавление исторических исследований-И все же Япония не полностью лишена оригинальности-Недавние открытия и изобретения-Оригинальность в заимствованиях с Запада-Цитаты из местной газеты, 203

XVIII. КОСВЕННОСТЬ - "НОМИНАЛЬНОСТЬ"

"Округлость" - некоторые преимущества этой характеристики - иллюстрации - изучение английского языка для формирования прямых и точных привычек мышления - быстрый современный рост прямоты - "номинальность" - вся история Японии как иллюстрация - императорское правление только номинально - даймё как фигура-глава - "номинальность" в обычной жизни - семейные отношения - иллюстрации в христианской работе - "номинальный" экспресс-поезд - "номинальность" и социальный порядок, 210

XIX. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ

Обладают ли японцы высшими умственными способностями? - Доказательства изобретений - Свидетельства иностранных учителей - Японские студенты, дома и за границей - Готовность к публичной речи - Способность к обобщению в первобытной Японии - "Ри" и "Ки", "Ин" и "Йо" - Использование японцами китайских обобщенных философских терминов - Обобщение и социальный порядок - Дефективное объяснение грубой восточной науки - Отношение к механическому методу обучения - Высокая интеллектуальность в зависимости от социального порядка, 218

XX. ФИЛОСОФСКИЕ СПОСОБНОСТИ

Не хватает ли японцам философских способностей? - Некоторые мнения - Некоторые различия - Интерес японцев к метафизическим проблемам - Буддийская и конфуцианская метафизика - Метафизика и этика - Японские студенты окцидентальной философии - Личный опыт - "Маленький философ" - Буддийский священник - Редкость оригинальных философских способностей и даже интереса - Философские способности и социальный порядок на Западе, 225

XXI. ИМАГИНАЦИЯ

Некоторые критические замечания о ментальных чертах японцев - Широкий диапазон имaginативной деятельности - Некоторые основные моменты - Несбалансированное имaginативное развитие - Прозаическая материя факта - Визионерство - Непрактичный идеализм - Иллюстрации - Евангелист - Директор - Визионерство в христианской работе - Визионерство в национальных амбициях - Имагинация и оптимизм - М-р. Мнение Лоуэлла подвергается критике - Фантазия и воображение - Карикатура - Воображение и подражание - Социологическая интерпретация мечтательности и прозаической фактологии - Коммунизм и высшие умственные способности - Подавление конструктивного воображения - Расовые интеллектуальные характеристики скорее социальные, чем врожденные, 233

XXII. МОРАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ

Преданность и сыновняя почтительность как нравственные идеалы - Цитаты из древних моралистов, Муро Кюсо - О небесном происхождении морального учения - О самоконтроле - Знание приходит через послушание. О самоконтроле - Знание приходит через послушание - О нечистоте древней литературы - Об идеале самурая в связи с торговлей - Старая Япония сочетала статут и этический закон - "Завещание Иэясу" - Осуждение Охаси западного обучения за его нечестивость - Японская мораль идеалы были общинными - Правдивость неразвита - Отношения самурая к торговцу - Стандарты бизнеса меняются вместе с социальным порядком - Древнее презрение оксидентов к торговле - Платон и Аристотель, 249

XXIII. МОРАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ (продолжение)

Социальное положение женщины - Оценка личности - Конфуцианское и буддийское учение о наложничестве и многоженстве - Социологическая интерпретация - Япония не является исключительной - Фактическая мораль старой Японии - Современный рост безнравственности - Замечание о "социальном зле" - Отсутствие древнего учения о мужском целомудрии - Ошибочное утверждение мистера Хирна - Послушание и проституция - Как социальный порядок мог породить два различных моральных идеала? - Новый гражданский кодекс о браке - Развод - Статистика - Современное продвижение женщины - Значение императорской серебряной свадьбы - Свадьба императорского принца - Отношение буддизма и конфуцианства к нравственным идеалам и практике - Новый дух буддизма - Христианское влияние на синто; Тенри Кё - Древние моралисты ограничивали свое внимание правителями - Императорский указ о нравственном воспитании, 258.

XXIV. МОРАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Публичность японской жизни - Общественное купание - Личный опыт на горячих источниках - М-р. Хирн о частной жизни - Инди видуализм и отклонения от моральных стандартов - Стандарты продвигаются - Ревендж - Современная свобода путешествий - Рост богатства - Увеличение роскоши и порока - Увеличение числа наложниц - Туземные дискуссии -

Статистика - Деловая честность - Туземная газета цитируется - Некоторые случаи общения с христианами - Свидетельство японского консула - Различие Разница в подарках буддийским и христианским учреждениям - Христианское осуждение нерационального управления Дошиша - Нецелевое использование трастовых фондов на Западе - Деловая честность и социальный порядок - Соответствие христианства новому социальному порядку - Резюме - Общинные добродетели - Индивидуальные пороки - Авторитет морального идеала - Моральные качества не являются врожденными, но социальны по своей природе, 273

XXV. РЕЛИГИОЗНЫ ЛИ ЯПОНЦЫ?

Мнение профессора Пфлейдерера - определение религии, данное Персивалем Лоуэллом - видимость иррелигиозности японцев, обусловленная многими фактами - скептическое отношение Конфуция к богам - готовность принять западный агностицизм - утверждение профессора Чемберлена, что японцы относятся к религии легкомысленно - высказывания о религии гг. Фукудзава, Като и Ито - Заявления о японской иррелигии не должны быть легкомысленными - Некомпетентность многих критиков - Мы должны изучать все религиозные явления - Паломничества - Статистика - Критика мистера Лоуэлла "перипатетических пикников" - Обязательно ли религия должна быть мрачной - Бог и Будда - Полки универсальные в Японии - Храмы и святыни - Статистика, 286

XXVI. НЕКОТОРЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Стоическое воспитание скрывает религиозные эмоции - Искренность многих сторонников - Буддийская и синтоистская практика религиозного экстаза - Восстание против буддизма как религиозное движение - Муро Кю - цитаты - "Небесный путь" - "Вездесущность Бога" - Пред...Христианские учителя христианской истины-Интерпретация современных иррелигиозных явлений-Японцы очевидный недостаток благоговения-Не врожденная расовая характеристика-Обзор японской религиозной истории-Синто-Буддизм-Конфуцианство-Христианство-Римский католицизм-Протестантизм-Религиозные характеристики являются социальными, а не сущностные или расовые, 296

XXVII. НЕКОТОРЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Японские представления о божестве - Число и отношение богов к вселенной - Была ли у японцев монотеистическая концепция - Привлекательность христианского монотеизма - Конфуцианский и буддийский монизм - Религиозная концепция человека - Концепция греха - Дефектная терминология - Связь греха со спасением - "Святая вода" - Святые полотенца и распространение болезней - Небольшая связь между физическим и моральным загрязнением - В.Э. Гриффис цитирует - Преувеличенная чистота японцев - Общественные купальни - Сознание греха в XVI веке - Недавний опыт - Доктрина будущей жизни - Спасение от судьбы - "Ингва" - Это важные доктрины - "Мэй" (указ Неба) - Япония не уникальна - Социологические интерпретации религиозных характеристик, 310

XXVIII. НЕКОТОРЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ

Преданность и сыновняя почтительность как религиозные феномены - Благородство как черта религии - Цитируемый слух - Неприятный опыт неблагодарности - Современное подавление фаллицизма - Бордели и проститутки при популярных святынях - Неспособность высших этнических конфессий антагонизировать низшие - Подавление фаллицизма из-за западного мнения - Значение этого подавления для социологической теории Это подавление для социологической теории - Религиозная свобода - Немного истории - Непоследовательное отношение Департамента образования - Фактическое установление обязательной государственной религии - Обзор и резюме - Японцы готовы к изучению иностранных религий - Значение этого для социологии - Японская будущая религия должна быть христианством, 322

XXIX. НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Прогресс от меньших к большим сообществам - Арест развития - Необходимость индивидуализма - Отношение общинного и индивидуального развития - Возможное недопонимание - Проблема распределения - Личность, 332

XXX. ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ЯПОНЦЫ БЕЗЛИЧНЫМИ?

Утверждение восточной безличности - Цитаты из Персиваля Лоуэлла - Дефектные и противоречивые определения - Аргументы в пользу безличности, опирающиеся на ошибочные интерпретации - Детские праздники - Акцидентальный и восточный метод подсчета возраста - Аргумент в пользу безличности из японского искусства - Из особенностей японской семьи - Влияние развода на этот аргумент - Японцы "влюбляются"? - Суицид и убийство из-за любви - Одобрение и осуждение "влюбленности" со стороны японцев - Социологическое значение развода и "влюбленности", 344.

XXXI. ЯПОНЕЦ НЕ БЕЗЛИЧЕН

Поставленная проблема - Определения - Замечания по поводу определений - Характеристики личности - Определение безличности - Предварительное резюме - Определения коммунизма и индивидуализма - Аргумент в пользу "безличности" из японской вежливости - Некоторые трудности этой интерпретации - Социологическая интерпретация вежливости - Значение японской чувствительности - Альтруизм как доказательство безличности - Японский эгоизм и самоуверенность - Различие между японцами и японцами. Недостаток личных местоимений как доказательство безличности - возможный контраргумент - заменители личных местоимений - многие личные слова в японском языке - происхождение местоимений, Личные и другие - Отношение социального порядка к использованию личных местоимений - Японцы понимают национальность только через личность - "сильная" и "слабая" личность - Сильные личности в Японии - Феодализм и сильные личности, 356

XXXII. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БУДДИЗМ БЕЗЛИЧНЫМ?

Самодостаточность как доказательство безличности - Самодостаточность нельзя приписывать примитивным людям - Эзотерический буддизм не популярен - Буддизм подчеркивает самоанализ и самосознание - Мр. Лоуэлл об учении Будды-Сознание единения с Абсолютом - развитая, а не примитивная черта-Буддийское самообеспечение доказывает развитую самость-Буддийское самоспасение и христианское спасение верой- Буддизм не развивает округлую личность-Буддизм не приписывает самости никакой ценности-Буддийское милосердие опирается на доктрину переселения, Почему буддизм не приписывает ценности самости - Бесконечная Абсолютная Абстракция - Буддизм не безличен, а абстрактен - Буддийская доктрина иллюзии - Популярный буддизм не философский - Отношение "ингва", судьбы, к развитию личности - Отношение веры в свободу к факту свободы - Социологические последствия буддийской доктрины, 377

XXXIII. СЛЕДЫ ЛИЧНОСТИ В СИНТОИЗМЕ, БУДДИЗМЕ И КОНФУЦИАНСТВЕ

Человеческая нелогичность провиденциальна - Некоторые средства для избежания зла логических выводов - Буддийская фактическая апелляция к личной самоПрактическое конфуцианство противоядие от буддийского яда - Конфуцианская этика породила сильные личности - Личная концепция божества широко распространена - Синтоистские боги все личности - Популярные буддийские боги личности - Конфуцианское "Небо" подразумевает личность - Идея личности не полностью отсутствует на Востоке - Идею божественной личности не трудно привить японцу - Разговор с буддийским священником - Очерк развития японской личности - Присуща ли личность?-Внутренняя и феноменальная личность -Заметка о доктрине личности Бога, 389

XXXIV. БУДДИЙСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Сравнение буддийской, греческой и христианской концепций Бога - Нирвана - абсолютная пустота буддийской конечной реальности - греческое утверждение интеллекта в конечной реальности - христианское утверждение божественной личности - буддийская вселенная частично рациональна и этична - греческая вселенная частично рациональна и этична - соответствующие взгляды на грех, спасение, изменения и историю - результирующий пессимизм и оптимизм - последствия для соответствующих цивилизаций и их социальных порядков, 398

XXXV. ОБЩИННЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭВОЛЮЦИИ ЯПОНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

Японская религиозная жизнь была преимущественно общинной - Синто обеспечивало санкции для социального порядка - Недавнее отречение от Синто как религии - Первобытное

синтоистское мировоззрение - Синто и современная наука - Санкции Синто для современного социального порядка - Буддизм индивидуалистичен - Не имеет социальных идеалов и санкций - Поэтому он не мог вытеснить Синто- Синто и буддизм дополняют друг друга-Произошел период процветания-Дефект буддийского индивидуализма-Императивное принятие синто-Влияние политической истории-Конфуцианство восстановило ослабевающие общинные санкции-Разница между синто и конфуцианскими социальными идеалами и санкциями-Разница между синто и конфуцианским мировоззрением.Разница между синто и конфуцианским мировоззрением - Отвержение конфуцианского социального порядка - Интерпретация - Неспособность конфуцианства стать религией - Западное взаимодействие вновьЗападные интервенции вновь установили санкции синто - Современная религиозная проблема Японии - Трудность сочетания индивидуальных и общинных религиозных элементов - Христианство достигло этого - Индивидуализм в общине и через общину - Современное расширение общинной религии, разделяемое Японией - Некоторые японцы признают необходимость религии для Японии - Социологическая функция индивидуалистической Социологическая функция индивидуалистической религии в высшей человеческой эволюции - Препятствие эволюции через развитие интеллекта - Японский ум перерастает свои старые религиозные представления - Зависимость религиозных явлений от идей, господствующих в обществе - Замечание о национальных и универсальных религиях - Буддизм не правильно классифицировать как универсальный - Классификация религий, 404

XXXVI. КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСТОКА

Вывод, сделанный в этой работе - Вопреки мнению туристов, жителей и многих социологов - Цитируется профессор Ле Бон - Социальные психические характеристики не являются врожденными - Эволюция и инволюция - Сторонники врожденных восточных черт должны каталогизировать эти черты - Попытка лондонской *Daily Mail* - *Является ли Восток* врожденно интуитивным, а Запад логичным?-Трудность взаимного знакомства -Секрет подлинного знакомства -Востоку присуща медитативность, а Западу - активность? - Ориентальное единство и характеристики являются социальными, а не врожденными - Изолированная эволюция является дивергенцией -Взаимное влияние Востока и Запада - Обзорное изложение, 422

XXXVII. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Обзор хода наших мыслей - Цель данной главы - Проблема, изучаемая в данной работе - Взаимосвязь социальных и психических явлений - Определение и анализ эмерджентности - Определение эволюции - Точное определение нашего вопроса, и наш ответ-Каким будет адекватное опровержение нашей позиции-Причины ограничения дискуссии продвинутыми расами-Дивергентная эволюция, зависящая от сегрегации-Различие между расовой и социальной общностью-Связь индивидуального психического характера с социальным порядком-"Расовая душа" удобная фикция-Психическая функция производит психический организм-Причины и природа пластичности и фиксированности общества-Связь воплощенных идей с характером и судьбой-Бесценность "плавающих" идей-Прогресс одновременно общинный и индивидуальный-Личность - его причина, Прогресс личности

ВВЕДЕНИЕ

Трагедия, разыгравшаяся в Китае в последний год девятнадцатого века, знаменует собой эпоху в истории Китая и всего мира. Два мировоззрения, два типа цивилизации столкнулись в смертельном конфликте, и выявилась слабость, присущая изолированному, запоздалому, суеверному и развращенному язычеству. Более того, во время этого китайского кризиса Япония впервые вышла на мировую арену политической и военной активности. Она была признана цивилизованной нацией, достойной разделить с великими народами Земли ответственность за управление беззаконными и отсталыми расами.

Правильность любой интерпретации значения этого конфликта между противоборствующими цивилизациями зависит, в конечном счете, от вопроса о том, какова реальная природа человека и общества. Если верно утверждение профессора Ле Бона и его школы, что умственный и моральный характер народа столь же фиксирован, как и его физиологические характеристики, то конфликт в Китае - это, по сути, конфликт рас, а не цивилизаций.

Неадекватность физиологической теории национального характера можно увидеть почти сразу, взглянув на Японию. Если бы восточный человек был обязательно и неизменно восточным, то для Японии было бы невозможно вступить в столь тесный и сочувственный контакт с Западом.

Конфликт Востока с Западом, однако, не является врожденным и бесконечным конфликтом, потому что он не расовый, а цивилизационный. Это конфликт мировоззрений, систем мышления и жизни. Это конфликт языческой и христианской цивилизаций. И этот конфликт закончится, как только Китай очнется от своей слепоты и начнет строить свой национальный храм на фундаменте вселенской истины и праведности. В Японии конфликт практически исчерпан, потому что она сделала это. Преданно принимая науку, народное образование и права каждого человека на равную защиту со стороны правительства, Япония приняла фундаментальные концепции цивилизации, которых придерживается Запад, и таким образом стала неотъемлемой частью христианства, что имеет всемирное значение. Он доказывает, что самые важные различия, разделяющие сейчас великие расы людей, носят цивилизационный, а не физиологический характер. Он также доказывает, что европейские, американские и восточные народы могут быть одержимы одними и теми же великими идеалами жизни и принципами действия, позволяющими им сотрудничать как нации в великих движениях к их взаимной выгоде.

Хотя даже нам, жителям Запада, еще долго предстоит постигать все значение того, что происходило и продолжает происходить в Японии и, что особенно заметно сейчас, потому что более трагично, в Китае, ясно одно: пар и электричество навсегда ликвидировали старую изоляцию наций.

Разделенные ветви человеческой расы, которые на протяжении тысячелетий претерпевали дивергентную эволюцию, порождая радикально разные языки, обычаи, цивилизации, системы мышления и мировоззрения, и привели даже к заметным физиологическим и психологическим различиям, сегодня вступают в тесный контакт и неизбежный конфликт. Но в основе своей это конфликт идей, а не рас. Эпоха изоляции и дивергентной эволюции

уходит в прошлое, и начинается эпоха международного объединения и конвергентной социальной эволюции. Те расы и нации, которые отказываются признать новый социальный порядок и противостоят космическому процессу и его силам, несомненно, будут прижаты к стенке и прекратят свое существование как независимые нации, подобно тому как в древности племена, отказавшиеся объединиться с соседними племенами, были в конце концов покорены теми, кто объединился.

Всеобщее экономическое, политическое, интеллектуальное, моральное и религиозное взаимодействие - вот характеристика нового эона, в который мы вступаем. Каковы будут окончательные последствия этого широкого общения? Может ли народ изменить свой характер? Может ли нация, полностью овладевшая одним типом цивилизации, отказаться от него и принять другой, радикально отличный? Есть ли у рас "души", которые неизменны и неспособны к радикальным преобразованиям? Что произошло в Японии - глубокое или лишь поверхностное изменение психического характера? Определены ли уже судьбы восточных рас?

Ответы на эти вопросы уже были предложены в предыдущих параграфах в отношении того, что уже произошло в Японии. Но мы можем добавить, что ответ на этот вопрос зависит от нашего представления о природе характеристик, отделяющих Восток от Запада. В той мере, в какой национальный характер считается биологическим, он будет считаться фиксированным, а национальная судьба - предопределенной. В той мере, в какой он считается социологическим, он будет считаться изменчивым, а национальная судьба - подвластной новым социальным силам. Теперь, когда общение представителей разных рас началось в невиданных ранее масштабах, нам очень важно знать его возможные последствия. Для этого нам необходимо получить четкое представление о природе как отдельного человека, так и общества, об отношении социального порядка к индивидуальному и расовому характеру, о законах, регулирующих социальную эволюцию, и о силах, ее вызывающих. Только таким образом мы можем предсказать вероятный ход и последствия свободного социального общения между сильно различающимися расами.

По мнению писателя, немногие страны могут служить столь наглядной иллюстрацией принципов, заложенных в социальной эволюции, как Япония. Ее развитие было настолько быстрым и недавним, что проявились некоторые принципы, которые в противном случае могли бы легко ускользнуть от внимания. Важность понимания Японии, из-за света, который ее недавние преобразования бросают на тему социальной эволюции и национального характера, а также из-за заметной роли, которую она призвана играть в качестве естественного лидера восточных рас в их принятии окцидентальных способов жизни и мышления, оправдывает тщательное изучение японского характера. Тот, кто действительно понял Японию, получил волшебный ключ к разгадке социальных тайн Китая и всего Востока. Но японский народ, с его институтами и различными характеристиками, заслуживает тщательного изучения и ради него самого. Ведь японцы представляют собой чрезвычайно интересную и даже уникальную ветвь человеческой расы. Япония - это не чистилище, как считают одни, и не рай, как утверждают другие, а страна, полная людей, находящихся на интересной стадии социальной эволюции.

Современные мнения о Японии, однако, столь же любопытны, сколь и противоречивы. Сэр Эдвин Арнольд говорит, что японцы "имеют природу скорее птиц или бабочек, чем обычных человеческих существ". Г-н А.М. Кнапп говорит: "Япония - единственная страна в мире, которая не разочаровывает... Это, несомненно, уникальная нация земного шара, страна мечты и очарования, земля, которая вряд ли могла бы отличаться от нашей собственной, если бы находилась на другой планете, а ее люди были бы не от мира сего". Однако один

"старожил" называет ее "страной разочарований". Мало найдется явлений более любопытных, чем готовность, с которой турист или профессиональный журналист после нескольких дней или недель осмотра достопримечательностей и взятия интервью составляет свое мнение о характере людей, если только речь не идет о том, как некоторые другие, прожившие в этой стране несколько лет, продолжают жить в своей собственной стране грез. Эти два класса писателей являются главными поставщиками материала для всеядных читателей Запада.

Немногим из тех, кто прожил много лет в этой дальневосточной стране, кажется, что общественность питается мечтами поэтов или беглыми суждениями туристов, а не фактами из реального опыта. Недавняя редакционная статья в газете *"Джапан Мейл"*, редактора которой мало кто знал японский народ и язык, содержит следующий абзац:

"В случае таких писателей, как сэр Эдвин Арнольд и мистер Лафкадио Хирн, совершенно очевидно, что логический факультет находится в забвении. Воображение господствует. Как поэтические ночи или всплески, работы этих авторов о Японии - восхитительное чтение. Но никто из тех, кто изучал японцев более глубоко, благодаря более тесному ежедневному общению со всеми слоями населения, чем те, на которые претендует любой из этих писателей, не может считать большую часть их описаний чем-то большим, чем приятная фантазия. Оба они дали волю поэтической фантазии и таким образом, с чисто литературной точки зрения, добились успеха, который дается немногим..... Но как выразители японской жизни и мысли они ненадежны..... Они придали форму и красоту многому, что никогда не существовало, кроме как в смутных очертаниях или в неразвитых зародышах в японском сознании. При этом они неизбежно были виновны в искажении информации..... Японская нация Арнольда и Хирна - это не та нация, которую мы знаем уже четверть века, а чисто идеальная, созданная в мозгу автора. Давно пора обратить на это внимание. Ибо в то время как подобные произведения радуют определенную часть английской публики, они наносят огромный вред части японской публики, что можно было бы легко показать в деталях, если бы позволило место."-*Japan Mail*, 7 мая 1898 года.

Но еще больший вред читающей публике Англии и Америки наносят наспех составленные, но, тем не менее, широко публикуемые мнения туристов и газетных корреспондентов. Если бы такие авторы осознавали неизбежность ограничений, в которых они видят и пытаются обобщать, мир был бы избавлен от многих грубостей и преувеличений, не говоря уже о положительных ошибках. Распространенное сегодня впечатление, что последние события в Японии аномальны и даже противоречат законам национального роста, вызвано главным образом поверхностными писаниями поспешных наблюдателей. Мало кто из тех, кто восторженно отзывается о ее недавнем росте, понимает историю или гений ее народа.

"Вот лишь один из многих примеров, - говорит профессор Чемберлен, - гениальный комиссар-путешественник из *"Pall Mall Gazette"*, мистер Генри Норман, в своих оживленных письмах о Японии, опубликованных девять или десять лет назад, рассказывает историю японского образования под привлекательным названием "Нация в школе"; но впечатление остается такое, что они сами были своими школьными учителями". В другом письме, посвященном "Японии в оружии", он рассказывает о "японских военных реорганизаторах", "верфи Йокосука" и других вопросах, но не упоминает, что реорганизаторы были французами, и что верфь Йокосука также была французским творением. Точно так же, рассказывая о развитии японской газеты, он игнорирует тот факт, что она обязана своим происхождением англичанину, что, несомненно, для человека, объектом которого была

реальность, должно было казаться предметом, достойным упоминания. Эти письма, такие полные и внешне откровенные, на самом деле такие обманчивые, являются, как мы уже говорили, лишь одним из примеров того, как популярные писатели о Японии искажают историю, игнорируя ту роль, которую сыграли в ней иностранцы. Причины этого искать далеко не надо. Чудесная сказка будет радовать людей на расстоянии тем лучше, если она станет еще чудеснее. Японский прогресс, прослеженный до его причин и объясненный ссылками на использованные средства, - не столь увлекательное чтение, как если бы он был представлен в виде сказочного творения, возникшего из ничего, как дворец Аладдина" - *"Things Japanese," p. 116.*

Но межрасовое непонимание, в конце концов, не так уж странно. Мало что может быть сложнее, чем приспособить себя в речи, в методах жизни и даже в мыслях к чужому народу; так отождествить свои глубочайшие интересы с их интересами, чтобы действительно понять их. Умы большинства людей настолько одержимы представлениями, приобретенными в детстве и юности, что не способны увидеть даже самые очевидные факты, противоречащие этим представлениям. Тот, кто приезжает в Японию, одержимый идеей, что это страна грез и что ее старый общественный строй был свободен от недостатков, слеп к любым важным фактам, опровергающим эту концепцию; в то время как того, кто убежден, что Япония, будучи восточной, обязательно языческая в душе, хотя и цивилизованная по форме, нелегко убедить, что в ее старой цивилизации, в ее моральной или религиозной жизни или в любых ее обычаях есть что-то достойное похвалы.

Если Франция не может в важных отношениях понять Англию, Англия - Германию, Германия - своих соседей, если даже Англия и Америка могут настолько не понимать друг друга, что находятся на грани войны из-за пограничного спора чужой страны, то какая надежда на то, что Запад поймет Восток, а Восток - Запад?

Хотя трудность кажется непреодолимой, я убежден, что самой плодотворной причиной расового непонимания и неполноценных описаний как Запада восточными людьми, так и Востока оксидентами является почти всеобщее заблуждение относительно природы человека и общества, а следовательно, и законов, определяющих их развитие. На Востоке это заблуждение проистекает из его политеизма и сопутствующих ему теорий особого национального творения и особой национальной святости. На этих основаниях чужие расы объявляются обязательно низшими. Презрение Китая к иностранцам объясняется именно этими идеями.

Хотя на Западе от этих языческих представлений теоретически отказались, они все еще доминируют в мышлении не только широких масс, но и многих людей, гордящихся своим высоким образованием и либеральными настроениями. В поддержку своей национальной или расовой гордости они приводят такие современные социологические теории, которые подтверждают эту точку зрения. Эволюция и выживание сильнейших, дегенерация и остановка развития - все это апеллирует к высокомерию и господствующему духу западных наций.

Но самая тонкая и научная доктрина, к которой апеллируют в поддержку национальной гордости, - это биологическая концепция общества. Популярные авторы полагают, что общество - это биологический организм и что законы его эволюции, следовательно, биологические. В этом нет ничего странного, ведь до недавнего времени у самых продвинутых профессиональных социологов преобладало то же самое заблуждение. Спенсер, например, считает социологию отраслью биологии. Однако более поздние социологи, такие как профессора Гиддингс и Фэрбенкс, с особым старанием утверждают

психический характер общества; они отвергают биологическую концепцию, как неадекватную для выражения реальной природы общества. Биологическая концепция, настаивают они, - это не более чем сравнение, полезное для выявления определенных черт социальной жизни и структуры, но вредное, если понимать его как их полное изложение. Законы психической деятельности и развития так же сильно отличаются от законов биологической деятельности и развития, как эти последние отличаются от законов, действующих в химическом мире. Если бы законы, регулирующие психическое развитие и прогресс цивилизации, были понятны популярным писателям о Японии, и если бы недавний прогресс Японии был изложен в терминах этих законов, на Западе не было бы столько мистификации в этом вопросе, сколько, очевидно, было. Не казалось бы, что Япония "выскочила из кожи вон" или внезапно вырвалась из наследственности прошлых тысячелетий своего развития. Такое широкое непонимание Японии объясняется не только тем, что "японский прогресс, прослеженный до его причин и объясненный с учетом использованных средств, не является столь увлекательным чтением, как если бы он был представлен в виде творения феи", но и все еще популярным мнением, что социальный организм является биологическим и подчиняется законам биологической эволюции. Исходя из этого, одни считают, что прогресс Японии, каким бы он ни казался, на самом деле поверхностный, а другие представляют его как некий обход законов, регулирующих развитие других рас. Характер и особенности нации считаются продуктом структуры мозга; они могут меняться только по мере изменения структуры мозга. Считается, что мозг определяет цивилизацию, а не цивилизация - мозг. Погруженные в это ущербное представление, популярные писатели неизбежно описывают Японию Западу в терминах, которые неизбежно искажают ее, и в то же время потворствуют окцидентальной гордости и предрассудкам.

Но это непонимание Японии обнаруживает столь же глубокое непонимание нас самих. Предполагается, что окцидентальные народы стали такими, какими они являются в цивилизации, и достигли своих высоких достижений в теоретической и прикладной науке, в философии и практической политике, благодаря своим уникальным мозговым структурам, мозгам, созданным в ходе тысячелетий биологической эволюции. Следующее утверждение может показаться ересью среднему социологу, но мои исследования привели меня к мысли, что основные различия между великими расами человечества на сегодняшний день обусловлены не биологическими, а социальными условиями; это не физико-психологические, а лишь социально-психологические различия. Англосакс является тем, кто он есть, благодаря своей социальной наследственности, а китаец - тем, кто он есть, благодаря своей социальной наследственности. Глубокое различие между социальной и физиологической наследственностью и эволюцией не оценено по достоинству лишь некоторыми из последних социологических авторов. То, что ассоциация, социальная сегрегация и социальная наследственность играют роль не только в сохранении некогда развитых языков и цивилизаций, но даже в их генезисе, обычно упускается из виду.

Но еще более важным фактором в детерминации социальной и психической эволюции, обычно не признаваемым социологами, является природа и функции личности. Хотя в последние годы она время от времени упоминается несколькими выдающимися авторами, личность как принцип не стала ядром ни одной системы социологии. Однако, по моему мнению, это отличительная характеристика человеческой эволюции и человеческих ассоциаций, и, соответственно, она должна быть основополагающим принципом социальной науки. Многие авторы, пишущие о Востоке, подчеркивают то, что они называют его "безличными" характеристиками. Эта тема настолько важна, что я подробно рассмотрел ее в основной части данной работы.

Социологические явления не могут быть полностью выражены никаким сочетанием исключительно физических, биологических и психических терминов, поскольку значимый элемент человека и общества состоит из чего-то большего, чем они, а именно - из личности. Именно это отличает эволюцию человека от эволюции животных. Единицей человеческой социологии является самосознающее, самоопределяющееся существо. Причинным фактором социальной эволюции человека является его личность. Цель этой эволюции - развитая личность. Личность, таким образом, является одновременно причиной и целью социального прогресса. Условия, которые влияют на прогресс или определяют его, - это условия, которые влияют на личность или определяют ее.

Биологическая эволюция человека из животного, правда, откровенно предполагается в этой работе. Никаких попыток обосновать это предположение не предпринимается. Однако пусть читатель не делает вывод, что автор аналогичным образом предполагает адекватность так называемого натуралистического или эволюционного происхождения этики, религии или даже социального прогресса. Можно сомневаться, что Дарвин, Уоллес, Ле Конт или любой другой представитель биологической эволюции до сих пор не дал полного изложения факторов физиологической эволюции человека. Однако несомненно, что этические, религиозные и социальные писатели, которые пытались объяснить высшую эволюцию человека, апеллируя к факторам, исключительно параллельным тем, которые привели к физиологической эволюции человека, потерпели заметную неудачу. Сколько бы мы ни находили похвалы в социальных интерпретациях таких выдающихся писателей, как Комт, Спенсер, Уорд, Фиск, Гиддингс, Кидд, Сазерленд или даже Драммонд, все равно остается необходимость более полного рассмотрения моральной и религиозной эволюции человека. Высшая эволюция человека не может быть адекватно выражена или даже понята в более низких терминах, чем термины личности.

ЭВОЛЮЦИЯ ЯПОНЦЕВ

I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Один образованный и начитанный англичанин сказал писателю в Оксфорде: "Не могли бы вы объяснить мне, как это японцам удалось выпрыгнуть из своей шкуры?" А не менее вдумчивый американец, говоря о последних достижениях Японии в области цивилизации, утверждал, что этот прогресс не может быть настоящим и неподдельным. "Как может такой грибной рост, обязательно не имеющий глубоких корней в прошлом, быть реальным, сильным и постоянным? Как он может избежать того, чтобы быть в основном поверхностным?" Эти два человека являются типичными представителями западной мысли в отношении Японии.

Редко, пожалуй, никогда цивилизованный мир так внезапно и полностью не менял оценку нации, как в случае с Японией. До недавней войны для большинства даже достаточно образованных людей Япония была не более чем названием нескольких небольших островов вблизи Китая, чей народ был своеобразным и интересным. Сегодня, вероятно, нет ни одного мужчины, женщины или ребенка, посещающего школу в любой части цивилизованного

мира, который не знал бы основных фактов о недавней войне: как маленькая страна и люди маленького роста, которых их враги язвительно называли "вохен", пигмеи, напали на армию и флот страны, в десять раз превышающей их по размерам.

Такое всеобщее изменение мнения о нации, особенно о такой удаленной от центров западной цивилизации, как Япония, не могло произойти ни в одном предыдущем поколении. Телеграф, ежедневная газета, умные репортеры и авторы книг и журнальных статей, быстрый паровой транспорт и множество путешественников - все это сделало возможным такое внезапное приобретение знаний и поразительный разворот мнений.

Однако есть основания полагать, что в отношении Японии и ее рывка к власти и мировому престижу все еще существует много заблуждений и настоящего невежества. Многие считают, что Япония начала свою новую карьеру, отказавшись от своей старой цивилизации и переняв западную, что победы на море и на суше, в Корее, в Порт-Артуре и Вэй-хай-вэе, а также недавно в Тяньцзине и Пекине, были исключительно заслугой ее вестернизированного флота и армии. Такие люди свободно признают, что этот процесс вестернизации происходил в течение многих лет быстрее, чем это было известно всему миру, и что, следовательно, репутация Японии перед войной не соответствовала ее реальным достижениям. Но они полагают, что в старой цивилизации не было ничего важного, что она мало чем превосходила организованное варварство.

Эти люди воспринимают изменения, произошедшие в Японии за последние тридцать лет, как революцию, а не как эволюцию; как отказ от старой и принятие новой цивилизации. Они считают, что старое дерево цивилизации было срублено и брошено в огонь, а новое дерево было завезено с Запада и посажено на японскую землю. Новая Япония, с этой точки зрения, и есть новое дерево.

Не так давно я слышал о богатой семье в Киото, которая не приняла так называемых улучшений, привезенных из-за границы, и, следовательно, продолжала пользоваться инструментами старой цивилизации. Даже такое удобство, как керосиновая лампа, которая теперь повсеместно используется в стране Восходящего солнца, эта семья отказывалась принимать в своем доме, предпочитая старый добрый андон с его растительным маслом, тусклым светом и мерцающим пламенем. Однако недавно в городе была организована компания по производству электрических фонарей, и этот яркий осветительный прибор появился не только на улицах и магазинах, но и во многих частных домах. Вскоре после его появления семья убедилась в превосходстве нового метода освещения и одним прыжком перешла от фонаря старого образца к новейшему продукту девятнадцатого века. Этот случай считается типичным для преобразований, характерных для современной Японии. Предполагается, что Новая Япония ни в коем случае не является законным продуктом эволюции Старой Японии.

Таким образом, в важных аспектах Япония, похоже, противоречит нашим теориям национального роста. Мы считали, что ни одна "языческая" нация не может обрести, а тем более овладеть, без помощи западных людей, силами цивилизованного христианства. Мы также считали, что национальный рост - это медленный процесс, постепенная эволюция, растянувшаяся на десятки и столетия лет. В обоих отношениях наши теории, похоже, ошибочны. Эта "маленькая нация маленьких людей", которую мы с такой готовностью осуждали как "языческую" и "нецивилизованную" и, таким образом, презирали или игнорировали, за одно поколение вырвалась на передний план мирового внимания.

Неужели наши теории ошибочны? Является ли Япония исключением? Верны ли наши факты? Мы инстинктивно чувствуем, что в чем-то виноваты. Нас не устраивает обычное объяснение

новейшей истории Японии. Возможно, мы готовы признать, что "отказ от старого и принятие западной цивилизации" - лучшее утверждение, объясняющее новое могущество Японии и ее новое положение среди наций, но когда мы останавливаемся, чтобы подумать, мы спрашиваем, объяснили ли мы таким образом то, для чего искали объяснение? Разве не остаются вопросы: почему японцы так внезапно отказались от восточной цивилизации в пользу западной? Какие ментальные и прочие черты позволили народу, который, согласно предположению, был далек от цивилизации, так внезапно ухватиться и овладеть цивилизацией, совершенно чуждой по характеру и превосходящей их собственную; цивилизацией, созревшей после тысячелетий развития арийской расы? И как далеко, собственно говоря, зашла эта ассимиляция? Только после того, как на эти вопросы были получены реальные ответы, было найдено объяснение, так что, в конце концов, первопричину, которую мы должны искать, следует искать не во внешней среде, а скорее во внутренних качествах.

Попытка понять древнюю историю Японии сталкивается с той же проблемой, что и ее современная история. Какие ментальные характеристики заставили японцев тысячу лет назад так впитать китайскую цивилизацию, философию и язык, что их собственная цивилизация оказалась надолго остановленной? Какие религиозные черты привели их к тому, что они переняли религию из Китая и Индии, а их собственная религия так и не вышла за пределы самого примитивного развития ни в доктрине, ни в этике, ни в ритуале, ни в организации? С другой стороны, какие ментальные особенности позволили им сохранить свою национальную независимость и так видоизменить все, что было привнесено из-за границы, от слов нового языка до философии новых религий, что японская цивилизация, язык и религия заметно отличаются от китайской? Почему, хотя японцы настолько попали в рабство китайского языка, что навсегда поработили и заглушили свой собственный прекрасный язык, выражая доминирующую мысль каждого предложения иероглифами (идеограммами), заимствованными из Китая, они в то же время так преобразовали заимствованное, что ни один китаец не может прочесть и понять японскую книгу или газету?

Те же вопросы возникают и в новый период национальной жизни Японии. Почему она так легко отказалась от вековых обычаев? Почему Япония отправила тысячи своих студентов в эти западные страны, чтобы они увидели, изучили и привезли оттуда все хорошее, а Китай так и остался в состоянии самоуспокоения, не видя ничего хорошего в Западе и его путях? Утверждать, что разница обусловлена только окружающей средой, невозможно, так как среда, по сути, одна и та же. Разница в отношении и действиях должна быть связана, по-видимому, с различиями в психических и темпераментных характеристиках. Те, которые пытаются понять секрет недавно завоеванного могущества и репутации Японии, просто глядя на ее недавно приобретенные формы правления, ее реконструированную национальную социальную структуру, ее недавно построенные автомобильные и железные дороги, телеграф, представительное правительство и т.д., и особенно на ее армию и флот, организованные по европейским образцам и вооруженные европейским оружием, не отличаются от тех, кто хотел бы открыть секрет человеческой жизни путем изучения анатомии.

Поэтому такой внешний взгляд и такой метод интерпретации в корне ошибочны. Никогда, пожалуй, прогресс нации не был столь явно эволюцией в отличие от революции. Ни один иностранный завоеватель не приходил со своими армиями, сокрушая старую и возводя новую цивилизацию. Ни один волшебник не взмахнул палочкой над землей, чтобы заставить народ забыть традиции тысячелетней давности и присоединиться к традициям нового режима. Не было проведено ни одного обряда или заклинания, чтобы очаровать чудесное

дерево цивилизации и заставить его пустить корни и вырасти до столь высоких размеров на неподготовленной почве.

В противоположность ущербным взглядам, изложенным выше, можно без колебаний считать, что процесс превращения старой Японии в новую совершенно естественен и необходим. Это был непрерывный рост; он не является простым накоплением внешних добавлений; он не состоит только из приобретения техники и институтов Запада. Это скорее развитие изнутри, основанное на уже существующих идеях и институтах. Новая Япония - это следствие ее старых способностей и нового окружения. Ее эволюция идет полным ходом, и можно проследить на протяжении как минимум полутора тысячелетий, в течение которых она готовилась к этому последнему шагу. Все, что было необходимо для его совершения, - это новая среда. Правильность этой точки зрения и ее причины станут очевидны по мере того, как мы будем продолжать изучение японских особенностей. Но сейчас мы должны отметить опасность, в которую впадают многие, приписывая Японии достижение западной цивилизации, которое не подтверждается фактами. Она получила многое, но далеко не все, что может дать Запад.

Мы можем предложить свою линию размышлений, спросив, что является основополагающим элементом цивилизации? Состоит ли он в разнообразных приспособлениях, которые делают жизнь роскошной: железная дорога, телеграф, почта, мануфактуры, бесконечное разнообразие механических и других удобств? Или же это скорее социальное, интеллектуальное и этическое состояние народа? Очевидно, последнее. Инструменты цивилизации могут быть импортированы в полуцивилизованную или варварскую страну; такой импорт, однако, не сделает страну цивилизованной, хотя и может значительно помочь в достижении этого результата. Цивилизация - умственная, социальная и этическая - может возникнуть только благодаря росту ума и характера огромного количества людей, населяющих страну. Импортировала ли Япония только инструменты цивилизации? Другими словами, является ли ее новая цивилизация только внешней, формальной, номинальной, нереальной? То, что она многое импортировала, - правда. Но то, что ее достижения и прогресс зависят от ее социального, интеллектуального и этического развития, будет становиться все более очевидным по мере того, как мы будем переходить к последующим главам. В новых условиях последних пятидесяти лет этот рост, особенно в интеллектуальной, промышленной и политической сферах, был чрезвычайно быстрым по сравнению с ростом других народов.

Эта концепция возвышения Новой Японии, несомненно, понравится каждому образованному человеку, который позволит своей мысли остановиться на этой теме. Ведь весь человеческий прогресс, вся органическая эволюция происходят путем прогрессивного изменения старых органов в новых условиях. Современный локомотив не возник в голове Джеймса Уатта; это результат тысячелетнего человеческого опыта и последующей эволюции, начавшейся, возможно, с катящегося бревна, превратившегося в грубую телегу, и постепенно преобразованного последовательными изобретениями, пока он не стал одним из чудес девятнадцатого века. Для тех, кто достиг точки зрения современной науки, невозможно представить себе прерывистый прогресс; постоянно растущие типы бытия, мышления или моральной жизни, в которых высшее не находит своего основания и корня, а значит, и важной части своего объяснения, в низшем. Так обстоит дело не только с биологической эволюцией; это особенно верно в отношении социальной эволюции. Тот, кто хочет понять современную Японию, не может ограничиться лишь утверждением, что перенятие ею инструментов и материалов западной цивилизации обеспечило ей нынешнее могущество и место среди наций. Студент, обладающий исторической проницательностью,

знает, что невозможно, чтобы один народ просто так, без подготовки, "перенял цивилизацию" другого.

Изучение эволюции Японии представляет необычный интерес, во-первых, потому, что Япония пережила столь уникальные изменения в своей среде. Ее история проливает свет на некоторые принципы эволюции, которые визуальное развитие народа не делает столь очевидными.

Во-вторых, Новая Япония находится в состоянии быстрого роста. Она находится в критическом периоде, напоминающем юношу, только что вступившего в пору зрелости, когда все силы роста наиболее энергичны. Тогда скрытые качества тела, ума и сердца прорываются наружу с особой силой. За четыре-пять коротких лет зеленый мальчик превращается в утонченного и благородного мужчину, а легкомысленная девочка - в полную зрелость женственности и материнства. Именно эти годы представляют особый интерес для тех, кто хочет понаблюдать за природой в ее самый ответственный период.

Не иначе обстоит дело и в жизни народов. Бывают времена, когда их рост феноменально быстр; когда развиваются их скрытые качества; когда за их ростом можно наблюдать с особой легкостью и восторгом, потому что он так быстр. Таким периодом в Европе было Возрождение. Современное искусство, наука и философия взяли свое начало с пробуждением разума Европы в тот богатый событиями и эпохальный период ее жизни. Таково, как я понимаю, состояние Японии сегодня. Она "рождается заново", переживает свой "ренессанс". Ее интеллект, до сих пор в значительной степени дремлющий, только сейчас пробуждается. Ее амбиции равны только ее уверенности в себе. Ее самоуверенность и потрясающие ожидания еще не отрезвлены тяжелым опытом. Ни она сама, ни ее критики не знают, как много она может или не может сделать. Она находится в первом расцвете своих вновь обретенных сил; сил разума и духа, а также физической силы. Ее мечты переливаются всеми цветами радуги. Ее усилия обязательно будут благородными в той мере, в какой высоки ее амбиции. Рост за последние полвека - это только начало того, что мы можем ожидать.

Кроме того, этот последний и величайший шаг в развитии Японии произошел в беспрецедентное по возможностям наблюдения время, под ярким светом девятнадцатого века, с его тысячами образованных людей, наблюдающих и фиксирующих факты, многие из которых являются активными участниками происходящей эволюции. Сотни газет и журналов, отечественных и европейских, которые читают десятки тысяч умных мужчин и женщин, держат мир в курсе ежедневных и ежечасных событий. Телеграфные депеши и письма миллионами проходят между далеким Востоком и Западом. Кажется, будто модернизация Японии была предусмотрительно отложена до последней половины девятнадцатого века с его паром и электричеством, уничтожителями пространства и времени, чтобы ее эволюцию можно было изучать с такой тщательностью, которая была невозможна ни в один предыдущий век, ни одним предыдущим поколением. Это почти как если бы человек проводил эксперимент по эволюции человека в своей собственной лаборатории, навязывая условия и отмечая результаты.

По другой причине эволюция Новой Японии представляет особый интерес для всех разумных людей. Чтобы проиллюстрировать великое малым, а человека - физическим, ни один человек, побывавший в Женеве, не видел прекрасного слияния Арве и Роны. Последняя вытекает из спокойного Женевского озера нежно-голубого цвета, чистая и прозрачная. Первая, вытекающая прямо из ледников Монблана и ревущего русла Шамуни, несет в своих стремительных водах измельченные камни и разрыхленную почву. Эти реки,

хотя и соединяются в одном русле на протяжении сотен прутьев, совершенно различны: одна - мутная, другая - прозрачная, как хрусталь; тем не менее они прижимаются друг к другу, и теперь немного прозрачной Роны вливается в Арве, чтобы вскоре быть унесенной, поглощенной и обесцвеченной массой мутной воды вокруг нее. Теперь немного мутной Арве попадает в прозрачную голубую Рону, чтобы там потерять свою идентичность в окружающих водах. Чередование продолжается, увеличиваясь с расстоянием, пока на много миль ниже обе реки не сливаются в одну. Это уже не Арве или старая Рона, а новая Рона.

В Японии сегодня происходит уникальный в истории человечества процесс. Два потока цивилизации - дальневосточный и дальнезападный - начинают течь в одном русле. Эти потоки очень разные: по социальной структуре, по управлению, по моральным идеалам и нормам, по религии, по психологическим и метафизическим концепциям. Смогут ли они жить вместе? Или один вытеснит и уничтожит другой? Если да, то кто победит? Или произойдет модификация обоих? Другими словами, должна ли возникнуть новая цивилизация - японская, оксиденто-ориентальная?

Ответ очевиден для тех, у кого есть глаза, чтобы видеть. Может ли эфиоп сменить свою кожу или леопард - свои пятна? Не более чем Япония может потерять все следы унаследованных обычаев повседневной жизни, привычек мышления и языка, продуктов тысячелетнего обучения китайской литературе, буддийской доктрине и конфуцианской этике. То, что "мальчик - отец мужчины", справедливо для нации не меньше, чем для отдельного человека. От того, какими были привычки мышления, цели и дух юноши и их проявление в действиях, во многом зависит его дальнейшая жизнь. Подобным образом ментальная и моральная история Японии наложила такую печать определенных черт на ее язык, на ее мышление и, прежде всего, на ее темперамент и характер, что, как бы она ни стремилась к вестернизации, ей не удастся стереть свои восточные черты. Она неизбежно и навсегда останется японкой.

Япония уже породила оксиденто-ориентальную цивилизацию. Время будет постепенно способствовать ее оксидентализации. Но нет никаких оснований думать, что она когда-либо станет полностью оксидентализированной. Западный человек, посещающий Японию, всегда будет впечатлен ее восточными чертами, в то время как азиат будет впечатлен ее оксидентальными чертами. Эта постепенная оксидентализация Японии будет происходить по законам социальной эволюции, о которых мы поговорим несколько подробнее в одной из следующих глав.

Важным вопросом, затрагивающим эту проблему, является точный характер характеристик, отличающих Запад от Востока. Что именно мы имеем в виду, когда говорим, что японцы - восточные люди и всегда будут нести следы Востока в своей цивилизации, сколько бы они ни впитали от Запада? Важность и сложность этого вопроса заставили писателя отложить его рассмотрение до конца данной работы.

Для того чтобы получить адекватное представление о происходящем сейчас процессе, уже использованную иллюстрацию слияния двух рек необходимо дополнить другой, соответствующей отдельному классу фактов. Вместо слияния рек давайте понаблюдаем за слиянием двух ледников. Какое давление! Какие перемалывания! Какие потрясения! Какие разрывы! Таково слияние двух цивилизаций. Оно не проходит гладко и бесшумно, а сопровождается давлением и болью. Это столкновение во многих смыслах. Несчастные, на которых направлено давление обоих течений, часто оказываются совершенно уничтоженными.

Часто сравнивают Японию и Индию. В обеих странах происходят колоссальные социальные изменения, в обеих соприкасаются и конфликтуют восточная и западная цивилизации. Однако различия между ними еще более разительны, чем сходство. Наиболее заметным является тот факт, что если в Индии изменения в цивилизации почти полностью обусловлены силой и властью расы-завоевателя, то в Японии эти изменения носят спонтанный характер, полностью обусловлены желанием и инициативой местных правителей. Это различие является фундаментальным и жизненно важным. Эволюция общества в Индии в значительной степени носит принудительный характер; в подлинном смысле это искусственная эволюция. В Японии, напротив, эволюция естественная. К ней не было приложено ни малейшего физического принуждения извне. За двумя редкими исключениями, Япония никогда не слышала грохота иностранных пушек, несущих разрушение ее народу. В эти годы перемен правителями были только японцы, и так было на протяжении всего периода японской истории. Их родные правители ввели такие изменения, на которые вряд ли решились бы иностранные правители. Принятие китайского языка, литературы и религии десять-двенадцать веков назад не было вызвано военным захватом японской земли захватчиками из Китая. Это было вызвано абсолютно свободным выбором их разностороннего народа, таким же свободным и добровольным, как и принятие Римом греческой литературы и стандартов обучения. Современный выбор западной материальной цивилизации, несомненно, имел элементы страха в качестве движущей силы. Но побуждение через знание условий радикально отличается от принуждения, осуществляемого иностранной военной оккупацией. Индия иллюстрирует последнее, Япония - первое.

Япония и ее народ демонстрируют удивительные контрасты. Никогда, с одной стороны, народ не был настолько свободен от иностранной военной оккупации на протяжении более чем пятнадцати веков, и в то же время находился под таким влиянием и даже под воздействием иностранной психической среды. Что было в древности, то есть сегодня. Господство Китая и Индии было в значительной степени вытеснено господством Европы. Западная литература, язык, наука и даже обычаи принимаются Японией и оказывают свое неизбежное влияние. Но все это совершенно естественно, совершенно спонтанно. Нынешний выбор Японией современной науки и образования, методов и принципов управления, литературы и права XIX века - словом, окцидентальной цивилизации - не обусловлен каким-либо искусственным давлением или военной оккупацией. Но выбор и последующая эволюция полностью обусловлены свободным действием народа. В этом, как и в ряде других аспектов, Япония напоминает нам Древнюю Грецию. Доктор Мензис в своей "Истории религии" говорит: "Греция не была завоевана с Востока, но получила новую жизнь благодаря распространению новых идей". Свободный выбор заставил Японию отвергнуть китайскую астрономию, хирургию, медицину и юриспруденцию. Раннее решение о допуске иностранцев в Японию для торговли, возможно, было сделано исключительно из страха, но теперь оно принято и оправдано разумом и выбором.

Таким образом, истинное объяснение недавнего и быстрого роста могущества и репутации Японии следует искать не во внешних проявлениях ее цивилизации, не в давлении иностранных правительств, а скорее в унаследованных ментальных и темпераментных характеристиках, реагирующих на новую и стимулирующую среду и действующих по линии истинной эволюции. Япония не "выпрыгнула из своей кожи", но новая жизненная сила придала этой коже новый цвет.

Сколько историй из "Кодзики" (написанной в 712 году н.э.) и "Нихонги" (720 год н.э.) следует принять, до сих пор остается предметом споров среди ученых. Однако несомненно, что ранняя история Японии окутана мифологией, которая, как представляется, сосредоточена вокруг трех выдающихся точек: Кюсю на юге, Ямато на востоке центральной части страны и Идзумо на западе центрального региона. Эта мифологическая история повествует об обстоятельствах победы южных потомков богов над двумя центральными регионами. Предполагается, что эти три центра представляют собой три волны миграции, которые привели предков нынешних жителей Японии к этим берегам. Предполагается, что они пришли совершенно независимо друг от друга и начали свои конфликты только после длительных периодов проживания и размножения.

Хотя эти ранние сведения в значительной степени мифологичны, традиция показывает нам прародителей современного японского народа как завоевателей с запада и юга, которые вытеснили аборигенов и постепенно завладели всей землей. О том, что эти завоеватели не все были из одного рода, свидетельствует внешний вид современных японцев и их язык. Через них можно проследить раннее смешение рас - малайской, монгольской и урало-алтайской. Имеет ли раннее скрещивание этих рас жизненно важное отношение к пластичности японцев - вопрос, который искушает ученого.

Примитивные межплеменные конфликты, о которых у нас нет достоверных сведений, приводили к росту межплеменного общения. За победой последовала федерация. И через развитие общего языка, общих обычаев и общих идей племени были объединены социально и психологически. Осознание этого единства подчеркивалось вековой борьбой с айнами, которые были полностью покорены лишь в XVIII веке.

С началом подлинной истории (500-600 гг. н. э.) мы видим слияние племен-завоевателей, сопровождавшееся, однако, постоянно повторяющимися межклановыми и межсемейными войнами. Многие из них продолжались десятки и даже сотни лет, доказывая, что в современном смысле слова японцы еще не были нацией, хотя благодаря межродовым бракам, принятию важных элементов цивилизации, принесенных из Китая и Индии через Корею, номинальному признанию императора в качестве божественно назначенного правителя страны, они были расово и цивилизационно довольно однородным народом.

На государственную систему страны существенное влияние оказала необходимость на протяжении многих веков использовать систематические методы защиты от айнов. Возникновение сёгуната относится к 883 году н. э., когда император назначил командующего войсками, противостоящими айнам, и присвоил ему официальный титул "Генералиссимус, изгоняющий варваров". Эта должность росла, пока несколько веков спустя не узурпировала фактически, если не по имени, все императорские prerogatives.

Вероятно, китайская письменность, литература и этические учения Конфуция пришли в Японию из Кореи после христианской эры. Самые древние известные японские письмена (японские, написанные китайскими иероглифами) датируются восьмым веком. В этот период в Японию также впервые пришел буддизм. В течение более ста лет он практически не развивался. Но когда, наконец, в девятом и десятом веках коренные японские буддисты

популяризировали его доктрины и приняли в его теогонию божеств исконной религии, известной сегодня как синто, буддизм стал религией народа и заполнил землю своими великими храмами, молящимися священниками и великолепными ритуалами.

Уже в те ранние века контакты Японии с ее восточными соседями выявили некоторые черты ее характера, которые ярко проявились в последнее время - большую способность к приобретениям и готовность свободно перенимать опыт у других народов. Ее контакт с Китаем, в то время намного опережавшим ее во всех элементах цивилизации, был в некоторых отношениях губительным для ее первоначального роста. Вместо того чтобы самостоятельно решать проблемы мышления и жизни, она взяла то, что могли дать Китай и Корея. В результате развитие всего исконного было приостановлено. Родная религия была настолько поглощена буддизмом, что на тысячу лет потеряла всякое самосознание. На самом деле современное четкое разграничение между исконными и привнесенными религиями стало делом всего нескольких десятилетий, благодаря исследованиям отечественных ученых во второй половине прошлого и начале нынешнего века. Даже сейчас множество простых людей не знают разницы между различными элементами составной религии, наследниками которой они являются.

Более того, ранний контакт с Китаем и его огромной литературой помешал развитию родного языка и росту родной литературы. Язык пострадал из-за быстрого внедрения китайских терминов для всех растущих потребностей мысли и цивилизации. Современный японский язык представляет собой соединение оригинального языка и японизированного китайского. Местная спекулятивная мысль также не находила поощрения или стимула к самостоятельной деятельности в присутствии развитых и во многих отношениях глубоких философий, привезенных из Индии и Китая.

С древнейших времен правительство Японии было по сути феодальным. Могущественные семьи и кланы спорили и боролись за лидерство, и политическая история Японии вращается вокруг переменчивой судьбы этих семей. Хотя императорский род никогда не исчезал из виду, он редко поднимался к реальной власти.

Когда в XV и XVI веках завоевательная рука Японии протянулась через воды, чтобы опустошить побережье Китая, распространить свое влияние на юг до Сиам и даже вторгнуться с большой армией в Корею в 1592 году, казалось, что ее карьера в качестве мировой державы уже началась. Но этому не суждено было сбыться. Гегемония ее кланов перешла к могущественному и проницательному семейству Токугава, политика которого заключалась в мире и национальной самодостаточности.

Представители окцидентальных народов (в основном Испании и Португалии) были изгнаны. Христианская религия (римско-католическая), которая более пятидесяти лет пользовалась свободным доступом и добилась больших успехов, была запрещена и искоренена, не без кровопролития. Иностранные путешествия и торговля были строго запрещены. В качестве государственной религии была принята и преподавалась определенная школа конфуцианской этики. Систематически устанавливался и целенаправленно развивался феодализм. У каждого человека было свое определенное и признанное место в социальной структуре, и изменить его было нелегко. Сомнительно, что в какой-либо европейской стране феодализм когда-либо подвергался столь длительному и тщательному испытанию. Никогда феодализм не достигал такого полного развития, как в Японии при режиме Токугава, длившемся более 250 лет.

В течение этого периода никакие влияния из других стран не нарушали естественного развития. За исключением трех кораблей в год из Голландии, случайных кораблей из других

стран и от пятнадцати до двадцати голландцев, уединившихся на маленьком островке в гавани Нагасаки, Япония не имела связи с чужими землями или чужими народами.

Об этом периоде, продолжающемся до середины нынешнего века, обычный посетитель и даже житель страны имеет лишь поверхностное представление. Все изменения, произошедшие в Японии с момента прихода Перри в 1854 году, легкомысленные туристы объясняют внешним давлением иностранных государств. Но такие путешественники ничего не знают о внутренней подготовке, которая велась на протяжении нескольких поколений до прибытия Перри. Туристу совершенно неведома линия японских ученых, которые подрывали авторитет военных правителей, "Токугава", в пользу императорской линии, которую они практически вытеснили.

Случайный студент, изучающий Японию, также не знал о реальном умственном и моральном калибре японцев. Одетые в одежду, казавшуюся нам фантастической, вооруженные громоздкими доспехами и старомодными ружьями, мы легко пришли к выводу, что этот народ по сути своей нецивилизован. Мы не знали, какой интеллектуальной дисциплины требует от человека, будь то туземец или иностранец, овладевший родным языком или местной системой мышления. Мы забыли, что казались им такими же гротескными и варварскими, как и они нам, и что умственные способности и моральные достоинства - это качества, которые не проявляются на поверхности цивилизованности нации. Если они считали нас "нечистыми", "собаками", "рыжеволосыми дьяволами", то мы, возможно, считали их умными дикарями или в лучшем случае получивилизованными язычниками, лишенными нравственных представлений и интеллектуальных способностей.

О старой Японии не стоит говорить больше. Не имея внешней торговли, внутренняя торговля была практически не нужна; корабли были небольшими; дороги были тропинками; образование ограничивалось самураями, или военным сословием, служащими даймё, "феодалов"; межклановые путешествия были ограничены и не поощрялись; конфуцианская этика была моральным стандартом. С начала XVII века христианство было запрещено эдиктом и в народе называлось "злым путем"; Япония считалась особенно священной, а приход иностранцев должен был загрязнить землю и стать причиной физических бед. Образование, как и в Китае, ограничивалось китайской классикой. Математика, всеобщая история и наука в современном понимании были, конечно, совершенно неизвестны. Пушки и порох были привезены с Запада в шестнадцатом веке испанцами и португальцами, но так и не были усовершенствованы. Кораблестроение в середине девятнадцатого века было таким же, как и в середине шестнадцатого, возможно, даже менее развитым. Архитектура получила свой мощный импульс после введения буддизма в девятом и десятом веках и после этого не претерпела существенных улучшений.

Но если во внешних и механических элементах цивилизации прогресс был невелик, то в других отношениях он был налицо. Во время "великого мира" появились великие ученые. Культура стала более общей для всей нации. Образование было в почете. Развращенная жизнь священников была осуждена, и была предпринята попытка реформировать жизнь через возрождение определенной школы конфуцианских учителей, известной как "Син-Гаку" - "Знание сердца". Искусство также прогрессировало, как изобразительное, так и ручное. Может показаться, что современные мастера и художники утратили мастерство своих предков, живших одну-две сотни лет назад.

Многие причины объясняют сохранение старого политического и социального порядка: отсутствие внешнего врага, который заставил бы отказаться от племенной организации; горный характер страны с ее медленными, примитивными средствами связи; отсутствие

всякой идеи полностью централизованной нации. Кроме того, принцип полного подчинения начальству и предкам стал настолько сильным, что индивидуальные нововведения были практически невозможны. Таким образом, в Японии отсутствовал необходимый ключ к дальнейшему прогрессу - принцип индивидуализма. Поэтому последний шаг в развитии ее национальности был сделан только в наше время.

Старая Япония, казалось, была абсолютно привержена всестороннему антагонизму ко всему иностранному. Новая Япония, похоже, придерживается противоположной политики. Каковы же шаги, с помощью которых она осуществила этот очевидный национальный разворот?

Прежде всего следует отметить, что абсолютизм сёгуна Токугава вызывал все большее неприятие из-за жесткого подавления индивидуального мнения. Он запрещал не только христианскую религию, но и любое независимое мышление в религиозной философии и политике. Особая форма конфуцианской моральной философии, которой она придерживалась, навязывалась всем публичным учителям конфуцианства. Инакомыслие считалось не только ересью, но и государственной изменой. Хотя военным абсолютизмом правление Токугава обеспечило великое благословение мира, длившегося более двухсот лет, и хотя проклятием Японии на протяжении почти тысячи предшествующих лет были жестокие межплеменные и межсемейные войны и междоусобицы, оно обеспечило этот мир за счет индивидуальной свободы мысли и действий. Таким образом, он постепенно вызвал против себя оппозицию многих способных умов. Насильственный мир позволил этим людям посвятить себя проблемам мысли и истории. В самом деле, у них не было другого выхода для своей энергии. Изучая историю прошлого и сравнивая полученные результаты с фактами настоящего, ученые XVIII века постепенно осознали, что семья Токугава осуществляет функции управления, которые никогда не были ей делегированы, а император - нищая марионетка в руках семьи, захватившей военную власть и постепенно поглотившей все активные функции правительства вместе с его доходами.

Сейчас мы можем понять, что эти ранние японские ученые идеализировали свою древнюю историю и отвели императору такое место в древности, которое он, по всей вероятности, редко занимал. Но, как бы то ни было, они считали свою точку зрения правильной и полагали, что император лишен законного правления семьей Токугава.

Эти идеи, впервые сформулированные учеными в тайне, постепенно распространялись, по-прежнему в тайне, и были приняты большим числом самураев, военных литераторов страны. Их оппозиция к фактическим правителям страны, вызванная подавляющим личностью абсолютизмом правления Токугава, естественным образом объединилась с религиозным чувством верности императору. Немногие жители Запада могут оценить всю значимость этого факта. На протяжении веков верность императору считалась кардинальной добродетелью. За одним исключением, согласно популярным историям, никто никогда не признавал себя противником императора. Каждое восстание против держав, находившихся в фактическом владении, ставило своей первой целью завладеть императором и объявляло себя борцом за него. Поэтому, когда ученые объявили, что существующее правительство на самом деле является узурпацией и что император лишен своих законных полномочий, скрытый антагонизм к правлению Токугава начал находить интеллектуальное и моральное оправдание. Он мог апеллировать к религиозному патриотизму народа. Возможно, не будет лишним сказать, что свержение семьи Токугава и восстановление императорской власти в руках императорской семьи произошло бы даже при отсутствии вмешательства иностранных государств и посторонних влияний. Но столь же несомненно и то, что эти антагонизмы против правящей семьи выкристаллизовались, а великие внутренние изменения ускорились

благодаря приходу агрессивных иностранных государств. О том, как действовало это внешнее влияние, можно рассказать в нескольких словах.

Когда адмирал Перри заключал договор с японцами, он полагал, что имеет дело с ответственными представителями правительства. Однако, как выяснилось позже, правители Токугава не заручились официальным согласием императора на заключение договора. Правители Токугава и их советники, так же как и правители кланов, хотели не допустить иностранцев в страну, но понимали свою неспособность. Однако правители кланов считали, что правители Токугава предали страну, поэтому они активно выступали как против иностранцев, так и против национальных правителей. Когда иностранцы обратились к японскому правительству, "сёгунату Токугава", с просьбой выполнить договоры, оно не смогло их выполнить из-за антагонизма правителей кланов. Когда же правители кланов потребовали от правительства аннулировать договоры и изгнать ненавистных и очень боящихся иностранцев, оно оказалось совершенно неспособным сделать это из-за грозной военно-морской мощи иностранцев.

В результате такого положения дел произошло несколько серьезных столкновений между иностранцами и самураями с двуручными мечами, принадлежавшими правителям кланов. Правители Токугава, очевидно, делали все возможное, чтобы защитить иностранцев, и, когда не было возможности уклониться, выполняли заключенные договоры. Но они не могли контролировать уже восставшие кланы. Несколько убийств иностранцев, за которыми последовали жестокие репрессии, и две бомбардировки туземных городов иностранными канонерскими лодками показали всему военному сословию, что ни о каких индивидуальных или местных действиях против иностранцев не может быть и речи. Первым необходимым шагом стало объединение империи под императорским правлением. Однако это можно было сделать только путем свержения сёгуна Токугава, что и было сделано в 1867-68 годах после непродолжительной борьбы, отмеченной большим милосердием.

Таким образом, мы понимаем, что свержение сёгуна, а также окончательное упразднение феодализма с его кланами, лордами и наследственными правителями и установление тех принципов политической и личной централизации, которые лежат в основе настоящего национального единства, не только было ускорено, но и в значительной степени зависело от стимулов и вклада иностранцев. Они требовали от японцев более полного единства, чем существовавшее до этого, так как требовали прямых отношений с главой страны. А когда в ходе договорных переговоров выяснилось, что такого главы нет, они взялись доказать его необходимость, сами наказывая тех местных правителей, которые не признавали главенства Токугава.

С утверждением императора на троне началась современная эпоха в истории Японии, известная в Японии как "Мэйдзи" - "Просвещенное правление".

Но еще не была достигнута цель нации - изгнание загрязнителей священной японской земли. Как только новое правительство было создано и обратило свое внимание на внешние дела, оно оказалось перед такой же сложной дилеммой, как и его предшественники, правители Токугава. Иностранные правительства настаивали на том, чтобы договоры, заключенные со старым правительством, были полностью приняты новым. Вскоре новым правителям, как и прежним, стало ясно, что прямое и силовое сопротивление иностранцам бесполезно. Их нельзя было победить силой. Однако западные люди предложили идеалы, с помощью которых можно было обеспечить национальное и политическое единство. Знаменитая работа Милля "Представительное правление" была переведена и прочитана всеми мыслящими людьми того времени. Эти идеи также внимательно изучались на Западе

в их реальном воплощении. В результате феодализм был полностью отвергнут, а новые идеи, в более или менее измененном виде, были быстро приняты, вплоть до разработки конституции и создания местных представительных собраний и национальной диеты. Другими словами, теории и практика Запада в отношении политической или ганизации государства снабдили Японию теми новыми интеллектуальными вариациями, которые были необходимы для более высокого развития ее собственного национального единства.

Еще одним важным моментом является тот факт, что в то самое время, когда Запад оказывал давление и снабжал Японию этими политическими идеалами, он также предоставил в ее распоряжение материальные инструменты, которые позволили бы ей воплотить их в жизнь. Я имею в виду паровой транспорт на суше и на море, почтовую и телеграфную системы связи, паровой печатный станок, систему народного образования, современную организацию армии и флота. Этими инструментами Япония поспешила овладеть. Без них быстрое превращение Старой Японии в Новую было бы очень долгим и трудным процессом. Принятие центральной властью этих инструментов цивилизации сразу же дало ей огромное превосходство над любой местной силой. Она могла быстро связываться со всеми частями империи и проводить в жизнь свои решения с невиданной ранее быстротой и решительностью. Он снова стал фактическим главой нации.

Таким образом, мы подошли к объяснению одного из самых поразительных изменений в национальном отношении, которые только может зафиксировать история, и новое отношение кажется таким противоречием старому, что его невозможно объяснить и почти невероятно. Но лучшее знание фактов и более глубокое понимание их значения помогут избавиться от этого первого впечатления.

Что же предприняло новое правительство? Оно просто сказало: "Изгнать этих иностранцев невозможно, но и нежелательно. Мы должны знать секреты их власти. Мы должны изучить их язык, их науку, их машины, их пароходы, их боевые корабли. Мы должны узнать все их секреты, и тогда мы сможем без труда вывести их на чистую воду. Поэтому давайте тщательно ограничим их порты по договору, но будем использовать их по максимуму".

С тех пор это фактически стало национальной политикой Японии. И эта политика была принята всем народом с удивительной готовностью, по причине, которую мало кто из иностранцев может оценить. Если бы эта политика была сформулирована и настоятельно рекомендована правителями Токугава, нет никакой вероятности, что она была бы принята. Но поскольку это была, по крайней мере, якобы, объявленная воля императора, преданность ему, которая в Японии является и религией, и патриотизмом, привела к сердечному и полному принятию, которое вряд ли могло быть реализовано в какой-либо другой стране. В первый год своего "просвещенного" правления (1868) император дал санкцию на эдикт, последние два пункта которого гласили следующее:

"Старый, нецивилизованный уклад должен быть заменен вечными принципами мироздания.

"Лучшие знания должны быть востребованы во всем мире, дабы способствовать Императорскому благосостоянию".

Именно широкое принятие этой политики, которая, однако, соответствует истинному гению народа, преобразило Японию. Она отправила сотни своих молодых людей в чужие страны, чтобы они узнали и привезли в Японию секреты западной силы и богатства; она создала автомобильные и железные дороги, почтовые и телеграфные учреждения, государственную систему общеобразовательных школ, колледжи и университет, в которых западные науки, история и языки преподаются иностранными и подготовленными иностранцами

преподавателями; ежедневные, еженедельные и ежемесячные газеты и журналы; фабрики, доки, сухие доки; местную и иностранную торговлю; представительное правительство - одним словом, все характерные черты Новой Японии. Вся Новая Япония - это лишь практическое воплощение политики, принятой в начале новой эры, когда оказалось невозможным изгнать иностранцев силой. О грубой силе не могло быть и речи, поэтому пришлось прибегнуть к интеллектуальной силе, и с реальным успехом.

С тех пор принято не столько удерживать иностранцев, сколько узнавать о них, а затем уничтожать. Каждая отрасль образования и промышленности доказала, что это последовательная политика Японии. Ни один иностранец не может надеяться получить постоянную должность в японской службе, как в частных фирмах, так и в правительстве. Иностранец полезен не тем, что он может сделать, а тем, чему он может научить. Когда любой японец может делать свою работу достаточно хорошо, иностранца обязательно отсеют.

Цель этого тома не требует от нас подробного статистического отчета о нынешних достижениях Новой Японии. Такую информацию можно почерпнуть из книг Генри Нормана "Реальная Япония", Рэнсома "Япония в переходный период" и Ньютона "Япония: Страна, двор и народ". Нам достаточно осознать, что Япония полностью отказалась или глубоко изменила все внешние черты своей старой, ярко выраженной восточной цивилизации и заменила их чертами окцидентальными. В управлении страной она больше не произвольная, самодержавная и наследственная, а конституционная и представительная. По всей стране созданы и вполне исправно работают городские, провинциальные и национальные законодательные собрания. Старые феодальные обычаи были заменены хорошо кодифицированными законами, которые в целом добросовестно исполняются в соответствии с окцидентальными методами. Экзамены под пытками были отменены. Совершенная окцидентализация армии и создание эффективного военно-морского флота - факты, полностью продемонстрированные миру. Ограниченное образование немногих - и исключительно китайских классиков - уступило место народному образованию. Общеобразовательных школ насчитывается более 30 000, в них преподают около 100 000 учителей (4278 из них - женщины), в них учатся более 4 500 000 учеников (более 1 500 000 - девочки). Школьных помещений не хватает; говорят, что сразу же требуется 30 000 дополнительных учителей. Средние и старшие школы по всей стране отказывают почти половине абитуриентов из-за отсутствия жилья.

Феодальная изоляция, репрессии и уединение уступили место свободе передвижения, свободе слова и свободной прессе. Газеты, журналы и книги в изобилии выходят из универсального печатного станка. Двадцать ежедневных газет выходят в течение года тиражом более миллиона экземпляров каждая, а две из них - 24 000 000 и 21 000 000 экземпляров, соответственно.

Личная, политическая и религиозная свобода практически обеспечена уже более двух десятилетий, она гарантирована конституцией и соблюдается судами.

Китайская медицина в значительной степени заменена западной, хотя многие невежественные слои населения по-прежнему предпочитают старые методы. Правительство внедряет западные гигиенические принципы во всех общественных делах, в результате чего здоровье нации улучшилось, а население растет угрожающими темпами. Если в 1872 году численность населения составляла 33 000 000 человек, то в 1898 году - 45 000 000. Общий уровень жизни простых людей также заметно повысился. Мясные лавки теперь

распространены по всей стране, чего не было во времена до Мэйдзи, а рис, который раньше был роскошью для немногих богачей, стал основным продуктом питания для многих.

Почтовые и телеграфные службы полностью завершены. На смену старым тропинкам, за исключением самых гористых районов, пришли асфальтированные дороги и хорошо построенные железные дороги. В каждом городе появляются разнообразные фабрики. Деловые корпорации, банки и т. д., которых в 1864 году насчитывалось всего тридцать четыре, теперь исчисляются тысячами, а торговля процветает, как ни в один предыдущий период японской истории. Вместо того чтобы быть страной фермеров и солдат, Япония сегодня - страна фермеров и купцов. Богатство растет быстрыми темпами. Международная торговля также развивается и расширяется феноменальными темпами. Японские торговые пароходы теперь можно увидеть во всех частях света.

Все эти изменения произошли примерно за три десятилетия, и они были столь радикальны, столь продуктивны для новой жизни в Японии, что некоторые призывают переписать японскую историю, сделав первый год правления Мэйдзи (1868) первым годом Японии, вместо того чтобы вести отсчет от года, когда Дзимму Тэнно, как говорят, взойшел на трон, 2560 лет назад (до н. э. 660).

О том, как японцы относятся к преобразованиям, вызванным "реставрацией" нынешнего императора после свержения "бакуфу", или "правительства занавеса", можно судить по следующему графическому параграфу из *"Дальнего Востока"*:

"Реставрация Мэйдзи стала величайшей из революций, когда-либо происходивших в этой островной империи. По мановению ее волшебной палочки ничего не осталось нетронутым и неизменным. Именно Реставрация свергла сёгунат Токугава, правивший более двух с половиной веков. Именно Реставрация поставила нас лицом к лицу с оксидентами. Именно Реставрация низвела полубогов-феодалов до уровня простолюдинов. Именно Реставрация лишила самураев их вотчин и довела их до нищеты. Именно Реставрация научила людей строить дома из кирпича и камня, а корабли и мосты - из железа, а не из дерева. Именно Реставрация сообщила нам, что затмений и комет не стоит бояться, а землетрясения не вызываются огромной рыбой-кошкой на дне земли. Именно Восстановление научило людей использовать "барабанный бой" грома в качестве вестника и пользоваться железной дорогой вместо паланкина. Именно Реставрация привела Землю в движение и доказала, что на Луне нет кролика. Именно Реставрация даровала Сократу и Аристотелю кресла, оставленные Конфуцием и Менцием. Именно Реставрация позволила Шекспиру и Гете занять место Бакина и Чикамацу. Именно Реставрация лишила народ шпиг и топчанов. Короче говоря, после Реставрации произошли большие перемены в управлении, в искусстве, в науке, в литературе, в устном и письменном языке, во вкусах, в обычаях, в образе жизни, да во всем" (с. 541).

Естественным результатом Реставрации стал буйный патриотизм, который так характерен для Новой Японии. Сам термин "ай-коку-син" - это новое творение, почти такое же новое, как и сама вещь. Это слово служит случайным доказательством общей правильности утверждения этой главы о том, что истинная национальность появилась в Японии недавно. В буквальном переводе это слово означает "любовь-страна-сердце"; но нам следует обратить особое внимание на термин "страна", "коку"; это слово никогда прежде не означало страну в целом, а только территорию клана. Если я хочу спросить японца, какая часть Японии является его родным домом, я должен использовать это слово. И если японец хочет спросить меня, уроженцем какой из зарубежных стран я являюсь, он должен использовать то же самое

слово. Дело в том, что в старой Японии не было ни одного слова, соответствующего английскому выражению "Моя страна". В древние времена это могло означать только "моя клановая территория". Но с уходом кланов старое слово приобрело новое значение. Новое слово, "ай-коку-син", означает не любовь к клану, а любовь ко всей нации. Концепция национального единства наконец-то овладела умом и сердцем нации и вызывает у людей такой энтузиазм по отношению к нации, независимо от ее частей, какого они никогда раньше не знали. Японский патриотизм только в этом поколении пришел к самосознанию. Это приводит его ко многим странным уродствам. Он громогласен и властен, а зачастую очень непрактичен и шовинистичен. Она часто принимает форму бескомпромиссного презрения к иностранцам и абсолютной лояльности к императору Японии; она требует предельного уважения к нему и форме правления, которую он милостиво предоставил нации. Малейший намек или косвенное предположение о недостатках или невежестве, или даже об ограничениях, вызывает самое яростное возмущение.

Не лишним будет привести несколько иллюстраций к вышеприведенным высказываниям из недавнего опыта. В августе 1891 года министр образования г-н Ю. Осаки, критикуя существующую в Японии тенденцию оказывать чрезмерное уважение богатым людям, в ходе длинной речи сказал: "Вы, японцы, поклоняетесь деньгам даже более благоговейно, чем американцы. Если бы у вас была республика, как у них, я полагаю, вы бы выдвинули Ивазаки или Мицуи на пост президента, тогда как им и в голову не приходит выдвинуть Вандербильта или Гульда". Из-за этого упоминания республиканской формы правления как возможной в Японии вокруг его головы вскоре разразилась буря. Буря стала настолько яростной, что в конце концов он был вынужден оставить свой пост и временно уйти из политической жизни.

В октябре 1898 года Высший совет по образованию должен был рассмотреть различные вопросы, касающиеся деятельности образовательного ведомства после вступления в силу новых договоров. Наиболее важным был вопрос о том, следует ли разрешить иностранцам принимать участие в воспитании японской молодежи. Общий аргумент, который преобладал, заключался в том, что это не должно быть разрешено, чтобы не ослабить патриотизм детей. Насколько известно, только один голос прозвучал в поддержку более либеральной политики. Господин Ю. Камада утверждал, что "патриотизм в Японии - это результат иностранного общения. Патриотизм, то есть любовь к стране, а не только к своей вотчине, и готовность пожертвовать всем ради нее, был продуктом эпохи Мэйдзи".

В 1891 году учитель школы для мальчиков в Кумамото в своем публичном выступлении выразил мысль о том, что, поскольку все люди - братья, школа должна отстаивать принцип всеобщего братства и всеобщей доброй воли к людям. Это выражение универсализма было настолько противно патриотическому духу большого числа жителей провинции Кумамото Кен, что губернатор потребовал от школы уволить этого учителя. Сегодня в Японии существует сильная партия, которая делает "японизм" своим криком; они осуждают все проявления всеобщей доброй воли как доказательство недостатка патриотизма. Не хватает тех, кто видит всю поверхностность таких взглядов, кто решительно выступает против и осуждает такой узкий патриотизм. Тем не менее следует отметить тот факт, что он существует сегодня с такой силой, и не забывать о его естественном объяснении. Это признак самосознающей национальности.

То, что эта любовь к стране, даже эта концепция страны, является современной, следует из двух других фактов. До наших дней не существовало такого понятия, как национальный флаг. Пламенеющее солнце на белом поле появилось в качестве национального флага только в 1859 году. Использование солнца в качестве символа императора было в моде с 700 года н.э., обычай был заимствован из Китая. "Когда в 1859 году возникла необходимость в

национальном флаге, соответствующем европейским, солнечное знамя естественным образом заняло освободившееся место"^[A].

Второй факт - недавнее происхождение фестиваля , известного как "Кигенсэцу". Он проводится 11 февраля и празднует предполагаемое восшествие на престол Дзимму Тэнно, первого императора Японии, 2560 лет назад (660 г. до н. э.). Однако сам праздник был учрежден императорским указом десять лет назад (1890).

Преобразования, произошедшие в Японии за одно поколение, требуют интерпретации. Являются ли эти перемены реальными или поверхностными? Является ли новый социальный порядок "заимствованной одеждой, которую скоро разорвут бурные революции", по словам выдающегося исследователя расовой психологии профессора Ле Бона, или же он имеет "прочную природу", по твердому убеждению мистера Стэнфорда Рэнсома, одного из последних авторов, пишущих о Японии?

Именно эта проблема будет более или менее непосредственно занимать наше внимание на протяжении всей работы. Мы будем уделять основное внимание природе и развитию расовых особенностей японцев, полагая, что только это дает свет, необходимый для решения проблемы.^[B]

III

ПРОБЛЕМА ПРОГРЕССА

Что представляет собой прогресс? И что является истинным критерием для его измерения? Перенимая западные методы жизни и мышления, Япония продвигается вперед или отстывает? Простота жизни простых людей, их свобода от моды, сковывающей западного человека, их независимость от мебели в их домах, их немногочисленные потребности и меньшее количество предметов первой необходимости - все это, по контрасту с бесконечными нуждами и требованиями западного человека, принимается некоторыми как свидетельство более высокой ступени цивилизации, чем та, что преобладает на Западе.

Гедонистический критерий прогресса наиболее часто используется при рассмотрении вопроса о том, выигрывает или проигрывает Япония от быстрого отказа от старых укладов и идей и столь же быстрого принятия на их место западных. Однако эта апелляция к счастью кажется мне обманчивой, потому что это расплывчатый, а то и вовсе ложный стандарт прогресса. Те, кто его использует, настаивают на том, что народ Японии теряет свое прежнее счастье под воздействием новых условий. Нет никаких сомнений в том, что во времена "Кюхан дзидай", то есть до прихода западных волн жизни, крестьяне были простым, неискушенным народом; они жили от месяца к месяцу, мало о чем думая и беспокоясь. Можно сказать, что они были счастливы. Самураи, жившие исключительно за счет щедрот даймё, вели, конечно, спокойную жизнь, по крайней мере, в том, что касалось беспокойства и труда по добыче риса и рыбы. Как жили, сражались и умирали отцы, так жили и сыновья. В значительной степени у общины было все общее, ведь хотя господин жил в относительной роскоши, в таких маленьких общинах никогда не было той большой разницы между классами, которую мы видим в современных Европе и Америке. Как правило, люди были сыты, если была еда. Социалистический принцип был практически универсальным. Особый

акцент делался на родственных связях. В результате, за исключением отверженных классов, крайностей бедности не существовало.

Если бы мы остановились на этом, то могли бы сказать, что японцы действительно достигли вершины прогресса, и больше ничего не нужно. Но, продвигаясь дальше, мы обнаруживаем, что мир и спокойствие обычных слоев общества сопровождались многими нежелательными чертами.

Главным среди них был властный дух военного сословия. Только они претендовали на личные права, и народные предания полны свободных и яростных способов, которыми они использовали свои мечи. За малейшее оскорбление, нанесенное кем-то из безмечных, расплачивались двуручными меченосцами, а нищих и крестьян рубили без зазрения совести, иногда просто для проверки меча. Описывая те времена, один человек сказал мне: "Они отрубали головы простым людям, как фермеры отрубают головку дайкона" (разновидность гигантской редьки). Я часто спрашивал своих японских друзей и знакомых, не хочет ли страна, в связи с возрастающими трудностями жизни в новых условиях, вернуться к древним временам и обычаям. Но ни один из них не был готов дать мне утвердительный ответ. При подробных расспросах я всегда приходил к выводу, что угрюмые, властные методы, абсолютизм правителей и беззащитность народа перед несправедливым произволом начальства не устроят народ, который однажды вкусил радость от прав и свободы личности и мужественности, которая возникает благодаря справедливым законам для всех.

Поразительной чертой японцев, не изменивших чужой образ жизни, является их покорность по отношению к начальству и чиновникам. Властная и зачастую безжалостная манера поведения правителей, естественно, заставляла подданных трусить. Когда высшая знать отправлялась в путешествие, простому народу предписывалось падать на землю в знак покорности и почтения. Невыполнение этого требования каралось мгновенной смертью от рук сопровождавших повелителя приближенных. Во время моего первого пребывания в Кумамото я был удивлен тем, что крестьяне, приезжавшие из деревни верхом на лошадях, встречая меня, неизменно сходили с лошадей, расстегивали платки на голове и даже снимали очки, если не было ничего другого. Это были знаки уважения, оказываемые всем, кто имел власть. Когда мой реальный статус стал общеизвестен, эти знаки вежливости сменились грубым разглядыванием. Иностранцу трудно оценить крайности властного и покорного духа, которые были заложены в древней форме правления. Однако сравнительно легко провести различие между явно искренним смирением невоенных сословий и заученной почтительностью доминирующих самураев.

Еще одной особенностью старого порядка вещей была пустота жизни людей. Образование было редкостью. Ограниченное самураями, которые составляли лишь часть населения, оно отнюдь не было всеобщим даже среди них. А то образование, которое они имели, ограничивалось китайской классикой. Хотя при некоторых храмах существовали школы, народ в целом не учился ни читать, ни писать. Это было уделом знати и людей досуга. Мысли людей были ограничены узким миром, в котором они жили, и это позволяло лишь изредка заглядывать в другие кланы через войну или случайных путешественников. Ведь в те времена свобода передвижения не была общепринятой. Каждый человек, как правило, жил, трудился и умирал там, где родился. Военные классы имели больше свободы. Но когда мы сравниваем широту мысли и кругозор, которыми пользуется современная нация благодаря газетам и журналам, с кругозором и знаниями даже самых прогрессивных и образованных людей древности, насколько сжатыми кажутся их жизни!

Третья особенность прежних времен - это положение женщин в те эпохи. Восхвалители старой Японии не только забывают, что тогда существовали рабочие классы, но и то, что женщины, составлявшие половину населения, были необходимы для существования нации. Предоставляя женщинам больше свободы, чем в других восточных странах, Япония, тем не менее, не давала такой свободы, которая была бы необходима для полного развития ее способностей. "Женщина - это игрушка мужчины", - выражает мнение, которого до сих пор придерживаются в Японии. "Единственная обязанность женщины - рожать и воспитывать детей для своего мужа" - такова доминирующая идея, которая определяла ее место в семье и государстве на протяжении сотен лет. То, что она имеет какой-либо самостоятельный интерес или ценность как человеческое существо, не вошло в национальную концепцию. "Отношение к женщине со стороны мужчин до сих пор было таким, что могло бы вызвать умиление в любом великодушном европейском сердце. Судьба женщины сводится к так называемым "трем послушаниям": послушание, пока она еще не замужем, отцу; послушание, когда она выходит замуж, мужу; послушание, когда овдовеет, сыну. В настоящее время самая великая герцогиня или маркиза в стране все еще является грубой работницей своего мужа. Она подносит и уносит для него, покорно склоняется в зале, когда милорд выходит по своему благоволению." ^[C] "Высшее образование для женщин" Эккена Кайбары (1630-1714), выдающегося японского моралиста, - так называется трактат о женских обязанностях, в котором обобщены распространенные в Японии представления на эту тему. На протяжении двухсот лет или более он использовался в качестве учебника для обучения девочек. В нем предписывается такое безропотное подчинение жены мужу, свекрам и другим родственникам по браку, какого ни одна уважающая себя женщина западных стран не смогла бы вынести ни на минуту. Позвольте мне доказать это с помощью нескольких цитат.

"Женщина должна смотреть на своего мужа, как на само Небо, и не уставать думать, как бы ей уступить мужу и таким образом избежать небесного наказания". "Женщина не должна заводить никаких дружеских и интимных отношений, кроме тех, что предписаны ей родителями или посредником. Даже под угрозой жизни она должна закалить свое сердце, как камень или металл, и соблюдать правила приличия". "У женщины нет особого повелителя. Она должна смотреть на своего мужа как на своего господина и служить ему со всем почтением и поклонением, не презирая и не думая о нем легкомысленно. Великий долг женщины на всю жизнь - послушание..... Когда муж отдает распоряжения, жена никогда не должна их ослушиваться..... Если же муж разгневается на нее, она должна повиноваться ему со страхом и трепетом". Ни одно слово во всех этих многочисленных и конкретных указаниях не намекает на любовь и привязанность. То, что для западного слуха является самым сладким словом в английском языке, основой счастья в доме, единственной истинной связью между мужем и женой, родителями и детьми - ЛЮБОВЬ - ни разу не появляется в этом идеальном наставлении для японских женщин.

Даже по сей день разводы в Японии - обычное явление. Согласно Конфуцию, существует семь оснований для развода: непослушание, бесплодие, развратное поведение, ревность, проказа или любая другая дурная или неизлечимая болезнь, слишком много разговоров и воровство. "Говоря простым языком, мужчина может прогнать свою жену, когда она ему надоест".

Если бы обязанности мужчины по отношению к жене и ее родителям были так же подробно описаны и настаивались на них, как обязанности жены по отношению к мужу и его родителям, эта "Большая книга для женщин" не казалась бы такой недостаточной; но это не так. Права женщины невелики, но она переносит свою участь с удивительным терпением. Действительно, она приобрела наиболее привлекательное, терпеливое и скромное

поведение, несмотря на столетия почти тиранического обращения со стороны мужского пола, а может быть, и благодаря ему. В некоторых важных аспектах японские женщины не могут сравниться ни с одной другой страной. Но что этот жребий был счастливым, я не могу представить, чтобы европеец, знающий толк в любви и доме, мог оспорить. Один-единственный показатель - один развод на каждые три брака - говорит о печали и душевной боли, которые грустно созерцать. Сюда не входят и те разводы, когда брак заключается лишь для того, чтобы понять, смогут ли стороны выдержать совместную жизнь. Я знаю несколько таких случаев. Здесь также не учитывается большое количество наложниц, которые можно найти в домах высших классов. Наличие наложницы часто делает формальный развод совершенно излишним.

Я ни в коем случае не утверждаю, что женщины старой Японии были все и всегда несчастны. Несомненно, было много счастья и даже семейных радостей; любовь между мужем и женой, несомненно, можно было обнаружить во множестве случаев. Но тяжесть жизни в целом, низкое положение женщины в отношениях с мужчиной, отсутствие у нее законных прав,^[D] и ее низменное положение оправдывают утверждение, что здесь было много возможностей для улучшения.

Эти три характерные особенности жизни старшего поколения в Японии помогают нам составить четкое представление о том, что такое прогресс. Можно сказать, что истинный прогресс состоит в том непрерывном, хотя и медленном, преобразовании структуры общества, которое, обеспечивая его более глубокую организацию, открывает перед каждым человеком возможность более широкой, богатой и полной жизни, жизни, которая все больше раскрывает его скрытые силы и способности. Иными словами, прогресс - это растущая организация общества, сопровождаемая растущей свободой индивида, приводящей к богатству и полноте жизни. Речь идет, прежде всего, не о нерефлексирующем счастье, а о широком развитии мужского и женского начала. И мужчины, и женщины обладают пока еще не проявленными скрытыми способностями, которые требуют для своего развития определенной свободы, сопровождаемой обязанностями и заботами. Интеллектуальное образование и широкий кругозор также необходимы для формирования такой мужественности и женственности. В долгосрочной перспективе это приносит более глубокое и продолжительное счастье, чем то, которое было возможно для неразвитого мужчины или женщины.

Вопрос о прогрессе запутывается и ставится на неправильную основу, когда сознание счастья или несчастья становится главным критерием. Счастье ребенка совершенно не похоже на счастье взрослого. Независимо от тяжелых обстоятельств, ребенок способен смеяться и играть, и это потому, что он ребенок; ребенок в своем незнании реальной жизни и в своей неспособности воспринимать истинные условия, в которых он живет. Не иначе, я полагаю, было счастье подавляющего большинства в старой Японии. Их счастье заключалось в невежестве и простой, неразвитой жизни. Привыкшие к тирании, они и не помышляли о восстании против нее. Знакомые с жестокостью и страданиями, они не чувствовали ничего постыдного и бесчеловечного. Вид обезглавленных тел, пытки преступников, деспотизм мужей, безропотное повиновение управляемых, надменность правителей, жизнь в тяжелом труде и узком кругозоре - все это было настолько привычно, что у тех, кто терпел такое устройство общества, не возникало и мысли о побеге из него.

Время от времени мудрые и справедливые правители действительно старались внедрить принципы праведности в свои методы управления; но такие люди были исключением, а не правилом. Это были отдельные люди, а не система, в которой жил народ. Всегда было делом случая, окажутся ли такие люди во главе дел или нет, ибо народ и не мечтал о том, чтобы

иметь право голоса при их выборе. Структурой общества всегда был и остается абсолютный милитаризм. Даже при самых благосклонных правителях было принято применять жестокие пытки не только к осужденным преступникам, но и ко всем подозреваемым в преступлениях. Власть имущие могли лично подавать хороший пример, но они не меняли систему. Они владели не только землей, но и практически рабочими, поскольку те не могли покинуть свои дома в поисках других, лучших. Они были крепостными, если не рабами, и эта система не способствовала повышению уровня жизни или образования, мужественности или женственности среди людей. Счастье людей в такие времена отчасти объяснялось их бесчеловечностью и отсутствием сочувствия к страданиям и горю. Каждый человек нес свое горе и боль в одиночку. Общество, как таковое, не переживало из-за страдающих людей. Сочувствие в полном смысле этого слова было неизвестно в старой Японии. Варварский обычай изгонять прокаженного из дома, чтобы он скитался одиноким изгнанником, живя на милостыню незнакомых людей, неизвестен и по сей день. Нам рассказывают, что в прошлые времена "люди испытывали такое сильное отвращение к виду болезни, что путешественников часто оставляли умирать на обочине дороги от жажды, голода или болезней; а домохозяева даже доходили до того, что выставляли за дверь и бросали на произвол судьбы слуг, страдавших от хронических недугов". Это бессердечие было настолько всеобщим, что правительство в свое время выпустило прокламацию против разрешенной им практики. "Всякий раз, когда случалась эпидемия, количество смертей было огромным". Семь человек, принадлежащих к классу изгоев, "эта", были авторитетно объявлены равными по ценности одному простому человеку. Нищие формально назывались "хи-нин", "нелюди".

Те, кто рассказывает о счастье старой Японии, совершают большую ошибку, упуская из виду все эти печальные особенности жизни и сосредотачивая свое внимание исключительно на одной черте - детском, если не сказать ребяческом, легкомыслии простых людей. Таким образом, такие авторы склонны считать прошлое лучше настоящего времени. Они также упускают из виду глубокое счастье и повсеместное процветание нынешней эпохи. Торговля, коммерция, производство, путешествия, свободное общение, газеты и международные отношения привнесли в жизнь богатство и полноту, которые тогда были неизвестны. Но, кроме того, люди теперь пользуются безопасностью личных интересов, обладают личными правами и собственностью, а также личной свободой, что делает жизнь гораздо более достойной и глубоко приятной, хотя и влечет за собой ответственность, обязанности и не мало тревог. Этим объясняется тот факт, что ни один японец не выразил мне ни малейшего желания отказаться от настоящего и вернуться к жизни и условиям старой Японии.

Поэтому позвольте мне повторить со всем возможным акцентом, что проблема прогресса - это не проблема увеличения легкомыслия, чистого и простого, и не проблема расовой унификации или политической централизации; это скорее проблема такого развития структуры общества, чтобы человек мог иметь наиболее полную возможность для развития.

Мерилом прогресса является не степень расовой унификации, политической централизации или нерефлексивного счастья, а скорее степень и масштаб индивидуальности. Расовая унификация, политическая централизация и рост счастья способствуют достижению прогресса, но их нельзя рассматривать как достаточную цель. Личность сама по себе может быть такой целью. Широкое развитие личности, таким образом, является одновременно и целью, и критерием прогресса.

IV

МЕТОД ПРОГРЕССА

Прогресс как идеал вполне современен по своему происхождению. Ибо древние хотя и прогрессировали, но делали это бессознательно, вслепую, натываясь на него случайно, вынужденные к этому, как мы видели, борьбой за существование. Это верно в отношении древних цивилизаций Европы, Западной Азии и Африки, но в полной мере это относится и к Востоку. Здесь не стремятся к прогрессу, а ставят перед собой цель не прогрессировать, а поступать так, как поступали отцы, следовать их примеру даже в обычаях и обрядах, смысл которых утрачен в безвестности прошлого. Это слепое следование было предметом гордости тех, кто называл себя религиозными. Они стремились выполнить свой долг перед предками.

Как в таких условиях был возможен прогресс? И как получилось, что, руководствуясь этим идеалом менее пятидесяти лет назад, Япония теперь движется совсем в другую сторону? Сегодня страсть нации заключается в том, чтобы добиться максимально возможного прогресса во всех направлениях. Вот аномалия, парадокс: прогресс, достигнутый вопреки его отрицанию, а недавно - полный разворот. Как мы объясним этот парадокс?

В главе "Принципы национальной эволюции"^[E] мы видим, что первый шаг в прогрессе был сделан через развитие укрупнения сообществ путем расширения границ и ужесточения обычаев. Мы видим, что, достигнув этой стадии, большая проблема заключалась в том, чтобы разбить "пирог обычаев" и дать свободу индивидам, чтобы обеспечить необходимые вариации. Мы не рассматриваем, как этого можно было добиться. Мы просто показываем, что если дальнейший прогресс должен быть достигнут, то он может быть только через развитие индивидуалистического принципа, которому мы даем более точное название коммуно-индивидуализм. Теперь наше внимание должно быть привлечено к проблеме того, как успешно разрушить "пирог обычаев".

Мистер Бейджхот утверждает, что в историческом плане этот процесс заключался в создании правительства путем обсуждения. Обсуждались принципиальные вопросы; целесообразность тех или иных мер выносилась на одобрение или неодобрение народа. Этот метод стимулировал определенное и практическое мышление в широком масштабе; он заменял мышление многих мышлением немногих; он стимулировал независимое мышление и, следовательно, независимые действия. Однако это лишь другой способ сказать, что он стимулировал вариативность. Правительство, чьи действия определялись после широкого обсуждения, было бы особенно приспособлено для использования всех полезных вариаций идей и практики". Опыт показывает, продолжает он, что трудность развития "пирога обычаев" гораздо легче преодолима, чем трудность развития правительства путем обсуждения; *т.е.* гораздо менее трудно развить коммунизм, чем коммуно-индивидуализм. Семья арестованных цивилизаций, примерами которых до недавнего времени являлись Китай, Индия и Япония, попала в сети того, что когда-то было источником их прогресса. Тирания их законов и обычаев была такова, что все индивидуальные вариации пресекались в зародыше. Они не смогли добиться прогресса, потому что не смогли развить вариации. И они не смогли этого сделать, потому что у них не было правительства путем обсуждения.

Никто не будет оспаривать важность вклада мистера Бейджхота в эту тему. Но можно усомниться в том, что он указал на всю причину трудностей, связанных с разрушением "пирога обычаев", и раскрыл истинный корень прогресса. Чтобы достичь прогресса в полном

смысле, не только олигархии или касты, но и всего народа, должно быть не только правительство путем обсуждения, но и обязанности правительства должны быть более или менее полно освоены всеми управляемыми.

История, однако, показывает, что это не может произойти до тех пор, пока не возникнет концепция внутренней сущности мужчины и женщины, концепция, которая подчеркивает их бесконечную и неотъемлемую ценность. Эта концепция не создается правительством путем обсуждения, в то время как правительство путем обсуждения является необходимым следствием широкого принятия этой концепции. Поэтому она является настоящим корнем прогресса.

Просматривая историю Востока, я не обнаруживаю никакой тенденции к открытию врожденной ценности человека или введению принципа правительства путем обсуждения. Предоставленный самому себе, я не вижу вероятности того, что какой-либо из этих народов когда-либо смог бы избавиться от оков своих обычаев и достичь той стадии развития, на которой простым людям можно было бы доверить большую долю индивидуальной свободы. Хотя я могу предположить, что Япония могла бы добиться полной политической централизации при старом *режиме*, я не вижу, чтобы эта централизация сопровождалась ростом свободы для индивидуума или такими конституционными правами для простого человека, которыми он пользуется сегодня. Какого бы прогресса она ни добилась в направлении национальности, это все равно был бы деспотизм. Простой человек оставался бы беспомощным и безнадёжным рабом. Искусство могло бы процветать; народ мог бы оставаться простодушным и относительно довольным. Но они не смогли бы достичь той свободы и богатства жизни, той индивидуальности, которая, как мы видели в нашей последней главе, является критерием и целью истинного прогресса.

Если читатель сочтет вышеприведенное утверждение верным и согласится с автором, что концепция неотъемлемой ценности человека не могла возникнуть в Японии спонтанно, он придет к выводу, что прогресс Японии зависел от того, чтобы получить эту важную концепцию извне. Именно это и произошло. Полностью отказавшись от феодального общественного строя и приняв конституционное и представительное правительство христианства, независимо от того, признает она это или нет, она приняла принципы неотъемлемой ценности мужского и женского начала, а также управления путем обсуждения. Таким образом, Япония, скорее подражая, чем зарождаясь, вступила на путь бесконечного прогресса.

Однако недавно сделанный шаг настолько важен, что для его полного понимания необходим дальнейший анализ этого метода прогресса. Мы уже вкратце отметили^[F], как Запад снабдил Японию идеалом национального единства и материальными инструментами, необходимыми для его достижения. В связи с высоким развитием нации в целом эти два элемента прогресса, идеальный и материальный, требуют дальнейшего рассмотрения.

Прежде всего отметим, что оба они начинаются с подражания, но для того, чтобы прогресс был реальным и продолжительным, оба должны дорасти до независимости.

Первый и, безусловно, самый важный - психологический, связанный с внедрением новых идей. Пока старые, привычные идеи властвуют над разумом нации, у нее практически нет стимулов для сравнения и обсуждения. Стагнация практически завершена. Но стоит ввести новые идеи так, чтобы они заставили обратить внимание и осмыслить их, и разум спонтанно пробуждается к удивительной активности. Прежний застой уже невозможен. Начинается обсуждение, и в конце концов что-то должно произойти, даже если новые идеи не будут приняты полностью или даже частично. Но они не привлекают внимания, если будут

представлены просто в абстрактном виде, без связи с реальной жизнью. Они должны принести доказательства того, что, будучи принятыми и воплощенными в жизнь, они будут иметь практическую пользу, что они придадут дополнительную силу нации.

Именно это произошло в 1854 году, когда адмирал Перри потребовал въезда в Японию. Люди внезапно очнулись от своего сна, длившегося два с половиной века, и обнаружили, что с тех пор, как они закрыли глаза, возникли новые народы, среди которых действовали новые идеи, придававшие им силу, совершенно неизвестную Востоку и даже загадочную для него. Эти идеи касались не только изготовления пушек, строительства кораблей, изобретения машин, укрощения и использования сил природы, но и методов управления и права, а также странных представлений о религии и долге, о семье и человеке, которые, по словам иностранцев, имели неоценимую ценность и значение. Потребовалось всего несколько лет общения с западными народами, чтобы убедить самых консервативных в том, что, если японцы сами не смогут овладеть секретом их силы, либо переняв их оружие, либо их цивилизацию, они сами должны будут угаснуть перед более сильными нациями. Необходимость самосохранения стала первым мощным стимулом, вбившим новые мысли в безвольные мозги.

Нет никаких сомнений в том, что японцы были правы в таком анализе ситуации. Если бы они настаивали на сохранении старых методов национальной жизни, общественного устройства и древних обычаев, результат не вызывал бы сомнений. Африка и Индия последних десятилетий, а также Китай и Корея последних лет говорят об этом слишком ясно. Те, кто знает ход договорных конференций и вооруженных столкновений, как при Симоносеки и Кагосиме, между Японией и иностранными государствами, не сомневаются, что Япония, разделенная на кланы и упорствующая в своей любви к феодализму, давно бы стала территорией какой-нибудь европейской державы. Ее спасло то, что она обладала удивительным сочетанием национальных особенностей - способностью к наблюдению, оценке и подражанию. Одним словом, ее чувствительность к окружающей среде и готовность реагировать на нее оказались ее спасением.

Но главное, на чем я хотел бы сделать особый акцент, - это то, что основной элемент формы, в которой пришло избавление, заключался в приобретении множества новых идей. Их преподносили люди, которые искренне верили в них и, по общему признанию, обладали силой, которой не обладали сами японцы. Хотя японцы и не могли породить эти идеи, они все же оказались способны понять и оценить их - по крайней мере, в некоторой степени. Поначалу их привлекало то, что относилось главным образом к внешним проявлениям цивилизации, то, что сразу же способствовало бы полной политической централизации нации. С большой скоростью они переняли западные представления о войне и оружии. Они отправляли своих молодых людей за границу для изучения цивилизации иностранных народов. За большие деньги они также наняли множество иностранцев, чтобы те научили их в своей стране тому, чему они хотели научиться. Так японцы быстро освоили детали тех идей, которые менее пятидесяти лет назад были для них не только странными, но и одиозными.

Под их влиянием условия, которые, как показывает история, наиболее благоприятны для непрерывного роста цивилизации, были определенно приняты и утверждены народом, а именно: народные права, свобода личности отличаться от прошлого, насколько это не мешает национальному единству, и прямая ответственность и связь каждого человека с нацией без какой-либо посреднической группы. Эти права и свободы обеспечиваются конституцией и законами, принимаемыми представительными законодательными органами. Правительство, основанное на обсуждении, было справедливо введено в действие.

В эти годы перемен старались оставить старый социальный порядок как можно более ненарушенным. Например, надеялись, что реорганизация военных и военно-морских сил империи будет достаточной без нарушения феодального порядка и без упразднения феодальных государств. Но вскоре это оказалось неэффективным. Некоторое время также считалось, что принятие западных методов управления может быть осуществлено без нарушения старых религиозных идей и без отмены эдиктов против христианства. Но опыт вскоре показал, что старая цивилизация была единым целым. Ни одна часть не могла быть изменена без ущерба для всей структуры. Стоило опрокинуть один блок в длинном ряду, составлявшем их феодальный общественный строй, как каждый последующий блок трогался и падал, пока не оставалось ничего прежнего. Выяснилось также, что старые идеи образования, путешествий, юриспруденции, пыток и наказаний, социальных рангов, отношения человека к государству, государства к семье и религии к семье были более или менее ущербны и непригодны для новой цивилизации. Перед этим новым движением все препятствующие идеи, однако, санкционированные древностью, должны были отступить. Сегодняшние японцы смотрят, как на новую землю и новое небо. Те, кто был сорок лет назад, были бы поражены не только огромными изменениями во внешнем облике, жизни и управлении, но и трансформацией, которая охватила каждый элемент старой цивилизации. Если выразиться точнее, то теперь не сын подчиняется отцу, а отец - сыну. Уже не правители командуют народом, а народ командует правителями. Теперь не народ трудится, чтобы содержать государство, а государство трудится, чтобы защищать народ.

Будет ли внедрение этих новых идей и практик считаться прогрессом или нет, зависит от взглядов на цель жизни. Если она такова, как утверждается в предыдущей главе, то, несомненно, преобразование Японии следует считать прогрессом. Однако я обращаю внимание на то, что важнейшим условием прогресса является обретение новых идей, каков бы ни был их источник. Япония не только взяла на вооружение огромное количество этих идей, но и приняла такую социальную структуру, которая стимулирует непрерывное производство новых идей через развитие индивидуальности. Таким образом, она находится на истинной линии непрерывной прогрессивной эволюции. Подражая более сильным нациям, она ввела в свою систему живительную кровь свободных дискуссий, народного образования, всеобщих прав и свобод личности. Одним словом, она стала индивидуалистической нацией. Она ввела социальный порядок, способствующий широкому развитию личности.

Важность второго направления прогресса, физического, кажется слишком очевидной, чтобы требовать подробного рассмотрения. Но о преимуществах, которые дает Японии ее простая немеханическая цивилизация, и об ошибке, которую она совершает, перенимая механическую цивилизацию Запада, уже так много сказано изящными и компетентными авторами, что не будет лишним остановиться на этом несколько минут. Я хочу показать, что второй элемент прогресса заключается во *все более широком использовании механизмов*.

Восторженный поклонник Японии вряд ли найдет слова, чтобы в достаточной мере восхвалить простоту ее цивилизации до Мэйдзи. Никакая мебель не вносит беспорядка в комнату; никакие механизмы не напрягают слух своими стонами или глаз своей неприглядностью. Ни одна фабрика не затягивает небо дымом. Поезда, проносящиеся по городам и весям, не тревожат спящих и не пугают младенцев. Простая кровать на полу, соломенная сандалия на ноге, деревянные палочки вместо ножей и вилок, небольшое разнообразие продуктов и кухонной утвари, простая, домотканая одежда из хлопка, очаровательные дома, такие маленькие, аккуратные и чистые - все, что относится к старой Японии, находит отклик в глазах восторженного поклонника из Запада. Один из таких

писателей в своей искусно написанной статье, призванной доказать превосходство исконной японской цивилизации над цивилизацией Запада, использует следующие формулировки: "Способность жить без мебели, без вещей, с минимально возможным количеством опрятной одежды показывает не только преимущество, которым обладает японская раса в борьбе за жизнь; она также показывает реальный характер некоторых слабостей нашей собственной цивилизации. Она заставляет задуматься о бесполезной многочисленности наших повседневных потребностей. Мы должны иметь мясо, хлеб и масло, стеклянные окна и огонь, шляпы, белые рубашки и шерстяное белье, сапоги и туфли, чемоданы, сумки и коробки, кровати, матрасы, простыни и одеяла; без всего этого японец может обойтись, и ему действительно лучше обойтись"^[G] Конечно, в этом можно найти много правды, и нельзя отрицать очарование более простой цивилизации, но заключительная фраза цитаты - это допущение без обсуждения спорного момента. Действительно ли японцам лучше без этих орудий западной цивилизации? Очевидно, сами они так не считают. Ибо, просматривая список, приведенный цитируемым писателем, понимаешь, насколько широко японцы переняли эти западные приспособления. Едва ли в Японии не используется какой-либо предмет, и, конечно, покупатель полагает, что он добавляет ему здоровья или комфорта. Свидетельство тому - сотни тысяч соломенных шляп, стеклянные витрины повсюду, мясные лавки в каждом городе империи. Очарование иностранной моды не является достаточным объяснением для быстрого распространения иностранных изобретений.

То, что в нашей западной цивилизации нет бесполезных или даже дурных черт, не оспаривается ни на минуту. Накрахмаленную рубашку, конечно, можно попросить дать отчет о себе и оправдать свое дальнейшее существование, если это возможно. Но я думаю, что можно отстоять утверждение, что подавляющее большинство орудий нашей западной цивилизации имеют свое определенное место и ценность, либо внося непосредственный вклад в комфорт и счастье их обладателя, либо увеличивая его здоровье и силу, а также общую умственную и физическую мощь. Что же делает жителя Запада долгожителем по сравнению с японцем? Почему он здоровее? Почему он более умен? Почему он более развитая личность? Почему его дети более энергичны? Или, если поменять местами вопросы, почему население Японии увеличивается скачками с момента внедрения западной цивилизации и медицинской науки? Почему подрастающее поколение так свободно от болезней? Почему число слепых неуклонно сокращается? Почему так быстро множатся механизмы - дзинрикиши, железные и автомобильные дороги, водопроводы и канализации, стулья, столы, шляпы и зонтики, лампы, часы, стеклянные витрины и обувь? Можно задать сотню подобных вопросов, на которые нет необходимости давать однозначные ответы.

Дальнейшее обсуждение деталей кажется излишним. Однако все значение этого момента вряд ли можно оценить без понимания великого принципа, лежащего в его основе. Единственный способ, с помощью которого человек стал и продолжает все больше превосходить животных, - это использование механизмов. Животное делает с помощью грубой силы то, что человек достигает с помощью различных приспособлений. Изобретательность разных рас сильно различается. Но везде самые развитые - самые сильные. Возьмите отдельного человека более развитой расы и отделите его от его инструментов и машин, и, несомненно, верно, что он не сможет в некоторых отдельных пунктах конкурировать с человеком менее развитой расы. Но пусть десять тысяч мужчин более высокого уровня развития соревнуются с десятью тысячами более низкого, каждый из которых использует механизмы, находящиеся под его контролем, и разве могут быть сомнения в том, кто из них выше?

Другими словами, метод человеческого прогресса в немалой степени заключается в постепенном овладении природой, сначала через ее понимание, а затем через использование ее огромных сил с помощью подходящих механизмов. Все машины и мебель, инструменты и одежда, дома и консервы, туфли и сапоги, железные дороги и телеграфные линии, пишущие машинки и часы, и десять тысяч других так называемых "препятствий" окцидентальной цивилизации - это всего лишь устройства, с помощью которых западный человек стремится увеличить свое здоровье, свое богатство, свои знания, свой комфорт, свою независимость, свою способность путешествовать - одним словом, свое благополучие. С помощью этих механизмов он овладевает природой. Он извлекает из природы богатую жизнь; он уничтожает время и пространство; он бросает вызов бурям; он прокладывает тоннели в горах; он добывает драгоценные руды и металлы из скалистых холмов; волшебным прикосновением он ослабляет хватку стихий и заставляет их отдать свое золото, свое серебро и, что еще ценнее, свое железо; из них он строит свои просторные города и парки, свои железные дороги и океанские пароходы; он путешествует по всему миру, не боясь ни зверей, ни чужих людей; все подчиняется его командам и воле. Он исследует и знает устройство звездных миров не меньше, чем того мира, в котором живет сам. С помощью своих приборов он исследует бесконечные глубины небес и не менее бесконечные глубины микроскопического мира. Все эти отвергнутые "препятствия", таким образом, приносят расе, обладающей ими, богатство жизни, как физической, так и психической, практической и идеальной, которое иначе недостижимо. С их помощью он обретает и получает внешнее выражение реальности своей внутренней природы, своей свободы, своей личности. Правда, вместо того чтобы приносить здоровье и долгую жизнь, знания и глубокое наслаждение, они могут стать средством самых горьких проклятий. Но урок, который следует извлечь из этого факта, заключается в том, как правильно использовать эти силы, а не в том, как полностью запретить их использование. Их не следует клеймить как препятствия на пути прогресса.

Недостатком современной цивилизации является не столько многочисленность машин, сколько ущербный взгляд на истинную природу и законную цель прогресса, который до сих пор ослепляет глаза людей. Индивидуальное, эгоистическое счастье все еще является идеалом слишком многих мужчин и женщин, чтобы допустить идеал, который несет Золотое Правило на рынки и фабрики, в политику партий и наций, что необходимо для достижения наивысшего прогресса. Но никто, кто окинет взглядом столетия борьбы и усилий, в течение которых человек медленно прокладывал себе путь от зверя к человеку, не сможет усомниться в том, что прогресс был достигнут. Ценность характера становилась все более очевидной, а обладание им - желанным. Истинная цель усилий и развития никогда не была так ясна, как в конце девятнадцатого века. Никогда прежде условия прогресса не были столь яркими не только для немногих избранных в одной или двух странах, но и для множества людей во всем мире. Изоляция и разделение навсегда ушли из этого мира. Свободное общение между народами позволяет широко распространять идеи и применять их в практической жизни в виде социальной организации и механических изобретений. Это дает возможность более или менее отсталым в социальном и цивилизационном развитии народам в относительно короткое время получить преимущества, завоеванные передовыми народами веками труда и при благоприятных обстоятельствах. Таким образом, нация стимулирует нацию, каждая из которых предоставляет другой важные вариации идей, обычаев, институтов и механизмов, возникших в результате длительной дивергентной эволюции. Преимущества, медленно приобретаемые передовыми народами, быстро передаются через социальную наследственность любой отсталой расе, действительно желающей войти в социальное наследие.

Таким образом, парадокс недавнего прогресса Японии становится вполне объяснимым.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЯПОНЦЕВ К ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

С этой главы мы начинаем более детальное изучение японской социальной и психической эволюции. Мы рассмотрим различные характеристики расы и попытаемся объяснить их, показав их происхождение в особой природе социального порядка, который так долго преобладал в Японии. Это исследование японского психогенеза. Вопрос, к которому мы будем постоянно возвращаться, заключается в том, является ли рассматриваемая характеристика врожденной, врожденной и, следовательно, неизбежной. От ответа на этот вопрос зависит не только наша интерпретация японской эволюции, прошлой, настоящей и будущей, но и наше понимание сущности социальной эволюции в целом.

Естественно, мы начнем с той характеристики японской природы, которая представляется более врожденной, чем любая другая, о которой будет сказано позже. Я имею в виду их чувствительность к окружающей среде. Японцы быстрее, чем представители других рас, воспринимают и приспосабливаются к изменившимся условиям.

История последних тридцати лет - яркая иллюстрация этой особенности. Желание подражать иностранным народам не было реальной причиной свержения феодализма, скорее, это было более или менее осознанное чувство, быстро пронизывающее весь народ, что феодальная система не сможет сохранить национальную целостность. Как уже говорилось, этот вопрос был не столько обдуман, сколько прочувствован. Но такую обширную иллюстрацию труднее оценить, чем отдельные примеры, которых я отметил несколько.

Во время беседы с докторами Форсайтом и Дейлом, из Кембриджа (Англия), я спросил, в частности, об их опыте общения с японскими студентами, которые приезжали туда учиться. Они оба отметили тот факт, что все японские студенты легко поддаются влиянию тех, с кем они обычно общаются; настолько, что в течение короткого времени они приобретают не только покррой пальто и брюк, но также манеру поведения и акцент тех, с кем они живут. По их словам, было забавно наблюдать за тем, какие изменения происходили с теми, кто отправлялся на континент на долгие каникулы. Из Франции они возвращались с ярко выраженными французскими манерами, тонами и одеждой, а из Германии привозили отличительные знаки немецкой чопорности в манерах и общей осанке. Еще более любопытно, что один и тот же студент может демонстрировать оба варианта, если он провел одно лето в Германии, а другое - во Франции.

Японская чувствительность проявляется во многих неожиданных случаях. Одна наблюдательная дама-миссионерка как-то заметила, что часто удивлялась, как такие непокорные, своевольные дети, выросшие в условиях японского воспитания или его отсутствия, в конце концов становятся такими уважаемыми членами общества. Она пришла к выводу, что вместо того, чтобы наказывать их за проступки, их высмеивают. Детям постоянно говорят, что если они сделают то-то и то-то, то над ними будут смеяться - ужасная вещь.

Таким образом, страх осмеяния выполняет важную социологическую функцию в поддержании этических норм. О его силе можно судить по тому, что в древние времена, когда самурай давал расписку о возврате одолженной суммы, единственной гарантией было разрешение на то, что в случае неудачи над ним будут смеяться прилюдно. Японский юноша, который делает для меня машинописную копию этих страниц, рассказывает, что, будучи еще молодым, он услышал обращение к детям, которое помнит до сих пор. Оратор спросил, что является самым страшным в мире. Дети дали множество ответов: "змеи", "дикие звери", "отцы", "боги", "призраки", "демоны", "сатана", "ад" и т. д. Все это было признано страшным, но оратор сказал детям, что больше всего нужно бояться другого, а именно: "над которым можно смеяться". Эта речь с ее яркими иллюстрациями произвела неизгладимое впечатление на мальчика, и, прочитав то, что я написал, он понял, насколько сильным мотивом был страх перед насмешками в его собственной жизни, а также насколько большую роль он играет в нравственном воспитании молодежи в Японии.

Естественно, что этот страх быть осмеянным приводит к тщательному и детальному наблюдению за одеждой, манерами и речью окружающих и быстрому подражанию им. Таким образом, легко понять чувствительность японских студентов к каждой новой обстановке. И эта восприимчивость к окружающей среде имеет как свои преимущества, так и недостатки. Я уже упоминал о том, что она помогает установить индивидуальное соответствие этическим нормам. Феноменальный успех многих реформ в Японии можно легко объяснить национальной чувствительностью к иностранной критике. В ходе работы будет приведено множество примеров этого, но два можно упомянуть сейчас. В соответствии с древними обычаями существовала большая, если не сказать полная, свобода в отношении использования одежды людьми. Очевидное безразличие, проявляемое ими в вопросах наготы, привело к тому, что иностранцы называли этот народ нецивилизованным. Эта критика всегда была неприятной, и не без оснований. Во многих отношениях их цивилизация не уступала цивилизации любого другого народа, но в этом отношении они действительно напоминали и продолжают напоминать полуцивилизованные народы. Однако в ответ на эту иностранную критику в начале эпохи Мэйдзи был принят закон, запрещающий наготу в городах. Требование, чтобы общественные купальни были разделены на два отдельных отделения, одно для мужчин, другое для женщин, также было обусловлено мнением иностранцев. О том, что это именно так, можно судить по тому, что исполнение этих законов в основном происходит там, где много иностранцев, в то время как во внутренних городах и деревнях им уделяется гораздо меньше внимания. Однако следует признать, что теперь, спустя двадцать пять лет после их принятия, власти почти повсеместно начинают их исполнять.

Другой иллюстрацией чувствительности к иностранному мнению является нынешнее состояние японской мысли об управлении Формозой. Правительство подвергается жесткой критике со стороны многих ведущих газет за допущенные там просчеты. Но любопытной особенностью является постоянное упоминание о презрении, которому подвергнется Япония в глазах всего мира - как будто мнение других стран является наиболее важным вопросом, а не праведность и честность самого правительства. Интересно отметить, как часто мнение других стран о Японии становится главной мыслью в сознании людей.

В этой связи следующая выдержка занимает свое место:

В очень большом количестве школ по всей стране ученикам были даны специальные инструкции по поведению с иностранцами. Из различных источников мы почерпнули следующие указания, касающиеся особых моментов, которые мы излагаем как можно короче.

- (1) Никогда не окликайте иностранцев, проходящих по улицам или дорогам.
- (2) Когда иностранцы обращаются с вопросами, отвечайте им вежливо. Если вы не можете их понять, сообщите об этом в полицию.
- (3) Никогда не принимайте подарок от иностранца, если нет причины его дарить, и не берите с него ничего сверх положенного.
- (4) Не толпитесь возле магазина, когда иностранец делает покупки, тем самым вызывая у него раздражение. Продолжение этой практики позорит нас как нацию.
- (5) Поскольку все люди - братья и сестры, нет причин бояться иностранцев. Относитесь к ним как к равным и ведите себя честно во всех отношениях с ними. Не будьте ни раболепными, ни высокомерными.
- (6) Остерегайтесь объединяться против иностранца и не любить его за то, что он иностранец; о людях нужно судить по их поведению, а не по их национальности.
- (7) По мере того как общение с иностранцами становится все более тесным и растягивается на несколько лет, возникает опасность, что многие японцы могут увлечься их нравами и обычаями и оставить старые добрые обычаи своих предков. От этой опасности нужно быть начеку.
- (8) Правильным способом приветствия иностранца является снятие шляпы. Низкое сгибание тела не приветствуется.
- (9) При виде иностранца обязательно прикрывайте обнаженные части тела.
- (10) Высоко цените поклонение предкам и относитесь к своим отношениям с теплым радушием, но не считайте человека своим врагом из-за того, что он христианин.
- (11) В путешествиях по миру вам часто будет совершенно необходимо знание иностранного языка.
- (12) Остерегайтесь продавать свои души иностранцам и становиться их рабами. Не продавайте им ни домов, ни земель.
- (13) Стремитесь к тому, чтобы не быть побежденными в соперничестве с иностранцами. Помните, что верность и сыновья почтительность - наши самые ценные национальные сокровища, и ни в коем случае не нарушайте их.

Многие из вышеперечисленных правил имеют прекрасный тон. Однако номер 7, пришедший из Осаки, несколько узок и предвзят. Предписание не продавать дома иностранцам, как отмечает "*Дзидзи Симпо*", абсурдно и озорно.^[H]

Чувствительность людей также работает на благо нации в том социальном единстве, которое она помогает обеспечить. Действительно, я не могу избавиться от убеждения, что поразительное единство японцев в значительной степени обусловлено этой особенностью. Она делает их умственную и эмоциональную деятельность синхронной. На какое-то время это, конечно, замедляет реформы, но затем ускоряет их. Из-за этого отдельным людям трудно оторваться от своего окружения и начать действовать по-новому. Она ведет к общему прогрессу, в то время как индивидуальный прогресс тормозится. Он стремится втянуть обратно в общее течение национальной жизни тех, кому в исключительных условиях удалось на время вырваться из него. Это, я думаю, один из факторов не малой силы, действующих

среди христианских церквей в Японии. Это также один из факторов, который сами японцы мало воспринимают; насколько я заметил, иностранцы также не осознают его силу.

С этой чувствительностью к окружающей среде тесно связаны другие качества, которые делают ее эффективной. К ним относятся: большая гибкость, приспособляемость, ловкость (как умственная, так и физическая), способность к пристальному вниманию к деталям и точному подражанию.

Противоположностью всему этому является отсутствие гибкости у китайцев. Сравните китайца и японца после того, как каждый из них прожил в Америке год. Один из них, судя по всему, американец; его шляпа, одежда, манеры настолько похожи на американские, что если бы не его маленький рост, монгольский тип лица и плохой английский, его легко можно было бы принять за американца. Совсем другое дело - китаец! Он держится за свою диковинную реплику с упорством, которое столь же сильно, сколь и характерно. Его шляпа - обычная, принятая у всех китайских иммигрантов. Его одежда тоже, хотя и далека от китайской, но, тем не менее, совершенно не американская. Он не прилагает никаких усилий, чтобы соответствовать своему окружению. Кажется, что он гордится своей обособленностью.

Стремление японца соответствовать обычаям и внешнему виду окружающих объясняется тем, что я назвал чувствительностью; его успех объясняется гибкостью его психической конституции.

Но эта особенность проявляется во множестве мелочей. Новая мода на прически в соответствии с западными стилями; ношение западных шляп и западной одежды, которая теперь повсеместно распространена в армии, среди полицейских, среди чиновников и образованных людей; использование стульев и столов, ламп, окон и других западных вещей в немалой степени объясняется гибкостью ума, который с готовностью принимает новые идеи и новые пути; Он готов попробовать новые вещи и новые слова, а после испытания, если они покажутся ему удобными, полезными или даже забавными, сохранить их навсегда, и эта гибкость отчасти является причиной того, что японцы считаются непостоянным народом. Они так легко принимают новые способы, что те, кто не обладает этой способностью, не могут объяснить это иначе, как непостоянством. Миссионер в Японии часто удивляется, встречая прекрасного, опытного джентльмена, которого он знал несколько лет назад грубым, нескладным юношей. Я убежден, что именно обладание этим набором характеристик позволило Японии так быстро ассимилировать многие элементы чужой цивилизации.

Однако в этой гибкости ума и восприимчивости к изменившимся условиям есть и поразительные исключения. К ним можно отнести многие обычаи и приспособления чужих народов, которые, хотя и были приняты народом, не были полностью изменены в соответствии с его собственными потребностями. В качестве примера можно привести китайскую идеографию, для изучения которой даже в современном школьном учебнике не существует расположения иероглифов в порядке их сложности. Возможность упростить колоссальную задачу запоминания этих некоррелированных идеограмм, похоже, не приходила в голову японцам, хотя сейчас ее пытаются решить иностранцы. Возможно, частичное объяснение этого очевидного исключения из обычной гибкости людей в условиях, которые они встречают, можно найти в их относительном отсутствии оригинальности. Тем не менее я склонен отнести это к большей чувствительности японцев к личному и человеческому, чем к безличному и физическому окружению.

Обычное объяснение группы характеристик, рассматриваемых в этой главе, заключается в том, что они являются врожденными, обусловленными строением мозга и нервов, и приобретаются каждым поколением посредством биологической наследственности. При внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что это совсем не объяснение. Принимая характеристики как эмпирические необъяснимые факты, от реальной проблемы уклоняются, оттесняя ее в доисторические времена, удобную свалку биологических, антропологических и социологических трудностей.

Японская гибкость, подражательность и чувствительность к окружающей среде должны быть объяснены тщательным рассмотрением национальной среды и социального порядка. Современная психология обратила внимание на удивительную роль, которую играет подражание, сознательное и бессознательное, в эволюции человеческой расы и в объединении социальной группы. Профессор Ле Тард заходит так далеко, что считает это основополагающим принципом человеческой эволюции. Он показал, что он постоянно действует в жизни каждого человека, изменяя все его мысли, поступки и чувства. В эволюции цивилизации редкий человек думает, миллионы подражают.

Легкое рассмотрение того, как развивалась цивилизация в странах Запада, убедит любого в том, что подражание играет ведущую роль. Япония, таким образом, не является уникальной в этом отношении. Периоды массового подражания действительно привлекают к ней особое внимание. Но быстрота этого движения была обусловлена особенностями ее среды. Долгие периоды она находилась в полной изоляции, а когда вступала в контакт с иностранными народами, то обнаруживала, что они настолько опережают ее во многих важных аспектах, что быстрое подражание было единственным путем, оставленным ей неумолимыми законами природы. Если бы она не подражала Китаю в древности и Западу в современности, ее независимость, если не существование, вряд ли бы сохранилась.

Поэтому подражание признанным более высоким цивилизациям было неотъемлемым, сознательным элементом общественного устройства Японии, и в такой степени, как, возможно, не было в общественном устройстве любой другой расы.

Отличие японского подражания от подражания других народов заключается в том, что если последние, как правило, презируют чужие расы и не признают превосходства чужих цивилизаций в целом, подражая лишь отдельным деталям, часто без признания, а иногда и без осознания, то японцы, напротив, неоднократно оказывались в таких обстоятельствах, что видели превосходство чужих цивилизаций в целом и желали их всеобщего принятия. Это породило дух подражания среди всех представителей расы. Это стало частью их социального наследия. Это объяснение во многом объясняет разительную разницу между японцами и китайцами в странах Запада. Японцы едут на Запад, чтобы приобрести все, что Запад может дать. Китаец же едет, стараясь противостоять его влиянию. Дух японца делает его быстро восприимчивым к любым изменениям в окружающей среде. Он постоянно подмечает детали и приспосабливается к обстоятельствам. Дух китайца, напротив, делает его совершенно невосприимчивым к окружающей среде. Его разум закрыт. При особых обстоятельствах, когда китаец освобождается от предрассудков своего социального наследия, он показывает себя таким же способным к оксидентализации в одежде, речи, манерах и мыслях, как и японец. Такие случаи, однако, редки.

Но еще более действенным фактором в развитии рассматриваемых характеристик является природа японского феодализма. Одной из его характерных черт был акцент на полном подчинении нижестоящих вышестоящим. Этот фактор действовал в Японии всегда и везде. Ни один человек не был вне его мощного влияния. Внимание к деталям, абсолютное

послушание, постоянное, сознательное подражание, скрытность, подозрительность - все это было высоко развито в этой социальной системе. Каждая из этих черт является особой формой чувствительности к окружающей среде. С древнейших времен инициатива начальства была необходима для широкого принятия народом любой новой идеи или обычая. Христианство было принято в шестнадцатом веке, а буддизм - в восьмом, потому что за них выступали высокопоставленные лица. Превосходство цивилизации Китая в ранние времена и Запада в современную эпоху сначала было признано и принято несколькими вельможами и императором. Завоевав этот авторитет, они быстро стали приемлемы для рядовых граждан, которые наперебой стремились их перенять. Особенностью японцев является готовность, с которой идеи и цели правителей принимаются народом. Это объясняется природой японского феодализма. Он сделал тело нации заметно подчиненным правящему мозгу и наделил Японию уникальной чувствительностью к окружающей среде.

Восприимчивость к небольшим изменениям в чувствах господ и хозяев и соответствующая гибкость были важными социальными чертами, необходимыми продуктами старого социального порядка. Лица, не обладающие этими качествами, неизбежно проигрывали в борьбе за социальное первенство, если не в самой борьбе за существование. Соответственно, эти черты должны быть высоко развиты.

Таким образом, принимая во внимание характер факторов, которые когда-либо действовали на психическую природу японцев, мы ясно видим, что рассматриваемые характеристики не должны быть отнесены к ее врожденной расовой природе, но могут быть в достаточной степени объяснены ссылкой на социальный порядок и социальную среду.

VI

ВОЛНЫ ЧУВСТВ И ПРИВЫКАНИЯ

Давно признано, что японцы эмоциональны, но полное значение этого элемента их натуры далеко не осознано. Он лежит в основе всей их жизни; он определяет умственную деятельность в такой степени и таким образом, что оксиденталы вряд ли могут это оценить. Волны чувств пронесли по стране, неся перед собой все в таком виде, который нередко поражает нас в чужих странах. В этой связи на ум приходит иллюстрация из недавней политической жизни страны. В течение нескольких месяцев до начала недавней войны с Китаем шла длительная борьба между кабинетом министров и политическими партиями, которые были едины в своей оппозиции к правительству, хотя и мало в чем другом. Партии настаивали на том, что кабинет должен быть ответственен перед партией, находящейся у власти в нижней палате парламента, как это принято в Англии, чтобы таким образом они могли стоять и падать вместе. Кабинет же утверждал, что, согласно конституции, он ответственен только перед императором, а значит, нет необходимости менять состав кабинета при каждой смене партийного руководства. В стране разгорелась дискуссия. Один за другим распускались и избирались новые Советы, ни в одном из которых, однако, сторонники Кабинета не могли получить большинства; поэтому Кабинет был не в состоянии провести ни одной из своих характерных мер. Несколько раз оппозиция доходила до того, что отказывалась принимать бюджет, предложенный кабинетом, если только он не был настолько сокращен, чтобы лишить правительство возможности управлять им; постоянно приводилась причина, что кабинет не компетентен управлять расходом таких больших

сумм денег. Прямых обвинений в мошенничестве не было, а просто в некомпетентности. Не раз кабинет министров был вынужден вести правительство в течение года по бюджету предыдущего года, как это предусмотрено конституцией. Настолько сильным было чувство, что столица была полна "соси" - политического сброда, - и возникал страх за личную безопасность членов кабинета. Вся страна была сильно взволнована этим вопросом. Газеты не стеснялись обвинять правительство в расточительности, и казалось, что большой взрыв неизбежен, как вдруг подул ветер с новой стороны и совершенно изменил лицо нации.

О войне с Китаем заговорили шепотом, а потом и вовсе зашумели. События развивались стремительно. Одна-две удачные стычки с китайцами всколыхнули воинственный пыл, таившийся в каждой груди. Вмиг забылась вражда с кабинетом министров. Когда по первому требованию была созвана дополнительная сессия Сейма для голосования о средствах на войну, не было произнесено ни слова о недоверии к Кабинету или его некомпетентности в управлении обычными расходами правительства; напротив, в течение пяти минут после представления правительственного законопроекта о военных ассигнованиях в размере 150 000 000 иен он был единогласно принят.

Такая абсолютная перемена вряд ли могла произойти в Англии или Америке, или в любой другой стране, менее подверженной волнам эмоций. Насколько мне удалось узнать, нация была единым целым в отношении войны. Не было ни малейшего признака "партии мира". Из всех японцев, с которыми я общался, только один выразил хоть малейшее несогласие с войной, и то по религиозным соображениям - он был квакером.

Сила эмоционального элемента, как правило, делает японцев экстремистами. Если они либералы, то они крайне либеральны, если консерваторы, то крайне консервативны. Помешательство на иностранных товарах и обычаях, преобладавшее в течение нескольких лет в начале восьмидесятых годов, сменилось почти столь же сильным отвращением ко всему иностранному.

Эта склонность к крайностям нередко проявлялась и в богословском мышлении японских христиан. Люди, которые годами проводили эффективную работу по укреплению Церкви, люди, которые вывели сотни своих соотечественников из моральной и религиозной тьмы к свету и жизни, внезапно, как оказалось, потеряли всякое понимание истин, которым они учили, и скатились к пределам радикального рационализма, потеряв вместе с евангельской верой свою способность помогать своим ближним, а в некоторых случаях перейдя к жизни в открытом грехе. Интеллектуальные причины, которые они приводили для объяснения своих изменений, показались им недостаточными; окажется, что реальное объяснение этих изменений следует искать не в их интеллектуальной, а в эмоциональной природе.

Однако следует проявлять осторожность, чтобы не слишком подчеркивать эту экстремистскую тенденцию. В некоторых отношениях я убежден, что она скорее кажущаяся, чем реальная. Видимость объясняется молчаливой пассивностью даже тех, кто действительно выступает против нового направления. Естественно, что сторонники новой политики должны быть полны энтузиазма и шума. Чтобы создать у стороннего наблюдателя впечатление, что новый энтузиазм является всеобщим, те, кто его не разделяет, должны просто молчать. В той или иной степени это происходит в каждой стране, но особенно в Японии. Замалчивание своего несогласия - одна из поразительных особенностей японцев. Кажется, что это связано с отказом от личной ответственности. Как часто в опыте миссионера случалось так, что его первое знакомство с трениями в церкви, полностью независимой и самообеспечивающейся и имеющей своего собственного пастора, было молчаливое отступление некоторых членов от привычных мест поклонения. В ходе

расследования выясняется, что делаются или говорятя вещи, которые их не устраивают, и вместо того, чтобы попытаться исправить ситуацию, они просто умывают руки, молча покидая церковь.

Церковь Куми-ай в Кумамото, будучи большой и процветающей, сократилась до менее чем дюжины активных членов только потому, что каждый член, став недовольным высокопарными и радикальными па тор, просто выходил из церкви. Если бы каждый из них стоял на стороне церкви, понимая, что несет перед ней ответственность, от которой долг не позволяет ему уклоняться, консервативные и основательные члены церкви вскоре объединились бы в своей оппозиции к радикальному пастору и, оказавшись в большинстве, смогли бы исправить ситуацию. В случае с извращением трастовых фондов попечителями школы в Кумамото многие японцы чувствовали, что по отношению к американскому совету была допущена несправедливость и на честное имя Японии было наложено пятно, но они ничего не сделали ни для того, чтобы выразить свое мнение, ни для того, чтобы изменить результаты. Они были настолько молчаливы, что мы были склонны считать их либо невежественными в отношении происходящего, либо безразличными к нему. Однако теперь мы знаем, что многие глубоко переживали по этому поводу, но просто молчали по японскому обычаю.

Но молчаливое несогласие не обязательно длится бесконечно, хотя оно может продолжаться годами. Как только поднимающаяся волна чувств сдерживается, и реакция становится очевидной, те, кто до этого молчал, начинают выражать свои реакционные чувства, а те, кто незадолго до этого был на подъеме, начинают в свою очередь выражать молчаливое несогласие. Таким образом, волны усиливаются, как в своем подъеме, так и в своем спаде, благодаря склонности народа к отречению.

И все же, несмотря на склонность нации бросаться из одной крайности в другую под воздействием сменяющих друг друга волн чувств, есть немало уравновешенных людей, которых не несет течением. Устойчивый прогресс, достигнутый нацией за последнее поколение, несмотря на эмоциональные действия и реакции, должен быть в значительной степени обусловлен присутствием в ее среде этих более стабильных натур. Именно эти люди несут ответственность за управление страной. Насколько мы можем судить, они руководствовались не чувствами, а суждениями. Когда нация была вне себя от негодования по поводу вмешательства Европы в договор, завершивший китайско-японскую войну, люди, стоявшие у руля, слишком ясно видели тщетность попыток воевать с Россией, чтобы позволить себе увлечься сентиментальными представлениями о патриотизме. Их был более глубоким и истинным патриотизмом, чем патриотизм основной массы нации, которая, окрыленная недавними победами на суше и на море, жаждала нанести России ту трепку, на которую, по их мнению, была вполне способна.

Отречение - настолько важный элемент японской жизни, служащий для того, чтобы переложить ответственность на молодых, и тем самым помогающий подчеркнуть эмоциональные характеристики народа, что мы вполне можем уделить ему дополнительное внимание в данный момент. Для его описания я не могу сделать ничего лучше, чем процитировать ценное введение Дж. Х. Габбинса к его переводу Нового гражданского кодекса Японии.^[1]

"Японские ученые, исследовавшие этот вопрос, сходятся во мнении, что происхождение нынешнего обычая связано с отречением японских государей от престола, случаи которого встречаются в ранний период японской истории. Эти ранние отречения не зависели от религиозных влияний, но с приходом буддизма отречение вступило в новую фазу. Подражая,

по-видимому, удалению для религиозного созерцания главных жрецов буддийских монастырей, отрекшиеся от престола государи брили головы и вступали в священство, а когда впоследствии этот обычай стал использоваться в политических целях, плащ религии был сохранен. С трона обычай распространился на регентов и высших государственных чиновников, и в двенадцатом веке его соблюдение среди чиновников высокого ранга стало настолько всеобщим, что, как утверждает профессор Сигэно, для таких людей было почти правилом уходить из мира в возрасте сорока или пятидесяти лет и номинально вступать в священство, причем и сам акт, и человек, его совершающий, назывались "ниу-до". Со временем обычай отречения от престола перестал ограничиваться чиновниками и распространился на феодальную знать и военное сословие в целом, откуда распространился по всей стране, и на этой стадии перехода становится понятна его связь с той фазой, которую он в итоге принял. Но с выходом за пределы круга официальных сановников и последующим разрывом с традицией и религиозными ассоциациями, реальным или номинальным, отречение изменило свое название. Его стали называть уже не "ниу до", а "ин кио", причем старое слово сохранилось только в своем строгом религиозном значении, а "инкё" - это термин, используемый и по сей день.

"Несмотря на религиозное происхождение отречения, его связь с религией давно исчезла, и можно сказать, не боясь противоречия, что современный японец, отрекаясь от престола, ни в коей мере не руководствуется чувством, которое побуждало европейских монархов в прошлые времена заканчивать свои дни в уединении монастыря и которое сегодня находит выражение в ирландской фразе: "Сделать свою душу". Помимо влияния традиционных условностей, которые имеют значение и объясняют ту огромную власть над нацией, которую приобрел этот обычай, мотив, похоже, сродни тому, что заставляет людей в некоторых западных странах уходить из активной жизни в том возрасте, когда телесная немощь не может служить причиной. Но с той большой разницей, что в одном случае, в западных странах, отказываются от бизнеса или профессии, от активной жизненной деятельности, при этом положение человека по отношению к семье остается незатронутым; в другом случае отказываются от положения главы семьи, что приводит к полному исчезновению человека по отношению к семье. Более того, хотя отречение от престола обычно подразумевает отказ от бизнеса или профессии того, кто отрекается, это не обязательно следует за этим: отречение никак не может быть несовместимо с продолжением активной деятельности, которой занимается данное лицо. И если оправдание необходимо в любом случае, то оно должно быть более весомым для главы японской семьи, который, в дополнение к обязанностям и ответственности, лежащим на его положении, должен нести основную тяжесть утомительных церемоний и соблюдений, которые характеризуют семейную жизнь в Японии и являются серьезным налогом на время и энергию, в то же время он скован ограничениями индивидуальной свободы действий, налагаемыми семейной системой. О том, что во многих случаях причина отречения кроется в желании вырваться из тиранических семейной жизни, а не в простом стремлении к безделью и легкости, говорит тот факт, что как в прошлые времена отречение императора, регента или государственного сановника часто становилось сигналом для возобновления активности с его стороны, так и в современной японской жизни период наибольшей активности человека нередко датируется временем его отстранения от руководства семьей."

Склонность нации к отречению от престола в период до Мэйдзи хорошо видна из официального списка даймё, опубликованного сёгунатом в 1862 году. К списку из 268 правящих даймё добавляется список из 104 "инкё".

В дополнение к тому, что мы можем назвать политическим и семейным отречением, описанным выше, существует личное отречение, о котором говорилось на предыдущей странице.

Являются ли черты японского характера, рассмотренные в этой главе, неотъемлемыми и необходимыми? Уже наше описание убедительно показало, что они обусловлены природой общественного строя. Это было очевидно в отношении политического и семейного отречения. Подобное происхождение личного отречения очевидно для того, кто узнает, как мало было в древнем обучении того, что давало каждому человеку "чувство независимой ответственности перед собственной совестью в глазах Неба". Его учили преданности человеку, а не принципу. Обязанность гостя заключалась не в том, чтобы думать и решать, а в том, чтобы делать. Он мог молча выражать неодобрение и, насколько это возможно, держаться подальше от своего господина; если же он осмеливался думать и действовать вопреки приказам своего господина, он должен был ожидать и планировать совершить "харакири" в ближайшем будущем. Личное отречение и молчаливое неодобрение, таким образом, были прямым следствием социального порядка.

VII

ГЕРОИ И ПОКЛОНЕНИЕ ГЕРОЯМ

Если изучение природы богов, которым поклоняется нация, позволяет понять ее характер, то не менее ценное представление о ней дает изучение ее героев. Такое исследование подтверждает впечатление, что эмоциональная жизнь является основополагающей в японском темпераменте. Япония - нация поклонников героев. И это не преувеличение. Не только первобытная религия, синтоизм, систематически поклоняется героям, но и каждый известный истории герой обожествлен, и у него есть святиня или храм. И все эти герои - люди выдающейся доблести или силы, прославившиеся могучими и смелыми поступками. Это люди страсти. Самая популярная история в японской литературе - "Сорок семь ронинов", которые отомстили за смерть своего сеньора после долгих лет ожидания и заговоров. Отомстив, они совершили харакири в соответствии с этикетом этического кодекса феодальной Японии. Их гробницы и по сей день являются одними из самых посещаемых святинь в столице страны, а одна из самых популярных драм, представленных в театрах, основана на этой же героической трагедии.

О том, что эмоциональный элемент играет важную роль, можно судить по популярному описанию национальных героев. Образ идеального японского героя предстает перед нами в виде карикатуры. Его лицо искажено неистовой страстью, глаза сверкают, волосы развеваются, а руки с силой сжимают двуручный меч, которым он разрывает на куски врага. Меня часто поражает разница между изображениями японских героев и живыми японцами, которых я вижу. Эта разница, очевидно, обусловлена процессом идеализации; ведь они любят видеть своих героев в их страстных настроениях и временах.

Тяга к героям, даже у тех, кто знаком с западным мышлением и обычаями, представляет большой интерес. Я хорошо помню, с каким энтузиазмом образованные, христианские молодые люди ждали приезда в Японию выдающегося американского ученого, от лекций которого ожидали невозможного. Пока он находился в Америке и были известны только его

книги, он был героем. Но когда он появился лично, ведя себя как любой учтивый джентльмен, он потерял свое возвышенное положение.

Таунсенд Харрис продемонстрировал свое понимание восточной мысли как никогда ярко, сохраняя достоинство в соответствии с японскими стандартами и методами. При первом же въезде в Токио он пишет в своем дневнике, что, хотя он предпочел бы ехать верхом, чтобы увидеть город и людей, но поскольку высшие сановники никогда не делали этого, а всегда ездили в полностью закрытых "норимоно" (вид кресла-седана, которое несут двадцать или тридцать носильщиков), он тоже будет делать то же самое; Въезд в пределы города верхом на лошади был бы истолкован японцами как признание того, что он занимает гораздо более низкое официальное положение, чем полномочный представитель великой нации.

Нетрудно понять, как возникли эти идеалы героев. Они одинаковы в любой стране, где милитаризм, а особенно феодализм, является фундаментом, на котором держится общественный строй.

Некоторые трудности, с которыми сталкиваются иностранные миссионеры, пытаясь выполнить свою работу, связаны с тем, что их нелегко воспринимать как героев. Люди привыкли доверять свое руководство чиновникам, учителям или советникам, которых они могут считать героями. Поскольку миссионеры не являются чиновниками и не обладают манерами героев, не следует ожидать, что японцы примут их руководство.

Однако несколько иностранцев стали героями в глазах японцев. Президент Кларк и преподобный С.Р. Браун оказали огромное влияние на группы молодых людей в первые годы Мэйдзи, давая им светское образование в сочетании с христианским. Однако условия тогда были необычайно исключительными, и примечательно, что ни один из них не задержался надолго в Японии в то время. Другой иностранец, которого преданная группа учеников вознесла до небес, был человеком, вполне подходящим для того, чтобы стать героем, - ведь он в полной мере обладал самурайским духом. В самом деле, в абсолютном бесстрашии и признании своего превосходства он превосходил самураев. Он был человеком впечатляющим и властным. И все же примечательно, что когда после восемнадцатилетнего отсутствия, в течение которого они продолжали превозносить его заслуги и чтить его память, его бывшие ученики вернули его в Японию, то вскоре обнаружили, что он совсем не тот человек, которого создало их воображение. Потребовалось не так много месяцев, чтобы сместить его с пьедестала. Вряд ли было бы справедливым изложением всего дела оставить этот вопрос здесь. Насколько мне известно, президент Кларк и преподобный С.Р. Браун всегда сохраняли свою власть над воображением японцев. Иностранец, который, возможно, сделал для Японии больше всех, и чьи заслуги были наиболее искренне признаны нацией и правительством, - это доктор Гвидо Ф. Вербек, который начал свою миссионерскую работу в 1859 году; он был учителем большого числа молодых людей, которые стали лидерами в преобразовании Японии; он один из иностранцев получил гражданство и бесплатный проездной, а на его похоронах в 1898 году присутствовала вся знать страны, и сам император внес свой вклад в расходы. Доктору Вербеку суждено стать одним из немногих иностранных героев Японии.

Среди признаков тяги японцев к героям можно назвать постоянный опыт миссионеров, когда они ищут человека на то или иное место. Описания желаемого человека таковы, что никто не может ожидать встречи с ним. Христианская школа для мальчиков в Кумамото, а вместе с ней и церковь, целый год оставались без директора и пастора, потому что не могли найти человека с национальной репутацией. Им нужен был директор-герой, который стал бы великой фигурой в местной политике, а также лидером христианской работы на всем острове

Кюсю, чтобы школа сияла не только в Кумамото, но и распространяла свой свет и славу по всей империи и даже в чужих краях. Временно выбранный непритязательный человек, наделенный здравым смыслом и необычной способностью гармонично сочетать различные элементы школы, не был признан удовлетворительным. Он был слишком похож на Сократа. Наконец они нашли человека по своему сердцу. Он много путешествовал и учился за границей; был лихим, блестящим парнем; он, несомненно, заставит все работать, так, по крайней мере, говорили те, кто его рекомендовал (и он так и сделал). Но он все еще был бедным студентом в Шотландии; чтобы обеспечить ему проезд, школа должна была собрать деньги. И они были собраны. Четыреста семьдесят пять долларов эти сто пятьдесят бедных мальчиков и девочек, живших на два доллара в месяц, скудно одетых и недостаточно согретых, забрали у своих родителей и отправили за море, чтобы привезти того, кто должен был стать их героем - директором и пастором. Остальную часть истории мне не нужно рассказывать в деталях, но я могу шепнуть, что он оказался героем-расстригой больше, чем они планировали; через три месяца школа для мальчиков раскололась на две части, а менее чем через три года обе части школы не только потеряли весь свой христианский характер, но и были мертвы и исчезли навсегда. А территория, на которой стояли здания, превратилась в тутовые поля.

Не так давно в разговоре с одним местным другом о склонности японцев к поклонению героям я обратил внимание на то, что, хотя все сказанное выше в основном верно в отношении значительной части народа, особенно молодых людей, тем не менее есть класс, чей идеал героя не военный, а моральный. Их сила проистекает не из самоутверждения, а из смирения; их влияние обусловлено исключительно образованностью в сочетании с пониманием великих нравственных проблем жизни. Таков характер не многих "моральных" учителей. Недавно я прочитал японский роман, основанный на жизни одного из таких героев . Оми Сэйдзин, или "Мудрец из Оми", - имя, хорошо известное среди жителей Японии; его слава основывается скорее на его характере, чем на его знаниях. Если верить традициям, его влияние на жителей своего региона было достаточно сильным, чтобы изменить характер этого места, создав рай на земле, откуда были изгнаны похоть и преступление. Какими бы ни были реальные факты его жизни, именно такое представление о его характере сегодня является предметом почета и подражания. Есть также признаки того, что идеальный военный герой не является для всех людей самоуверенным типом, который я описал выше, хотя он, несомненно, является преобладающим. Не так давно я услышал следующее двустишие о природе настоящего героя:

"Makoto no Ei-yu;
Sono yo, aizen to shite shumpu no gotoshi;
Sono shin, kizen to shite kinseki no gotoshi.

"Истинный Герой;
Внешне очарователен, как весенний ветерок.
В сердце тверд, как скала".

Еще одна фраза, которую я встречал в отношении идеального мужчины, звучит так: "I atte takakarazu", что на простом английском означает "обладающий властью, но не надутой". Учитывая эти факты, не стоит думать, что идеалом всех японцев является или даже в прежние времена был только военный герой, полный чванства и крикливости; в военную эпоху такой идеал, конечно, был бы популярным; но пропорционально тому, как люди поднимались к более высоким формам обучения и характера, поднимались и их идеалы.

Не следует легкомысленно полагать, что дух поклонения героям - это сплошное зло или обязательно вредная вещь. У него есть свои преимущества и награды, а также опасности и зло. Существование поклонения героям в любой стране свидетельствует о наличии в народе натуры, способной на героические поступки. Люди ценят и восхищаются тем, чем они, по крайней мере, в какой-то степени являются, и еще больше тем, кем они стремятся стать. Недавняя война показала, что способность к воинственному героизму скрыта в каждой японской груди, а не только в потомках старого военного сословия. Но более обнадеживающим является тот факт, что народное признание нравственных героев растет.

Образование и религия воспитывают современных нравственных героев. Покойный доктор Нисима, основатель Дошиша, является героем для многих даже вне церкви. Г-н Исии, отец сиротских приютов в Японии, обещает стать еще одним. Народ, способный воспитывать таких людей и восхищаться ими, имеет в себе материал для действительно великой нации.

Поклонение героям, присущее японцам, зависит от двух других черт их натуры. Первая - это наличие среди них сильных личностей, способных стать героями; вторая - сильная тенденция к идеализации. Профессор Г.Т. Лэдд называл их "сентиментальным" народом, в том смысле, что ими движут сильные чувства. Это заметная черта их характера, проявляющаяся в повседневной жизни множеством способов. Страсть к групповым фотографиям во многом объясняется именно этим. Сентиментализм, в том смысле, который придает ему профессор Лэдд, - это эмоциональный аспект идеализма.

Новый порядок общества реагирует на старый идеал героя и материально модифицирует его. Старомодный самурай, опоясанный двумя мечами, готовый убить личного врага на месте, теперь лишь идеал романтика. В реальной жизни он вскоре оказался бы лишенным свободы и под осуждением не только закона, но и общественного мнения. Новый идеал, с которым я чаще всего сталкиваюсь, совсем иной. Многие, возможно, большинство юношей и мальчиков, с которыми я беседовал о цели их жизни, говорили, что хотят прежде всего получить основательное образование, чтобы в конце концов стать великими "государственными деятелями" и направить нацию по пути процветания и международного могущества. Современный герой - это тот, кто удовлетворяет патриотическую страсть, принося нации заметные успехи. Он должен быть джентльменом, образованным в области науки, истории и иностранных языков; но прежде всего он должен разбираться в политической экономии и праве. Этот новый идеал национального героя был привнесен порядком общества, и в той мере, в какой этот порядок сохраняется, и в какой акцент продолжает делаться на умственной и моральной силе, а не на чине или официальном положении, на внутреннем, а не на случайном, старый идеал будет исчезать, а новый занимать его место. Среди идеализирующего и эмоционального народа, каким являются японцы, различные идеалы, естественно, найдут крайнее выражение. По мере усложнения общества и все большей дифференциации его различных элементов идеалы будут претерпевать те же трансформации. Изучение идеалов, таким образом, служит нескольким целям; оно раскрывает настоящий характер тех, чьими идеалами они являются; оно показывает степень развития социального организма, в котором они живут; оно также делает известной степень дифференциации, которая произошла между различными элементами нации.

VIII

ЛЮБОВЬ К ДЕТЯМ

Одним из аспектов японской жизни, широко отмечаемым и восхваляемым иностранными писателями, является любовь к детям. Детские праздники, такие как третий день третьей луны и пятый день пятой луны, являются общими праздниками для мальчиков и девочек соответственно, и отмечаются с большим весельем по всей стране. В это время всеобщая цель - порадовать детей; у девочек - куклы и выставка кукол предков, у мальчиков - игрушечная атрибутика всех древних и современных форм войны, а огромные надутые ветром бумажные рыбы, символы процветания и успеха, слетают с высоких бамбуков на переднем дворе. Вопреки распространенному среди иностранцев мнению, эти фестивали не имеют ничего общего с празднованием дней рождения. Помимо специальных фестивалей, дети принимают активное участие во всех праздниках и веселых мероприятиях. На знаменитые праздники цветов семьи собираются группами и устраивают пикник на весь день.

Любовь японцев к детям проявляется не только во время праздников. Родители, кажется, всегда готовы обеспечить своих детей игрушками. Как следствие, магазины игрушек процветают. Практически ни одна улица не обходится без магазина.

Еще одна причина, по которой складывается впечатление, что японцы особенно любят своих детей, - это незначительное количество наказаний и выговоров, которые они применяют. Кажется, что дети почти все делают по-своему. Играя на улицах, они всегда на виду, и им предоставляется право проезда.

То, что японцы проявляют большую любовь к своим детям, очевидно. Однако важен вопрос: есть ли она у них в заметной степени, в большей, если верить, чем у американцев? И если да, то обусловлено ли это их природой, или это может быть связано с их семейной жизнью, сформированной социальным порядком? Мне кажется, что в целом японцы не проявляют большей привязанности к своим детям, чем жители других стран, хотя на первый взгляд может показаться, что это так. Среди трудящихся классов есть отец, как правило, находится вне дома в течение всего дня, работая в магазине или на фабрике. Он редко видит своих детей, только по субботам. Конечно, в этом случае отец имеет очень мало возможностей для воспитания и образования детей, а также для проявления привязанности. В Японии, однако, промышленная организация общества все еще такова, что отец большую часть времени находится дома. Фабрик пока мало, магазин обычно не отделен от дома, а является его частью, парадной комнатой. Поэтому в семейную жизнь гораздо меньше вмешиваются промышленные нужды цивилизации, и, соответственно, больше возможностей для проявления отцовской любви к детям. Кроме того, рабочие в Японии часто живут на улице, и увидеть отца, ухаживающего за детьми, - обычное дело. Хотя я редко видел отца с младенцем, привязанным к спине, я часто видел их с младенцами-сыновьями, прижатыми к груди, - интересное зрелище. Этот обычай производит яркое впечатление родительской привязанности. Но, сравнивая средние классы Японии и Запада, можно с уверенностью сказать, что в целом западный отец в большей степени занимается воспитанием и образованием детей, чем японский, и не меньше ласкает и играет с детьми. Если мы можем судить о степени привязанности по признакам ее проявления, мы должны признать, что

западный человек с его привычками целоваться и обниматься гораздо более привязан, чем его восточный родственник. Хотя западный житель, возможно, не придает такого большого значения появлению сына, как восточный, он продолжает с радостью и торжеством отмечать дни рождения всех своих детей, чего не делает восточный. И хотя японцы, когда их спрашивают об этом, неизменно говорят, что празднуют рождение своих детей дней, иностранцы могут с уверенностью сказать, что празднование дня рождения играет очень незначительную роль в радостях и общественной жизни дома.

Нетрудно понять, почему, помимо вопроса о привязанности, японцы должны проявлять особую радость по поводу появления сыновей, и особенно первого сына. Восточная система поклонения предкам и вытекающая из нее религиозная и политическая необходимость поддержания семейной линии вполне объясняют все поздравительные церемонии, которые принято проводить при рождении сыновей. Тот факт, что особая радость испытывается и проявляется при рождении сыновей и в меньшей степени при рождении дочерей, ясно показывает, что господствующие представления о социальном порядке занимают важное место в определении даже такой фундаментальной черты, как привязанность к потомству.

Однако привязанность к детям не ограничивается днем их рождения или периодом младенчества. Чтобы судить о том, насколько разные расы обладают относительной привязанностью к детям, мы должны спросить, как обращаются с детьми в течение всех последующих лет их жизни. Следует признать, что в этом случае преимущество полностью на стороне оксиденталов. Это проявляется не только в демонстрации привязанности, которая сохраняется на протяжении всего детства, а зачастую и всей жизни, но и в активной заботе родителей о благополучии детей, стремлении приучить их к жизненным обязанностям и тщательном наблюдении за их умственным и нравственным воспитанием. В этих отношениях средний западный житель намного опережает среднего восточного.

Мне рассказывали, что с приходом новой цивилизации и появлением новых представлений о женщине, браке и доме сами японцы явно заметили изменения в отношении к детям. Но, несмотря на это, старший сын занимает более видное место в семейных отношениях, а сыновья опережают дочерей.

Таким образом, справедливое изложение ситуации выглядит следующим образом: Низшие и трудящиеся классы Японии, по-видимому, испытывают более заметную привязанность к своим детям, чем те же классы в Западной Европе. Среди среднего и высшего классов, однако, баланс в пользу Запада. На Востоке, хотя, без сомнения, всегда существовала и существует чистая и естественная привязанность, верно и то, что эта естественная привязанность была более смешана с утилитарными соображениями, чем на Западе. Однако в этом отношении японцы-христиане мало чем отличаются от американцев-христиан. Различия между Востоком и Западом в значительной степени обусловлены различиями в производственных и семейных условиях, вызванных общественным строем.

Правильность этого общего утверждения, возможно, будет лучше понятна, если мы подробно рассмотрим некоторые факты японской семейной жизни. Прежде всего обратим внимание на очень слабые, как нам кажется, узы, удерживающие японскую семью вместе. Мы, жители Запада, постоянно удивляемся тому, как семьи могут распадаться на части, как они это постоянно делают. Треть браков заканчивается разводом, а в случае развода дети остаются в семье отца. Казалось бы, любовь матери к своим детям не может быть очень сильной там, где разводы при таких условиях столь распространены. Или, возможно, правильнее было бы сказать, что разводы были бы гораздо более частыми, чем они есть, если бы не любовь матери к своим детям. Ибо я уверен, что многие матери терпят самые

тяжелые условия, чтобы не оставить своих детей. Более того, то, как родители позволяют своим детям уходить из дома, а затем месяцами или даже годами не пишут и не общаются с ними, непонятно, если бы родительская любовь была действительно сильной. И еще, то, как в дом приводятся наложницы, вносящие смуту и раздор, является ярким свидетельством отсутствия глубокой любви отца к матери своих детей и даже к своим собственным законным детям. Можно было бы ожидать, что отец, который действительно любит своих детей, будет желать и планировать их законность; но дети от его наложниц не признаются законными "ipso facto". Еще одним свидетельством в этом направлении является частота усыновлений и разводов. Усыновление в Японии - это в основном, хотя и далеко не исключительно, усыновление взрослого человека; случаи, когда ребенка усыновляет бездетная пара из любви к детям, редки, по сравнению с аналогичными случаями в Соединенных Штатах, по крайней мере, по моим наблюдениям. Недавно я услышал о разговоре на личные финансовые темы между несколькими христианскими евангелистами. После взаимных сравнений они пришли к выводу, что одному из них повезло больше, чем остальным, поскольку ему не приходится содержать свою мать. Поинтересовавшись, миссионер узнал, что этот евангелист, став буддийским священником за много лет до этого, добился от правительства, согласно законам страны, освобождения от этой обязанности. Когда он стал христианином, ему и в голову не пришло, что его долг и привилегия - содержать свою неимущую мать. Могу добавить, что с тех пор эта мысль пришла ему в голову, и он действует в соответствии с ней.

Детоубийство бросает довольно яркий свет на японскую привязанность. Сначала о фактах: Внимание мистера Исии было привлечено к необходимости создания приюта для сирот, когда он услышал, как ребенок, оба родителя которого умерли от холеры, был на грани того, чтобы быть заживо похороненным вместе с мертвой матерью бессердечными соседями, когда его спас рыбак. Некоторые районы Японии издревле пользовались дурной славой из-за этой практики. В Тоса это зло было настолько распространено, что уже много лет существует общество по его предотвращению. Оно помогает содержать детей бедных родителей, у которых может возникнуть соблазн избавиться от них преступным путем. В этой провинции с января по март 1898 года, как мне сообщили, было зарегистрировано "всего" четыре случая осуждения за это преступление. Зарегистрированная ежегодная рождаемость в некоторых деревнях выросла с 40-50 до 75-80, и это без всякой иммиграции извне. Причиной называют сокращение числа детоубийств.

Говоря о детоубийстве в Японии, не стоит забывать, что все расы и народы были виновны в этом преступлении и продолжали быть виновными до тех пор, пока христианство не избавило их от него.

Широко распространенное детоубийство доказывает отсутствие естественной привязанности. Бедность, конечно, является общим аргументом. Однако детоубийством занимались не столько отчаянно бедные, сколько мелкие землевладельцы. Количество сельскохозяйственных земель, которыми владела каждая семья, было строго ограничено и могло прокормить только определенное количество ртов. Если семья превышала это число, то все оказывались в нищете, так как члены семьи, выходящие за эти пределы, не имели возможности путешествовать в поисках нового занятия. Таким образом, детоубийство напрямую связано с жесткой экономической природой старого социального порядка.

Поэтому, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали вопрос о привязанности японцев к детям, мы видим, что она была тесно связана с характером общественного строя. Независимо от того, считаем ли мы такую привязанность или ее отсутствие характерной чертой японской натуры, мы все же должны утверждать, что она не является врожденной

чертой расовой природы, а лишь свойством, зависящим в большей или меньшей степени от характера общественного строя.

IX

СУПРУЖЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Если японцы являются ярко выраженной эмоциональной расой, как принято считать, то мы, естественно, должны ожидать, что эта черта будет в значительной степени проявляться в отношениях между полами. Однако, как ни странно, это не так. Эмоции сексуальной любви занимают столь незначительное место в японской семейной жизни, что некоторые дошли до крайности и полностью отрицают ее. В своем блестящем, но ошибочном труде под названием "Душа Дальнего Востока" мистер Персиваль Лоуэлл утверждает, что японцы не "влюбляются". Правильность этого утверждения мы рассмотрим в связи с аргументом в пользу безличности японцев. То, что "влюбленность" не является признанной частью семейной системы и что брак заключается независимо не только от любви, но даже от взаимного знакомства, - неоспоримый факт.

Давайте ограничимся рассмотрением эмоциональных характеристик японцев после брака. Любят ли японские мужья своих жен, а жены - своих мужей? Мы уже видели, что в учебнике для японских женщин, "Онна дайгаку", ни слова не говорится о любви. Можно сразу сказать, что любовь между мужем и женой почти так же явно отсутствует на практике, как и в наставлениях. Пожалуй, ни в одном вопросе контраст между Востоком и Западом не является более разительным, чем в соответствующих представлениях о женщине и браке. Один считает женщину равной, если не выше мужчины; другой смотрит на нее свысока, как на низшую во всех отношениях; один считает глубокую любовь единственным истинным условием брака; другой считает любовь по сути нечистой, ниже достоинства настоящего мужчины, и ее не следует принимать во внимание, когда речь идет о браке; в одном случае два наиболее заинтересованных лица имеют больше всего права сказать в этом вопросе; в другом - меньше всего; В одном случае важным считается долгое и близкое знакомство, в другом - о необходимости такого знакомства не задумываются; в одном случае жена сразу занимает место царицы дома, в другом - домашней прислуги для мужа и его родителей; в одном случае дети принадлежат как ей, так и ему, в другом - скорее ему, чем ей, и остаются с ним в случае развода; в одном случае развод редок и осуждается, в другом - распространен до крайности; в одном случае развода добивается как женщина, так и мужчина; в другом, вплоть до недавнего времени, разводится с женой только мужчина; в одном случае причины для развода серьезные, в другом - зачастую пустяковые; в одном случае жена - "помощница", в другом - "игрушка" мужчины, или, в крайнем случае, средство для продолжения рода; в одном случае мужчина - "муж", в другом - "данна сан" или "тейшу" (господин или хозяин); в идеальном доме одного жена - объект постоянной привязанности и заботы мужа; в идеальном доме другого она всегда ждет своего господина, подает ему еду и преданно сидит за ним ночью, как бы поздно он ни вернулся; В первом случае жена вправе возмущаться любой неверностью или безнравственностью мужа; в другом - ей велено терпеливо принимать все, что он делает, сколько бы наложниц ни было у него в доме или в других местах; и каким бы безнравственным он ни был, она не должна ревновать. Следующую характеристику японских женщин предположительно дал тот, кто не хотел бы

совершить несправедливость, сам женившись на японской жене (редактор газеты *Japan Mail*).

"Японская женщина - это очаровательная личность во многих отношениях - милосердная, утонченная, женственная во всем, сладкоречивая, бескорыстная, добродетельная, великолепная мать и идеальная жена с точки зрения хозяина. Но она практически исключена из всей интеллектуальной жизни нации. Политика, искусство, литература, наука - для нее закрытые книги. Она не может логически мыслить ни на одну из этих тем, ясно выражать свои мысли по ним или принимать интеллектуальное участие в разговорах, касающихся их. По сути, она совершенно не может быть интеллектуальным собеседником своего мужа, и неизбежным результатом этого является то, что он ее презирает."^[1]

Перед лицом всех этих фактов становится очевидным, что эмоциональный элемент характера, который играет столь большую роль в отношениях полов на Западе, имеет мало аналогов на Дальнем Востоке, если вообще имеет. Там, где эмоциональный элемент все же проявляется, он подвергается общественному осуждению. В Японии, несомненно, много счастливых браков, если жена верна своему месту и хорошо его выполняет; и если хозяин благороден по общепринятым стандартам, устойчив в своем деле, не пристрастен к вину или женщинам. Но даже в этом случае привязанность должна отличаться от той, что преобладает на Западе. Ни одна японская жена не мечтает получить от своего мужа ту любящую заботу, которую ее западная сестра свободно получает от своего мужа.^[K]

Я хочу, однако, сразу же добавить, что это тема, по которой опасно рассуждать догматически, поскольку обычаи Японии требуют, чтобы все проявления привязанности между мужем и женой тщательно скрывались от внешнего мира. Я легко могу поверить, что между мужем и женой существует не так уж мало истинной привязанности. Один японский друг, с которым я беседовал на эту тему, выразил убеждение, что приведенное выше утверждение о том, что ни одна японская жена не мечтает получить ту любящую заботу, которую ожидает от своей западной сестры, несомненно, верно для старой Японии, но в последние десятилетия в этом отношении произошли большие изменения; особенно среди христианской общины. То, что христиане превосходят других людей, с которыми мне довелось общаться, было для меня очевидным. Но то, что даже они в этом отношении все еще сильно отличаются от оккупантов, также очевидно. Какой бы ни была привязанность, оказываемая жене в уединении дома, на людях она не получает тех постоянных свидетельств особого уважения и высокого почитания, которых западная жена ожидает как своего права.

Сколько привязанности можно выразить низкими формальными поклонами? Дело в том, что японская цивилизация стремилась подавить все признаки эмоций; этот стоицизм в значительной степени демонстрируется даже в быту, причем при обстоятельствах, когда мы считаем это невозможным. Поцелуи были неизвестным искусством в Японии, и до сих пор они неизвестны, кроме как по имени, подавляющему большинству людей. Даже матери редко целуют своих младенцев, а если и целуют, то только когда дети совсем маленькие.

Однако вопрос, который нас особенно интересует, заключается в объяснении этих фактов. Является ли отсутствие демонстративной привязанности между мужем и женой следствием врожденной природы японцев, или же это скорее связано с господствующим социальным порядком? Если японец уезжает в Америку или Англию на несколько лет, сохраняет ли он свое холодное отношение ко всем женщинам и не проявляет ли малейшей склонности к влюбленности или демонстративной привязанности? Эти вопросы почти отвечают сами на себя, а вместе с ними и на главный вопрос, решение которого мы ищем.

Несколько конкретных примеров могут помочь проиллюстрировать обобщение, что это не фиксированные расовые характеристики, а переменные, зависящие от социального порядка. Много лет назад, когда покойный доктор Нисима, основатель Дошиша вместе с доктором Дэвисом, по состоянию здоровья собирался уехать в Соединенные Штаты, он выступил перед студентами. В ходе своего выступления он заявил, что есть три основных соображения, которые заставляют его сожалеть о необходимости своего отъезда в это время; первое - , что Дошиша находится в самом критическом положении; она только начала свою большую работу, и он чувствовал, что все ее друзья должны быть под рукой, чтобы помочь в этом великом начинании. Вторая причина заключалась в том, что он был вынужден оставить своих престарелых родителей, которых он мог не застать в живых по возвращении в Японию. Третьей причиной была его печаль по поводу расставания с любимой женой. Это публичное упоминание о жене и особенно о его любви к ней было настолько необычным, что вызвало не мало комментариев, не говоря уже о скандале; особенно неприятным для многих оно было потому, что он упомянул о ней после того, как упомянул о своих родителях. В отчетах об этой речи, переданных его друзьями в общественную прессу, не было сделано ни одного упоминания об этом выражении любви к жене. А через несколько месяцев после его смерти, когда доктор Дэвис подготовил краткую биографию доктора Нисимы, он подвергся резкой критике со стороны некоторых японцев за воспроизведение речи в том виде, в каком ее произнес доктор Нисима.

Вскоре после моего первого приезда в Японию я однажды шел домой из церкви с англоговорящим японцем, который имел много общего с иностранцами. Внезапно, без всякого вступления, он заметил, что не понимает, как мужчины Запада могут терпеть такую тиранию, которую проявляют по отношению к ним их жены. Я, конечно, спросил, что он имеет в виду. Тогда он сказал, что видел, как я застегиваю туфли своей жены. Я должен объяснить, что, приходя в гости к японцам в их дома, мы должны оставлять обувь у двери, как это неизменно делают японцы; это, конечно, неудобно для иностранцев, которые носят обувь; особенно это касается необходимости надевать ее снова. Сложность существенно увеличивается из-за неизменно высокой ступеньки у входной двери. Мужчине достаточно сложно встать на колени на ступеньке, дотянуться до туфель и надеть их, а женщине - тем более. А после того как туфли надеты, нет подходящего места, на которое можно было бы поставить ногу, чтобы застегнуть и завязать пуговицы. Поэтому я с большим удовольствием помогал жене в этом деле. Однако этот мой поступок настолько противоречил японским прецедентам, что этот образованный джентльмен и христианин, много общавшийся с иностранцами, не смог увидеть в нем ничего, кроме властного повеления жены и рабского повиновения мужа. Его представление об отношениях между мужем и женой в Западной Европе лучше всего описывается как тирания со стороны жены.

Одно из первых потрясений, которое я получил на эту тему, было связано с открытием, что всякий раз, когда моя жена брала меня за руку, когда мы шли по улице в церковь или из церкви, или еще куда-нибудь, люди смотрели на нас с удивленным недовольством. Такого публичного проявления близости можно было ожидать только от распутников, да и то лишь тогда, когда они находились в более или менее сильном подпитии. Когда японец выходит на улицу с женой, что, кстати, случается редко, он неизменно идет впереди, оставляя ее следовать за собой, неся посылки, если таковые имеются. Ребенок, особенно сын, может идти рядом с ним, но не жена.

Позвольте мне привести еще несколько иллюстраций, чтобы показать, как нынешняя семейная жизнь японцев препятствует полному и свободному развитию привязанностей. На одной из наших выездных станций я недавно обнаружил молодую женщину в плачевном

состоянии. У ее родителей не было сыновей, и поэтому, согласно местному обычаю, они усыновили сына, который стал мужем их старшей дочери; этот человек оказался негодяем, и семья была рада, когда он решил, что больше не желает быть их сыном. Вскоре после его отъезда у дочери родился ребенок, но, согласно закону, у нее не было мужа, и, следовательно, ребенок должен быть либо зарегистрирован как незаконнорожденный, либо обманным путем записан как ребенок отца матери. Существует много случаев мошеннической регистрации, дети наложниц не признаются законными, однако принято регистрировать таких детей как детей постоянной жены, особенно если у нее мало или совсем нет своих детей.

Один евангелист, долгое время работавший в Кюсю, постоянно испытывал большие финансовые трудности из-за того, что ему приходилось содержать двух матерей, а также помогать отцу, который женился на третьей жене. Первой была его собственная мать, которая была разведена, но, поскольку у нее не было дома, сын взял ее к себе. Когда отец развелся со своей второй женой, сына побудили заботиться и о ней. Другой евангелист, с которым мне пришлось много работать, был приемным сыном старика-интригана; похоже, что в начале нашей эры старший сын в семье освобождался от призыва в армию. Поэтому часто случалось, что семьи, у которых не было сыновей, могли получить большие суммы денег от тех, у кого были младшие сыновья, которых они хотели усыновить, чтобы избежать призыва. Этот евангелист, будучи еще мальчиком, был усыновлен в такую семью, и была назначена определенная сумма, которая должна была быть выплачена в определенное время в будущем. Но приемный сын оказался настолько приятен приемному отцу, что тот не стал просить денег; однако с помощью какого-то фокуса ему удалось усыновить второго сына, который и выплатил ему желаемую сумму. Через несколько лет первый приемный сын стал христианином, а затем евангелистом, причем оба эти шага были сделаны вопреки желанию приемного отца. В конце концов отец заявил, что откажется от всякого отношения к сыну и вернет ему прежнее имя, если сын выплатит оговоренную сумму плюс проценты, которые в сумме на тот момент составляли несколько сотен иен. Разумеется, это было невозможно. Переговоры затянулись на три или четыре года. Тем временем молодой человек влюбился в девушку, на которой в конце концов женился; поскольку он все еще оставался сыном своего приемного отца, он не мог зарегистрировать свою жену как свою, так как старик имел для него другую девушку и не соглашался на такое соглашение. Так дело затянулось еще на несколько месяцев. Если не удастся уладить этот вопрос, все дети, родившиеся у них, должны были быть зарегистрированы как незаконнорожденные. В этот момент со мной посоветовались, и я впервые узнал подробности дела. В результате дальнейших консультаций была достигнута договоренность о сумме, которую необходимо выплатить; приемный сын был освобожден и перерегистрирован под своим новым именем, и впервые его брак стал законным. Путаница и страдания, которые приносит в семью эта практика усыновления и разлуки, почти бесконечны.

Ужасает количество случаев, когда красивые и успешные молодые женщины разводились с жестокими и развратными мужьями. Я знаю несколько таких случаев. Что удивительного в том, что христиане и другие люди постоянно подчеркивают в публичных лекциях, проповедях и частных беседах острую необходимость реформ в браке и в доме?

По всей стране газеты обсуждают плюсы и минусы моногамии и полигамии. В январе 1898 года в *"Дзидзи Симпо"*, одной из ведущих ежедневных газет Токио, появилась серия статей на эту тему из-под пера одного из самых известных педагогов Новой Японии, мистера Фукудзавы. Его школа, *"Кейо Гиджику"*, дала образование тысячам юношей больше, чем любая другая, несмотря на то, что это частное учебное заведение. Хотя сам он не является

христианином и не пропагандирует христианство, г-н Фукудзава решительно выступает за моногамию. Его описание существующей общественной и семейной жизни поразительно, если не сказать тошнотворно. Если я не ошибаюсь, именно он рассказывает о некой знатной даме, которая пролила слезы при известии о повышении ее мужа в официальном звании; а когда ее спросили об этом, она призналась, что с увеличением жалования он увеличит число своих наложниц и частоту общения с известными танцовщицами и певицами.

О бедственном положении семейной жизни можно судить и по большому количеству публичных и тайных проституток, которых можно встретить во всех крупных городах, а также поющих девушек почти в каждом городе. Согласно распространенному мнению, их число стремительно растет. Хотя эта общая тема скорее затрагивает вопросы морали, чем непосредственно рассматриваемую нами тему, тем не менее она бросает яркий свет и на этот вопрос. Она позволяет нам увидеть, возможно, более ясно, чем это можно было бы сделать каким-либо другим способом, насколько неполноценной является средняя домашняя жизнь людей. Один исповедующий христианин, человек с большим опытом и общественным положением, не так давно на собрании Ассоциации молодых христиан серьезно доказывал, что танцующие и поющие девушки являются необходимой частью японской цивилизации в наши дни. Он утверждал, что они обеспечивают мужчинам тот женский элемент в социальной жизни, который не может обеспечить обычная женщина; если бы обычные жены и дочери были достаточно развиты, чтобы участвовать в социальной жизни мужчин, как это происходит на Западе, танцующие и поющие девушки, будучи ненужными, вскоре перестали бы существовать.

Еще один вопрос в этой связи заслуживает нашего внимания. Как мы можем объяснить общественный порядок, который дает так мало возможностей для естественных сердечных привязанностей, если только не сказать, что этот порядок является истинным выражением их природы? Не должны ли мы сказать, что элемент привязанности в нынешнем общественном устройстве недостаточен, потому что сами японцы от природы неполноценны? Вопрос кажется более сложным, чем он есть на самом деле.

В первую очередь, отношения привязанности, существующие между мужьями и женами, а также между родителями и детьми в западных странах, являются продуктом относительно недавних времен. В своем исчерпывающем труде "История человеческого брака" Вестермарк говорит об этом со всей очевидностью. Там, где женщина считается рабыней, где ее покупают и продают, где она рассматривается лишь как средство для рождения детей в семье или где на нее смотрят свысока, там высокие формы привязанности по природе дела невозможны, хотя какая-то привязанность, несомненно, существует; она обязательно достигает лишь зачаточного развития. Теперь становится очевидным, что концепция природы и предназначения женщины, которой придерживаются на Востоке, всегда была унижительной для нее. Хотя отдельные женщины могли подняться над своим положением, весь социальный порядок, установленный лидерами мысли, был против нее. Утверждение, что в Японии существовало первобытное состояние общества, в котором преобладали любовные отношения между мужем и женой, известные сейчас на Западе, я считаю ошибочным.

Во-вторых, мы должны помнить, как отмечают внимательные исследователи человеческой эволюции, что те племена и расы, в которых семья была наиболее полно консолидирована, то есть где власть отца была абсолютной, одерживали победу над своими конкурентами. Причина этого слишком очевидна, чтобы ее озвучивать. Каждая завоевательная раса, соответственно, развивала "patria potestas" в большей или меньшей степени. Общая особенность Востока заключается в том, что эта стадия развития сохранилась до наших

дней; она не претерпела тех изменений и ограничений, которые возникли на Западе. Национальное правительство имело дело с семьями и кланами, а не с отдельными людьми как конечной социальной единицей. На Западе, однако, индивид стал гражданской единицей; таким образом, "patria potestas" была практически утрачена. Это, в дополнение к религиозным и этическим соображениям, отводит женщинам и детям все более высокое место как в обществе, так и в доме. Если бы эта потеря авторитета отца сопровождалась ослаблением нации, это было бы травмой; но на Западе его авторитет перешел к нации. Эти соображения служат для того, чтобы сделать более понятным и убедительным основное положение этих глав: отличительные эмоциональные характеристики японцев не являются врожденными; они - результат социального и промышленного порядка; по мере изменения этого порядка они тоже, несомненно, будут меняться. Вся цивилизация страны приобретает свою ведущую, если не доминирующую, окраску от того, как народ в целом оценивает ценность человеческой жизни. Относительно позднее развитие нежных привязанностей даже на Западе, несомненно, объясняется крайней медлительностью, с которой укоренялась идея о неотъемлемой ценности человека как такового, хотя она была ясно преподана Христом. Но закваска Его учения действовала все эти сотни лет, и теперь, наконец, мы начинаем видеть ее реальное значение и ее жизненно важную связь со всем прогрессом человека. Можно задаться вопросом, дал ли Христос какой-либо более важный импульс развитию цивилизации, чем Его учение о неограниченной ценности человека, основанное, как Он это делал, на его божественном сыновстве. Те народы, которые настаивают на оценке человеческой жизни только по утилитарному стандарту и, следовательно, держат женщину в униженном положении, настаивая на наложничестве и всем, что оно подразумевает, обязательно померкнут перед теми народами, которые лояльно принимают и практикуют высшие идеалы человеческой ценности. Слабость языческих стран в немалой степени обусловлена их дешевой оценкой человеческой жизни.

В Японии до эпохи Мэйдзи человеческая жизнь была дешевой. Для преступников из военного сословия самоубийство было почетным способом покинуть этот мир; низшие слои общества терпели гибель от рук военного сословия без возмещения ущерба. Вся нация приняла низкие стандарты человеческой ценности; женщина ценилась в основном, если не полностью, на утилитарной основе, а именно: рожать детей, выполнять работу по дому и ферме и доставлять мужчинам удовольствие. Насколько мне известно, ни в одном из учений Конфуция или Будды не прозвучала мысль о высшей ценности человеческой жизни как таковой, не говоря уже о каком-либо адекватном представлении о ценности и природе женщины. Весь социальный порядок был построен без учета этих двух важных истин.

Однако, приложив огромные усилия, Япония с небывалой быстротой ввела новый общественный строй. Одним переворотом она установила свод законов, в которых признается равенство всех мужчин перед законом; впервые в истории Востока женщине предоставлено право добиваться развода. Сейчас проводится масштабный эксперимент: сможет ли новый социальный порядок, принятый правителями, вызвать у широких слоев населения те идеи, которые обеспечат его выполнение. Могут ли простые законодательные акты, воплощающие принципы человеческого равенства и ценности человеческой жизни, независимо от пола, породить те фундаментальные понятия, на которых только и может покоиться устойчивое и прочное правительство? Может ли Япония действительно войти в круг западных наций, не отказываясь от своих языческих религий и не продвигаясь вперед к христианскому монотеизму со всеми вытекающими из него отношениями и взаимными обязанностями людей? Все серьезные люди призывают к укреплению нравственной жизни нации путем реформы семьи и провозглашают необходимость моногамии; но, кроме христиан, никто не видит, как это можно сделать. Даже г-н Фукудзава говорит, что первым

шагом в реформе семьи и установлении моногамии является развитие общественных настроений против проституции и многоженства или незаконного брака; и способ сделать это - сначала сделать дурную практику тайной. Это, по его мнению, важнее, чем дать женщинам высшее образование. Он не видит, что христианство с его представлениями о непосредственной ответственности человека перед Богом, любящим Отцом Небесным, и о бесконечной ценности каждой человеческой души, отменяя таким образом утилитарную шкалу для измерения мужчин и женщин, вместе с его представлениями об отношениях полов и человека к человеку, может само по себе обеспечить ту основу для всех элементов нового социального порядка, интеллектуальных и эмоциональных, которая сделает его работоспособным и постоянным, и одним из элементов которого является моногамия.^[4] Он не видит, что представительное правительство и народные права не могут долго просуществовать ни на каком другом фундаменте.

Х

ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ-ИНДУСТРИЯ-ПРАВДИВОСТЬ-ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТЬ

Многие писатели с восторгом отзываются о веселом нраве, который, кажется, так распространен в Японии. Легкость сердца, свобода от беспокойства о будущем, жизнь главным образом в настоящем - эти и подобные черты изображаются в светлых тонах. И в целом эти картины соответствуют жизни. Многочисленные фестивали цветов становятся поводом для семейных пикников, когда все заботы кажутся отброшенными на ветер. В этом есть простота, свежесть и свобода от забот, на которые приятно смотреть. Но также отмечается, что в этом отношении наметились перемены. Приход западной техники, методов управления, торговли и образования привносит обычаи и заботы, амбиции и деятельность, которые противостоят старым устоям. Несомненно, это тоже правда. Если это так, то это лишь подтверждает общее положение этих страниц о том, что наиболее выдающиеся национальные черты в значительной степени являются результатом особых социальных условий, а не врожденного национального характера.

Веселый нрав, который так часто видит и которым восхищается западный человек, - это жизнерадостность детей. Во многих отношениях японцы относительно неразвиты. Это объясняется характером их общественного устройства в прошлом. Правительство было в основном отеческим по форме и полностью теоретическим. Индивидуальной инициативе и ответственности оставалось мало. Везде, где такая система была доминирующей и идеально принятым порядком, неизбежным результатом было именно такое состояние простой, детской жизнерадостности, какое мы находим в Японии. Это и есть тот золотой век, воспетый поэтами всех стран. Но, будучи детской жизнерадостностью, счастьем им зрелости, она неизбежно меняется с ростом, теряется с наступлением зрелости.

Однако японцам отнюдь не свойственен жизнерадостный взгляд на жизнь. Многие люди крайне угрюмы и подавлены. Такое настроение постоянно стимулируется религиозными учениями буддизма. Его великим посланием является мимолетный характер настоящей жизни. Жизнь не стоит того, чтобы ее проживать, убеждает он; хотя жизнь может приносить некоторые удовольствия, общий результат - разочарование и печаль. Буддизм нашел теплый прием в сердцах многих японцев. Вот уже более тысячи лет он оказывает сильное влияние на их мысли и жизнь. Однако как это согласуется с жизнерадостным настроением, который так

характерен для Японии? Ответ искать далеко не надо. Пессимизм по своей природе сепаративен, изолирован, молчалив. Угнетенные им люди не участвуют в общественных радостях. Они прячутся в монастырях или дома. В результате фактический пессимизм японцев по своей природе не является заметной чертой национального характера. Суждение о том, что все японцы жизнерадостны, имеет под собой ничтожные основания. Поскольку, так сказать, миллионы на праздниках имеют такой вид, и поскольку в обычных случаях средние мужчины и женщины выглядят веселыми и счастливыми, делается вывод, что все они такие. Не делается никаких попыток узнать о тех, чья жизнь проходит в печали и изоляции. Я убежден, что старая Япония, при всей ее кажущейся жизнерадостности, имела и свою сторону глубокой трагедии. Условия жизни, погубившие бесчисленное множество людей, и психические условия, сделавшие буддизм столь популярным, - все это указывает на этот вывод.

И снова я хочу обратить внимание на то, что заметная роль детей и молодежи отчасти является причиной видимости всеобщего счастья. Японцы живут на улице так, как не живут западные люди. Магазины и мастерские - это дома; когда они открыты, открыты и дома. Когда дети выходят из дома поиграть, они идут на улицу, так как дворы у них редко бывают. Здесь они собираются в огромном количестве и играют с большим энтузиазмом, совершенно не обращая внимания на прохожих, так как все они ходят пешком или в дзинрикишах и, следовательно, никогда не вызывают у детей тревоги.

Японцы производят двоякое впечатление: с одной стороны, они трудолюбивы и старательны, а с другой - ленивы и совершенно безразличны к течению времени. Долгие часы, которые они проводят за работой, не перестают удивлять обывателя. В Фукуоке я часто поражался тому, что магазины и мастерские открыты и работают после десяти, а иногда и до одиннадцати часов вечера, в то время как кузнецы, плотники и колесники трудятся, как будто сейчас утро. Многие из недавно открывшихся фабрик работают очень долго. Действительно, большинство хлопчатобумажных фабрик работают днем и ночью, имея две группы рабочих, которые каждую неделю меняют время работы. Те, кто работает в ночные часы в одну неделю, на следующей неделе переходят на дневные часы. По крайней мере на одной такой фабрике, с которой я знаком, пятнадцать сотен девушек, которые работают с шести часов вечера субботы до шести часов утра воскресенья, должны иметь двадцать четыре часа отдыха, прежде чем приступить к работе в понедельник утром; но на самом деле они должны провести три или четыре, а иногда и пять часов в воскресенье утром, убирая фабрику.

На одной известной мне небольшой шелкоткацкой фабрике обычные часы работы были с пяти утра до девяти вечера, семь дней в неделю. Однако жена владельца стала христианкой. Благодаря ее вмешательству в воскресенье было выделено время для отдыха, достаточное для проведения библейского урока, на который пригласили евангелиста этой местности. После нескольких месяцев обучения несколько рабочих стали христианами, и все они были достаточно заинтересованы, чтобы попросить предоставить им всю субботу для отдыха; но чтобы хозяин не потерял от этого, они согласились начинать работу в четыре утра и работать до десяти вечера. При таком графике работы можно было бы ожидать, что они сразу же лягут в свои постели, когда закончится дневная работа. Но на протяжении многих месяцев в десять часов вечера мы с женой слышали, как они пели гимн или два на семейном богослужении перед тем, как лечь на ночь.

На некоторых ткацких фабриках мне рассказывали, что девушки должны работать по шестнадцать часов в день, а по воскресеньям им разрешается немного отдохнуть, так как в это время они должны работать всего десять часов! Трудолюбие разносчиков почты, которые всегда бегут во время дежурства, многочасовые пробежки подряд, которые часто совершают

мужчины дзин-ирикиша (некоторые из них говорили мне, что за один день они прошли более шестидесяти миль), долгие часы упорной учебы студентов в высших школах и многие подобные факты, безусловно, свидетельствуют об удивительной трудоспособности.

Но есть и не менее яркие иллюстрации противоположного характера. Фермеры, механики, плотники, обычные рабочие, да и вся жизнь простых людей в их домах производят впечатление безразличия к бегу времени, если не абсолютной лени. Рабочие, кажется, готовы сесть за стол, чтобы покурить и поболтать в любой час дня. В быту и в обычной общественной жизни потеря времени, кажется, не имеет никакого значения. Вежливая болтовня длится без остановки, а прогуливающиеся по улице люди подчеркивают впечатление, что никакие дела их не угнетают.

На мой взгляд, эти черты также обусловлены скорее условиями жизни общества в прошлом и настоящем, чем врожденной природой людей. Старая цивилизация была непринужденной, у нее не было часов, она почти не знала времени суток и никогда не торопилась. Час исчислялся и был вдвое длиннее современного. Структура общества требовала постоянного соблюдения форм этикета, а это, с его многочисленными причитаниями и ударами головой об пол, всегда требовало времени. Кроме того, сам характер обуви заставлял и до сих пор заставляет ходить по улицам шаркающей, неспешной походкой. Сапог - это так называемая помеха для цивилизации, поскольку он заставляет терять время. Медлительность и нехватка времени в Новой Японии - это социальное наследие феодальных времен, которое до сих пор мешает ее развитию. Трудолюбие, которое сегодня можно встретить во многих кварталах, в значительной степени является даром новой цивилизации. Обувь приходит на смену сабо. Армия и вся полиция, находясь на службе, носят обувь. Даже индустрия студентов во многом обусловлена новыми условиями студенческой жизни. То, как японцы работают сегодня, и лихорадочная спешка, которую некоторые из них проявляют в своей работе, показывает, что они так же, как и жители Запада, способны овладеть стремительными темпами цивилизации.

Домашняя жизнь людей производит впечатление вялости, что заметно контрастирует с западной. Отчасти это объясняется тем, что работа по дому относительно легкая: нет мебели, комнаты маленькие, а приготовление пищи довольно простое. Домохозяйки занимаются своим делом со спокойной неторопливостью, которая, однако, не может не вызывать оторопь. По опыту западных домохозяек, одна японская домработница способна сделать от трети до половины того, что делает девушка в Америке. Однако это объясняется не только медлительностью движений, но и маленьким ростом и, соответственно, недостатком сил. С другой стороны, многочасовая работа, требуемая от женщин в большинстве японских домов, просто ужасает. От жены ждут, что она встанет раньше мужа, приготовит ему еду и будет терпеливо ждать его возвращения ночью, как бы поздно это ни было. Во всех домах, за исключением высших слоев общества, она полностью берет на себя заботу о детях, за исключением помощи, которую могут оказать ей старшие дети. Большую часть времени она ходит на работу с младенцем, привязанным к спине. Хотя она не работает много в одно и то же время (и стоит ли этому удивляться?), она работает долго. Особенно тяжела жизнь девушек-официанток в отелях. Я узнала, что, как правило, они должны вставать до рассвета и оставаться на посту до полуночи. В некоторых отелях им разрешено работать только четыре или пять часов из двадцати четырех. В результате они часто выбиваются из сил и засыпают во время службы. Сидя на полу и ожидая подачи риса, когда ничто не отвлекает их мысли и не их внимание, они легко теряют себя на несколько мгновений.

В характере японцев можно обнаружить еще две сильно контрастирующие черты: абсолютную уверенность и доверчивость, с одной стороны, и подозрительность - с другой. По всеобщему свидетельству, первая черта быстро проходит; в городах она почти исчезла. Но в сельской местности она все еще распространена. Идея заключать сделку, когда два человека берутся за какую-то работу, один - как работодатель, другой - как наемный работник, была совершенно противна старшему поколению, поскольку предполагалось, что их отношения как низшего и высшего должны определять их финансовые отношения; высший должен делать то, что положено, а низший должен принимать то, что может дать высший, без вопросов и ропота. Среди самураев, где договоренность заключается между равными, торг или установление фиксированных и быстрых условий, которые будут действовать до конца и которые могут быть переданы в суд в случае разногласий, был практически неизвестной вещью в более древней цивилизации. Все деловые вопросы оставались на усмотрение чести и решались на основе взаимного доверия.

Несколько иллюстраций этого духа доверия из моего собственного опыта могут быть небезынтересны. Когда я впервые приехал в Японию, то обнаружил, что японцы, желающие прокатиться на дзинрикише, обычно зовут погонщика и едут, не заключая никаких сделок, отдавая ему в конце концов то, что покажется правильным. И мужчины, как правило, принимали оплату без вопросов. Я обнаружил, что в последнее время, если нет определенной договоренности, достигнутой до поездки, часто возникают разногласия, поскольку погонщик считает, что в силу проделанной работы он должен получить больше, чем обычно. Это особенно верно, если всадник - иностранец. Еще один пример, в котором проявились удивительная простота и уверенность, - это наем евангелистов. Я знаю несколько случаев, когда с евангелистом велась полная переписка по поводу его трудоустройства, и в конце концов соглашение было заключено, и человек приступил к работе, не сказав ни слова о денежных вопросах. Вряд ли стоит говорить, что в этой переписке не участвовал ни один иностранец.

Простая, детская доверчивость сельских жителей проявляется во множестве случаев, но в целом я не могу избавиться от убеждения, что это доверие проявляется по отношению друг к другу как к равным. Некоторые фермеры, которых я нанимал ухаживать за коровой и возделывать сад, проявляя доверительное отношение ко мне, не испытывали таких же чувств по отношению к своим товарищам.

Это доверие и доверчивость были продуктом цивилизации, покоящейся на общинном феодализме; людей держали как детей в зависимости от своего феодала; они должны были принимать то, что он говорил и делал; они с самого начала привыкли к такому порядку вещей и не думали о другом; в целом, без сомнения, они получали регулярное и доброжелательное обращение. Кроме того, в случае грубости крестьянин не имел права на возмещение ущерба; поэтому мудрая политика всегда заключалась в том, чтобы принимать все, что дается, даже не высказывая недовольства. Этот дух был связан с господством военного сословия. Поэтому простая доверчивость была характерна в основном для невоенных сословий. Доверчивость самураев проистекала из их особой подготовки. Как уже упоминалось, при составлении залога в феодальные времена вместо какой-либо материальной гарантии в документе говорилось: "Если я не сделаю то-то и то-то, вы можете смеяться надо мной прилюдно".

После свержения общинного феодализма и установления индивидуалистического общественного строя, требующего личной собственности на имущество и повсеместного

использования денег, доверительное отношение стремительно уходит в прошлое. Все более и более точно сводится к денежной основе. Прежнее самурайское презрение к деньгам, похоже, полностью исчезло - поразительная трансформация характера. С тех пор как было ликвидировано сословие самураев, многие из них занялись бизнесом. Не многие из них потерпели огромные неудачи из-за отсутствия делового инстинкта, будучи легко обманутыми более хитрыми и менее благородными товарищами, которые наиболее успешно играли в "доверительную" игру; другие добились не меньших успехов благодаря своим высоким умственным способностям и образованию. Сегодня правительство Японии находится в основном в руках потомков самураев. У них есть фиксированные зарплаты, и все делается на финансовой основе, оплата производится только за работу. Ленивых и неспособных прижимают к стенке. Многие из самых бедных и жалких людей страны сегодня - это гордые сыновья бывшей аристократии, которые славятся историей своих предков, но не могут или не хотят изменить свои старые привычки мышления и образ жизни.

Американский совет имеет весьма любопытный, если не сказать катастрофический, опыт общения с духом доверительной уверенности, который был преобладающей деловой характеристикой более древней цивилизации. Согласно договорам, которые Япония заключила с иностранными государствами, ни одному иностранцу не разрешалось покупать землю за пределами договорных портов. Однако, поскольку миссионерская работа была разрешена правительством и приветствовалась многими людьми во всех частях страны, и поскольку стало желательным иметь постоянную миссионерскую работу в нескольких внутренних городах, было разумно разместить миссионеров в этих местах и обеспечить их подходящими домами. Для этого была куплена земля и построены необходимые дома, причем право собственности обязательно оформлялось на имена надежных местных христиан. Правительство, разумеется, было в курсе происхождения и не возражало. Все прекрасно понимали, что эта собственность не предназначена для частного владения отдельного миссионера, а должна храниться христианами для использования миссией, к которой принадлежал миссионер. В течение многих лет никаких вопросов не возникало, и все шло своим чередом. Соглашение между миссионерами и христианином или христианами, на чье имя могла быть оформлена собственность, было полностью устным, ни один документ не имел юридической силы, не говоря уже о том, что в те ранние времена упоминание о документальных отношениях сильно задело бы нежные чувства чести, которые были столь заметной частью самурайского характера. Финансовые отношения были исключительно отношениями чести и доверия.

В соответствии с этим общим методом Американский совет потратил большие суммы денег на дома для своих миссионеров в разных частях Японии, и особенно в Киото. Здесь находилась Дошиша, которая из небольшой английской школы и класса подготовки евангелистов превратилась в процветающий университет с прекрасными зданиями. Десятки тысяч долларов были вложены в это учебное заведение, помимо средств, необходимых для приобретения земли и домов для девяти иностранных семей. Также был собран целевой капитал, частично в Японии, но в основном в Америке. Мистер Харрис из Нью-Лондона одним завещанием передал более ста тысяч долларов на Школу наук. По оценкам, в общей сложности Американский совет и его сторонники вложили в Дошиша, включая зарплату учителей-миссионеров, около миллиона долларов.

В начале девяностых годов политическое небо внезапно потемнело. Вопрос о пересмотре договора вырисовывался в черных небесах. Политики страны ратовали за абсолютный отказ иностранцам в праве на владение собственностью. В своем политическом угаре они вскоре начали нападать на японских христиан, которые владели собственностью, используемой

различными миссиями. Они обвинили их в предательстве страны. Был разработан и представлен на рассмотрение Национального совета закон о конфискации всей такой собственности. Японские владельцы, естественно, занервничали и захотели как можно скорее разорвать отношения с иностранцами. В случае с корпоративной собственностью попечители стали исходить из абсолютного права собственности, невзирая на моральные претензии доноров фондов. В первые дни бедствия миссионеры Американского совета часто проводили конференции по этому вопросу с ведущими христианами империи, и их постоянным заявлением было: "Не волнуйтесь, доверьтесь нам, мы самураи и не сделаем ничего, что не было бы совершенно благородным". Эти слова повторялись так часто, но при этом все руководство Дошиша так неуклонно отклонялось от благородного курса, что в конце концов "финансовая честь самураев" приобрела далеко не приятный запах. Депутация из четырех джентльменов, представителей Американского совета, прибыла из Америки специально для того, чтобы обсудить с попечителями христианские принципы учреждения и моральные претензии совета, но совершенно напрасно. Администрация Дошиша стала настолько явно нехристианской, если не сказать больше, что миссия сочла невозможным дальнейшее сотрудничество с попечителями Дошиша; члены миссионерского факультета, соответственно, ушли в отставку. Чтобы добиться освобождения своих студентов от призыва в армию, попечители Дошиша отменили некоторые пункты устава, касающиеся христианского характера учебного заведения, несмотря на то, что эти пункты относились к "неизменной" части устава, которую попечители, вступая в должность, поклялись соблюдать. Совет директоров снова отправил человека, теперь уже юриста, наделенного всеми полномочиями, чтобы довести дело до окончательного решения. После нескольких месяцев безрезультатных переговоров с попечителями о восстановлении сути отмененных положений он уже собирался передать дело в суд, когда попечители решили дружно подать в отставку. Был сформирован новый попечительский совет, который честно попытался продолжить деятельность учреждения в соответствии с пожеланиями его основателей и благотворителей, выраженными в первоначальном уставе. На одном из этапов разбирательства попечители, как им казалось, великодушно проголосовали за то, чтобы позволить миссионерам Совета в течение пятнадцати лет бесплатно жить в иностранных домах, связанных с Дошиша; и это за многочисленные услуги, оказанные им Советом! Этим голосованием они утверждали, что с лихвой выполнили все требования чести. То, что они сознательно предали оказанное им доверие, не вызывает ни малейшего сомнения.

Было бы несправедливо не добавить, что этот опыт в Киото не является примером универсального японского характера. Есть много японцев, которые глубоко сожалеют и осуждают все происходящее. Некоторые из выпускников Дошиша прилагают все усилия, чтобы добиться справедливости.

Переходя от характера доверчивости, мы переходим к его противоположности - подозрительности. Развитие этого качества - естественный результат военного феодализма, который правил Японией на протяжении сотен лет. Интриги постоянно использовались, когда не велась настоящая война. В эпоху, когда конфликты всегда были рукопашными, и тот, кто мог лучше всего обмануть своего врага относительно его следующего удара, тот и сносил ему голову, развитие подозрительности, стратегии и обмана было неизбежно. Самые подозрительные мужчины, при прочих равных условиях, побеждали; они, со своими семьями, выживали и тем самым определяли характер общественного устройства. Более двухсот пятидесяти кланов и "куни", "клановых территорий", на которые была разделена земля, постоянно обучали искусству интриг и хитрости, которые неизбежно сопровождаются подозрительностью.

Современные проявления этой особенности встречаются часто. Кабинет министров не формируется, но вопрос о его составе обсуждается с клановой точки зрения. Несмотря на то что прошло уже тридцать лет с тех пор, как была начата политика централизации и клановые различия были окончательно уничтожены, клановая подозрительность и ревность не умерли.

Иностранца поражает постоянная осторожность в разговоре, чтобы не подумали, что он имеет в виду нечто большее или иное, чем говорит. Когда нам случается критиковать что-либо в японском языке, мы на собственном опыте убеждаемся, что подразумевается гораздо больше, чем говорится. Вскоре после моего прибытия в Японию один человек, проживший в этой стране много лет, посоветовал мне быть осторожным, поправляя домашнего или любого другого человека, имеющего отношение к себе, и говорить не более одной десятой того, что я имею в виду, поскольку остальные девять десятых будут подразумеваться. Прямая и совершенно откровенная критика и предложения, такие, как преобладают, по крайней мере, среди англо-американцев, кажутся редкостью среди японцев.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что эмоциональные характеристики, рассмотренные в этой главе, хотя и считаются глубоко укоренившимися чертами расовой природы, тем не менее, как показывает практика, зависят от характера общественного строя. Измените порядок, и в свое время произойдут соответствующие изменения в национальном характере, что было бы невозможно, если бы этот характер был неотъемлемым и существенным, передающимся из поколения в поколение благодаря единственному факту биологической наследственности.

XI

РЕВНОСТЬ-МЕСТЬ-ГУМАННЫЕ ЧУВСТВА

Согласно учению Конфуция, ревность является одним из семи справедливых оснований, по которым женщина может быть разведена. В "Большом учении для женщин"^[M] встречаются следующие слова: "Пусть она даже не мечтает о ревности. Если ее муж распушен, она должна с ним спорить, но ни в коем случае не делать свой лик страшным или свои акценты отталкивающими, что может привести только к полному отчуждению мужа от нее и сделать ее невыносимой в его глазах". "Пять самых страшных недугов, поражающих женский ум, - это невозддержанность, недовольство, злословие, ревность и глупость. Без сомнения, этими пятью недугами страдают семь или восемь из каждых десяти женщин, и именно из них проистекает неполноценность женщин по отношению к мужчинам... Ни когда она обвиняет и проклинает невинных людей, ни когда в своей ревности к другим она думает о том, чтобы поставить себя в одиночку, она не видит, что сама является своим врагом, отдаляя от себя других и вызывая их ненависть".

Унизительные условия, в которых находились женщины в прошлом и настоящем общественном устройстве и на которые мы подробно ссылались в предыдущих главах, дают достаточное объяснение ревности, которая признается выраженной и, как может показаться, неизбежной характеристикой японских женщин. Особенно это кажется

неизбежным, если вспомнить, как слабо они держатся за своих мужей, от верности которых так сильно зависит их счастье. Только когда этот порядок изменится и жена займет более определенное место в доме, свободное от конкуренции наложниц, блудниц и танцовщиц, мы можем ожидать, что эта черта проявится. В том, что она проявится в таких условиях, сомневаться не приходится. Уже есть свидетельства того, что в домах, где муж и жена - искренние христиане, и где каждый из них уверен в верности другого, ревность встречается так же редко, как и в христианских странах.

Но является ли ревность свойством, присущим только женщинам, или же она присуща и мужчинам? Меня уверяют, что мужчины тоже страдают от нее. Ревность женщины вызывается страхом, что какая-то другая женщина может вытеснить ее в глазах мужа; ревность мужчины - страхом, что какой-то мужчина может вытеснить его по рангу или влиянию. Супружеская ревность у мужчин, похоже, встречается редко. Однако не так давно я слышал об одном мужчине, который так боялся, что какой-нибудь мужчина украдет привязанность его жены, что не мог заниматься своими делами и в конце концов, после трех месяцев супружеской нищеты, развелся с ней. Через год он женился на ней снова, но прежние проблемы возникли вновь, и он развелся с ней во второй раз. Если супружеская ревность среди мужчин встречается реже, чем среди женщин, то объяснение этому кроется в низких моральных стандартах для мужчин. Кроме того, феодальный строй общества был именно той почвой, на которой развивалась мужская ревность. В таком обществе честолюбие и ревность идут рука об руку. Там, где рост популярности и влияния человека зависит от свержения того, кто им уже владеет, ревность естественна. С духом ревности связан дух мести. Если бы мы знали Японию только в ее феодальные времена, мы бы назвали японцев чрезвычайно мстительными. Мечь была не только обычаем, но и законом страны, и учением моралистов. Одна из пословиц, дошедших до нас из глубокой древности, гласит: "Kumru no ada to tomo ni ten we itadakazu". "С врагом страны или отца нельзя жить под одним небом". Сказания о героической Японии изобилуют историями о мести. Однажды, когда Конфуция спросили о доктрине Лао-Цзы, согласно которой нужно воздавать добром за зло, он ответил: "Чем же тогда воздавать за добро? Истинное учение - воздавать добром за добро, а злом за справедливость". Это изречение Конфуция на двадцать четыреста лет свело на нет жемчужину истины, высказанную Лао-цзы, и заставило ее остаться неразгаданным алмазом среди мусора даосизма. Этим суждением Конфуций освятил грубые методы правосудия, принятые в первобытном строе общества. Его изречение особенно гармонизировало с милитаризмом Японии. Будучи, таким образом, признанным долгом на протяжении многих сотен лет, было бы странно, если бы среди современных черт японцев не появилась мстительность.

Но весь уклад общества был изменен. Мечь теперь находится под запретом государства, которое возложило на себя ответственность за применение телесных наказаний к отдельным нарушителям. В результате исчезли яркие проявления духа мести и, можно сказать, даже сам дух? Новый порядок общества не оставляет места для его обычной активности; он предусматривает законные методы возмещения ущерба. Быстрые перемены в отношении этой черты дают повод думать, что если бы промышленный и социальный порядок был соответствующим образом скорректирован, а условия индивидуального мышления и жизни отрегулированы, то эта и многие другие дурные черты человеческого характера могли бы быть радикально изменены в течение короткого времени. Интеллектуальный христианский социализм основывается на этой теории и, похоже, имеет не мало подтверждений своей позиции.

Японцы жестоки или гуманны? Общее впечатление случайного туриста, несомненно, состоит в том, что они гуманны. Они в значительной степени добры к детям на улицах; бегуны дзинрикиша оказывают помощь не только мужчинам, женщинам и детям, но даже собакам. Терпение простых японцев в трудных обстоятельствах также заметно; они проявляют удивительную терпимость к недостаткам и ошибкам друг друга, а их взаимопомощь в трудные времена часто поражает. Путешествующим по Новой Японии обычно мало что бросается в глаза как жестокость.

Но чем дольше человек живет в этой стране, тем большее впечатление на него производят некоторые аспекты жизни, которые, кажется, свидетельствуют о несимпатичном и бесчеловечном нраве. Я хорошо помню свое потрясение, когда обнаружил недалеко от своего дома в Кумамото безумного человека, которого держали в клетке. Ему давали лишь небольшое количество одежды, несмотря на то что каждую ночь наступал сильный мороз. Еду ему давали один-два раза в день. С ним обращались как с диким животным, не предоставляя даже подстилки. Это не исключительный случай, как может показаться на первый взгляд. Редактор *газеты Japan Mail*, проживший в Японии много лет и хорошо знающий ее жителей, пишет: "Каждый иностранец, путешествующий или живущий в Японии, наверняка время от времени испытывает шок от методов обращения с сумасшедшими. Всего несколько месяцев назад в Хаконе можно было увидеть имбецила, заключенного практически в клетку, где из года в год ему не оказывали ни медицинской помощи, ни заботы, а просто кормили, как дикого зверя в зверинце. Мы были свидетелями многих подобных зрелищ, вызывающих ужас и жалость. Однако гуманные японцы, похоже, и не думают о создании приютов, где могли бы найти убежище эти несчастные страдальцы. В Токио есть только один приют для умалишенных. Он находится под контролем муниципалитета, его размещение ограничено, а условия содержания не позволяют бедным". И самое удивительное, что подобные зрелища, похоже, не вызывают у японцев чувства жалости.

Обращение с прокаженными - еще одно важное свидетельство отсутствия сочувствия и гуманных чувств у людей в целом. На протяжении многих веков их отворачивали от дома и жилища и заставляли скитаться изгоями, живя на окраинах деревень в грубых будках собственной постройки и завися от ежедневного попрошайничества, пока жалкая смерть не избавляла их от еще более жалкой жизни. Насколько мне удалось узнать, больницы для прокаженных стали открываться только после того, как христиане начали заниматься этим в последние времена. Изгнанием прокаженных занимались не только бедные, но и состоятельные люди, хотя я не утверждаю и не предполагаю, что эта практика была всеобщей. Я лично знаком с руководством христианской больницы для прокаженных в Кумамото, и печальные рассказы, которые я слышал о том, как прокаженные обращаются со своими родственниками, казались бы невероятными, если бы они не подтверждались характером моих информаторов и многими другими фактами подобного рода.

История Японии была подготовлена японскими учеными по заданию правительства и отправлена на Колумбийскую выставку в 1893 году; в ней содержится следующее утверждение, уже упоминавшееся на предыдущей странице: "Несмотря на несколько прокламаций... люди испытывали такое сильное отвращение к виду болезни, что путешественников часто оставляли умирать на обочине дороги от жажды, голода или болезней, а домохозяева даже доходили до того, что выставляли за дверь и бросали на произвол судьбы слуг, страдавших от хронических недугов..... Всякий раз, когда случалась эпидемия, число умерших было огромным."^[N] Таково было положение вещей после того, как буддизм с его цивилизующим и гуманизирующим влиянием действовал на земле около

четырехсот лет, и старая Япония находилась на пике своей славы, будь то с точки зрения ее правительства, ее литературы, ее религиозного развития или ее искусства.

О периоде примерно двухсотлетней давности говорится, что при содействии государя буддизм основал в Наре благотворительную больницу, "где бедняки получали медицинскую помощь и лекарства бесплатно, и был основан приют для поддержки обездоленных. Также были приняты меры по спасению подкидышей и в целом по облегчению бедности и бедствий" (с. 92). Хорошее начало, положенное в то время, похоже, не было продолжено. Насколько я могу судить, опираясь на исследования преподобного Дж. Х. Петти и мистера Исии, сегодня в Японии существует пятьдесят приютов для сирот, из которых одиннадцать - нехристианские, а тридцать девять - христианского происхождения, поддержки и контроля. Из нехристианских пять находятся в Осаке, два в Токио, четыре в Киото и по одному в Нагое, Кумамото и Мацуэ. Предположительно, большинство из них находятся в руках буддистов. Из христианских приютов двадцать - римско-католические и девятнадцать - протестантские. Примечательно, что в этой форме филантропии и религиозной деятельности, как и во многих других, христиане являются первопроходцами, а буддисты - подражателями. В стране, где буддизм оказался настолько эффективным, что изменил рацион питания людей, заставив их в соответствии с доктринами Будды, как уже говорилось, отказаться от животной пищи, очень странно, что люди, по-видимому, не обращают внимания на боль, причиняемую живым животным. Редактор *газеты Mail* в уже цитированной статье пишет следующее: "Они не вмешиваются, чтобы спасти лошадь от жестокости погонщика, и спокойно сидят в дзинрикише, пока ее запрягающий, с колотящимся сердцем и напряженными мышцами, поднимается по крутому склону". Как часто я видел это зрелище! Как всадник может это выносить, я не могу понять, разве что в его сердце не бушует возмущение жестокостью и сочувствие к страданиям. Конечно, бессердечные люди нередки и на Западе. Однако я говорю здесь не об отдельных личностях, а об общих чертах.

Но еще более ярким свидетельством недостатка сочувствия у японцев является применение до недавнего времени публичных пыток. Согласно теории японской юриспруденции, ни один человек не должен быть наказан, даже если его вина доказана достаточными доказательствами, пока он сам не признает свою вину; следовательно, при самых слабых доказательствах и даже при пустых подозрениях его пытали, пока не добивались желаемого признания. Жестокость применяемых методов мы, живущие в XIX веке, не можем оценить. Один иностранец рассказывал, что зрелище пыток, свидетелем которых он стал, заставило его плакать, в то время как японские зрители стояли, не шелохнувшись. Методы казни также представляли собой изысканные приспособления для пыток. Таунсенд Харрис рассказывает, что распятие проводилось следующим образом: "Преступника привязывают к кресту, раздвинув руки и ноги как можно шире; затем в тело втыкают копье, входящее с левой стороны под лопатку, а с правой стороны выходящее из нее, как раз у подмышки. Затем аналогичным образом протыкают еще одно копье с правой стороны на левую. При этом палач старается избегать сердца. Копья протыкают таким образом до тех пор, пока преступник не сдохнет, но его мучения продлевают настолько, насколько это возможно. Синано рассказывал мне, что несколько лет назад один очень сильный человек прожил до тех пор, пока в него не вонзили одиннадцатое копье".

Из этих соображений, которые можно подкрепить множеством иллюстраций, мы делаем вывод, что в прошлом в Японии, безусловно, проявлялась большая жестокость и что даже по сей день в этой стране гораздо меньше сочувствия к страданиям, будь то животных или людей, чем на Западе.

Но мы не должны спешить с выводами о том, что в этом отношении мы обнаружили существенную особенность японской натуры. В связи с сообщениями о дикости, проявленной японскими войсками в Порт-Артуре, было сказано и повторено, что достаточно поцарапать кожу японца, чтобы обнаружить татарина, как будто недавнее развитие человеческих чувств было поверхностным, а его настоящий характер проявлялся в самые жестокие моменты. Чтобы получить истинное представление об этом деле, давайте на несколько мгновений заглянем в другие части света и зададим себе несколько вопросов.

Сколько времени прошло с тех пор, как в Европе была введена инквизиция? Кто может читать о применявшихся там пытках, не содрогаясь от ужаса? Нет необходимости возвращаться к временам римлян с их амфитеатрами и гладиаторами, с их бросанием христиан на съедение диким животным или к Нерону, использовавшему христиан в качестве факелов в своем саду. Сколько времени прошло с тех пор, как ведьм сжигали не только в Европе тысячами, но и в просвещенной и христианской Новой Англии, хотя, правда, число сожженных там было относительно небольшим, а царствование террора - кратким. Сколько времени прошло с тех пор, как рабы испытывали на себе удары плетью по всем южным штатам нашей "страны свободы"? Сколько времени прошло с тех пор, как злобные толпы сжигали или линчевали объекты своей ярости? Сколько времени прошло с тех пор, как в Англии и Америке были созданы общества по предотвращению жестокого обращения с животными и детьми? Разве не наводит на размышления тот факт, что их необходимо было создать и что их по-прежнему необходимо поддерживать? Дело в том, что высокоразвитое чувство гуманности, которое сейчас так сильно у подавляющего большинства людей на Западе, появилось поздно и еще не стало всеобщим. Не нам хвастаться или даже чувствовать свое превосходство над японцами, чьи возможности для развития этого чувства были ограничены.

Кроме того, говоря о Японии, мы не должны упускать из виду некоторые факты, которые свидетельствуют о постепенном прогрессе в развитии гуманных чувств и в законодательном пресечении жестокости. В "Нихон сёки" записано, что после смерти Ямато Хико но Микото его ближайшие помощники были заживо похоронены в стоячем положении вокруг могилы, предположительно с одними только головами, выступающими над поверхностью земли. Император Суйдзин Тэнно, услышав непрекращающиеся день за днем стенания медленно умиравших приближенных, был тронут жалостью и сказал, что это ужасный обычай - хоронить вместе с господином тех, кто был наиболее предан ему при жизни. И добавил, что дурной обычай, пусть даже древний, не должен соблюдаться, и приказал от него отказаться. Более поздние записи сообщают нам, что именно с этого времени возник обычай хоронить образы вместо слуг. Согласно обычному японскому летоисчислению, это произошло в год, соответствующий 1 г. до н. э. Законы Иэясу (1610 г. н. э.) также осуждают этот обычай как неразумный, равно как и обычай, согласно которому прислуга совершала самоубийство после смерти хозяина. Эти же законы ссылаются на пословицу о мести, приведенную в третьем параграфе этой главы, и добавляют, что тот, кто решил таким образом отомстить за себя или своего отца, или мать, или господина, или старшего брата, должен предварительно уведомить соответствующее ведомство о факте и сроке, в течение которого он осуществит свое намерение; без такого уведомления мститель будет считаться обычным убийцей. Это положение явно ограничивало закон о мести. В этих законах Иэясу также описываются старые методы наказания преступников, а затем добавляется: "Преступников следует наказывать клеймением, избиением, связыванием, а в особо тяжких случаях - копьем или обезглавливанием; но старые наказания в виде разрывания на куски и кипячения до смерти не должны применяться". Окончательно пытки были законодательно отменены в Японии только в 1877 году.

Уже стало ясно, что распространенность жестокости или гуманности во многом зависит от того, какой общественный строй преобладает. Нет ничего странного в том, что жестокость или, по крайней мере, отсутствие сочувствия к страданиям человека или зверя должны быть характерны для порядка, основанного на постоянных рукопашных конфликтах. Еще большее безразличие к человеческим страданиям мы можем ожидать там, где пренебрегают ценностью человека как человека. Только когда идея братства людей полностью овладевает сердцем и мыслями человека, возникает истинное сочувствие; тогда впервые появляется способность поставить себя на место брата. Жестокие обычаи первобытных времен в обращении с больными, особенно с теми, кто страдает от заразных болезней, - это естественный, если не сказать необходимый, результат суеверного невежества. Более того, зачастую это было единственным готовым средством предотвращения распространения заразных или эпидемических заболеваний.

При лечении больных первой предпосылкой для развития нежности является внедрение правильных представлений о природе болезни и ее правильном лечении. Как только это будет сделано, исчезнет большая часть видимого безразличия к человеческим страданиям. Для того чтобы исчезла жестокость, которая сегодня так распространена в Африке, необходимо лишь изменить социальный и промышленный порядок. Необходимые перемены уже произошли в Японии. Врачи, обученные современным методам медицинской практики, встречаются по всей стране. В 1894 году в стране было 597 больниц, 42 551 врач, 33 921 медсестра и акушерка, 2869 аптекарей и 16 106 фармацевтов, а также прекрасные школы фармации и медицины.^[9]

Можно с уверенностью сказать, что в Японии исчезли почти все формы активной жестокости; развито активное сочувствие, хотя, по сравнению с другими цивилизованными странами, оно все еще невелико. Но нет никаких сомнений в том, что стремительные перемены, которые произошли с народом за последние тридцать лет, - это не изменение врожденного характера, а лишь изменение социального порядка. Как только укоренится мысль о том, что каждый человек имеет миссию милосердия и что более жестокие не имеют права выплескивать свои варварские чувства на беспомощных существах, будь то человек или зверь, произойдет мощный подъем гуманной активности, который потребует создания обществ для предотвращения жестокости и для оказания активной помощи страждущим и несчастным. Прокаженным больше не нужно будет добывать себе пропитание, выставляя на всеобщее обозрение свои отвратительные страдания; сумасшедших больше не будут держать в грязных клетках и оставлять без достаточного ухода и одежды. Поток филантропии поднимется высоко, чтобы стать одновременно благословением и славой для расы, которая уже во многих отношениях показала себя способной к самым высоким идеалам Запада.

XII

АМБИЦИИ И ТЩЕСЛАВИЕ

Честолюбие - характерная черта Новой Японии. Я уже говорил об обычном желании ее молодых людей стать государственными деятелями. Истории Нисимы и других молодых японцев, которые, несмотря на противодействие и не имея денег, добились известности и пользы, будоражат воображение тысяч юношей. Они думают, что все, что им нужно, - это

попасть в Америку, и тогда их трудности закончатся. Им кажется, что достаточно оглянуться вокруг, чтобы найти человека, который будет содержать их, пока они учатся.

Не только отдельные люди, но и весь народ в целом обладают большими амбициями. Триста лет назад тайко Хидэёси, Наполеон Японии и фактический правитель империи, планировал, подчинив себе Корею, завоевать Китай и стать императором Востока. Он думал, что сможет сделать это за два года. Во время недавней войны многие хотели дойти до Пекина. Часто высказывалась мысль о том, что долг Японии - пробудить Китай от долгого сна, как Америка пробудила Японию в 1854 году. В редакционных статьях и публичных выступлениях часто утверждается, что японцы особенно подходят для того, чтобы вести Китай по пути прогресса, не только косвенно, подавая пример, как они это делали, но и напрямую, обучая, как иностранцы вели Японию. "Миссия Японии на Востоке" - частая тема общественных дискуссий. Но национальные амбиции на этом не заканчиваются. Не редко утверждается, что в Японии происходит смешение западной и восточной цивилизаций в таких благоприятных условиях, что впервые в истории отбираются лучшие элементы обеих; и что скоро весь мир сядет учиться у ее ног. Возвышенные амбиции группы радикальных христиан заключаются в том, чтобы открыть или создать новую религию, которая объединит лучшие черты восточной и западной религиозной мысли и опыта. Религия будущего будет не христианством и не буддизмом, а чем-то лучшим, чем то и другое, более последовательным, более глубоким, более универсальным; и эта религия, впервые развитая в Японии, распространится в других странах и станет окончательной религией мира.

Здесь уместно привести одну любопытную иллюстрацию высоких помыслов народа. Когда в школе для мальчиков в Кумамото произошел раскол из-за произвола и тирании недавно назначенного блестящего директора, о котором уже говорилось в предыдущей главе, большинство попечителей ушли из школы и сразу же основали новую школу для мальчиков. Некоторое время они боролись за название, которое должно было отражать принципы, за которые стояла школа, и наконец остановились на "То-А Гакко". В переводе на неприятный английский это означает "Школа Восточной Азии"; идея заключалась в том, что школа не будет придерживаться узких методов образования, а ее влияние должно распространиться за пределы Японии. Эта интерпретация не является умозаключением, она была публично озвучена в различных случаях. Школа начиналась с двадцати пяти мальчиков, если мне не изменяет память, и никогда не достигала пятидесяти. Менее чем через три года она умерла безвременной смертью из-за отсутствия покровительства.

Молодые люди острова Кюсю, особенно провинций Кумамото и Кагосима, отличаются амбициозными проектами. Некогда знаменитый "Оркестр Кумамото" состоял исключительно из юношей Кюсю. Под влиянием капитана Джейнса эти пылкие сыновья самураев, пришедшие изучать иностранные языки и науки в школу, основанную для борьбы с христианством и укрепления буддизма, были впечатлены огромным превосходством чужих земель, которое они приписывали христианству. Соответственно, они горячо поддержали христианское дело и, заключив договор друг с другом, согласились работать над реформой Японии. Я прослушал множество выступлений школьников Кумамото, и на меня неизменно произвели впечатление политические и национальные тенденции их мышления.

Честолюбию сопутствует группа менее достойных восхищения качеств, таких как самодостаточность и самоуверенность. Они редко проявляются с той грубостью, которую мы ассоциируем с ними на Западе, поскольку японец обычно слишком отполирован, чтобы быть оскорбительно навязчивым. Он редко потакает грубости или прямому утверждению, а довольствуется скорее молчаливым признанием своего превосходства.

Недавно я услышал небольшую, хотя и капитальную, иллюстрацию к сказанному. Несколько лет назад два иностранных джентльмена прогуливались по городу Тадоцу и заметили вывеску на английском языке с надписью "Stemboots". Заинтересовавшись, что может означать эта вывеска, они поинтересовались, чем занимается это заведение, и, узнав, что это пароходная контора, объяснили клерку причину своего вопроса и по его просьбе внесли необходимые исправления. Однако через несколько дней, вернувшись, они заметили, что вывеска была вновь исправлена на "Stem-boats" - предположение о превосходных знаниях какого-то новичка в английском языке. Множество вывесок на удивительном английском языке в местах, посещаемых англоговорящими людьми, - одна из забавных особенностей Японии. Казалось бы, владельцы магазинов должны были хотя бы позаботиться о том, чтобы вывески были написаны правильно, обратившись за помощью к иностранцу или знающему японцу. Однако они считают, что знают все, что нужно.

Признаки совершенной уверенности в себе проявляются во множестве способов, которые слишком многочисленны, чтобы их упоминать. Честолюбие, о котором говорилось на предыдущих страницах, является одним из признаков этой характеристики. Другой признак - готовность новичков взять на себя ответственность, далеко выходящую за рамки их возможностей. Молодые люди, немного знающие английский язык, но совершенно не умеющие разговаривать, устраиваются учителями. Молодые люди в школе нередко берутся инструктировать своих учителей о том, какой курс обучения и какое лечение они должны получать. Еще больше бросается в глаза холодная уверенность в своем превосходстве, которую демонстрируют многие японцы при обсуждении интеллектуальных и философских проблем. Это манера поведения того, кто полностью владеет предметом. Молчаливое презрение, часто выливаемое на иностранцев, которые пытаются обсуждать эти проблемы, одновременно забавно и иллюстрирует характеристику, о которой я говорю.^[P]

Далее мы обратимся к объяснению этих характеристик. Являются ли они врожденными чертами расы? Или это продукт времени? Несомненно, истинным объяснением является последнее. Выяснится, что те люди, в которых проявляются эти черты, являются потомками самураев. Небольшой класс мужчин, освобожденных от тяжелого физического труда, преданных литературе и культуре, всегда зависящих от признания своего превосходства для сохранения своего места в обществе и отстаивающих его с помощью меча - такой класс, при таком общественном строе, в высокой степени развил бы рассматриваемые характеристики. Следует ли ожидать немедленного изменения характера при внезапном изменении социального порядка?

В отличие от возвышенных представлений о превосходстве, характерных для самураев Старой Японии, столь же заметным было представление о неполноценности, характерное для остальных людей, или девятнадцати-двадцати процентов нации. Я уже достаточно подробно останавливался на этом аспекте национального характера. Здесь я возвращаюсь к нему лишь для того, чтобы подтвердить истину, что самовозвеличивание и самоотречение, надменность и смирение, гордые, властные, магистерские манеры и смиренное, угодливое послушание - все это элементы характера, зависящие от природы общественного строя. Они передаются из поколения в поколение скорее по социальной, чем по биологической наследственности. Оба эти набора контрастных характеристик обусловлены наличием полноценной феодальной системы и должны на какое-то время остаться в качестве социального наследства после ее свержения, особенно если свержение было внезапным. В той мере, в какой принципы личных прав и индивидуальной ценности на основе мужественности будут осознаны народом и включены в правительство и обычаи страны, на смену презрительной угодливости, равно как и надменному лордству, придет

прямолинейная мужественность, в которой люди любого уровня общества будут откровенно смотреть друг другу в глаза.

Но что мы скажем по поводу предположений, которые делает молодая Япония в своем отношении к иностранцам? Являются ли эти предположения полностью беспочвенными? Является ли самоуверенность необоснованной? Отнюдь. Когда мы позже изучим интеллектуальные элементы японского характера, мы увидим некоторые причины их чувства уверенности в себе. Прогресс, которого нация добилась во многих областях за тридцать лет, показывает, что у нее есть определенная сила и, следовательно, некоторые основания для самоуверенности. Кроме того, уверенность в себе, если она подкреплена способностями и рвением, необходима для достижения любой цели. Слабое сердце никогда не завоевывает прекрасную даму. Уверенность в себе - это одна из форм веры. Не в меньшей степени, чем к отдельным людям, относится тот факт, что без веры в себя они не смогут достичь своей цели. Впечатление излишней самоуверенности, производимое японцами, возможно, отчасти объясняется их малым ростом. Для Запада это новый опыт - увидеть расу маленьких людей с большими мозгами и масштабными планами. Особенно странным и самодовольным кажется то, что народ, чья собственная цивилизация так запоздала, занимает столь важную роль в делах мира. И все же мы должны научиться отделять физические размеры от умственных или духовных способностей. Только будущее покажет, к чему может привести японская уверенность в себе и энергия.

Нынешняя яркость этой черты в Японии объясняется еще и ее недавней историей. Свержение сёгуната было делом рук молодых людей; проведение почти всех масштабных реформ, которые преобразили Японию, было делом рук молодых людей, которые, хотя и были частично подготовлены к своей работе, подошли к ней с энергией и совершенной уверенностью, не зная, возможно, достаточно, чтобы осознать трудности, которые они предпринимали. Им предстояло отбросить вековые обычаи, а для этого требовалось признать свое превосходство над предками и ближайшими родичами. Молодые люди брались оспаривать и сомневаться во всем, что стояло на пути национального переустройства. В какой нации когда-либо происходило подобное отбрасывание родительского учения и авторитета предков? Эти героические меры привели к результатам, которыми славится нация. Странно ли, что тот же дух проявляется во всех сферах жизни, даже в отношении народа к западным людям, которые принесли ему новые пути и идеи?

Однако японцы - не единственная тщеславная нация. Действительно, было бы почти правдой сказать, что нет народа, который не обладал бы этим качеством. Конечно, американский и английский, французский и немецкий народы не могут претендовать на то, чтобы критиковать других. Причина, по которой мы считаем Японию уникальной в этом отношении, заключается в том, что в случае с этими западными народами мы знаем больше оснований для национального самодовольства, чем в случае с Японией. Однако западные страны, несмотря на свои преимущества и прогресс, во многих отношениях остаются провинциальными и по сей день; трудность большинства из них заключается в том, что они не осознают этого. Недостаток культуры, преобладающий среди наших рабочих классов, в некоторых отношениях очень велик. Узкий горизонт, все еще ограничивающий зрение среднего американца или британца, очень заметен тому, кто имел возможность жить и путешествовать по многим странам. Каждая страна, и даже каждая часть страны, склонна думать, что она достигла совершенства больше, чем любая другая.

Эта фаза национальных и местных чувств очень интересна, особенно после того, как человек прожил в Японии несколько лет и имел возможность свободно общаться с ее жителями. Ведь они, хотя и самодостаточны и самоуверенны, в то же время удивительно готовы признать, что

сильно отстали от времени. Их открытость поистине удивительна. При описании методов землевладения, строительства домов, ведения сельского хозяйства, местного самоуправления, образования, нравственного воспитания, семейной жизни, да практически всего, что есть на Западе, имеющего те или иные преимущества, случайно обронят замечание, что эти факты показывают, насколько нецивилизованной остается Япония. В их собственных публичных выступлениях, если какой-либо обычай подвергается нападкам, самым суровым обвинением, которое может быть выдвинуто против него, является то, что он нецивилизованный. Несмотря на самодовольство, Япония добивается большего прогресса, чем многие западные страны, потому что она также осознает свои недостатки. Большая часть нации стремится к прогрессу. Она хочет узнать о том, чего достигли иностранные государства, и применить эти знания так, чтобы они наиболее выгодно вписались в национальную жизнь. Хотя Япония тщеславна, ее тщеславие не лишено оснований и не объясняется присущей ей расовой природой. Оно явно обусловлено ее историей и социальным устройством в прошлом и настоящем.

XIII

ПАТРИОТИЗМ-АПОФЕОЗ-КУРАЖ

Ни одно слово не является столь дорогим для патриотичного японца, как то, которое вызывает к его устам, когда его страна подвергается нападкам или оскорблениям: "Ямато-дамасии". В переводе с прозаического английского это означает "Душа Японии". Но у этого родного слова есть свой вкус и множество ассоциаций, которые делают его самым приятным из всех, что может произнести язык. "Ямато" - это классическое название той части Японии, где божественно почитаемый император Дзимму Тэнно, основатель династии и империи, впервые основал свой двор и трон. "Дамасии" означает душу, и особенно благородные качества души, которые в Японии прежних времен были синонимом храбрости, характерной для самураев. Поэтому, если вы хотите пробудить в родной груди глубочайшие чувства патриотизма и мужества, вам достаточно обратиться к его "Ямато-дамасии".

В последнее десятилетие наблюдается оживление в использовании этого слова. Старый японский дух был воззван, а лозунгом антииностранный реакции стала фраза "Япония для японцев". Среди англоязычных и читающих по-английски японцев появилась тенденция придавать этому термину более глубокое и широкое значение, чем это было принято в прошлом или даже чем это принято в настоящее время. Один японский писатель, например, определяет этот термин как означающий "дух верности стране, совести и идеалу". Американский писатель более близок к современному употреблению, определяя его как "агрессивный и непобедимый дух Японии". В том, что такой дух существует, не может сомневаться никто, кто хоть немного знаком с ее прошлой или современной историей.

О недавнем подъеме патриотизма я уже говорил в другом месте, возможно, достаточно подробно. Нет необходимости приводить обширные доказательства того, что чувство патриотизма у японцев развито в значительной степени. Однако один или два довольно интересных момента могут занять здесь свое место.

Недавняя война с Китаем стала поводом для того, чтобы сфокусировать патриотизм и разжечь его в пламя. Почти каждая городская улица и каждый дом по всей империи были

ярко украшены фонарями и флагами, причем не по одному случаю, а постоянно. Каждое сообщение о победе, каким бы маленьким оно ни было, вызывало восторг у всей нации. Так продолжалось месяц за месяцем. Путешествуя по стране, можно было подумать, что идет война, а скорее, что это длительный праздник.

Инцидент, связанный с отправкой войск в Корею, произвел глубокое впечатление на нацию. Приют для сирот в Окаяме под эффективным руководством его основателя, мистера Исии, организовал из старших мальчиков оркестр, предоставив им различные музыкальные инструменты. Они научились играть на них с большим успехом. Когда войска уже собирались уходить, г-н Исии отправился со своей группой в порт Хиросимы, построил будку, подготовил места для нагрева воды, и как только полки проходили мимо, его маленькие сироты выходили с чайниками горячего чая, чтобы угостить солдат. Каждому полку также отдавали честь, а если предоставлялась возможность, малыши исполняли национальный гимн "Кими-га-йо", который переводится следующим образом: "Пусть тысячу лет царствует наш милостивый государь, царствует, пока маленький камень не превратится в могучую скалу, густо поросшую древним мхом". И, наконец, сироты возвышали свои пронзительные голоса ритмичным национальным возгласом: "Тей-коку бан-зай, Тей-коку бан-зай"; "Императорская страна, мириады лет, императорская страна, мириады лет". Это задумчивое прощание продолжалось в течение четырех или пяти дней, пока войска отправлялись к месту войны, прекрасно понимая, что некоторые из них никогда не вернутся, а их дети останутся без отцов, как и те, кто их приветствовал. Это произвело такое глубокое впечатление на солдат, что многие из них прослезились, а многие бронзовые лица склонились в знак любви к патриотизму этих христианских мальчиков. Говорят, что сам главнокомандующий войсками отдал маленьким ребятам высший воинский салют в ответ на их приветствие.

На протяжении всей истории Японии целью каждого мятежного клана или генерала было прежде всего завладеть императором. Если это удавалось, то обладание императорской властью было непререкаемым. Тот, кто выступал против императора, технически назывался "чо-теки", враг трона, преступление столь же отвратительное, как измена на Западе. Существование таких настроений во всей империи - интересный факт. Ведь в то же самое время существовала самая сильная лояльность к местному лорду или "даймё". Это прекрасный пример определенной характеристики японцев, о которой я должен говорить более подробно в другой связи, но которую для удобства я называю "номинальностью". Он принимает и, по крайней мере, видимо, удовлетворяется номинальным положением дел, которое может сильно отличаться от реального. Теоретический аспект вопроса принимается без привязки к реальным фактам. Реальная власть может находиться в руках генерала или даймё, но если власть номинально исходит от трона, то теоретические требования удовлетворены. Сами японцы называют это состояние "юмэй-мудзицу". В каком-то смысле на протяжении веков существовала подлинная преданность трону, но она была по типу "юмэй-мудзицу", видимо, довольствуясь только именем. В последнее время, однако, растет недовольство таким положением дел. За несколько десятилетий до появления адмирала Перри существовали патриоты, тайно работавшие против сёгуната Токугава. По-японски их называли "киннока", но по-английски их можно назвать "империалистами". Их целью было свержение сёгуната и восстановление полной и непосредственной власти императора. Немногие из них погибли из-за своих взглядов, но сейчас они почитаются нацией как патриоты.

В наши дни среди ученых наблюдается тенденция превозносить патриотизм и преданность предыдущих эпох, а также подчеркивать достоинство и императорскую власть императора.

Патриотический дух сейчас настолько силен, что застилает глаза на многие важные факты своей истории. Их патриотизм - это скорее страсть, чем идея. Это скорее эмоция, чем концепция. Он требует определенных методов обработки их древней истории, которые западная наука не может принять. Он запрещает любые действительно критические исследования истории прошлого, поскольку они могут поставить под сомнение божественное происхождение императорской линии. Она сводится к страстному восхищению, чтобы не сказать обожанию, императора. В нем сосредоточены все добродетели и мудрость. Ему нельзя приписать ни одного изъяна или недостатка в характере. Я сомневаюсь, что какие-либо правители когда-либо были более искренне апофеозированы какой-либо нацией, чем императоры Японии. Суть патриотизма в наши дни заключается в преданности личности императора. Кажется, люди не могут провести различие между страной и ее правителем. Он - источник власти. Низшие чины получают свои права и власть только от него. Власть принадлежит народу только потому и в той мере, в какой он ею наделил. Даже Конституция имеет силу только потому, что он так решил. Если он в любой момент сочтет нужным изменить или отменить ее, очень сомнительно, чтобы хоть одно слово критики или жалобы было произнесено публично, а что касается насильственного противодействия, то о таком никто и не мечтает.

Японский патриотизм имеет ряд уникальных и интересных черт. В некоторых отношениях он заметно отличается от патриотизма тех стран, где господствует демократическая мысль. На протяжении 1500 лет, в условиях военного общественного строя, верность заключалась в личной привязанности к повелителю. Она всегда стремилась идеализировать этого господина. Характеристика "юмэй-мудзицу" во многом способствовала этому процессу идеализации, преодолевая пропасть между прозаическим фактом и идеалом. Теперь, когда старая форма феодализма была резко упразднена, с ее местными лордами и преданностью, старые чувства преданности естественным образом привязываются к императору. Патриотизм, возможно, стал более интенсивным в той мере, в какой он стал фокусироваться. Император, по слухам, - человек, обладающий командирскими способностями и здравым смыслом. По крайней мере, верно, что он проявил мудрость в выборе своих советников. По общему мнению, он не является простой марионеткой в руках своих советников, а оказывает реальное и прямое влияние на правительство страны. Во время войны с Китаем сообщалось, что с раннего утра до позднего вечера, неделя за неделей и месяц за месяцем, он работал над различными делами, которые требовали его внимания. Ни один важный шаг или решение не принимались без его тщательного рассмотрения и окончательного одобрения. Эти и другие благородные качества нынешнего императора, несомненно, во многом способствовали тому, чтобы перевести лояльность народа от местных даймё к национальному трону.

Недавно в политическом мире произошло событие, которое наглядно иллюстрирует только что сделанные заявления о восторженной преданности народа императору. Несмотря на то, что национальные финансы находятся в ужасающем состоянии, и несмотря на борьбу, которая ведется между сменяющимися друг друга кабинетами и политическими партиями, первые из которых настаивают, а вторые отказываются от увеличения земельного налога, как только одна небольшая политическая партия предложила сделать благодарственный взнос императору в размере 20 000 000 иен из окончательной выплаты полученной за последнее время военной компенсации, это предложение было с рвением подхвачено обеими большими и абсолютно враждебными политическими партиями, и сразу же было принято обеими палатами Сейма. Причины были следующие: "Во-первых, что победа над Китаем никогда не была бы одержана и не была бы получена компенсация, если бы Император не был тем победоносным и мудрым Государем, каким он является, и что поэтому было бы

правильно, если бы часть компенсации была предложена ему; во-вторых, что Его Величество нуждается в деньгах, так как пособие, выдаваемое государством на содержание Императорского Дома, недостаточно, ввиду значительно возросших цен на товары и больших пожертвований, постоянно делаемых Его Величеством на благотворительные цели.^[Q] Этот акт Сейма апеллирует к чувствам народа, поскольку прозаический, деловой метод Запада не подходит. Значение ассигнований, выделенных Сеймом, будет лучше осознано, если иметь в виду, что программа военно-морского и военного расширения, принятая после Беллума в связи с крупной компенсацией (составляющей, между прочим, 50 000 000 иен), уже требует расходов, превышающих размер компенсации. Необходимо либо сократить грандиозную программу, либо изыскать новые средства, однако ведущие политические партии выступают категорически против любого существенного увеличения земельного налога, который, похоже, является единственным доступным источником увеличения даже для покрытия текущих расходов правительства, не говоря уже о постбеллумской программе. Таким образом, всплеск чувств похоронил все благоразумные соображения. Западному человеку трудно оценить этот вид лояльности. Им кажется, что первым проявлением лояльности должно быть обеспечение кабинета и чиновников императора средствами, необходимыми для текущих расходов; вторым - выплата императору пособия, достаточного для удовлетворения его реальных потребностей, и третьим, если средства сохраняются, - роскошный подарок. Этот сентиментальный способ выражения преданности императору, однако, сопровождается многими деталями обычной жизни. Сентиментальный прощальный подарок или речь часто считаются более дружескими, чем тщательно выстроенные деловые отношения. Прозаичный оксиденталец отвергает все чувства, которые не удовлетворяют требованиям бизнеса и справедливости. Однако для среднего японского ума такие стандарты, похоже, неприемлемы.

Теория о том, что вся власть принадлежит императору, также подтверждается недавней историей. Ведь конституция не была вырвана у безвольного правителя амбициозным народом, а была дарована императором по собственной воле, по совету его просвещенных и прогрессивных советников.

В качестве иллюстрации к некоторым из предыдущих утверждений позвольте мне привести цитату из недавней статьи г-на Ямагучи, профессора истории в Школе пэрисес и преподавателя Императорского военного колледжа. Рассказав об отмене феодализма и установлении конституционной монархии, он продолжает: "Но мы не должны думать, что суверенная власть государства перешла к Императорскому Сейму. Напротив, она по-прежнему находится в руках императора, как и прежде..... Функции правительства остаются в руках самого императора, который лишь делегирует их Сейму, правительству (кабинету министров) и судебной власти, чтобы они осуществляли их от его имени. Нынешняя форма правления - результат многовековой истории страны. Каждая страна имеет свои особенности, которые отличают ее от других. Япония тоже имеет свою историю, отличную от истории других стран. Поэтому мы не должны проводить сравнения между Японией и другими странами, как будто одни и те же принципы применимы ко всем без исключения. История Японской империи насчитывает 3000 [!] лет, и этот факт ярко выделяет нашу национальность как уникальную. В глазах народа монарх не просто равен аристократической олигархии, которая правит низшими массами, или несколькими дворянами, которые поровну делят суверенитет между собой. Согласно нашим представлениям, монарх правит и управляет страной по своему собственному праву, а не в силу прав, предоставленных конституцией..... Наш император обладает реальным суверенитетом, а также осуществляет его. Он сильно отличается от других правителей, которые обладают лишь частичным суверенитетом..... Он унаследовал права суверенитета

от своих предков. Поэтому вполне правомерно считать, что права суверенитета существуют у самого императора..... Японская Империя будет править и управляться линией Императоров, не прерывающейся в веках. (Конституция, ст. LXXIII.) ... Суверенная власть государства не может быть отделена от императорского трона. Она пребывает вечно, вместе с Императорской линией престолонаследия, непрерывной в веках вечных. Если Императорский дом прекращает свое существование, Империя падает".

В стране, где приемные сыновья практически приравняются к потомкам по линии (еще один пример мышления типа "юмей-мудзицу"), где брак по сути полигамен, и где дух "юмей-мудзицу" позволил узурпировать суверенитет фактически, хотя и не по имени, совсем не удивительно, что нация может похвастаться более длинной линией императоров, чем любая другая страна. Но когда моногамия станет правилом в Японии, как это, несомненно, произойдет когда-нибудь, и если линейное происхождение будет считаться необходимым для наследования, как в Западной Европе, совсем не вероятно, что императорская линия будет сохраняться непрерывно от отца к сыну бесконечно долго. Хотя у нынешнего императора, кроме супруги, императрицы, есть по меньшей мере пять наложниц и до 1896 года от них было не менее тринадцати детей, из них в живых осталось только двое, оба - потомство наложниц; один из них - сын, родившийся в 1879 году, провозглашенный наследником в 1887 году, избранный наследным принцем в 1889 году и женившийся в 1900 году; говорят, что у него слабое здоровье; второй ребенок - дочь, родившаяся в 1890 году. С 1896 года у императора родилось несколько детей, двое или трое умерли, так что на сегодняшний день в живых осталось четверо детей. Все они - потомство наложниц.^[R]

Говоря, однако, о японском апофеозе своего императора, мы не должны забывать, что "божественное право королей" было популярной доктриной даже в просвещенной Англии вплоть до XVIII века, и не совсем неизвестно в других странах в настоящее время. Только в последнее время студенты исторических и политических факультетов открыли истинный источник суверенитета. То, что японцы не могут одним прыжком перейти от старой к новой концепции в отношении этого основополагающего элемента национальной власти, совсем не странно. Прошлая история, наряду с недавней, дает удовлетворительное объяснение особой природе японского патриотизма. Это, несомненно, связано с природой общественного строя.

Еще одним фактом в этой связи является то, что в самом реальном смысле существование Японии как единой нации зависело от апофеоза. Это метод, который все древние народы использовали на одном из этапов своего социального развития для выражения чувства национального единства и авторитета национального закона. На той стадии общественного развития, когда рядовой индивид не имеет никакого значения, единственное возможное представление об авторитете закона - это то, что он исходит от высшего существа - высшего правителя. А чтобы обеспечить полное преимущество власти, верховный правитель должен быть вознесен на максимально возможную вершину, должен быть апофеозом. То, что национальные законы должны быть продуктом неоцененных единиц, составляющих нацию, было немыслимо в эпоху, когда ценность личности была абсолютно непризнанной. Апофеоз императора не был ни непонятной, ни неразумной практикой. Но теперь, когда была введена индивидуалистическая, демократическая организация общества, опирающаяся на принцип, диаметрально противоположный принципу апофеоза, началась борьба глубочайшей важности. Действительно ли моральный или даже национальный авторитет принадлежит императору? Школьные учителя испытывают большие трудности в преподавании морали, основанной исключительно на императорском эдикте. Политики Японии не довольствуются тем, что оставляют всю политическую и государственную власть императору. Не так давно (в

июне 1898 года) впервые в Японии кабинет министров, признающий ответственность перед политической партией, занял место кабинета, признающего ответственность только перед императором. Над этим политики работали с первого заседания национального парламента. Какой принцип должен преуспеть: апофеоз и абсолютный императорский суверенитет или индивидуализм с демократическим суверенитетом? Эти два принципа не могут постоянно сосуществовать. Борьба, несомненно, будет напряженной, поскольку неизбежно встанет вопрос об авторитете, как политическом, так и моральном.

Параллель между японским и римским апофеозом очень интересна. Я могу представить ее не лучше, чем процитировав ценный вклад в социальные и моральные проблемы, "Генезис общественного сознания" профессора Х.С. Нэша: "Однако Рим со всем своим величием не смог перерасти племенной принцип..... Мы находим нечто, что обнаруживает фундаментальный недостаток всей системы. Это апофеоз императоров. Процесс апофеоза был чем-то гораздо более глубоким, чем раболепие подданного, сговорившегося с тщеславием правителя. Это была необходимость государства. Не было другого средства обеспечить существование государства, кроме религии. Поклоняясь царям, империя почитала свой собственный закон. Не было другого способа, которым языческий Рим мог бы гарантировать завоевания цивилизации. Однако именно то, что было ей необходимо, по логике вещей стало ее недостатком..... Поклонение императору отменяло определение равенства, которого требовала логика империи. И снова апофеоз нарушил божественное единство человечества, на котором только и могла надежно держаться империя"^{[[S]]}.

В то, что окончательный итог опыта Японии будет таким же, как у Рима, я не верю. Ведь ее окружение совершенно иное. Но та же борьба двух противоречивых принципов уже идет. Лишь немногие, даже среди образованных слоев, осознают ее природу и глубину. Мыслители, придерживающиеся принципа апофеоза, делают это, по общему признанию, потому, что не видят другого способа обеспечить авторитет закона, будь то политического или морального. Здесь мы видим важность тех представлений о Боге, о законе, о человеке, которые может дать только христианство.

От патриотизма мы, естественно, переходим к рассмотрению храбрости. В старой Японии ничто так не ценилось и не превозносилось. В те времена родители и воспитатели целенаправленно старались развить в детях мужество. Они использовали множество способов воспитания храбрости в детях. Не довольствуясь простыми наставлениями, их отправляли одних в темные бурные ночи на кладбища, в дома с привидениями, на опасные горные вершины и на места казней. От молодых требовалось совершить множество подвигов, единственной целью которых было развитие мужества и смелости. Самым страшным именем, которое можно было дать самураю, было "косинукэ" (трус). Многие распри, приведшие к фатальному концу, стали результатом одного лишь использования этого самого ненавистного из всех оскорбительных эпитетов. История Японии полна героических поступков. Я хорошо помню беседу с сыном старого самурая, который рассказывал мне, чувствуя, как кровь стынет в жилах, о былых кровавых подвигах и о том, какой отваги они требовали. Он заметил, что, пока человек не убьет своего первого врага, он всегда склонен дрожать. Но как только дело было сделано и меч отведал человеческой крови, страха больше не было. Он также рассказал мне, что для того, чтобы сыновья самураев привыкли к жутким зрелищам, испытывающим нервы, их посылали ночью на место казни, где при слабом лунном свете можно было увидеть прикрепленные к столбам головы людей, которым недавно отрубили головы.

Японское чувство мужества в некоторых отношениях своеобразно. По крайней мере, кажется, что она отличается от англосаксонской. Японец, кажется, теряет всякий

самоконтроль, когда наступает решающий момент; он бросается в бой с бешеной страстью и бесстрашием, близким к безумию. Такое впечатление сложилось у меня из услышанных описаний и увиденных фотографий. Даже фотографии поздней войны с Китаем свидетельствуют об этом.

Но их мужество не ограничивается бесстрашием перед лицом смерти; оно простирается до полного безразличия к боли. Всем известен почетный способ, с помощью которого самурай, преступивший закон или нарушивший этикет, может покинуть этот мир, - "сэппуку", элегантное название вульгарного термина "харакири" или "разрезание живота". Для того, кто чувствителен к рассказам о крови, нерасшифрованная японская история должна быть ужасной. Огромное количество людей, погибших от собственных рук, было бы невероятным, если бы не множество доказательств самого убедительного характера. Можно с уверенностью сказать, что самоубийство стало апофеозом - состояние, которое, я полагаю, нельзя назвать преобладающим ни в одной другой стране.

Описывая таким образом японские настроения в отношении "сэппуку", есть, однако, некоторая опасность исказить их. Само по себе "сэппуку" не было в почете, поскольку в подавляющем большинстве случаев те, кто его совершал, были виновны в каком-либо преступлении или нарушении этикета. Нередко те, кто был приговорен к совершению "сэппуку", не обладали достаточной физической смелостью; в таких случаях кто-нибудь из друзей брал жертву за руку и заставлял ее порезаться. Таких трусов всегда презирали. Быть приговоренным к совершению "сэппуку" было позором, но гораздо меньшим позором, чем быть обезглавленным как обычный человек, поскольку это позволяло самураю показать, из какого материала он сделан. Следует также отметить, что в случае "сэппуку", как только акт разрезания живота был завершен, всегда одним быстрым движением, кто-то сзади одним ударом обезглавливал жертву. Таким образом, физическая агония "сэппуку" была очень короткой и длилась всего несколько секунд.

В этой связи я не могу сделать ничего лучше, чем процитировать параграф из "Религий Японии" У. Э. Гриффиса:

"С доисторических времен, когда обычай "дзюнси", или смерти с господином, требовал погребения живых прислужников вместе с их мертвым господином, и вплоть до революции 1868 года, когда в Сендае и Аидзу десятки мужчин и мальчиков вскрыли себе кишки, а матери убили своих младенцев-сыновей и перерезали себе горло, текла река крови самоубийц, истоки которой лежали в преданности прислужников господам, а солдат - погибшему делу..... Не тысячи, а тысячи тысяч солдат ненавидели своих родителей, жену, ребенка, друга, чтобы стать учениками верховного верноподданного. Они скрепили свое кредо, опустошив собственные вены..... Обычные японские романы похожи на отчеты о боях. Ни Молах, ни Шивас не привлекли в свое святилище больше жертв, чем эта идея японской верности, которая так прекрасна в теории, но так отвратительна на практике... Если бы можно было собрать статистику самоубийств за этот долгий период, ее публикация вызвала бы в христианстве крайнее недоверие"⁽¹⁷⁾.

Я хорошо помню, с какой гордостью, доходящей почти до ликования, одна молодая кровь поведала мне о мальчике лет десяти-двенадцати, который разрезал себе кишки таким образом, что дело не было доведено до конца, а затем, завязав "оби" или пояс, вошел к своей матери, объяснил обстоятельства, которые сделали для него делом чести совершить "сэппуку", и тут же развязал свой "оби" и умер в ее присутствии.

Таковы идеалы мужества и верности, которые на протяжении веков стоят перед японской молодежью. Комментарии излишни. С эволюционной точки зрения понять возникновение этих идей и практик довольно легко. Очевидно, что они полностью зависят от социального порядка. С приходом западного общественного строя были отменены феодалы, местная верность и ношение мечей. Неужели японцы сейчас менее мужественны, чем тридцать лет назад? Изменился общественный строй, изменились и способы проявления храбрости. Это все, что нужно сказать.

Можно ли сказать, что японцы более мужественны, чем другие народы? Хотя ни один другой народ не проявлял таких феноменов, как японцы, в отношении самоубийства ради верности, однако любая истинная оценка западных народов сразу же развеет представление о том, что им не хватает мужества. Проявления мужества зависят от характера общественного строя, но ни одна нация не могла бы долго сохранять себя, не говоря уже о том, чтобы появиться на свет, без высокой степени этого дара.

Но японская храбрость не совсем физического порядка, хотя именно в такой форме она проявлялась до сих пор. Мужество иметь и придерживаться собственных убеждений известно в Японии, как и в других странах. Существует длинная череда мучеников. В течение десятилетий после введения буддизма существовала такая оппозиция, что новообращенным требовалось немало мужества, чтобы сохранить свои убеждения. Во времена возникновения новых буддийских сект также были значительные преследования, особенно с появлением Ничирен Шу. А когда наступило время испытаний для христианства, в соответствии с эдиктом Токугавы, которым оно было подавлено, нашлись десятки тысяч людей, которые предпочли смерть отказу от своей веры. В последнее время местные христиане также проявили немало мужества.

В качестве иллюстрации можно привести следующий случай: Когда выдающийся американский учитель японской молодежи вернулся в Японию после долгого отсутствия, его бывшие ученики собрались вокруг него с горячим восхищением. За время его отсутствия они стали лидерами среди попечителей и преподавателей самого процветающего христианского колледжа в Японии. В связи с этим его пригласили прочитать курс лекций в капелле. Было известно, что он уже не тот искренний христианин, каким был когда-то, когда, будучи учителем в одном из внутренних городов, вдохновил группу молодых людей, которые стали христианами под его руководством и силой добра по всей стране. Но никто не был готов выслушать такие крайние обличения христианства, христианских миссий и миссионеров, которые составляли суть его лекций. Поначалу этот вопрос прошел в молчании. Но к концу второй лекции миссионеры заявили протест, настаивая на том, чтобы христианская часовня больше не использовалась для подобных лекций. Преподаватели, однако, не были готовы критиковать своего любимого учителя. Третья лекция оказалась такой же оскорбительной, как и предыдущие; казалось, что у лектора нет никакого чувства приличия. Представление о его мыслях и методе выражения можно получить из одного предложения: "Джентльмены, Иисус Христос поручил мне сказать вам, что не существует такой вещи, как душа или будущая жизнь". Хотя миссионерские члены факультета настаивали на этом, японские члены, большинство из которых были его бывшими учениками, не желали предпринимать никаких шагов, чтобы предотвратить продолжение богохульных лекций. Студенты учебного заведения провели массовое собрание, на котором обсудили этот вопрос и решили сообщить лектору, что студенты не желают больше слушать подобные лекции. Затем встал вопрос о том, кто будет выступать с резолюцией. Все колебались, и каждый, кто видел или знал лектора и слышал его речь, может легко понять это чувство; ведь это крупный мужчина с впечатляющими и властными манерами. Однако

молодой человек, который, пожалуй, активнее всех агитировал за это дело и который представил резолюцию собранию, вызвался пойти. Он невысок и довольно мал даже для японца. Отправившись в дом лектора, он спокойно передал резолюцию студентов. На вопрос о том, кто составил и представил резолюцию собранию, он ответил следующее: "Я, сэр". На этом разговор закончился, но не дело. С этого дня боготворимый учитель был постепенно низвергнут со своего пьедестала. Но моральное мужество молодого человека, который смог сказать в его разъяренном присутствии: "Я, сэр", не забыто. Не забыто и мужество молодого человека, выступавшего в качестве переводчика на первой лекции; он не только отказался впредь выступать в этом качестве, но, воспользовавшись первой же возможностью, на службе в часовне на следующий день, который оказался воскресным, вышел на трибуну и попросил прощения у Бога и у людей за то, что произнес такой язык, который был вынужден использовать при переводе. В этом тоже проявилось нравственное мужество немалого порядка.

XIV

НЕПОСТОЯНСТВО-СТАБИЛЬНОСТЬ-СТОИЦИЗМ

Японцев часто критикуют за непостоянство, за то, что они мечутся от одного увлечения к другому, от одной идеи к другой, быстро уставая от каждой по очереди. Считается, что им не хватает упорства в развлечениях не меньше, чем в самых серьезных жизненных вопросах.

Никто не станет отрицать, что в этом обвинении есть доля правды. На самом деле, сами японцы признают, что в последнее время их прогресс идет "волнами", и не мало тех, кто сетует на это. Внимательное изучение школьного образования покажет, что оно подвергалось попеременным волнам популярности и нелюбви. Частные школы, славившиеся сотнями учеников, за короткое время потеряли всех, кроме нескольких десятков. В 1873 году была страсть к кроликам, некоторые разновидности которых тогда впервые были завезены в Японию. В течение нескольких месяцев они приносили баснословные цены и стали предметом самых диких спекуляций. В 1874-75 годах петушиные бои были в моде. В один год в моде были иностранные вальсы и гигантские похороны, а в другой - борьба, и даже тогдашний премьер-министр, граф Курода, взял верх. Но нас интересует вопрос: является ли непостоянство неотъемлемым элементом японского характера и настолько доминирующим, что где бы ни находился народ и в какой бы обстановке он ни жил, он всегда будет непостоянен; или же эта черта обусловлена условиями его недавней истории. Давайте посмотрим.

Профессор Бэзил Х. Чемберлен говорит: "Япония так долго стояла на месте, что теперь ей приходится быстро и часто двигаться, чтобы наверстать упущенное время". Это очень хорошо характеризует ситуацию. Если бы мы знали Японию только в период Токугава, мысль о непостоянстве не пришла бы нам в голову; напротив, доминирующим впечатлением было бы постоянство и неизменность ее жизни и обычаев. Таким образом, это качество или видимость непостоянства является современной чертой, обусловленной чрезвычайными обстоятельствами, в которых оказалась Япония. Возникновение волны за волной новых мод и причуд не является чем-то странным или свидетельствующим о непостоянстве характера. Если на мгновение заглянуть под поверхность, то мы увидим, что в ней есть серьезность намерений, которая является обратной стороной непостоянства.

Какая нация, например, когда-либо добровольно ставила перед собой задачу изучать образ жизни, мысли и языки других народов так настойчиво, как Япония? Колебания в интенсивности этого процесса не столь удивительны, как то, что на протяжении тридцати лет она неуклонно следовала этому курсу. Десятки тысяч ее молодых людей сегодня умеют читать по-английски, тысячи - по-немецки и по-французски. Иностранные языки являются обязательными во всех высших школах. Постановление, вступившее в силу в сентябре 1900 года, требует изучения двух иностранных языков. На это было потрачено много сотен тысяч долларов. Желание и стремление изучить все, чему может научить Запад, было довольно постоянным. Элемент непостоянства можно обнаружить в основном в связи с методами, а не с целями, которые необходимо достичь. С того момента, как Япония обнаружила, что Запад обладает источниками силы, неизвестными ей самой, но необходимыми, если она рассчитывает удержать свои позиции среди народов мира, целью и результатом всех ее усилий стало овладение секретами этой силы. Она видела, что образование - одно из важных средств. То, что она должна споткнуться при внедрении образовательных методов, не странно. Необходимый опыт накапливается. Но для получения урока такого рода требуется опыт не одного поколения. Еще некоторое время Япония будет демонстрировать признаки неустойчивости, отсутствия идеального равновесия.

Жалкое зрелище представляют собой мальчики не старше пяти-шести лет, которые из всех сил толкают или тянут за собой тяжело нагруженную ручную тележку, запряженную их родителями. Однако это типичный аспект японской цивилизации. Работу в основном выполняют молодые люди до тридцати лет, и огромное количество рабочих не достигли двадцатилетнего возраста. Это касается не только рутинного труда, но и работы, связанной с большей или меньшей ответственностью. В почтовых отделениях, например, подавляющее большинство клерков - мальчишки. В магазинах редко можно встретить мужчину старше среднего возраста, ведущего бизнес или выполняющего функции клерка. Почему молодые так заметны? Отчасти из-за обычая "отречения". Поскольку "отречение от семьи" встречается часто, оно оказывает заметное влияние на общий характер нации и отчасти объясняет поспешные деловые авантюры и другие признаки импульсивности и неуравновешенности суждений. Кроме того, в условиях новой цивилизации пожилые мужчины стали неспособны выполнять необходимую работу. Более молодые и гибкие представители подрастающего поколения могут быстро приспособиться к новым условиям, как, например, в школах, где пожилые мужчины, получившие лишь обычную подготовку по китайской классике, были совершенно некомпетентны в качестве преподавателей наук. Естественно, поэтому, за исключением обучения классике, учителя общеобразовательных школ в первые десятилетия почти полностью состояли из юношей. Крайняя молодость школьных учителей постоянно удивляла меня. В различных ветвях власти это же явление встречается столь же часто. Молодые люди выдвигаются на должности с такой быстротой и в таком количестве, которые неизвестны на Западе и, возможно, не встречались в Японии ни в одну из предыдущих эпох.

Подъем и упадок христианской церкви в Японии приводили в пример как признак непостоянства народа. Это ошибочный пример, поскольку существует множество других причин, вполне достаточных для объяснения рассматриваемого явления. Позвольте мне проиллюстрировать это на опыте одного пожилого христианина. Он пришел ко Христу через учение блестящего молодого человека, чье рвение не было сдержано полными знаниями, что, впрочем, не странно, учитывая его ограниченные возможности для обучения. Поэтому его наставления были узкими, чтобы не сказать фанатичными. И все же пожилой джентльмен нашел учение молодого человека достаточно сильным и ясным, чтобы разрушить все его старые представления о религии, его многобожие, его веру в чары, его поклонение предкам

и все родственные идеи. Он принял Новый Завет с простой беспрекословной верой. Но через шесть или восемь лет молодой наставник начал терять свою примитивную и простую веру. Он сразу же начал нападать на то, что до этого защищал и излагал. Вскоре вся его теологическая позиция изменилась. Высшая критика и религиозная философия стали центром его проповедей и писаний. В результате этот старый джентльмен снова оказался в опасности расстроить свое религиозное мышление. Он чувствовал, что его новая вера была получена, так сказать, оптом, и если часть ее была ложной, как теперь утверждал его молодой учитель, то как он мог знать, что хоть что-то из этого было истинным? И все же сердечный опыт подсказывал ему, что в этой вере он обрел что-то настоящее; он не хотел терять это; поэтому вот уже несколько лет он систематически избегал церковных служб и воздерживался от чтения журналов, в которых обсуждались эти новые и разрушительные взгляды; он предпочитал спокойно читать Библию дома и напрямую общаться с Богом, даже если во многих вопросах библейской или теоретической науки он мог придерживаться ошибочных мнений. При поверхностном взгляде на поведение этого человека можно подумать, что он непостоянен; но более глубокое рассмотрение приведет к противоположному выводу.

Колебания в состоянии христианских церквей не вызывают удивления, и их нельзя полностью, если вообще можно, отнести на счет переменчивости национального характера, а скорее, в значительной степени, на счет особых условий японской жизни. Ранним христианам было чему поучиться. Экспериментально они знали лишь немного из христианской истины. Весь ход христианской мысли, историческое развитие теологии с различными ересями, недавние дискуссии, опирающиеся на так называемую "высшую критику" Библии, а также еще более недавние исследования в области истории и философии религии в целом были им, конечно, совершенно неизвестны. Это было неизбежно, и они ни в чем не виноваты. Невозможно было узнать все сразу.

Нет вины и миссионеров. Для них было так же невозможно передать молодым и неопытным христианам полное знание об этих вопросах, как и для последних получить такую информацию. В первую очередь миссионеров интересовали практические и повседневные обязанности христианской жизни, великая проблема - заставить мужчин и женщин отбросить суеверия, узость и грехи, проистекающие из многобожия или практического атеизма, и наставить их на путь благочестия. Школы подготовки евангелистов были призваны воспитывать практических работников, а не спекулятивных теологов. Миссионеры считали своим долгом (и, несомненно, были правы) преподавать религию, а не науку и философию религии. Поэтому, когда евангелисты обнаруживали, что их не учили этим передовым отраслям знаний, неудивительно, что некоторые бросались за ними и в своем рвении к тому, что они считали важным, спешили критиковать своих бывших учителей. В результате они подрывали как свою собственную веру, так и веру многих, кто стал христианином благодаря их учению.

Скука церковной жизни, столь заметная в настоящее время во многих церквях, лишь отчасти объясняется тем, что христиане устали от богослужений. Это правда, что эти служения больше не дают им того умственного и духовного стимула, который они находили вначале, и что, лишённые этого, они не находят побуждения посещать их. Но это лишь частичное объяснение. Оглядываясь на опыт последних двадцати пяти лет, мы теперь видим, что интенсивное рвение первых нескольких лет было естественным результатом определенной узости взглядов. Интересен тот факт, что во время одного из ранних возрождений в Дошиша молодые люди были настолько интенсивны и возбуждены, что миссионеры были вынуждены сдерживать их. Эти молодые христиане чувствовали и говорили, что миссионеры не

исполнены Святого Духа; соответственно, они считали своим долгом увещевать своих иностранных лидеров, даже укорять их за недостаток веры. Необычайные ожидания, которые питали молодые японские работники тех дней и разделяли миссионеры, что Япония станет христианской страной еще до конца века, в значительной степени объяснялись незнанием христианства, человеческой природы и язычества, но, учитывая особые условия жизни, это было практически неизбежно. И то, что большие и внезапные изменения в чувствах и мыслях произошли в младенческих церквях в результате быстрого приобретения нового света и нового опыта, также неизбежно. Эти изменения объясняются не столько переменчивостью природы, сколько необычайным пополнением знаний.

Однако есть все основания полагать, что период этих быстрых колебаний проходит. Всевозможные причуды, капризы и глупости, а также науки, философии, ологизмы и измы западного мира уже пришли в Японию и достаточно хорошо известны. Никакого принципиально нового и неожиданного опыта перед людьми не стоит.

Более того, молодые люди год от года становятся старше. Опыт и возраст вместе дают трезвость и устойчивость, недостижимые в других странах. В школах, в правительстве, в политике, в судебной системе и в церквях людей, умудренных опытом и обученных новому порядку, становится относительно много, и в скором времени они будут составлять большинство. Мы можем ожидать, что Япония постепенно обретет стабильность и регулярность, которых не хватало в последние несколько десятилетий. Вновь прибывшего в Японию человека очень впечатляет невыразительность многих японских лиц. Они похожи на изображения Будды, который, как предполагается, настолько погружен в глубокую медитацию, что события уходящего мира не производят на него никакого впечатления. Иногда я слышал выражение "замазанное лицо", которым описывают внешний вид обычного японского лица. Эта неподвижность восточного человека больше бросается в глаза новичку, чем тому, кто много повидал людей и понял ее значение. Но хотя эффект "замазки" проходит, остается впечатление стоицизма, которое никогда не исчезает. Эти две черты, твердолобость и стоицизм, настолько близки по внешнему виду, что их легко спутать, однако на самом деле они разные. Первая возникает от глупости, от тупости ума. Другой - продукт тщательного воспитания и терпеливой тренировки. И все же зачастую трудно определить, где кончается одно и начинается другое.

Застывшая тупость, конечно же, наиболее характерна для крестьянского сословия. На протяжении веков они находились в самом тесном контакте с землей; ничто не способствовало пробуждению их интеллектуальных способностей. Чтение и письмо оставались для них глубокой тайной. Их жизнь была крайне узкой. Но японский крестьянин не является в этом отношении особенным. Подобные условия в других странах приводят к аналогичным результатам, как, например, во Франции, согласно знаменитой картине Милле "Человек с мотыгой".

Однако интересным фактом является то, что от этой застывшей тупости можно легко избавиться. Я часто слышал комментарии о том, как заметно меняется выражение лица тех взрослых, которые учатся читать Библию. Их разум пробуждается, в глазах появляется новый свет, а в голове зарождаются новые идеи.

Впечатление, производимое на иностранца, объясняется, однако, не столько глупостью, сколько стоическим воспитанием. На протяжении веков народ учили подавлять любые проявления своих эмоций. От низшего требовалось молча слушать начальника и беспрекословно подчиняться. Отношения начальника и подчиненного веками вдалбливались в людей. Кодекс военного лагеря преподавался и соблюдался во всех домах.

Разговоры в присутствии начальника, смех, любопытные вопросы, выражение удивления - все, что показывало хоть малейшие эмоции со стороны нижестоящего, считалось неучтивостью.

Воспитание в этих вопросах не ограничивалось устными наставлениями; нарушения наказывались со всей строгостью. Когда даймё приезжал в столицу Йедо, жители обращались к нему почти как к богу. От них требовалось падать на колени и склонять лицо до земли, а тех, кто не выражал такого почтения, свободно приговаривали к смертной казни.

Итак, одним из источников систематического подавления эмоциональных проявлений является характер феодального строя общества, который так долго преобладал. Воин, который лучше всего контролировал свою мимику, который меньше всего мог выдать своему врагу или даже обычным друзьям истинное состояние своих чувств, при прочих равных условиях выходил победителем. Дальнейшим объяснением этого подавления является религия Будды. На протяжении 1200 лет она помогала формировать средние и низшие слои населения. Согласно его учению, желание - это великое зло; из него проистекают все остальные пороки. Поэтому цель религиозной жизни - подавление всех желаний, а самый естественный способ достичь этого - подавлять проявления желания, сохранять пассивность при любых обстоятельствах. Изображения Будды и буддийских святых полностью лишены экспрессии. Они как можно точнее отражают достижение их желания, а именно свободу от всех желаний. К этому стремится каждый искренний буддист. Будучи идеалом и реальным усилием жизни, оно отражается на лицах людей. Отсутствие выражения, однако, не доказывает отсутствия желания.

Каждый иностранец имеет забавное доказательство этого. Часто случается, что мимо проходит группа японцев, которые, судя по всему, не обращают внимания на незнакомца. Ни поворотом головы, ни движением одной мышцы лица они не выдают своего любопытства, однако их глаза вбирают в себя каждую деталь и невольно следят за удаляющейся фигурой путешественника. В глубине страны, где иностранцы все еще являются объектом любопытства, молодые люди часто подбегали сзади, уходили на некоторое расстояние вперед, затем резко поворачивались, как будто что-то вспоминая, и медленно шли обратно, не обращая на меня, по-видимому, ни малейшего внимания. Мотивом было желание получше разглядеть иностранца. Они надеялись скрыть это с помощью уловки, так как не должно быть никаких проявлений любопытства.

Явления, которые иностранец может списать на отсутствие эмоций или, по крайней мере, на их подавление, могут быть вызваны совсем другими причинами. Так, например, мало что может удивить обывателя больше, чем молчание толпы при появлении на улице императора, которым все они восхищаются и которого любят. При обстоятельствах, которые вызвали бы самые восторженные возгласы у западной толпы, японская толпа хранит абсолютное молчание. Происходит ли это от недостатка эмоций? Ни в коем случае. Благоговение преобладает в каждой груди. Им не придет в голову устраивать шумные демонстрации радости в присутствии императора, как не придет в голову общине благочестивых христиан делать то же самое во время религиозной службы. Эта идея благоговения перед начальством пронизывает весь общественный строй - интенсивность почитания варьируется в зависимости от ранга начальника. Но перемены уже начались. Тишина больше не является принудительной; глубокие поклоны до земли теперь не требуются перед дворянами; по крайней мере, в одном случае во время недавней войны между Китаем и Японией энтузиазм населения нашел звуковое выражение, когда император появился на публике. Даже стоический вид людей уходит под влиянием нового порядка в обществе, с его новыми,

доминирующими идеями. Образование вводит нацию в большую и бурлящую жизнь. Естественность приходит на смену принудительному подавлению. Чувство сущностного равенства людей зарождается, особенно среди молодежи, и помогает создать новую атмосферу в этой стране, где на протяжении столетий главные усилия были направлены на подавление всех естественных проявлений эмоций.

Во время путешествия по Кюсю несколько лет назад у меня был опыт, который показал мне, что застылость или живость народа во многом зависит от господствующего общественного строя, а не от природы. Те, кто много общается с японцами, отмечают чрезвычайную тишину и замкнутость женщин. Эту черту превозносят как отечественные, так и зарубежные писатели. Из-за этой черты незнакомому человеку трудно вести с ними беседу. Они обычно отвечают односложно и на низких тонах. Само выражение их лиц говорит о замкнутости, спокойной неподвижности и отсутствии реакции на стимулы социального общения, что поражает и угнетает оксидента. Знакомство с женщинами, особенно с молодыми, в церкви, с которой я был связан, всегда представляло для меня немалую трудность. С женщинами постарше эта сдержанность не так заметна. Теперь о моей истории:

Однажды я пришел в одну семью, ожидая встретить мать, с которой был хорошо знаком. Ее не оказалось дома, но дома оказалась дочь, о которой я раньше не слышал, и я начал с ней беседовать. Вопреки всему моему предыдущему опыту, эта молодая девушка не старше двадцати лет смотрела мне прямо в лицо с совершенным самообладанием, отвечала на мои вопросы четким голосом и законченными предложениями, а также задавала вопросы в свою очередь без малейшего смущения. Я был поражен. Японская девушка вела себя и говорила со свободой американки. Как это можно было объяснить? Хотя это и казалось сложным, проблема была легко решена. Девушка побывала в Америке, проведя несколько лет в Рэдклиффском колледже. Именно там ее японская скромность была отброшена, а американская откровенность и живость манер приобретена. Это было связано просто с преобладающими общественными обычаями, а не с присущей ей японской натурой.

Этот вывод подкрепляется еще и тем, что у тех, кто становится христианином, заметно возрастает живость. Репрессивные социальные ограничения старого общественного порядка несколько снимаются. Отдельным членам христианской общины предоставляется свобода в общественной жизни, в разговорах между мужчинами и женщинами, в высказывании частных мнений, чего не допускал нехристианский порядок общества. Общение между полами не допускалось. Новая свобода, естественно, приводит к большей живости и гораздо более свободной игре выражения лица, чем это было возможно при старом порядке. Живость и общительность гейш (танцующих и поющих девушек), чьим делом является общение с мужчинами, свободная беседа с ними, еще больше подтверждает мнение о том, что упрямые, невыразительные черты обычной японской женщины являются социальными, а не сущностными характеристиками. Одни и те же девушки попеременно демонстрируют то застылость, то живость в зависимости от того, выступают они в роли гейши или уважаемых членов общества.

На этом мы завершаем непосредственное изучение различных элементов, характеризующих эмоциональную природу японок. Общеизвестно, что эти люди очень эмоциональны. Мы показали, однако, что их чувства подвержены некоторым замечательным подавлениям.

Остается спросить, почему японцы более эмоциональны, чем другие расы? Одна из причин, несомненно, заключается в том, что социальные условия были таковы, что стимулировали их эмоциональные, а не интеллектуальные способности. Военная система, на которую опиралась социальная структура, держала нацию в умственном младенчестве. Двадцать

восемь миллионов фермеров и полтора миллиона солдат - такова была пропорция в середине девятнадцатого века. Образование получали только солдаты. Но хотя они несколько развивали свой ум, само занятие солдат требовало от них скорее повиновения, чем размышлений; рукопашные конфликты сильно стимулировали эмоции. Весь феодальный порядок также был рассчитан на тот же эффект. Интеллектуальная жизнь была низкой, и ее запреты были соответственно слабыми. Когда в будущем все население станет достаточно образованным и научится мыслить самостоятельно; когда народное правительство станет гораздо более универсальным, возлагая на людей ответственность, как никогда прежде, и стимулируя обсуждение общих принципов жизни, управления и права, тогда эмоциональные черты нации станут менее заметными.

Это вопрос относительного развития. Как дети впадают в крайности мыслей и действий по малейшему поводу, просто потому, что их интеллект еще не пришел в полную активность, плачут в один момент и смеются в другой, так и с национальной жизнью. Там, где общее интеллектуальное развитие народа заторможено, эмоциональные проявления неизбежно становятся заметными.

Таким образом, даже такая фундаментальная расовая черта, как эмоциональность, оказывается под глубоким влиянием господствующего социального порядка. Эмоциональные характеристики, которые отличают японцев от других рас, в конечном счете, обусловлены скорее природой их социального устройства, чем их врожденной природой или структурой мозга.

XV

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В некоторых направлениях японцы демонстрируют такое развитие эстетического вкуса, которого не достигла ни одна другая нация. Общая оценка пейзажных видов хорошо иллюстрирует этот момент. Дом и сад среднего рабочего намного превосходят в художественном отношении дома и сады представителей того же класса на Западе. Вряд ли найдется дом без хотя бы небольшого сада, разбитого в художественном стиле, с миниатюрным озером, холмами и извилистыми дорожками. И этот сад существует исключительно для того, чтобы радовать глаз.

Общий вкус, проявляющийся во многих мелочах, вызывает неизменный восторг у западного "варвара", когда он впервые приезжает в Японию. Этот восторг не исчезает со временем и знакомством, хотя и смягчается более поздним восприятием некоторых других особенностей. Действительно, чем больше человек знает о деталях их художественного вкуса, тем больше он его ценит. Например, "токо-но ма" - это разновидность алькова, обычно занимающего половину одной стороны комнаты. Он обозначает почетное место, и гостям всегда предлагают сесть напротив него. Пол "токо-но ма" приподнят на четыре-пять дюймов над уровнем комнаты, и на него ни в коем случае нельзя наступать. В "токо-но ма" обычно ставят какое-нибудь произведение искусства или вазу с цветами, а на стену вешают картину или несколько китайских иероглифов, написанных каким-нибудь известным каллиграфом, которые меняются в зависимости от времени года. Отделка деревом и раскраска этой части комнаты - самые лучшие. Токо-но ма" главной комнаты дома всегда радует глаз; это

"почетное место" есть как минимум в одной комнате в каждом доме, а если хозяин обладает умеренными средствами, то в двух или трех. Только дома самых бедных из бедных лишены этого украшения.

Японцы проявляют изысканный вкус в окраске и отделке комнат; натуральные породы дерева, окрашенные и отполированные, широко распространены; каждый столб и доска, стоящие прямо, должны стоять в том положении, в котором они выросли. Японец сразу понимает, что доска или столб перевернуты, хотя для западного человека решение этого вопроса часто становится загадкой. Потолки из натурального дерева, мягкие желтые и голубые тона стен - все, что может пожелать самый подготовленный западный глаз. Изящные украшения под названием "рамма", расположенные поверх аккуратной "фусумы", состоят из тонких фигур и причудливых узоров, вырезанных из тонких досок, и служат одновременно и картиной, и вентилятором. Рисунки на "фусума" (раздвижные двери из плотной бумаги, разделяющие смежные комнаты или отгораживающие чулан) тоже просты и аккуратны, как и все японское изобразительное искусство.

Любовь японцев к цветам свидетельствует о высоком эстетическом развитии. Не только проводятся различные фестивали цветов, во время которых народ стекается в пригородные сады и парки, но и в домах и общественных залах неизменно расставляются спреи, распускающиеся ветви и даже большие ветви. В каждой церкви есть огромная ваза для этих целей. Правильная аранжировка цветов, цветущих спреев и ветвей - это высокоразвитое искусство. Оно часто является одним из обязательных предметов в школах для девочек. Я знал двух или трех человек, которые зарабатывали на жизнь преподаванием этого искусства. Миниатюрные цветущие деревья выращиваются с непревзойденным мастерством. Один мой знакомый славится 230 сортами сливового дерева, все в горшках, некоторым из них от двух до трехсот лет. Синтоистские и буддийские храмы также демонстрируют художественные качества, радующие глаз.

Но главный интерес для нас заключается в объяснении этой особенности. Является ли эстетическое чувство более высокоразвитым в Японии, чем на Западе? Является ли оно более общим? Является ли это вопросом природы или цивилизации?

Пытаясь ответить на эти вопросы, я прежде всего отмечаю, что развитие японского эстетического вкуса носит односторонний характер; хотя в некоторых аспектах он развит, в других - запаздывает. В качестве иллюстрации можно привести обоняние. Не стоит говорить, что "японцы не пользуются носом" и что любовь к сладким запахам им неизвестна. Нецитируемая фраза сэра Резерфорда Алкока о том, что "в одной из самых красивых и плодородных стран мира цветы не имеют запаха, птицы не поют, а фрукты и овощи не имеют вкуса", вводит в заблуждение, поскольку в ней достаточно правды, чтобы сделать ее еще более обманчивой. Действительно, цветок вишни почти не имеет запаха, а его красота заключается в изысканной окраске и пышности, но большинство местных цветов японцы ценят за их запах, а также за цвет, как, например, слива, хризантема, лотос и роза. Аромат цветов - частая тема в японской поэзии. Японские дамы, как и дамы всех стран, любят тонкие ароматы. Одеколон и родственные ему товары находят широкий сбыт в Японии, и мне рассказывали, что дорогой мускус нередко упаковывают вместе с одеждой богатых людей.

Но в противовес этому ценится поразительное равнодушие к некоторым дурманящим запахам. Удивительно, какие ужасные запахи терпит в своем доме культурный японец. То, что мы прячем на заднем дворе и вдали от посторонних глаз, он очень часто размещает на переднем дворе, хотя это, конечно, больше относится к деревне, чем к большим городам. Казалось бы, высокое эстетическое развитие должно было давно изгнать подобные виды и

запахи. Однако на самом деле эстетизм в этом вопросе, похоже, не проник в национальное сознание, так же как и гигиена в этом вопросе.

Объясняя эти факты, не может ли быть так, что японский метод ведения сельского хозяйства был мощным препятствием для эстетского развития обоняния? В первобытные времена, когда богатство было невелико, единственным простым способом, которым располагали люди, чтобы сохранить удобрильные свойства того, что удаляется из наших городов канализационной системой, был тот, который мы все еще находим в использовании в Японии и по сей день. Возможно, необходимость этого дела закалила умственное, если не физическое, чувство людей. Возможно, неэстетичный характер достопримечательностей и запахов был затоплен огромной ценностью удобрильных материалов. Кроме того, среди оксиденталов распространено мнение, что подобные запахи являются признаками серьезного нездоровья. Соответственно, нас оскорбляет не только сам запах, но и ассоциации с болезнью и смертью, которые он навеивает. Не так с неискушенным восточным человеком. Такое соотношение идей только сейчас возникает в Японии, и, как следствие, начинаются изменения.

Я не могу оставить этот пункт, не обратив внимания на тот факт, что развитие обоняния в этих направлениях произошло относительно недавно даже на Западе. Из всех неевропейских наций и рас, я не сомневаюсь, Япония наиболее свободна от ужасных запахов и отвратительных ароматов. И в свете нашей недавней эмансипации не нам удивляться тому, что другие добились незначительного прогресса. Скорее удивительно, что мы так легко забываем о яме, из которой нас так недавно выкопали.

Обращаясь к изучению некоторых особенностей японского изобразительного искусства, мы замечаем, что ведущей характеристикой является простота. Наибольшие результаты достигаются с помощью минимального количества штрихов. Эта общая особенность отчасти объясняется характером используемого инструмента - "фудэ", "кисти". Эта же кисть подходит для письма. Она допускает сильные, жирные очертания, а большая кисть позволяет проявить не малую степень мастерства. В результате "письмо" в Японии - прекрасное искусство. Вряд ли найдется семья, которая хоть как-то претендует на культуру, но не владеет одним или несколькими образцами письма в рамке. В Японии они стоят наравне с картинами или девизами на Западе и ценятся не только за выраженные чувства, но и за мастерство, проявленное при работе с кистью. Умелые авторы становятся знаменитыми, часто получая большие суммы за небольшие "картинки", состоящие всего из двух-трех китайских иероглифов.

Несомненно, более высокая оценка природных пейзажей среди населения в целом во многом обусловлена характером самих пейзажей. Крутые холмы и узкие долины примыкают почти к каждому городу страны. Моря, заливы, озера и реки многочисленны; отраженные горные пейзажи обычны; цвета разнообразны и заметны. Цветущие деревья поразительной красоты встречаются повсеместно. Любой народ, живущий в таких физических условиях и достаточно развитый в цивилизации, чтобы иметь досуг и культуру, не может не быть впечатлен таким богатством красоты в самом пейзаже.

Однако считается, что в художественном воспроизведении этих пейзажей японские художники уступают западным.

Как часто отмечается, японское искусство направило свои основные усилия на животных и природу, не уделив человеку своей доли внимания. Эта любопытная однобокость особенно ярко проявляется в живописи и скульптуре. В первом случае, когда предметом изображения являются люди, целью, очевидно, было прославление определенных характеристик; в

воинах - воинского или героического духа; в мудрецах - их мудрости; в монахах и священниках - их владения страстями и полного достижения мира; в боге - морального характера, который он, как предполагается, представляет. Искусство, следовательно, было направлено на то, чтобы выдвинуть на первый план определенные идеальные черты, которые должны быть чрезмерно акцентированы, чтобы добиться признания; частым результатом являются карикатуры, а не реалистичные формы. Изображения множества богов страшны на вид; их цель - показать характер эмоций бога в присутствии зла. Этих идолов легко понять, поскольку мы утверждаем, что чем страшнее он, тем более порочным должен быть бог в его реальном характере; но это не так для восточного человека. Для него чем страшнее образ, тем благороднее характер. Действительно злые боги, такие как демоны, всегда представляются, как мне кажется, в виде деформированных существ, частично людей, частично зверей. В связи с этим следует помнить, что идолы являются импортированной особенностью японской религии; в синто по сей день нет "нарисованных изображений". Все идолы - буддийские. Более того, они являются лишь копиями отвратительных идолов Индии; японский художественный гений ничего не добавил к их гротескному виду. Но для нас интересен тот факт, что эстетический вкус, который может наслаждаться цветами и природными пейзажами, никогда не избавлял японское искусство от действительно неэстетичных изображений людей и богов.

Стоя недавно перед магазином игрушек и рассматривая бесчисленные куклы, выставленные на продажу, я вновь поразился отсутствию вкуса, как в раскраске, так и в форме; их условность была чрезвычайно утомительной; единственной привлекательной чертой была их нелепость. Но стоило мне отвернуться от подражаний людям и посмотреть на подражания природе, как все впечатление изменилось. Меня порадовал художественный вкус, проявившийся в прекрасно имитированных, изысканно окрашенных цветах. Они действительно были прекрасны.

Почему японское искусство так мало изображает человека как человека? Может быть, это связано с "безличностью" Востока, как утверждают некоторые? Это предполагает, но не дает правильной интерпретации рассматриваемого явления. Причина кроется в природе господствующих идей восточной цивилизации. Человек как человек не пользовался почетом или высоким уважением. Его почитали как воина, поэтому, когда его изображали или ваяли в виде воина, он надевал доспехи; его лицо, если оно и было видно, было не естественным лицом мужчины, а скорее лицом страстного победителя, убивающего своего врага или планирующего то же самое. Так же и со священниками и учителями, императорами и генералами; все они изображены не сами по себе, а в соответствии с рангом, которого они достигли; соответственно, они представлены со своей амуницией, одеяниями и характерными позами, соответствующими их рангу. Попытки сохранить их реальный облик относительно редки. Мужественность и женственность, в отрыве от социального ранга, почти не признавались и тем более не превозносились искусством. Эта особенность, таким образом, соответствует природе японского общественного строя. Искусство той или иной страны обязательно отражает господствующие идеалы ее цивилизации. Так как Япония не смогла раскрыть внутреннюю природу и ценность мужественности и женственности, оценивая их только на утилитарной основе, ее искусство отразило эту неудачу.

По всей видимости, он никогда не пытался изобразить обнаженную человеческую фигуру. Отчасти это объясняется, возможно, тем, что развитие совершенной физической формы с помощью упражнений и тренировок не было частью восточной мысли. Труд любого рода считался унижительным. Обучение военному мастерству и доблести действительно было распространено среди военных классов; но сами мастерство и сила были объектом

размышлений, а не красота мускульного развития, которое они производят. Если мы вспомним, какое видное место занимали игры Греции в ее цивилизации до развития искусства, и какой акцент тогда делался на совершенстве телесной формы, мы лучше поймем, почему в развитии искусства этих двух стран существует такая разница. Я никогда не видел, чтобы японец или юноша обнажил руку, чтобы с гордостью продемонстрировать развитие своих бицепсов; и, насколько я заметил, гордость, которую испытывают студенты в Соединенных Штатах за хорошо развитые икры, не имеет аналогов в Японии - и это несмотря на то, что средний японец имеет икры, которые заставили бы американского юношу позеленеть от зависти.

На основании отсутствия обнаженной натуры в японском искусстве утверждалось, что сама Япония гораздо более нравственно чиста, чем Запад. Если бы моральная жизнь народа соответствовала его искусству в этом отношении, аргумент имел бы силу. К сожалению, это не так. Далее в качестве причины выдвигается предположение, что телесная форма восточных народов по сути своей незстетична; что мужчины либо слишком толстые, либо слишком худые, а женщины слишком пухлые в расцвете молодости и слишком морщинистые и дряблые, когда первый расцвет уже позади. Нелепость этого предположения вызывает улыбку и вопрос о том, какой опыт, должно быть, был у его автора. Ведь любой человек, живший в Японии, наверняка видел людей обоих полов, которых самый придирчивый художник или скульптор с радостью взял бы себе в качестве моделей.

Можно было бы подумать, что по-настоящему артистичный народ, который к тому же несколько аморален, достиг бы большого мастерства в изображении обнаженной женской фигуры. Но, похоже, такая попытка была предпринята лишь в недавние времена, причем в подражание западному искусству. По крайней мере, такие попытки не были признаны искусством и не сохранились как таковые. Я никогда не видел ни статуи, ни фотографии обнаженной японской женщины. Даже изображения знаменитых проституток всегда безупречно одеты. Только количество и размер обычных заколок для волос, а также вульгарная расцветка одежды указывают на аморальный характер изображенной женщины.

Однако не следует думать, что безнравственные изображения были неизвестны в Японии, ведь все как раз наоборот. До тех пор, пока правительство не подавило их насильственно под влиянием западной критики, в стране существовала полная свобода производства и продажи развратных и развратных картин. Пожилые иностранцы, проживающие в Японии, свидетельствуют о том, как часто изображались и выставлялись на продажу безнравственные сцены. Здесь я лишь скажу, что они не считались произведениями искусства; они воспроизводились не в интересах эстетического чувства, а исключительно для того, чтобы стимулировать вкус к безнравственным вещам.

Отсутствие обнаженной натуры в японском искусстве объясняется теми же причинами, которые привели к относительному отсутствию в искусстве всех отличительных черт человеческой природы. Мужественность и женственность, как таковые, не были темами, которые они стремились изобразить.

Любопытной особенностью художественного вкуса народа является заметное пристрастие к карикатуре. Он упивается абсурдным подчеркиванием особых черт лица. Дети с выступающими лбами, огромные толстые человечки, гротескные карликовые фигуры в смешных позах - вот несколько распространенных примеров. Почти все мелкие рисунки и скульптуры человеческих фигур нарочито гротескны. Но любовь японцев к гротеску не ограничивается его проявлением в искусстве. Она проявляется и в других удивительных проявлениях. Трудно понять, что народ, восхищающийся красотой природы, может

радоваться и ее деформации, но это так. Чахлые и карликовые деревья, деревья, чьи ветви были искажены до таких форм и пропорций, которые природа презирает, - все это, похоже, нравится японцам, так же как и "естественная" природа. По всей стране, в садах среднего и высшего класса, можно найти образцы карликовых и низкорослых деревьев, на выращивание которых ушли десятилетия. Ветви большинства садовых кустарников и деревьев также обрезаны до причудливых форм. В чем же прелесть этих искажений? Во-первых, наверное, универсальный человеческий интерес ко всему, что требует мастерства. Подумайте, сколько терпения, упорства и экспериментов необходимо, чтобы вырастить карликовое грушевое дерево высотой двенадцать или пятнадцать дюймов, растущее в течение нескольких лет и приносящее в свой сезон полноразмерные плоды! И второе - не менее универсальный человеческий интерес к странному и аномальному. Этот интерес есть у всех первобытных людей. Он проявляется в их религиях. Аномальные камни часто становятся объектами религиозного поклонения. Хотя я не могу утверждать, что в Японии сегодня поклоняются таким предметам, но могу сказать, что их часто устанавливают на территории храмов и посвящают соответствующим надписям. Там, где природа может заставить произвести аномальное, интерес еще больше. Это живое чудо. Например, петухи Тоса, отличающиеся двумя или тремя хвостовыми перьями, достигающими необычайной длины в десять или даже пятнадцать футов, - продукт долгих лет специального разведения.

Согласно обычному употреблению этого термина, эстетизм имеет отношение только к искусству. Однако она тесно связана и с речью, и с поведением. Поэзия зависит в своем существовании от эстетских соображений. Хотя в обычном разговоре на эстетские претензии мало кто обращает сознательное внимание, культурные люди, по сути, уделяют им много неосознанного внимания. В поведении эстетские идеи тоже часто доминируют больше, чем мы предполагаем. Возражения культурных людей против хамского поведения опираются на эстетические основания. Это верно в любой стране. В вопросах поведения иногда трудно провести границу между эстетикой и этикой, так как они незаметно перетекают друг в друга; настолько, что они скорее дополняют, чем противоречат друг другу. Хотя, несомненно, верно, что поведение, ущербное с эстетической точки зрения, не может быть ущербным с этической, но разве не так же верно, что поведение, плохое с этической точки зрения, плохо и с эстетической?

Ни в одной стране эстетские соображения не имели такой силы в формировании речи и поведения, как в Японии. Ни одно предложение, произнесенное японцем, не содержит характерных признаков эстетизма, вплетенных в саму его структуру. С помощью "почетных знаков" говорящему редко приходится быть настолько вульгарным, чтобы даже упомянуть о себе. В языке мало моментов, которые так трудно освоить иностранцу, говоря самому или слушая других, как использование этих почетных слов. С их помощью можно выразить самые тонкие оттенки вежливости и неучтивости. Некоторые авторы объясняют относительное отсутствие личных местоимений в языке доминирующей силой безличного пантеизма. Я не могу принять эту точку зрения по причинам, изложенным в последующих главах о личности.

Хотя почетные характеристики языка, по-видимому, свидетельствуют о высокой степени эстетского развития, определенный недостаток деликатности в обращении к темам, которые на Западе исключены из разговора культурными людьми, производит на непосвященных противоположное впечатление. Такой язык в Японии нельзя считать нечистым, потому что он не сопровождается подобной идеей. Их следует назвать просто эстетически неполноценными. Я не хочу сказать, что в Японии не существует нечистых разговоров. Я лишь говорю, что конкретные случаи употребления, на которые я ссылаюсь, не обязательно являются доказательством моральных тенденций. Преобладает реалистическая лысина,

которая не пытается скрыть даже то, что по своей природе неприятно и неэстетично. Лопата называется лопатой без малейших колебаний. Разумеется, конкретные иллюстрации к такому моменту неуместны. Эстетические соображения не позволяют.

Чем же объяснить эти неэстетичные явления? Тем, что Япония долгое время оставалась в состоянии примитивного развития. Речь - это всего лишь словесное выражение жизни. Каждое примитивное общество характеризуется голым буквализмом, шокирующим эстетское чувство обществ, представляющих более высокую ступень культуры. В Японии до недавнего времени не прилагали особых усилий, чтобы скрыть от глаз предметы и действия, которые мы, жители Запада, считали неприятными и отталкивающими. Язык меняется медленнее, чем поступки. Законы вносят изменения в последний, и со временем они начнут действовать и в первом. Но, несомненно, пройдут многие десятилетия, прежде чем культурные слои Японии достигнут в этом отношении стандартов соответствующих классов Запада.

Что касается эстетики поведения в Японии, то здесь достаточно того, что уже было сказано относительно эстетики речи. Речь и поведение - это лишь различные выражения одной и той же внутренней жизни. Японский этикет был создан на основе феодальной теории общества, с ее многочисленными градациями низших и высших. Ассертивный индивидуализм, хотя и допускал определенный размах среди самураев, всегда имел свои четко очерченные границы. Основная масса людей была вынуждена идти по узкой линии почтительного послушания и почтения как в форме, так и в речи. Постоянной целью нижестоящих было угодить вышестоящим. То, что люди низшего ранга обладают какими-то неотъемлемыми правами, в отличие от людей высшего ранга, редко приходило им в голову. Более того, вся эта феодальная система с характерным для нее этикетом поведения и речи авторитетно преподавалась моралистами и религиозными лидерами, и в нее благочестиво верили самые благородные люди страны. Этические соображения, таким образом, мощно сочетались с социальными и эстетическими, чтобы породить "самую вежливую расу на лице земного шара". Недавнее развитие грубости и невежливости между собой и по отношению к иностранцам подчеркнуло мое общее утверждение, что эти характеристики обусловлены не врожденной природой расы, а скорее социальным порядком.

Как объяснить широкое эстетическое развитие всех классов японцев? Как уже было сказано, прекрасные пейзажи многое объясняют. Но я сразу же перехожу к тому важному факту, что, хотя классы японского общества были сильно дифференцированы по социальному рангу, тем не менее они жили в непосредственной близости друг от друга. Не существовало пространственной пропасти, мешающей низшим слоям населения свободно и в полной мере знакомиться с мыслями, идеалами и обычаями высших классов. Таким образом, передача культуры была легким делом, несмотря на социальные градации.

Более того, характер строительных материалов и методы строительства, используемые более зажиточными людьми, легко имитировались менее зажиточными, если не по стоимости, то по виду. Возьмем, к примеру, конструкцию комнаты; она всегда имеет определенные пропорции, чтобы можно было легко подогнать под нее однородные циновки. Сами циновки всегда состоят из соломенного "токо", "ложа", и "омотэ", "поверхности", из плетеной соломы; они сильно различаются по стоимости, но, какого бы сорта они ни были, их всегда можно содержать в опрятном и свежем виде при сравнительно небольших затратах. Стены средних домов сделаны из глинобитных плетенок. Внешние слои штукатурки состоят из отборной земли и подкрашенной извести. При больших или малых затратах эти стены могут быть аккуратными и привлекательными. Так же обстоит дело и с другими частями дома.

Полное отсутствие самостоятельного мышления у среднего и низшего классов и постоянное желание низших подражать высшим также способствовали тому, что культура классов стала достоянием масс. Это раболепие и дух подражания еще больше стимулировались принудительной вежливостью, почтением и послушанием простых людей.

В связи с этим стоит отметить, что универсальность культуры в Японии скорее кажущаяся, чем реальная. Видимость отчасти объясняется отсутствием мебели в домах. Без стульев и столов, тумбочек и умывальников, а также множества других вещей, неизменно присутствующих в доме жителя Западной Европы, японской хозяйке не составляет труда поддерживать идеальный порядок в своем жилище. Для этого не требуется особой культуры.

Как получилось, что японцы приняли свой собственный метод сидения на ногах, я не могу сказать; я также не слышал никакого правдоподобного объяснения этой практики. Тем не менее эта привычка избавила их от необходимости в тяжелой мебели. Откажитесь от обычая сидеть на ногах, и большая часть мебели в доме окажется бесполезной. Уже сейчас введение мебели по западным образцам приводит к изменениям в домах людей; и будет интересно посмотреть, сможет ли эстетическое чувство японцев ассимилировать и гармонизировать с собой эти полезные, но громоздкие и неэстетичные элементы окцидентальной цивилизации.

О том, что тонкий вкус японцев в немалой степени обусловлен общей цивилизацией, а не индивидуальными способностями к эстетике, можно судить по многим незначительным признакам. Несмотря на то, что, следуя давно установившейся общественной моде, женщины обычно проявляют хороший вкус в выборе цветов одежды, иногда случается, что они не проявляют ни малейшего чувства гармонии цветов. Дочери из богатых семей наряжаются в яркие диссонирующие оттенки, не причиняя при этом ни себе, ни своим друзьям ни малейшего эстетического дискомфорта. Маленькие дети одеты в одежду, которая, несомненно, поставила бы в тупик многоцветный плащ Иосифа. Сочетания и блеск, которые для западного культурного глаза кажутся грубыми и безвкусными, типичными для варварского великолепия, постоянно используются и, по-видимому, считаются прекрасными. Японцы демонстрируют как вкус, так и его отсутствие в выборе цветов для одежды; это противоречие становится еще более поразительным, если учесть вкус, проявленный в оформлении домов всех слоев населения. Немного найдется достопримечательностей более причудливо неэстетичных, чем красные, желтые и синие вязанные крючком шапочки и шали для младенцев, которые шокируют все наши представления об эстетической гармонии.

При соприкосновении с западными манерами или предметами одежды родной эстетический дар часто кажется улетучившимся. В чужом доме многие японцы, кажется, теряют чувство уместности. Мне приходилось видеть, как школьники и даже джентльмены входили в мой дом в грязных сапогах с когтями, не вытирая ног о заметный коврик у двери, что тем более примечательно, что в своих собственных домах они неизменно снимают обувь при входе. Я часто замечал, что в железнодорожных вагонах первые пришедшие монополизируют места, а более поздние не получают ни малейшего внимания, и часто вынуждены стоять по часу, хотя, если немного подвинуться, места хватило бы всем. Я замечал это так часто, что не могу считать это исключительным случаем. Я не считаю, что это намеренная грубость, а просто отсутствие настоящей сердечной вежливости. Однако истинное и глубокое эстетическое развитие, по крайней мере в том, что касается поведения, не говоря уже о духе альтруизма, не допустило бы такого безразличия к чужому дискомфорту.

Я объясняю это и все подобные недостатки этикета следующим образом. Этикет, как принято считать, состоит из правил поведения, а не является внешним выражением состояния сердца. С незапамятных времен правила для обычных жизненных дел формулировались начальством и преподавались народу. Поэтому во всех обычных и привычных отношениях средний фермер и крестьянин знает, как проявлять безупречную вежливость. Но в некоторых ситуациях, например в чужих домах или в железнодорожном вагоне, где нет прецедентов, которым нужно следовать, или правил, которым нужно подчиняться, все признаки вежливости исчезают. Старые правила не соответствуют новым условиям. Не опираясь на внутренние принципы этикета, люди не в состоянии сформулировать новые правила для новых условий. Для западного человека, напротив, они кажутся вытекающими из простейших принципов здравого смысла и доброты. Общий упадок этикета в Японии, который отмечают и о котором сожалеют местные писатели, объясняется, таким образом, не только отменой феодального давления, но и появлением странных обстоятельств, для которых у народа нет правил, а также тем, что народ не был обучен тем основополагающим принципам высокой вежливости, которые применимы во всех случаях.

В Соединенных Штатах, похоже, укоренилось мнение, что неэстетичные черты, наблюдаемые в Японии в наши дни, вызваны разлагающим влиянием западного искусства и окцидентального общения. Нет сомнений, что определенный тип туристов, не знающих японского искусства, жадно покупая странные, безвкусные вещи по высоким ценам, стимулировал нездоровое производство действительно неэстетичного псевдояпонского искусства. Но это объясняет лишь малую часть грубых нехудожественных черт Японии. Приведенные примеры отвратительных камвольных нагрудников для младенцев и ошейников для собак, сочетающих в непосредственной близости самые несовместимые и взаимоотталкивающие цвета, не имеют никакого отношения ни к иностранному искусству, ни к иностранным связям. Какой иностранец хоть раз украшал маленькую собачку красно-зелено-желто-сине-фиолетовым вязаным ошейником шириной в четыре-пять дюймов?

Западные люди были очарованы изысканными цветными фотографиями, сделанными в Японии. Странно, но факт: та же самая художественная рука, которая создает эти прекрасные эффекты, также, слегка изменив оттенки, создает самые неестественные и призрачные виды. Но самое странное не то, что он их производит, а то, что он, кажется, не осознает этого недостатка, поскольку он выставляет их на продажу в своем магазине или отправляет покупателям в Америку без малейших видимых колебаний. Постоянная забота покупателя о выборе и его настойчивое желание иметь только подлинно художественные работы - вот что позволяет японскому художнику соответствовать стандартам.

Если требуются другие доказательства эстетического дефекта в еще не сформировавшемся японском вкусе, пусть сомневающийся отправится в любое популярное второсортное синтоистское святилище или буддийский храм. Здесь неэстетичные предметы и достопримечательности в изобилии. Отвратительные идолы, нарисованные и не нарисованные, большие и маленькие, часто украшенные испачканными нагрудниками; разлагающиеся то-рии; разрушенные подхрамы; конгломератные кучи отброшенной атрибутики, состоящие из разбитых идолов, старых фонарей, камней и т.д., грязные полотенца у бассейнов со святой водой, благочестиво принесенные богам и благочестиво использованные сотнями запыленных паломников; такие же грязные колокольчики, развешанные перед главными святынями, за которые дергают десять тысяч рук, чтобы привлечь внимание божества; испачканные путешественниками руки, каждая из которых оставила свой след на некогда красивом огромном шнуре с кисточками; ex-voto пучки

человеческих волос; десятки картин, где немногие могут считаться произведениями искусства, в то время как остальные отвратительны до невозможности; страшные лица тэнгу с длинными носами и угрожающими зубами, украшенные десятками шариков для плевков или даже шариков для грязи; вот некоторые из наиболее заметных неэстетичных черт множества популярных святилищ и храмов. И ни одна из них не может быть объяснена развращающим влиянием западного искусства. И эти нехудожественные черты можно найти наряду со скрупулезной аккуратностью в хорошо выметенных дорожках, новых подхрамах, цветочных украшениях и многом другом, что радует глаз - странное соединение прекрасного и безобразного. Воистину, эстетическое развитие японцев удивительно однобоко.

Обзор японской музыкальной истории приводит к выводу, что, хотя этот народ достаточно развит в основных аспектах музыкальной эстетики, таких как ритм, он, безусловно, не развит в других направлениях, например, в мелодии и гармонии. Их инструментальная музыка примитивна и скудна. У них нет системы нотной записи. Любовь к музыке, как она есть, почти всеобщая. В их сольной вокальной музыке, представляющей собой минорные получанты, есть впечатляющие элементы, но они обусловлены скорее страстными всплесками и пронзительными причитаниями, чем музыкально-эстетическим характером мелодий. Всеобщее бречание сямисэна, разновидности гитары, сопровождаемое пронзительными, жесткими голосами гейш (поющих девушек), свидетельствует одновременно о всеобщности любви к музыке и неразвитости музыкального вкуса, как вокального, так и инструментального. Но, сравнивая музыкальное развитие Японии с развитием Запада, мы не должны забывать, насколько недавним оно было в первой.

Условия, которые способствовали развитию музыкального вкуса на Западе, появились в Японии совсем недавно. Еще не прошло достаточно времени для того, чтобы эта нация добилась заметного прогресса в развитии западной музыки. Но кое-что уже сделано. Популярность духовых оркестров, широкое распространение органов, их производство в этой стране, использование во всех государственных школах, исключительное использование оксидентальной музыки в христианских церквях, способности обученных людей к иностранной вокальной и инструментальной музыке - все эти факты показывают, что со временем мы можем ожидать большой музыкальной эволюции в Японии. Тем, кто сомневается в этом на основании врожденной расовой природы, можно напомнить об эволюции, которая произошла среди гавайцев за последние два поколения. Из расы, проявляющей заметный недостаток в музыке, они развили удивительный музыкальный вкус и способности. Во время недавнего визита на эти острова после двадцатисемилетнего отсутствия я посетил выставку воскресной школы, которая в значительной степени была музыкальным конкурсом; голоса были сладкими и богатыми, а сложность песен, легко исполняемых детьми и взрослыми, выявила музыкальное чувство, превосходящее любую обычную воскресную школу Соединенных Штатов или Англии, с которой я знаком.

Развитие японской литературы также ярко отражает господствующие идеи общественного строя и показывает зависимость литературного вкуса от этого строя. Как и в других аспектах японского эстетического развития, в этом мы видим заметное отсутствие баланса.

"Удивительно, какое великолепие фразы, мелодия стиха и истинное чувство могут быть сжаты в узких пределах (танка). В своем роде ничто не может быть более совершенным, чем некоторые из этих маленьких стихотворений."^[U] Недостатки японской поэзии были отмечены иностранцами, наиболее компетентными в суждениях. Следующая общая характеристика из только что процитированного тома заслуживает внимания.

"Узкая по своему охвату и ресурсам, она примечательна прежде всего своей ограниченностью - тем, чего у нее нет, а не тем, что у нее есть. Прежде всего, здесь нет длинных стихотворений. Нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало эпос - ни "Илиады", ни "Дивины комедии", ни даже "Нибелунгов" или "Чевы Чейза". Действительно, повествовательные стихи любого рода коротки и очень немногочисленны, единственные, которые я встретил, - это две или три баллады сентиментального содержания. Дидактические, философские, политические и сатирические стихи также отсутствуют. Японская муза не занимается подобными темами, а если бы и занималась, то вряд ли местный Пегас обладает достаточной выдержкой, чтобы адекватно с ними справиться. Для драматической поэзии нам придется подождать до четырнадцатого века. Но и тогда нет полноценных драматических поэм, а есть только драмы, содержащие определенный поэтический элемент.

"Японская поэзия, вкратце, сводится к лирике и тому, что, за неимением лучшего слова, можно назвать эпиграммами. Это прежде всего выражение эмоций. Мы имеем аматорские стихотворения, выражающие тоску по дому и отсутствующим близким, восхваляющие любовь и вино, элегии по умершим, плач по неопределенности жизни. Главное место занимают времена года, шум журчащих ручьев, снег горы Фудзи, волны, разбивающиеся о берег, водоросли, прибывающие к берегу, пение птиц, гул сект, даже кваканье лягушек, прыжки форели в горном ручье, молодые побеги папоротника весной, бление оленей осенью, красные оттенки клена, луна, цветы, дождь, ветер, туман - вот те излюбленные темы, на которых с удовольствием останавливаются японские поэты. Если добавить к этому несколько куртуазных и патриотических излияний, огромное количество более или менее симпатичных затей и совсем немного стихотворений религиозного содержания, то список окажется достаточно полным. Но, как заметил мистер Чемберлен, есть и любопытные упущения. Военные песни - странно сказать - почти полностью отсутствуют. Бои и кровопролитие, видимо, не считаются подходящими темами для поэзии".^[V]

Драма и роман достигли значительного развития, но, если судить по окцидентальным меркам, они сравнительно слабы и немощны. Разумеется, они ярко отражают особенности того общественного строя, к которому принадлежат. Критики неоднократно обращали внимание на отсутствие возвышенности в японской литературе и приписывали это присущей ей расовой природе. Хотя отсутствие возвышенности в японских пейзажах, возможно, и объясняет рассматриваемую характеристику, более убедительным объяснением представляется то, что в более древнем общественном строе человек как таковой не был известен. Скрытая слава души, ее искушения и борьба, ее недостатки и победы не могли быть темами литературы, возникшей в полностью общинном общественном строе, даже если она обладала индивидуализмом буддийского типа.^[W] Именно эти темы дают западной литературе - поэтической, драматической и повествовательной - возможность для устойчивой силы и возвышенности. Они изображают внутреннюю жизнь духа.

Бедность поэтической формы - еще один пункт западной критики. Мистер Астон показал, что эта бедность напрямую связана с фонетическими особенностями языка. Разнообразие рифмы и ритма практически исключено из японской поэзии в силу природы языка. А это, в свою очередь, привело к тому, что "национальный гений предпочитает короткие стихи". Но язык, очевидно, является совокупным продуктом лингвистической наследственности и социального порядка, и ни в коем случае не может быть приписан врожденной расовой природе. Таким образом, социальная наследственность и социальный порядок напрямую определяют литературные особенности и эстетические вкусы нации.

Еще более явно развитие японской архитектуры может быть связано с социальной наследственностью, полученной от Китая и Индии. Потребности развивающейся внутренней цивилизации определили ее внешнее проявление. Отличия японской архитектуры от китайской можно объяснить изолированностью Японии, иными требованиями ее общественного строя, разницей в доступных строительных материалах, а также иной социальной наследственностью, переданной с доисторических времен. То, что отличительные особенности японской архитектуры обусловлены врожденной расовой природой, нельзя признать ни на минуту.

Мы приходим к выводу, что японцы не обладают уникальным и врожденным эстетским вкусом. В некоторых аспектах они так же безусловно опережают западного человека, как и отстают от него в других отношениях. Но это тоже вопрос социального развития и социальной наследственности, а не врожденного расового характера, структуры мозга. Если бы эстетическая природа была вопросом унаследованной структуры мозга, то невозможно было бы объяснить быстрые колебания в эстетических суждениях, большое неравенство эстетического развития в различных отделах жизни или легкость приобретения эстетического развития чужих рас.^[X]

XVI.

ПАМЯТЬ-ИМИТАЦИЯ

Различия, которые отделяют восточный ум от западного, ничтожно малы по сравнению с теми сходствами, которые их объединяют. Этот факт необходимо подчеркнуть, поскольку многие авторы, пишущие о Японии, похоже, игнорируют его. Они восхищаются различиями. На самом деле удивительно то, что различий так мало и они так поверхностны. Японцы - это раса, чьи предки были отделены от своей родины почти три тысячи лет назад; в течение этого периода они были абсолютно лишены возможности вступать в браки с родительской расой. Более того, эта первоначальная раса не была индоевропейской. И никто не рискнул предположить, как задолго до переселения предков японцев в Японию их предки разошлись с теми, кто в итоге стал прародителями современных окцидентальных народов. Конечно, на протяжении тысячелетий японская и англосаксонская расы не имели общих предков. Однако вся структура и работа их сознания настолько схожи, что учебники по психологии англосаксов принимаются и прекрасно понимаются компетентными студентами-психологами из числа японцев. Однажды я спросил профессора психологии в Нормальной школе Мацуямы, не испытывает ли он трудностей при обучении своих студентов психологической системе англосаксонских мыслителей, не существует ли особенностей англосаксонского ума, которые японец не может понять, и не существует ли психологических феноменов японского ума, которые игнорируются в англосаксонских учебниках по психологии. Сами вопросы удивили его, и на каждый он дал отрицательный ответ. Ментальные различия, характеризующие столь несхожие расы, как японская и англосаксонская, смею повторить, незначительны по сравнению с их сходством.

Наши рассуждения будут касаться не тех общих психологических характеристик, которые присущи всем расам, а только тех, которые, как может показаться, накладывают на японский народ печать своеобразия. Мы хотим понять отличительные черты японского ума. Мы хотим знать, обусловлены ли они строением мозга, врожденной расовой природой, или же

являются просто результатом воспитания, социальной наследственности. Это наш постоянно повторяющийся вопрос.

Во-первых, что касается развития мозга японцев. Путешественники часто поражались необычному размеру головы японцев. Однако иногда считалось, что размер скорее кажущийся, чем реальный, и этот вид объяснялся относительно короткими конечностями людей и необычной пропорцией круглых голов, которые можно увидеть повсюду. Возможно, это также связано с формой головы. Но после всего сказанного остается верным тот факт, что голова японца по отношению к его телу неожиданно велика.

Профессор Марш из Йельского университета, как сообщается, заявил, что, исходя из размера мозга, японцы - это раса, лучше всего приспособленная к выживанию в борьбе за существование или, по крайней мере, в борьбе за первенство.

Широко распространены заявления о том, что не только относительно тела, но даже абсолютно, японцы обладают более крупным мозгом, чем европейцы, но краниологическая статистика не подтверждает это утверждение. В последнее время этот вопрос несколько обсуждался в японских журналах, которым, благодаря помощи японского друга, я обязан следующими цифрами. Они приведены в японских измерениях, но от этого не менее удовлетворительны для сравнительных целей.

По данным доктора Дэвиса, средний мозг европейского мужчины весит 36 498 миллилитров, австралийского - 22 413, а японского, по данным доктора Тагучи, - 36 205. Если брать крайние значения, то самый большой английский мужской мозг весит 38 100 мм, а самый маленький 35 377, в то время как соответствующие показатели для Японии составляют 43 919 и 30 304, соответственно, демонстрируя поразительный диапазон между крайними значениями. По данным доктора Э. Баэльца из Императорского университета Токио, у представителей низших классов Японии окружность черепа больше, чем у представителей среднего и высшего классов (1,8414, 1,7905 и 1,8051 фута соответственно), а айны (1,8579) превосходят японцев. Из этих фактов может показаться, что размер мозга и развитие цивилизации находятся в обратном соотношении. Если бы мозг японца был больше, чем у европейца, то можно было бы с полным основанием утверждать, что они уступают ему по силе мозга. Это согласуется с некоторыми исследованиями Де Куатрефажа. Он показал, что негры, родившиеся в Америке, имеют меньший мозг, но интеллектуально превосходят своих африканских братьев. "У них, таким образом, интеллект увеличивается, а черепная коробка уменьшается".^[M]

Те, кто прослеживает расовую и цивилизационную природу в развитии мозга, не могут найти большого утешения в сравнительном статистическом исследовании мозгов рас. Вывод де Куатрефажа неоднократно повторяется: "Мы должны признать, что не может быть никакой реальной связи между размерами черепа и социальным развитием".^[Z] "Развитие интеллектуальных способностей человека в значительной степени не зависит от вместимости черепа и объема мозга".^[AA]

Таким образом, мы можем сразу сделать вывод, что интеллектуальные особенности японцев никак не связаны с размером их мозга, а скорее зависят от их социальной эволюции. И все же не лишним будет подробно изучить различные умственные особенности этой расы, реальные и предполагаемые, и отметить их связь с социальным строем.

Знакомясь с японским и китайским народами, западный человек поражается их способностям к запоминанию, особенно в связи с письменным языком, знаменитым "китайским иероглифом", или идеограммой. Мой словарь китайского языка содержит более

50 000 различных иероглифов. Задача выучить их просто ужасает. Как японцы или китайцы справляются с этой задачей, мы постоянно удивляемся. Мы сразу же предполагаем, что они обладают удивительной памятью. Мы утверждаем, что на протяжении сотен лет каждое поколение развивало способность к запоминанию, пытаюсь преодолеть это громоздкое приспособление для письма, и что в результате народы, использующие эту систему, сейчас обладают потрясающей способностью к запоминанию.

Однако мне кажется, что мы сильно переоцениваем эти способности. Во-первых, мало кто из японцев утверждает, что знаком со всеми 50 000 иероглифов; только образованные люди делают вид, что знают больше нескольких сотен, а подавляющее большинство даже образованных людей не знают больше 10 000 иероглифов. Некоторые японские газеты взяли себя ограничить в использовании идеографии. Говорят, что для всех обычных целей общения достаточно от четырех до пяти тысяч иероглифов. Это, несомненно, хорошо известно образованным людям. Но для широких масс необходимо, чтобы рядом с каждым напечатанным иероглифом было указано произношение, прежде чем его можно будет прочитать. Кроме того, мы должны помнить, что японская молодежь отдает лучшие годы своей жизни только заучиванию этих символов.^[AB]

Если бы европейские или американские юноши посвящали изучению китайского языка одинаковое количество часов каждый день в течение одинакового количества лет, я сомневаюсь, что в результатах была бы заметная разница. Не стоит забывать и о том, что некоторые жители Западной Европы проявляют поразительную способность к запоминанию китайских иероглифов.

В этой связи важен тот факт, что социальный порядок служит для отсеивания людей с выраженными мнемоническими способностями и выдвигания их на первый план, в то время как те, кто относительно слаб, отходят на второй план. Образованный класс обязательно состоит из тех, кто обладает хорошей памятью. Все остальные терпят неудачу и отвергаются. Мы видим и восхищаемся теми, кто преуспевает; о тех, кто терпит неудачу, мы ничего не знаем и даже забываем, что такие есть.

В ответ на мои вопросы японские друзья неизменно заверяли меня, что они не привыкли считать японцев обладателями лучшей памяти, чем жители Запада. Похоже, они удивлены тем, что этот вопрос был поднят, и особенно удивлены нашей высокой оценкой японских способностей в этом направлении.

Однако если мы спросим об их способностях к запоминанию в связи с повседневными обязанностями, обычным приобретением знаний и их сохранением, то мой собственный двенадцатилетний опыт общения, в основном со средним и низшим классом общества, оставил впечатление, что, хотя некоторые учатся легко и хорошо запоминают, большое число людей чрезвычайно медлительны. В целом я склонен полагать, что, хотя японцы, можно сказать, обладают хорошей памятью, вряд ли можно утверждать, что они заметно превосходят в этом отношении жителей других стран.

Сравнивая западных и восточных людей, следует помнить, что среди западных народов нет того внимания к запоминанию, которое так заметно среди менее цивилизованных народов. Удивительные подвиги, совершаемые передатчиками древних поэм и религиозных учений, кажутся нам невероятными. Профессор Макс Мюллер утверждает, что объемные Веды веками передавались в неизменном виде просто из уст в уста жречеством. Каждая прогрессивная раса, пока не достигала высокого развития искусства письма, проявляла подобную силу памяти. Однако эта способность не является врожденной, то есть она обусловлена не врожденной особенностью строения мозга, а природой общественного

стройка, который требует таких затрат времени и сил для поддержания собственной высшей жизни. Благодаря искусству письма окцидентальные народы нашли более дешевый способ сохранения своей истории и произведений своих поэтов и религиозных учителей. Даже в повседневной жизни мы прибегаем к постоянному использованию ручки, блокнота и пишущей машинки, экономя время и силы для других дел. В результате наша память развивается в иных направлениях, чем у полукцивилизованного или первобытного человека. Таким образом, различия в памяти, характерные для разных рас, по большей части обусловлены различиями в социальном устройстве и характере цивилизации, а не врожденной и унаследованной структурой мозга.

Поскольку память является основой всех умственных операций, мы отводим ей первое место в настоящем обсуждении. И то, что японцы обладают достаточной степенью памяти, хорошо аргументирует перспективу высоких достижений в других направлениях. Учитывая это, мы, естественно, задаемся вопросом, проявляют ли они какие-либо необычные способности или недостатки в освоении иностранных языков? Учитывая ее длительную оторванность от языков других народов, не должны ли мы ожидать заметного дефицита в этом отношении? Однако, напротив, мы обнаруживаем, что десятки тысяч японских студентов приобрели достаточно хорошие знания английского, французского и немецкого языков для чтения. Те немногие, кто имел хорошее и достаточное преподавание, или кто был за границей и жил в странах Запада, в дополнение к этому получили готовое разговорное использование различных языков. Действительно, некоторые утверждают, что, поскольку японцы изучают иностранные языки легче, чем иностранцы японский, они обладают большими лингвистическими способностями, чем иностранцы. Следует, однако, помнить, что при таком сравнении необходимо учитывать не только требуемое время и достигнутый уровень владения языком, но и присущую изучаемому языку сложность, а также лингвистическую помощь, предоставляемую студенту.

Постепенно я пришел к выводу, что японцы не являются ни особо одаренными, ни особо неполноценными в плане овладения языком. В этом отношении они стоят в одном ряду с западными народами.

На мой взгляд, язык является одним из лучших возможных доказательств общего утверждения этого тома о том, что характеристики, отличающие расы, являются скорее социальными, чем биологическими. Причина, по которой языки разных рас отличаются друг от друга, заключается не в том, что у них разные типы мозга, а лишь в изолированной социальной эволюции, которую пережили расы. Если бы Япония могла на протяжении веков поддерживать идеальные и непрерывные социальные контакты с предками англосаксонской расы, сохраняя при этом биологическую изоляцию, то есть полную свободу от межрасовых браков, нет причин думать, что возникли бы два столь разных языка, как английский и японский. Тот факт, что японские дети могут безошибочно овладеть английским языком, а английские или американские дети - японским, убедительно доказывает, что языковое разнообразие основывается не на различиях в мозге и наследственности, а исключительно на социальных различиях и социальной наследственности.

Если это так, то аргумент можно легко распространить на все особенности, которые отличают цивилизации разных рас; ведь язык любой расы - это, в некотором смысле, воплощение цивилизации этой расы. Все ее идеи, обычаи, теологии, философии, науки, мифологии; все ее характерные мысли, концепции, идеалы; все ее отличительные социальные черты представлены в ее языке. Более того, они входят в него как определяющие факторы и с его помощью передаются из века в век. Этот аргумент может быть значительно расширен и проиллюстрирован.

Обвинение в том, что японцы - нация подражателей, повторяется так часто, что стало банальным, и эти слова обычно произносятся с презрением. Однако, если бы правда была сказана полностью, оказалось бы, что со многих точек зрения это качество дает повод скорее для поздравлений. Несомненно, нация, которая умеет различать и подражать, имеет преимущество перед нациями, которые настолько закостенили в своей самодостаточности, что не способны ни видеть то, что выгодно, ни подражать этому. Таким образом, говоря о подражательных способностях японцев, я имею в виду не упрек, а скорее похвалу.

"Обезьянство" - это не то подражание, которое превратило первобытную Японию в Японию раннего или позднего феодального века или в Японию двадцатого столетия. Простое подражание, без размышлений, было в Японии относительно незначительным. Если оно и было иногда известно, то очень недолго.

В своем предисловии к "Классической поэзии японцев" профессор Чемберлен так изложил аргументы в пользу подражательности этого народа, что я цитирую следующее:

"Сложившееся впечатление, что японцы - нация подражателей, в основном верно. Как они копируют нас сегодня, так же они копировали китайцев и корейцев полтора тысячелетия назад. Религия, философия, законы, управление, письменность, все искусства, кроме самых простых, вся наука, или, по крайней мере, то, что тогда называлось этим именем, - все было импортировано с соседнего континента; настолько, что из всего, что мы привыкли называть "старой Японией", едва ли одна черта из ста является действительно японской. Не только их шелк и лак не принадлежат им по праву изобретения, ни их живопись (хотя европейские критики так часто хвалят ее за оригинальность), ни их фарфор, ни их музыка, но даже большая часть их языка состоит из неправильно произносимых китайских слов; и из китайского языка они взяли новые названия для уже существующих мест и новые титулы для своих древних богов".

Хотя вышеизложенное не может быть оспорено в своих прямых утверждениях, я все же чувствую, что в целом оно производит ложное впечатление. Если бы эти же тесты были применены к любому европейскому народу, каков был бы результат? О каком европейском народе можно сказать, что его искусство, или способ письма, или архитектура, или наука, или даже язык - "его собственные по праву изобретения"? А когда мы остановимся на деталях древней японской цивилизации, которая, как считается, была так рабски скопирована с Китая и Индии, мы обнаружим, что, хотя начало действительно было имитировано, впоследствии были и чисто японские разработки. В некоторых случаях изменения были жизненно важными.

Рассматривая практические искусства, мы признаем, что почти все они берут свое начало в Корее или Китае, но также должны признать, что во многих важных аспектах Япония развивалась по собственному пути. Япония развивалась по своим собственным линиям. Например, искусство изготовления мечей, несомненно, было импортировано; но кто не знает о превосходном качестве и красоте японских мечей, дамасских клинков Востока? Японская продукция настолько своеобразна, что ее невозможно спутать с продукцией какой-либо другой нации. На нем лежит отпечаток японского общественного строя. Сама его форма обусловлена привычкой носить ножны в "оби" или на поясе.

Если мы изучим жилище рабочего или инструменты, находящиеся в общем пользовании, то найдем доказательства того, что здесь имело место нечто большее, чем подражание.

Если бы японцы были простыми подражателями, как бы мы могли объяснить их архитектуру, столь отличную от китайской и корейской? Как объяснить множество оригинальных способов использования бамбука и соломы?

Для еще более близкого рассмотрения вопроса давайте рассмотрим привнесенные этические и религиозные кодексы страны. В Китае конфуцианство ставит во главу угла долг сыновней почтительности. В Японии основной акцент делается на лояльности. Это единственное изменение изменило всю систему и сделало так называемое японское конфуцианство отличным от китайского. В буддизме, завезенном из Индии, мы находим более значительные изменения, чем те, которые западные народы наложили на свою религию, завезенную из Палестины. Действительно, японский буддизм стал настолько самобытным, что иногда трудно проследить его связи в Китае и Индии. А буддийские секты, возникшие в Японии, более радикально разнообразны и антагонистичны друг другу и первобытному буддизму, чем де номинации христианства друг другу и первобытному христианству.

В качестве примера можно привести самую популярную из всех современных буддийских сект - Синсю. Иностранцы иногда называют ее "реформированным" буддизмом; и многие ее доктрины настолько похожи на христианские, что некоторые предполагают, что они произошли от них, но без малейших доказательств. Все его основные доктрины и практики были четко сформулированы его основателем Шинрой шестьсот лет назад. Обычные доктрины буддизма, согласно которым спасение приходит только через самопожертвование и самопобеду, отвергаются, а спасение через заслуги другого человека преподается. "Та-рики", "сила другого", а не "дзи-рики", "сила себя", является для них ортодоксальной доктриной. Священники могут жениться и есть мясо - практика, совершенно отвратительная для более древнего и примитивного буддизма. Священные книги печатаются на жаргоне, что заметно отличается от обычаев других сект. Женщинам также отводится совершенно иное место в социальной и религиозной шкале, и они получают надежду на спасение, которую отвергают все старые секты. "Покаяние, пост, предписанная диета, паломничества, изоляция от общества, будь то отшельничество или монастырь, и вообще амулеты и чары - все это табуировано этой сектой. Монастыри, налагающие пожизненные обеты, неизвестны в ее пределах. Семейная жизнь занимает место монашеского уединения. Настаивают на благочестивой молитве, чистоте, искренности жизни и доверии к самому Будде как единственному творцу совершенной праведности. Нравственность преподается как более важная, чем ортодоксальность."^[AC] Удивительно, насколько далеко секта Син отошла от обычной буддийской доктрины и практики. Кто скажет, что для разработки такой системы, столь противоположной в жизненно важных моментах преобладающему буддизму того времени, не потребовалось никакой оригинальности?

Еще одна секта чисто японского происхождения, заслуживающая внимания, - это "Хокке" или "Ничерен". Ее основатель, известный под именем Ничирен, был человеком необычайно независимым и религиозно пылким. Благодаря своим первоначальным вопросам и сомнениям относительно преобладающих доктрин и обычаев господствующих в то время сект, он был вынужден провести независимое исследование истории и значения буддийской литературы и прийти к выводам, совершенно отличным от тех, которые делали его современники. В истинности и важности своих взглядов он был настолько убежден, что выдержал не только яростные обличения, но и длительную оппозицию и преследования. Он был отвергнут и изгнан своим собственным народом и сектой; дважды его изгоняли правящие военные силы. Но он упорствовал до конца и в конце концов привлек к своим взглядам тысячи новообращенных. Ярость нападок на него объясняется тем, что он с такой же яростью атаковал то, что казалось ему ошибками и развратом господствующих сект. Конечно, в его случае речь не шла о подневольном подражании. Его первым последователям также пришлось пережить оппозицию и жестокие гонения.

Если взглянуть на философские идеи, привезенные из Китая, то и здесь мы обнаружим признаки той же тенденции к оригинальности. Правда, доктор Джео. В своей ценной монографии "Японский философ" доктор Джео Вм. Нокс утверждает, что "и в принятии, и в отвержении нет никакой оригинальности, ничего, кроме энергичной силы принятия и ассимиляции. Никаких улучшений новой философии даже не было предпринято. Там, где она была ущербной и нечеткой, она оставалась ущербной и нечеткой. Система не была продумана до конца и самостоятельно принята. Poleмика, онтология, этика, теология, чудеса, герои - все было с энтузиазмом принято на веру. Следует добавить, что новая система превосходила старую, настолько велика была дискриминация."^[AD] А несколько ранее он же утверждает, что "нет ни одного оригинального и ценного комментария японского писателя. Они довольствуются тем, что размышляют над импортными работами и беспрекословно принимают политику, этику и метафизику". После некоторого изучения этих отечественных философов я чувствую, что, хотя и не без некоторой доли истины, эти утверждения не могут быть строго выдержаны. Несомненно, в Японии не появилось ни одного сильного мыслителя и писателя, которого можно было бы сравнить с двумя великими философами Китая, Шуши и Оёмэем. Труды и система первого доминировали в Японии по той простой причине, что государственная власть запрещала публичное преподавание или пропаганду другого. Тем не менее, не мало японских мыслителей отвергали учение и философию Шуши, невзирая на последствия. Среди них выделяется Кайбара Еккен, чья книга "Великое сомнение" была опубликована только после его смерти. В ней он решительно отвергает философские и метафизические идеи Сюси. Статья^[AE] доктора Тэцудзиро Иноуэ, профессора философии Императорского университета в Токио, о "развитии философских идей в Японии" заканчивается такими словами:

"Из этого краткого очерка читатель может ясно увидеть, что философские размышления начались в нашей стране с изучения Сюси и Оёмэя. Но многие из наших мыслителей недолго оставались верны этой традиции; вскоре они сформировали для себя новые концепции жизни и мира, которые, как правило, не только более практичны, но и более совершенны, чем китайские".

Важной причиной нашего западного мнения о том, что японцы не имели независимости в философии, является наше незнание большей части японской и китайской литературы. Восточная спекуляция развивалась в направлении, настолько отличном от западного, что нас больше впечатляет общее сходство, преобладающее в ней, чем свидетельства индивидуальных различий. Более глубокие знания выявили бы эти различия. В наших обобщенных знаниях мы видим единообразие так сильно, что не можем обнаружить оригинальность.

Как путешественник с Запада, попав в восточную страну, сначала с трудом различает лица разных людей, поскольку его ум сосредоточен на сходстве, пронизывающем их всех, так и западный студент, изучающий восточную мысль, поражен удивительным сходством, пронизывающим всю восточную цивилизацию, образ мысли и философию, и ему трудно обнаружить различия, которые отличают различные восточные расы. Так и начинающий изучать японскую философию вряд ли признает заслугу японцев в модификации китайской философии, которую они породили.

В этой связи полезно вспомнить, что, как ни странно для западного человека, японский народ с незапамятных времен зависел от инициативы правительства. Они никогда не думали ни о чем другом, кроме как о беспрекословном повиновении, и эта особенность общественного устройства привела к необходимым последствиям в нынешних характеристиках народа. Индивидуальная инициатива и независимость не одобрялись, если

не всегда насильственно подавлялись, и таким образом стимулировалась привычка к подражанию. Люди были намеренно приучены к подражанию своей социальной системой. Иностранцы поражаются внезапным преобразованиям, охватившим нацию. Когда первые контакты с Китаем открыли глаза правящим классам на то, что в Китае существует система управления, которая во многих отношениях лучше их собственной, было легко перенять ее и сделать основой для своего правительства. Это стало эпохальным периодом в истории Японии, известным как реформа Тайква. Она произошла в седьмом веке и заключалась в централизаторской политике, при которой, вероятно, впервые в истории Японии страна была действительно единой. Критики приписывают ее подражанию китайской системе. Подражание, несомненно, было; но ее существенной чертой было навязывание народу немногими правителями; отсюда ее широкая распространенность и всеобщее признание.

Точно так же в наше время оксидентализированный порядок, господствующий сейчас в Японии, был принят не народом, а правителями, и навязан ими народу; эти люди и не думали сопротивляться новому порядку, а лояльно приняли его как решение своего императора, и этот дух беспрекословного повиновения властям предержащим, как я убежден, является одной из причин распространенного мнения о японской подражательности, равно как и самого факта.

Репутация подражательности, как и само это качество, в немалой степени обусловлены длительным господством феодального строя общества. В стране, где зависимость нижестоящих от вышестоящих абсолютна, жены от мужа, детей от родителей, последователей от своего господина, а воля вышестоящих всегда верховна, индивидуальная инициатива должна быть редкой, а качество подражания должно быть мощно стимулировано.

XVII

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ-ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ

Оригинальность - это обратная сторона подражания. В борьбе с мнением о том, что Япония - это нация нерелефлирующих подражателей, я привел множество примеров оригинальности. Дальнейшее подробное описание этой характеристики, соответственно, излишне. Однако можно привести еще один пример.

Превосходство японского искусства признается всеми. Японские храмы и дворцы украшены настенными росписями и скульптурными композициями, которые вызывают восхищение у западных экспертов. Единственный вопрос заключается в их авторах. Являются ли они, правильно говоря, японскими произведениями искусства, или корейскими, или китайскими? То, что Япония получила свой художественный стимул и большую часть своих художественных идей и техники из Китая, не подлежит сомнению. Но разве она не создала ничего нового и независимого? Это вопрос факта. Японское искусство, хотя и является восточным, имеет отличительные качества. Из печати выходит великолепный труд под названием "Solicited Relics of Japanese Art", в котором собрано большое количество хромо-ксилографических и коллотипических репродукций лучших образцов древнего японского искусства. Рецензируя эту работу, газета *Japan Mail* замечает:

"Но почему единственные великие скульпторы, которых когда-либо создавали Китай или Корея, приехали в Японию и завещали этой стране уникальные результаты своего гения? Вот вопрос, на который мы должны ответить, прежде чем принять доктрину о том, что самые благородные шедевры древней Японии были привезены из других стран. Когда в Китае или Корее будет найдено что-либо сопоставимое, будет не так сложно применить эту доктрину о заморском влиянии к гению, обогатившему храмы античной Японии."^[AF]

Под ранним влиянием буддизма (900-1200 гг. н. э.) Япония достигла подлинного расцвета. Это были дни ее славы в архитектуре, литературе и искусстве. Но на нее обрушилось несчастье, от которого она только сейчас оправляется. Причинам этого бедствия будет уделено внимание в одной из следующих глав. Здесь же отметим лишь один его аспект - официальное подавление оригинальности.

Таунсенд Харрис в своем дневнике отмечает, как японское правительство препятствует оригинальности народа. "Гений их правительства, кажется, запрещает любое проявление изобретательности в производстве предметов для удовлетворения богатства и роскоши. Сумбурные законы жестко регламентируют формы, цвета, материал и время смены одежды для всех. Что касается роскоши мебели, то она неизвестна в Японии. Попытаться перечислить все действия японцев, которые регулируются властью, было бы бесконечной задачей".

Правитель Токугава запретил строить большие корабли, так что к середине XIX века искусство кораблестроения сильно отставало от того, что было двумя столетиями ранее. В начале семнадцатого века государственная власть истребила христианство, и свобода вероисповедания была запрещена. Та же власть, которая наложила запрет на христианство, запретила распространение некоторых осуждаемых систем конфуцианства. Поэтому даже в изучении китайской литературы и философии оригинальность, которую стимулировали классические образцы, не поощрялась всемогущим правительством Токугава. Объявленной целью и задачей правящих сил Японии было сохранение *статус-кво* нации. Оригинальность считалась ересью и изменой, прогресс - нечестивостью. Учение Конфуция также поддерживало эту политику. Поступать так, как поступали отцы, - значит чтить их; поступать или даже думать иначе - значит позорить их. Как в Китае, так и в Японии не было недостатка в оригинальных и независимых людях; но они не были достаточно великими, чтобы переломить или разрушить систему, в которой они жили, - систему слепой преданности прошлому. Эта система, сознательно противостоящая любому изобретению и оригинальности, была великим инкубом для национального прогресса, поскольку она отвергала и подавляла любую тенденцию к изменению. Каких результатов могла бы добиться страна, если бы христианству было позволено делать свою работу по стимулированию индивидуального развития и формированию чувства личной ответственности перед Богом и людьми!

В Японии до сих пор сохраняется любопытная аномалия в вопросе о свободе в изучении и вероисповедании. Хотя совершенная свобода является правилом, одна тема до сих пор находится под официальным эмбарго. Никто не имеет права публично выражать несогласие с утвержденной версией первобытной японской истории. Несколько лет назад один из профессоров Императорского университета предпринял попытку интерпретировать древние японские мифы. Его построения якобы угрожали божественному происхождению императорской линии, и он был немедленно уволен.

Доктор Э. Иноуэ, профессор буддийской философии в Императорском университете, выступая перед Ассоциацией учителей Сендая, произнес консервативную, косвенно антиинострannую речь. Как сообщает местный английский корреспондент, он настаивал на

том, что японский народ "произошел от богов. Во всех других странах государь или император происходил от народа, но здесь народ имел честь происходить от императора. В других странах существовали сыновняя почитательность и преданность, но не было такой сыновней почитательности и преданности, как в Японии. Нравственные достижения народа были совершенно уникальными. Он сообщил своей аудитории, что, хотя они могут перенять иностранные способы ведения дел, их умы не нуждаются в обновлении; они достаточно хороши такими, какие они есть".^[AG]

В результате такой позиции в современной исторической продукции удивительным образом сочетаются ученость и легкое верие. Неявное доверие, похоже, возлагается на мифы первобытной эпохи. Сказки о богах приводятся как исторические события, чья дата даже может быть установлена с некоторой степенью точности. Хотя письменность в Японии была неизвестна до начала христианской эры, хронология предыдущих шести-восьми сотен лет принимается авторитетом единственного утверждения в "Кодзики", написанного в 712 году н. э. Это утверждение было воспроизведено из памяти одного человека, который чудесным образом запомнил содержание книги, написанной незадолго до этого, но случайно уничтоженной огнем. В авторитетной истории Японии, подготовленной и переведенной на английский язык по распоряжению правительства для Колумбийской выставки, мы находим такие утверждения, как:

"С тех пор как Аматерасу-Омиками заставила Ниниги-но-микото спуститься с небес и подчинить своей власти Окини-нуси-но-микото и других отпрысков божеств на земле, потомки божественных существ восседали на троне, поколение за поколением сменяя друг друга."^[AH] "Происходя по прямой линии от небесных божеств, император непоколебимо стоит на своем высоком месте во всех поколениях, его престиж и достоинство неизменны с незапамятных времен и не зависят от всех превратностей окружающего его мира."^[AI] "Никогда не было найдено ни одного подданного королевства, который стремился бы подорвать императорский престиж."^[AJ] Правда, в одном отрывке традиции "эпохи божеств" описываются как "странные и невероятные легенды", но добавляется, что, какими бы необычными они ни были, чтобы понять историю зарождения империи, их необходимо изучать. Затем следует, без единого слова критики или несогласия, рассказ о деяниях небесных божеств, создавших Японию и ее народ, а также мириады богов. Между эпохой богов и историей людей нет никакого разрыва. Первые изобретения и открытия, такие как огонь, горное дело и ткачество, приписываются Аматэ-расу-Омиками (Богине Солнца). Согласно этим традициям и построенным на их основе современным историям, японская раса появилась на свет совершенно независимо от всех других рас людей. Таково авторитетное учение в современных школах.

Оккупационные ученые не принимают эти утверждения и даты. В том, что японцы проявляют исторические и критические способности в изучении своей собственной ранней истории, как только позволит общественный строй, вряд ли можно сомневаться. Те немногие, кто даже сейчас вынашивает передовые идеи, не осмеливаются их озвучивать. И этот факт бросает интересный свет на то, как социальный порядок или деспотическое правительство могут на время помешать естественному ходу развития. Нынешнее кажущееся легкое верие японской исторической науки объясняется не расовым характером и не суевериями, заложенными в унаследованный расовый мозг, а просто социальной системой, которая пока еще требует нерушимости императорской линии.

Теперь, когда японцы в значительной степени освободились от инкубатора старого общественного строя, возникает вопрос, проявляют ли они оригинальность. Ответ не вызывает сомнений, ведь они уже сделали несколько важных открытий и изобретений.

Винтовка Мурата, которой оснащена армия, - изобретение японцев. В 1897 году полковник Арисака изобрел несколько усовершенствований этой же винтовки, увеличив скорострельность и точность, а также уменьшив вес. Совсем недавно он изобрел скорострельную полевую винтовку, для руководства изготовлением которой он был отправлен в Европу. Г-н Шимозе изобрел бездымный порох, который правительство производит для собственных нужд. Нередко в газетах появляются сообщения о новых изобретениях. Недавно я отметил изобретение важного усовершенствования в ручном ткацком станке, который повсеместно используется в Японии, а также "потребителя дыма", который не только устраняет дым, но и уменьшает количество используемого угля и, следовательно, расходы. Это лишь некоторые из постоянно растущего числа японских изобретений.

В области оригинальных научных исследований работает знаменитый бактериолог, доктор Китагато. Менее известными, возможно, но не менее оригинальными исследователями в области науки являются господа Хирасэ и Икено, чьи открытия сперматозоидов в гинко и цикасе имеют немалое значение для ботаников, особенно в развитии теории некоторых форм оплодотворения. Эти примеры показывают, что способность к оригинальному мышлению не полностью отсутствует у японцев. При благоприятных условиях, преобладающих в настоящее время, есть все основания, что японцы займут свое место среди народов мира не только как искусные подражатели и адаптанты, но и как оригинальные участники прогресса цивилизации и науки.

Оригинальность может проявляться как в подражании, так и в производстве, и этот тип оригинальности японцы продемонстрировали в полной мере. Они скопировали институты не одной страны. Трудно даже сказать, какая из западных стран оказала наибольшее влияние на формирование нового общественного строя Японии. Учитывая тот факт, что за последние тридцать лет наибольшее распространение получил английский язык, можно предположить, что предпочтение было отдано Англии и Америке. Но не стоит делать столь поспешных выводов. Японцы, безусловно, черпали идеи и учителей из самых разных источников; они часто меняли их, но не бездумно. Один из авторов журнала *"Дальний Восток"* ясно говорит об этом:

"Пока Япония оставалась изолированной от других стран, у нее не было необходимости и почти не было военных судов, но после того, как страна была открыта для свободного общения с иностранными державами, она сразу же почувствовала острую необходимость в морской обороне и наняла голландского офицера для строительства своего флота. В 1871 году японское правительство наняло нескольких английских офицеров и почти полностью перестроило свой флот по английской системе. Но в вопросах военно-морского образования наши правители сочли английскую систему совершенно неудовлетворительной и приняли американскую за образец для нашей военно-морской академии. Так и в вопросах дисциплины наши морские офицеры сочли немецкий принцип намного лучше английского и приняли его за образец. Таким образом, японский флот не полностью повторяет английскую, или американскую, или французскую, или немецкую систему. Но он был построен таким образом, чтобы включить в себя лучшие части всех различных систем. Что касается армии, то у нас была своя собственная система, прежде чем мы начали использовать порох и иностранные методы поддержания дисциплины. Незадолго до начала нынешней эры мы реорганизовали нашу армию, приняв голландскую систему, затем английскую, затем французскую, а после франко-прусской войны усовершенствовали ее, приняв немецкую. Но

при каждой реорганизации мы сохраняли наиболее выгодные части старых систем и гармонизировали их с новой. В результате была создана совершенно новая система, не похожая ни на одну из тех, которые мы переняли. Так, в случае с нашим гражданским кодексом мы самым тщательным образом изучили законы многих цивилизованных стран и собрали сливки всех различных кодексов, прежде чем сформулировать свой собственный, отвечающий обычаям нашего народа. При пересмотре нашей денежной системы правительство назначило ряд выдающихся экономистов для изучения особенностей иностранных систем, их достоинств и недостатков, а также различных обстоятельств, при которых те или иные системы проявляют свою силу и слабость. Исследование продолжалось более двух лет, и в конце концов завершилось принятием золотого стандарта вместо старого серебряного".

Эта цитата дает представление об избирательном методе, которому следовали. Здесь не было рабского или бессознательного подражания. Напротив, постоянно предпринимались сознательные усилия, чтобы следовать лучшей модели, которую мог предложить цивилизованный мир. Конечно, можно усомниться в том, что на самом деле они всегда выбирали лучшее; но это уже другой вопрос. Японцы считают, что это так; и какой иностранец может сказать, что в данных обстоятельствах и с учетом условий жизни народа это не так? Ясно одно: в целом за последние десятилетия нация добилась огромного прогресса, а поведение правительства не может не вызывать восхищения у любого беспристрастного исследователя восточных стран. Но это далеко не означает, что все идеально. Даже японцы не делают таких заявлений. Это также не равнозначно утверждению о равенстве Японии с ведущими странами Запада, хотя многие японцы готовы утверждать это. Но я просто говорю, что лидеры Новой Японии проявили высокий порядок разумной оригинальности в своем подражании иностранным народам.

XVIII

КОСВЕННОСТЬ - "НОМИНАЛЬНОСТЬ"

У японцев есть два часто употребляемых слова, которые метко описывают некоторые поразительные аспекты их цивилизации. Это "томаваси ни" и "юмэй-мудзицу", первое из которых в переводе буквально означает "окольный" или "непрямой", а второе - "имеющий имя, но не являющийся реальностью". Оба эти аспекта японского характера заставляют обратить на себя внимание любого, кто долго живет в Японии.

Несколько лет назад у меня была корова, которую я хотел продать. Будучи американцем, я, естественно, решил напрямую спросить молочника, не хочет ли он купить, но это был бы не самый японский метод. Поэтому я прибег к помощи "посредника". Этот человек, который по-японски называется "накадати", незаменим для многих целей. Когда в Кумамото покупали землю для миссионерских резиденций, между покупателем и продавцом порой действовали три, а то и четыре агента, и каждый получал свою "орей", "почетную вежливость", или, говоря простым языком, комиссионные. При покупке двух или трех акров земли сделки велись с пятнадцатью или более отдельными землевладельцами. Три разных посредника имели дело непосредственно с покупателем, и у каждого из них был свой посредник, а в некоторых

случаях и у этих последних - свой, прежде чем они добивались до землевладельца. Служащий, желающий покинуть мой дом, общался с посредником, который общался со своим посредником, который общался со мной! В Японии, похоже, в каждой важной консультации не обойтись без посредника. Можно предположить, что часто случаются досадные задержки и недоразумения.

Однако у этой системы есть свои преимущества. В случае неприятных вопросов посредник может говорить о неприятных вещах в третьем лице, сводя неприятные высказывания к минимуму.

Вспоминается случай с двумя евангелистами, работавшими на станции Кумамото. Каждый из них попросил другого выступить в роли посредника при изложении мне своих трудностей. Для американца естественным было бы изложить каждому свои претензии и желания и добиться немедленного урегулирования.

Однако свойство "круглости" не ограничивается только методами действий японцев, но и характеризует их методы речи. В последующих главах, посвященных предполагаемой безличности японцев, мы рассмотрим поразительный недостаток личных местоимений в языке и широкое использование "почетных". Эта замена личных местоимений почетными делает возможной неопределенность речи, которую англосаксу очень трудно оценить. Представьте себе количество подтекста в высказывании "Ikenai koto-we shimashita", которое, в строгом переводе, означает "Не могу идти, что сделал". Кто сделал? Вы? Или он? Или я? Об этом можно только догадываться, поскольку это не указано. Если говорящий хочет сделать свою личную аллюзию слепой, он всегда может сделать это с наибольшей легкостью и без малейшей грамматической погрешности. "Простудился", "лучше спросить", "сожалею", "хочу есть" и все обычные предложения повседневной жизни совершенно свободны от той личной определенности, которая необходима в окцидентальном языке. Позже мы увидим, что отсутствие личного элемента в формулировке предложения не означает и не доказывает его отсутствие в мыслях говорящего или слушающего. Японский язык изобилует окольными путями выражения. Особенно это касается фраз вежливости. Вместо того чтобы сказать: "Я рад вас видеть", японцы говорят: "Ну что ж, достойно пришли"; вместо: "Извините, что побеспокоил вас", они говорят: "Достойная помеха"; вместо "Спасибо" правильнее сказать: "Это трудно".

Однажды в разговоре с одним из ведущих педагогов я утверждал, что широкое изучение английского языка не является необходимым для японской молодежи; что большинство мальчиков никогда не выучат английский язык настолько, чтобы он пригодился им в дальнейшей жизни, и что для них было бы разумнее потратить столько же времени на более насущные практические предметы. В ответ было сказано, что мальчикам необходимо заниматься английским, чтобы обрести четкие методы мышления: что четкость английского предложения, с его личными местоимениями, временем и числом, обеспечивает умственную тренировку, которую японцы не могут получить никаким другим способом; и что даже если мальчики никогда не будут использовать английский в чтении или разговоре, полученное преимущество будет стоить потраченного времени. С тех пор я заметил, что те мужчины, которые потратили некоторое время на изучение иностранного языка, говорят по-японски гораздо более четко, чем те, кто не проходил такой подготовки. В первом случае произношение более отчетливое, а предложения округляются до более определенных периодов. Разговор среднестатистического японца имеет тенденцию к бесконечным предложениям. Но за последние три десятилетия в речи огромного количества людей произошли заметные перемены. Сегодняшняя округлость ничем не отличается от той, что существовала при старом порядке жизни общества. Ведь новый порядок основан на

радикально иных идеях; культивируется прямота речи, а не ее противоположность, и, в абсолютном контрасте с методами феодальной эпохи, прямота правительственных процедур сегодня почти повсеместна. В торговле тоже наступила прямота, многообещающая, но еще не победоносная. Можно с уверенностью предположить, что во всех респектабельных магазинах взимается нормальная цена; ведь обычай фиксированных цен получил широкое распространение. Если известно, что отдельные люди имеют привычку "сбивать цену", для них устанавливаются специальные цены.

Личный опыт иллюстрирует эту мысль. Мы с женой приценились к нескольким лампам, отметили наиболее подходящую и ушли домой без покупки. На следующий день за лампой, которая нас больше всего устраивала, был послан домашний мастер. С него взяли больше, чем с нас, и он с удивлением назвал сумму, которую мы разрешили ему заплатить. Владелец магазина объяснил это тем, что в начале всегда называл нам истинную цену, потому что мы никогда не пытались сбить ее. По правде говоря, современные промышленные условия изрядно изгнали старый добрый обычай торговаться. В бизнесе ценится прямота, не известная старому общественному строю.

Однако округлость тесно связана с "юмэй-мудзицу", другой характеристикой, упомянутой в начале этой главы. Для простоты я рискну назвать ее "номинальностью". Японская история является продолжительной иллюстрацией этой характеристики. На протяжении более тысячи лет "юмэй-мудзицу" была ведущей чертой правительственной жизни. Хотя император якобы восседает на троне, облеченный абсолютной властью, зачастую он правит лишь именем.^[АК] Уже в 130 году нашей эры две семьи Ооми и Омурадзи начали осуществлять деспотическую власть в центральном правительстве, и феодальная система, установленная таким образом в самом начале, просуществовала с небольшими перерывами до середины нынешнего века. Существовали также великие семьи, которые одни могли поставлять жен для императорской линии. Они рано завладели личностью императора, а отцы жен часто пользовались императорской властью. В стране часто и подолгу шли ожесточенные гражданские войны между этими соперничающими семьями. Фудзивара, Минамото и Таира поочередно занимали ведущее место в управлении императором; они определяли престолонаследие и добивались частого отречения от престола в пользу своих малолетних сыновей, но в этих семьях, в свою очередь, проявлялось влияние характеристики "юмэй-мудзицу". Низшие люди, приближенные этих семей, манипулировали семейными лидерами, которые часто были лишь фигурами, возглавлявшими враждующие семьи и кланы. Императоров назначали и не назначали по воле этих закулисных людей, большинство из которых совершенно неизвестны. Создание императоров-младенцев, которым разрешалось носить императорское имя в младенчестве и юности, но которые вынуждены были отречься от престола по достижении зрелого возраста, было распространенным приемом для поддержания номинального империализма при фактическом бессилии.

Когда военные кланы начали монополизировать императорскую власть, народ отчетливо осознал природу их методов и дал им название "бакуфу" или "правительство занавеса", округлое выражение для военного правительства. Сменилось несколько "правительств занавеса", последним и самым успешным из которых было правительство Токугава, чье падение в 1867-68 годах положило конец всей системе и возвело на трон истинного императора.

Но эта "юмэй-мудзицу", характерная для японской жизни, ни в коем случае не ограничивалась национальным правительством. Каждый даймиат был в большей или меньшей степени омрачен ею; даймё, или "великое имя", в слишком многих случаях был лишь марионеткой в руках своих "кераев", или семейных помощников. Эти люди, полностью

скрытые от посторонних глаз, во многих случаях были реальными носителями власти, которую, как предполагалось, осуществлял даймё. Государь часто был "великим именем" и ничем больше. То, что такое положение дел всегда приводило к плохим результатам, отнюдь не является предметом спора на этих страницах. Нередко оно спасало народ от некомпетентности, невежества и эгоизма наследственных правителей. Действительно, эта система правления "юмэй-мудзицу" была одним из средств, с помощью которых в большей или меньшей степени устранялись пороки, присущие наследственным правителям. Однако можно задаться вопросом, не обошлась ли эта система в конечном итоге дороже, чем принесла. Не служит ли он для поддержания, если не для создания, системы диссимуляции и обмана, которая не могла не повредить национальному характеру? Она определенно не могла стимулировать прямоту, откровенность и честность, столь необходимые для благополучия человеческой расы.

Хотя правительство "юмэй-мудзицу" сегодня практически исчезло в Японии, в социальной структуре оно все еще сохранилось.

Японская семья - это лабиринт "номинальности". Взрослых юношей и девушек усыновляют как сыновей и дочерей, чтобы сохранить семейную линию и имя.

Сын не является законным сыном, если он не зарегистрирован, в то время как незаконнорожденный ребенок признается настоящим сыном, если он зарегистрирован. Мужчина может быть законным сыном своей бабушки или сестры, если он зарегистрирован таким образом. Хотя в семье может не быть детей, она не вымирает, если не было усыновления сына или дочери, а вымершая семья может быть возрождена путем законного назначения человека, который возьмет фамилию и будет поклоняться в семейном святилище. Таким образом, семейная родословная описывает не реальное происхождение, а лишь номинальное, фиктивное. В этом нет никакого обмана. Это общепризнанный обычай старой Японии. Его происхождение, более того, несложно объяснить. Не является этот вид семьи и характерным для Японии. Тем не менее он является яркой иллюстрацией характерной черты "юмэй-мудзицу", пронизывающей феодальную цивилизацию и до сих пор оказывающей на нее сильное влияние. Даже христиане не свободны от "номинализма", как мы часто убеждались в ходе нашей миссионерской работы.

В качестве примера можно привести случай с евангелистом, работающим на нашей миссионерской станции. Он должен был получать определенную часть своей зарплаты от церкви, на которую работал, а остальное - от станции. Поинтересовавшись, я узнал, что он получает только ту часть, которую предоставляет станция, а на дальнейшие расспросы он ответил, что, вероятно, обещанная церковью сумма удерживается в качестве его ежемесячного взноса на расходы церкви! Подобные случаи нередки. Находясь на Кюсю, я не раз обнаруживал, что группа христиан, евангелистов которой мы помогали поддерживать пропорционально, на самом деле не собирала ни цента из своей доли. На мой вопрос мне отвечали, что евангелисты сами вносят из своей зарплаты необходимую сумму, и поэтому христианам не нужно ее собирать.

В свое время миссия приняла план возложить на поместные церкви ответственность за принятие решений о пригодности молодых людей к получению богословского образования с помощью миссии. Представители церквей и миссии договорились, что каждый кандидат должен получить одобрение дьяконов церкви, членом которой он является, и что церковь должна оплатить определенную часть расходов кандидата на обучение. Предполагалось, что таким образом ведущие христиане из числа знакомых молодого человека станут его спонсорами, и что они не захотят брать на себя эту ответственность, кроме тех, в ком они

лично уверены, и за кого они готовы внести личный вклад. Со временем миссия обнаружила, что план работает не так, как ожидалось. Молодые люди могли без проблем получить одобрение дьяконов своей церкви, а что касается финансовой помощи от церкви, то ее можно было очень легко организовать, если студент ежемесячно вносил в церковь сумму, которую церковь должна была выделить на его расходы. Хотя этот метод кажется среднестатистическому жителю Западной Европы довольно обманчивым, японцам он показался совершенно правильным. Нет нужды говорить, что эта договоренность не продлилась долго. Я убежден, что правильное объяснение этих случаев - "юмэй-мудзицу".

Не так давно между Кобе и Токио были пущены скоростные поезда. Однажды утром в Осаке я планировал сесть на ранний экспресс до Киото, удаленного примерно на тридцать миль. Это второй и третий города Японии, и путь между ними очень тяжелый. При обращении за билетом мне отказали, сказав, что поезда в Киото нет. Но когда толпы людей покупали билеты и выходили на платформу, я спросил у чиновника, в чем дело, и получил объяснение, что на этот экспресс билеты не продаются на расстояние менее сорока миль, но если я куплю билет на ближайшую станцию за Киото, то все будет в порядке, и я смогу сойти в Киото. Меня заверили, что мне разрешат высадиться и сойти на станции в Киото. Я так и сделал, и с тех пор неоднократно делал. Такое же абсурдное правило, как мне сказали, действует между Йокогамой и Токио.

Но наш интерес к этим иллюстрациям заключается в том свете, который они проливают на японский характер. Они указывают на интеллектуальный угол зрения, с которого люди смотрят на жизнь. Каково происхождение этой характеристики? Связана ли она с глубинной расовой природой, с качеством мозга расы? Еще более явно, чем в случае с "округлостью", мне кажется, что "номинальность" обусловлена природой старого общественного строя. Феодализм всегда в большей или меньшей степени демонстрировал те же самые черты. Для англосаксов, выросших в стране, благословленной прямым правлением народа, от народа и для народа, такие методы были не только ненужными, но и отвратительными. Номинальная ответственность без реальной власти, как известно, порождает множество зол. Мы научились ненавидеть любой номинализм, любую фикцию в правительстве, в бизнесе и, прежде всего, в личном характере. Но это связано с англосаксонским общественным строем, в значительной степени продуктом многовекового христианского воспитания.

Благодаря контакту с западными людьми и идеями, которые они отстаивают, японцы усваивают и развивают прямоту и реальность. Это было бы невозможно, если бы рассматриваемая характеристика, обусловленная врожденной расовой природой, обязательно передавалась из поколения в поколение по наследству.

XIX

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ

Некоторые авторы считают, что японцы от природы не обладают высшими умственными способностями. Они считают посредственный менталитет врожденной характеристикой Японии и утверждают, что он лежит в основе цивилизационных различий, отличающих Восток от Запада. В качестве убедительных доказательств этой точки зрения приводятся

убогость восточной науки во всех ее отделах, распространенность суеверий даже среди культурных людей, отсутствие исторической проницательности и интерпретации истории.

Иностранные преподаватели, работающие в Японии, говорили мне, что японские студенты, по сравнению с западными, проявляют недостаточные способности к анализу и обобщению. Некоторые даже утверждают, что японцы вообще не обладают способностью к обобщению, а их прогресс в цивилизации полностью объясняется их замечательной способностью к умному подражанию. Мистер У. Г. Астон, приписывая характерные особенности японской литературы фундаментальному характеру расы, говорит, что они "вряд ли способны на высокие интеллектуальные достижения". ^[AL]

Хотя мы можем признать, что в настоящее время японцы, похоже, не обладают такой же способностью к научному обобщению, как жители других стран, мы, естественно, задаемся вопросом, объясняется ли это различие врожденным недостатком, или же оно может быть вызвано различиями в раннем обучении. Мы не должны забывать, что молодые люди, которые попадают под наблюдение иностранных учителей в японских школах, уже являются продуктом японской системы образования, домашнего и школьного, и обязательно имеют те же недостатки, что и она.

В предыдущей главе было приведено несколько примеров недавних изобретений и важных научных открытий.

Они не могли быть сделаны без подлинных способностей к анализу и обобщению. Нам нет необходимости подробно останавливаться на этом.

Еще одним фактом, проливающим свет на нашу проблему, является успех многих японских студентов, как у себя дома, так и в других странах, в освоении современной мысли. Многие из них вернулись из Европы и Америки с дипломами и званиями; не так уж мало тех, кто занял высокие места в своих классах. Японский студент за границей, как правило, такой же труженик, как и его брат на родине. Я сомневаюсь, что в новом или старом мире студенты учатся больше часов в год, чем японцы. Меня часто поражало, как много им приходится делать. Это один из верных признаков интеллектуальности. Легкость, с которой молодые японцы, получившие образование в окцидентальных школах и познакомившиеся с окцидентальными системами мышления, овладевают заумными рассуждениями, анализом и обобщенными абстракциями, убедительно доказывает наличие у японцев высших умственных способностей, несмотря на долгое существование в их цивилизации примитивной глупости и суеверий и отсутствие науки, как ее правильно называть.

Японская молодежь, кроме того, обладает беглостью публичной речи, значительно превосходящей все, с чем мне приходилось сталкиваться в Соединенных Штатах. Молодые люди восемнадцати-двадцати лет произносят длинные речи о религии, истории или политике с очевидной легкостью, которую нельзя было бы ожидать от их непривлекательной внешности. В маленькой школе Кумамото, где училось менее 150 мальчиков, было больше людей, способных толково и убедительно говорить на важные темы национальной политики, соотношения религии и политики, отношения Японии к Западу и Востоку, чем в любом из двух колледжей США, с которыми я был связан. Я не говорю, что они могли выдвигать оригинальные идеи на эти темы. Но они, по крайней мере, могли запомнить то, что слышали и читали, и воспроизводили эти идеи с удивительной беглостью.

Недавняя публичная встреча в Токио, на которой студенты-христиане университета говорили с сокурсниками о великих проблемах религии, показала, что они способны справиться с особыми трудностями, с которыми сталкиваются образованные молодые люди. Один

компетентный слушатель, недавно окончивший американский университет и хорошо знакомый с американскими студентами, заявил, что эти японские ораторы продемонстрировали большую силу ума и речи, чем та, которую можно было бы обнаружить при аналогичных обстоятельствах в Соединенных Штатах.

Беглость, с которой робкие девушки молятся на публике, часто удивляла меня. Начав, они, кажется, никогда не колеблются в поисках идей или слов. Эти же девушки вряд ли смогли бы произнести вразумительное предложение в ответ на вопросы пастора или миссионера, настолько слабыми были бы их голоса и нерешительными манеры.

Вопрос о том, обладают ли японцы способностью к обобщению, проясняется при изучении языка этого народа. Изучение примитивного японского языка доказывает, что эта раса, еще не испытав ни малейшего влияния со стороны Китая, выработала весьма обобщенные термины. Здесь стоит обратить внимание на простой факт, который большинство авторов, кажется, игнорируют, а именно: весь язык обозначает обобщение и, по сути, опирается на него. Рассмотрим слово "ума", "лошадь"; это название целого класса объектов, и поэтому оно является продуктом ума, который может обобщать и выражать свое обобщение в понятии, которое не может представить ни один акт воображения; воображение может представлять только индивидуумов; ум, который имеет понятия о классах вещей, как, например, о лошадях, домах, мужчинах, женщинах, деревьях, уже обладает подлинной силой обобщения. Позвольте мне также обратить внимание на такие слова, как "ваке" - "причина"; "моно" - "вещь"; "кото" - "факт"; "ару" - "есть"; "оро" - "живет"; "ару кото" - "есть факт", или "существование"; "угоку кото" - "движение"; "омои" - "мысль"; этот список можно продолжать бесконечно. Пусть читатель подумает, не являются ли эти слова в высшей степени обобщенными; тем не менее все они являются чисто японскими словами и показывают развитие японского ума до того, как на него в наименьшей степени повлияла китайская мысль. Очевидно, не стоит утверждать, что японский ум полностью лишен способности к обобщению.

Еще одним доказательством того, что японцы обладают высшими умственными способностями, может служить широкая распространенность и использование самых обобщенных философских терминов. Возьмем, к примеру, "Ри" и "Ки", "Ин" и "Ё". В английском языке для них нет полного перевода; "Ri" и "Ki" лучше всего перевести как рациональный и формирующий принципы во вселенной, а "In" и "Yo" означают активное и пассивное, мужское и женское, свет и тьму; одним словом, полюса положительного и отрицательного. Правда, эти термины китайского происхождения, как и сами мысли, но сегодня они повсеместно используются в Японии. Аналогичными абстрактными терминами буддийского происхождения владеют и простые люди.

Конечно, владение этими китайскими терминами не является доказательством независимой способности к обобщению. Но их широкое использование убедительно доказывает наличие у человека высших умственных способностей, поскольку без них эти термины были бы непонятны народу и не нашли бы места в обычной речи. Мы должны быть осторожны и не придавать слишком большого значения иностранному происхождению этих терминов. Китайский язык для японского - это то же самое, что латынь и греческий для современных европейских языков. Тот факт, что термин имеет китайское происхождение, ничего не доказывает в отношении природы современного японского ума. Развивающаяся японская цивилизация требовала новых терминов для своих новых инструментов и растущих концепций. На протяжении более пятнадцати веков они заимствовались из китайского языка или создавались на его основе точно так же, как все наши современные научные термины создаются на основе латыни и греческого. Сомнительно, чтобы хоть один из китайских

терминов, даже телесно заимствованных, имел в Японии то же значение, что и в Китае. Если это так, то проявляется исконная черта японцев - способность к обобщению.

Действительно, с этой точки зрения тот факт, что японцы так широко используют китайский язык, показывает степень, до которой японский ум перерос свое примитивное развитие, требуя новых терминов для выражения своей расширяющейся жизни. Но умственный рост предполагает энергию приобретения. Усвоение китайских терминов - это не пассивный, а активный процесс.

Усвоение обобщенных терминов может происходить только при развитии обобщающего ума. Иностранные термины могут помочь, но они не вызывают такого развития.

При изучении вопроса о том, обладают ли японцы самостоятельными способностями к анализу и обобщению, мы должны всегда помнить об уникальном характере социальной среды, в которую они попали. Будучи всегда более или менее изолированной нацией, они дважды или трижды неожиданно сталкивались с цивилизацией, значительно превосходящей ту, которую они развивали в своей изоляции. В таких обстоятельствах перенимание и модификация идей и языка, а также методов и техники были наиболее рациональным и естественным путем.

Объяснение, которое обычно дается слабостям восточной науки, истории и религии, было коротким и простым, а именно: врожденная природа восточных рас, как будто это окончательный факт, не требующий и не допускающий никаких других объяснений. То, что Восток не развил историю или науку, несомненно, верно, но правильное объяснение этого факта, на мой взгляд, состоит в том, что образовательный метод всего Востока основывался на механическом запоминании; в период становления ума исключительные усилия образования были направлены на развитие памяти, которая действует на основе произвольных или причудливых связей и отношений. Японский мальчик в старой Японии, например, начинал свое образование в возрасте от семи до восьми лет и тратил три или четыре года на заучивание тысяч китайских иероглифов, содержащихся в "Сишо" и "Гокё", девяти классических китайских книгах. После этого учитель начинал объяснять ему значение иероглифов и предложений. Вся образовательная работа была направлена на развитие способности замечать и запоминать случайные, поверхностные или даже чисто искусственные связи. Эта двойная способность замечать пустяковые и несущественные детали и запоминать их стала феноменально и ненормально развитой.

Недавние работы по психологии воспитания, однако, ясно показали, как чрезмерное развитие низших умственных способностей ребенка может задержать его последующий рост во всех высших отделах его интеллектуальной природы; развитие механической памяти хорошо известно как серьезное препятствие для высшей деятельности разума. Японское образование на протяжении веков, как и китайское, развивало такую память. Оно обучало низшему и игнорировало высшее. Большая часть современного японского образования, хотя оно включает в себя математику, естественные науки и историю, основана на методе механической памяти. Таким образом, Восток - это огромная иллюстрация последствий чрезмерного развития механической памяти и последующей остановки развития остальных способностей ума.

Как могли древние китайцы и японцы, обремененные этим образовательным идеалом и системой, критически изучать историю или развивать какую-либо науку, достойную этого названия? Детская физика и астрономия, жестокая терапия, магические и суеверные религии Востока являются необходимым следствием его системы образования, а не врожденного недостатка высших умственных способностей.

Если японские дети, воспитывающиеся с младенчества в американских домах и посещающие американские школы, начиная с детского сада, все же проявят заметные недостатки в способностях к анализу и обобщению по сравнению с американскими детьми, мы будем вынуждены заключить, что эти различия обусловлены разной врожденной психической одаренностью. Обобщения относительно присущих восточным людям интеллектуальных недостатков основаны на наблюдениях за индивидами, уже развившимися в восточной цивилизации, чьи психические дефекты они, соответственно, обязательно наследуют по законам социальной наследственности. Такие наблюдения не имеют никакого отношения к нашей основной проблеме. Мы охотно признаем, что восточная цивилизация демонстрирует поразительные недостатки в развитии высших психических способностей, хотя они и не столь велики, как утверждают многие; но мы утверждаем, что эти недостатки обусловлены чем-то иным, нежели врожденной психической природой восточного индивида. Бесчисленное множество причин породило восточный общественный строй и определило его медленное развитие. Их невозможно изложить ни в одном предложении, ни в одном абзаце.

В конечном счете, однако, причины, породившие характерные черты японского общественного устройства, являются реальными источниками отличительных интеллектуальных черт, которые сегодня характеризуют японцев. Внесите новую социальную наследственность, новую систему образования, которая отодвигает механическую память на задний план, которая возвышает способности рационального наблюдения глубоких причинно-следственных связей явлений природы и которая ставит на первое место такое наблюдение, анализ и обобщение, и результаты покажут, что врожденная психическая природа восточного человека не отличается от оксидентальной.

XX

ФИЛОСОФСКИЕ СПОСОБНОСТИ

Теперь мы готовы рассмотреть вопрос о наличии или отсутствии у японцев философских способностей. Среднеобразованные японцы считают, что это так. Быстроту и легкость, с которой высшие классы отказались от своих суеверных верований, они сами обычно приписывают философской природе своего ума. Точно так же быстрое распространение так называемого рационализма, унитариянства и высшей критики среди некогда искренних христиан в течение последнего десятилетия они сами приписывают своему интересу к философским вопросам и умению решать философские проблемы.

Иностранцы, напротив, обычно отрицают наличие у них философских способностей.

Доктор Пири в своей книге под названием "Суть Японии" пишет: "По своей природе, я думаю, они более склонны к практической деятельности, чем к умозрительной. Абстрактные теологические идеи не имеют для них особого очарования. В Японии есть большой элемент, который имитирует вкус к философским исследованиям. Философия и метафизика рассматриваются ими как самые глубокие из всех отраслей знаний, и, чтобы считаться образованными, они проявляют большой интерес к этим исследованиям. Изучаются не только высоко метафизические философии Востока, но и различные системы Запада. Многие из людей способны оценить и эти философии, но они делают это с определенной

целью". Другие авторы выдвигают такое же общее обвинение в философской некомпетентности. Одна или две цитаты из трудов доктора Нокса были приведены на эту тему под заголовком "Подражание".^[AM]

Каковы же факты? Преуспевают ли японцы в философии, или у них явный недостаток? В любом случае, обусловлена ли эта особенность расовой природой или какими-то другими причинами?

Прежде всего, мы должны провести различие между интересом к философским проблемам и способностью к построению оригинальных философских систем. В этом различии кроется примирение многих противоречивых мнений. Многие, кто отстаивает философские способности японцев, восхищаются их интересом к метафизическим проблемам, в то время как те, кто отрицает их способности, поражаются зависимости японцев от китайской философии.

Обсуждение в предыдущей главе характера японского образования и его тенденции развивать низшие умственные способности за счет высших, подготовило нас к тому, что мы не ожидаем какой-либо особенно блестящей истории японской философии. Это действительно так. Примитивная японская космология не отличается в каком-либо важном отношении от примитивной космологии других рас. Число тех в старой Японии, кто проявлял живой интерес к явно метафизическим проблемам, бесспорно, невелико. Хотя мы и признаем, что они проявляли некоторую независимость и даже оригинальность, как утверждает профессор Иноуэ,^[AN] все же вряд ли можно утверждать, что они создали какие-либо особенно оригинальные философские системы. Не существует никакой специфически японской философии.

Однако эти факты не должны ослеплять нас в отношении различия между скрытой способностью к философскому мышлению и ее проявлением. Старый общественный строй с его дефектами образования, привычкой к рабской интеллектуальной зависимости от предков, социальным и правовым осуждением независимой оригинальности, особенно в сфере мысли, был мощным инкубом для спекулятивной философии. Кроме того, грубая наука и искаженная история не могли дать необходимого материала для построения философской интерпретации Вселенной, которая бы понравилась современному оксидентальцу.

Однако, несмотря на социальные и образовательные препятствия, японцы предоставили множество доказательств интереса к метафизическим проблемам и большей или меньшей способности к их решению. Религиозные построения будущей жизни, представления о взаимоотношениях богов, людей и вселенной, по сути, являются результатами метафизических операций разума. Первобытная Япония не была лишена их. По мере развития цивилизации и соприкосновения с китайской и индуистской метафизической мыслью она приобрела их характерные системы. Сначала буддийская, а затем конфуцианская метафизика доминировала в мышлении образованных людей. Учитывая метафизический характер буддийских доктрин и интерес, который они вызывают, по крайней мере, у наиболее подготовленных священников, утверждение о том, что японцы не имеют способностей к метафизике, не выдерживает критики.

В один из периодов истории буддизма в Японии длительные публичные дискуссии были в моде. Священники путешествовали от храма к храму, чтобы принять участие в публичных дебатах. Самым искусным дебатером был настоятель, и он должен был быть готов встретить

любого противника, который мог появиться. Если побеждал незнакомец, настоятель уступал победителю свое место и свою жизнь. Много интересных историй рассказывают о тех временах и о толпах, которые собирались, чтобы послушать дебаты. Но мы хотим сказать, что этот случай из жизни страны свидетельствует о том, что люди ценили философские вопросы. И хотя эта мода давно прошла, национальный интерес к дискуссиям и спорам сохранился. Ни один из монахов Запада не получал такого удовольствия от споров о волосах, как многие японцы. Они столь же искусны в умственных изысках и логическом жонглировании, как и любой другой народ Запада, хотя, возможно, индусы превосходят их.

Если скажут, что конфуцианство не только не метафизично, но и исключительно практично, и по этой причине нашло широкое признание в Японии, то на это следует ответить, что, во-первых, исповедуя неметафизичность, оно тем не менее имело на заднем плане реальную метафизическую систему мысли, к которой всегда обращалось за авторитетом, и эта система, надо заметить, более соответствует современной науке и философии, чем буддийская метафизика; И во-вторых, хотя конфуцианство стало оплотом государства и общепринятой верой самураев, оно было ограничено ими. Подавляющее большинство народа придерживалось своей примитивной буддийской космологии. То, что конфуцианство опиралось на явно подразумеваемую и более или менее четко выраженную метафизическую основу, видно из цитат из трудов Муро Кюсо, приведенных в главе xxiv. Следует отметить, что восстание образованных классов Японии от буддизма триста лет назад и всеобщее принятие ими конфуцианской доктрины было отчасти в интересах религии, а отчасти в интересах метафизики. В обоих отношениях прогрессивная часть нации была недовольна буддизмом. Восстание доказывает не отсутствие религиозного или метафизического интереса и проницательности, а скорее наоборот.

Не мало метафизического в учении Шуши (1130-1200 гг. н. э.) и Оёмэя (1472-1528 гг. н. э.), китайских философских толкователей конфуцианства. Учение первого из них широко изучалось и было ортодоксальной доктриной в Японии на протяжении более двух столетий, все остальные доктрины и философия были запрещены государством. Правда, центральный интерес в этом философском учении представляла этика. Считалось, что вся этическая система зависит от принятия определенной метафизической системы. Но это утверждение отнюдь не отменяет нашего аргумента, а скорее добавляет его. Ибо в какой стране основной интерес к метафизике не был этическим? Изучение истории философии ясно показывает, что философия и метафизика возникли на основе религиозных и этических проблем и всегда сохраняли свою власть над мыслящими людьми благодаря их взаимно важным отношениям. В Японии дело обстоит иначе. Если кто-то сомневается в этом, ему следует прочитать японских философов - если возможно, в оригинале; если нет, то в таких переводах и выдержках, какие нам дали доктор Нокс в своем "Японском философе" и мистер Астон в своей "Японской литературе". Этический интерес первичен, а метафизический - вторичен,^[AO] если быть уверенным, но не отрицать.

Окцидентальная философия нашла много искренних и способных японских студентов. Императорский университет располагает сильным корпусом преподавателей философии. Западная метафизическая мысль, как материалистическая, так и идеалистическая, нашла много единомышленников. Действительно, не будет поспешным сказать, что в мысли Новой Японии отличительные восточные метафизические концепции Вселенной были полностью вытеснены западными. Христиане, в частности, полностью отказались от старой политеистической, пантеистической и фаталистической метафизики и приняли основательный монотеизм.

Способность к пониманию и достаточный интерес к изучению философских и метафизических систем чужих стран свидетельствуют об умственном развитии немалого порядка, какими бы ни были способности или их отсутствие к внесению оригинального вклада в этот предмет. В том, что образованные японцы проявили реальные способности в первом смысле, вряд ли могут сомневаться те, кто читал труды таких людей, как Горо Такахаси, экс-президент Хироюки Като, профессор Юдзиро Мотора, профессор Рикидзо Накасима или доктор Тэцудзиро Иноуэ. Философская яркость многих японских ученых, как иностранных, так и отечественных, служит хорошим аргументом в пользу философских способностей нации.

Недавний разговор с молодым японцем подтверждает сказанное. Молодой человек внезапно появился в дверях моего кабинета и, необычно кратко поприветствовав меня, сказал, что хочет, чтобы я поговорил с ним о религии. Отвечая на вопросы, он рассказал, что десять лет назад был одним из моих учеников в школе для мальчиков в Кумамото; что в то время он крестился как христианин, но остыл к вере и проникся сомнениями; что с тех пор он учился, одно время уделяя большое внимание секте дзэн буддизма, но не нашел в ней удовлетворения. Поэтому он хотел бы более тщательно изучить христианство. В течение трех часов мы беседовали, он задавал вопросы о христианском понимании Бога, вселенной, человека, греха, эволюции, Христа, спасения, цели жизни, замысла Бога в творении, происхождения и природы Библии. Ближе к концу нашей беседы, говоря об одной высказанной идее, он сказал: "Это примерно то, чего придерживался Гегель, не так ли?" Во время разговора он открыл свой ранец, который, как я потом увидел, был полон книг, и достал английский перевод "Философии истории" Гегеля; он, очевидно, внимательно прочитал ее, делая на полях свои заметки на японском языке. Я спросил его, прочитал ли он ее до конца. "Да", - ответил он, - "три раза". Он также сообщил мне, что еще зимой думал поступить в наш миссионерский богословский класс, но в то время он изучал философию Канта, и поэтому решил отложить поступление до осени. Насколько глубоко он усвоил эти самые глубокие и заумные метафизики, которыми может похвастаться Запад, я не могу сказать. Но, по крайней мере, ясно следующее: его интерес к ним был настоящим и продолжительным. И в беседах он демонстрировал глубокое понимание философских проблем. Следует также отметить, что он был философом-самоучкой - ведь он не посещал ни одной школы с тех пор, как десять лет назад изучал элементарный английский язык, когда ему было меньше двадцати.

В качестве примера того, с какими людьми я нередко встречаюсь, приведу случай с молодым бизнесменом, который однажды обратился ко мне в отеле в Имабари и которого в народе называли "маленьким философом". Он хотел поговорить о проблеме будущей жизни и спросить о моих личных убеждениях в этом вопросе. Он сказал, что верит в Бога и в Иисуса как Его уникального Сына и Откровение, но ему очень трудно поверить в то, что душа продолжает жить после смерти. Его затруднения были связаны с проблемой природы будущего мышления: будем ли мы продолжать мыслить в терминах чувственного восприятия, таких как время, пространство, форма, цвет, удовольствие и боль? Если нет, то как мы вообще можем мыслить? И можем ли мы тогда помнить нашу нынешнюю жизнь? Если да, то будущая жизнь не будет принципиально отличаться от этой, т. е. мы по-прежнему должны обладать физическими чувствами и продолжать жить в принципиально физическом мире. Вот набор возражений против доктрины о будущей жизни, который я никогда не слышал, чтобы хоть раз упоминался кем-то из оксидентальной молодежи. Хотя, без сомнения, он не был оригинален, он должен был обладать в какой-то степени философскими способностями и интересом, чтобы оценить их силу и искать их решение.

Не так давно в беседе с буддийским священником из секты Тэндай, ответив на его просьбу дать критику буддизма, я попросил его дать столь же откровенную критику христианства. К моему удивлению, он сказал, что, хотя христианство намного опережает буддизм в практической части и в силе формировать характер, ему не хватает философской проницательности и интереса. Это привело к продолжительному разговору о буддийской философии, в ходе которого он объяснил доктрины "Ку-ге-чу" и "Уса и Муса". Не пытаясь объяснить их здесь, я могу сказать, что первое удивительно похоже на гегелевское "абсолютное ничто" с его тезисом, антитезисом и синтезом, а второе - на психологическое различие между волевыми и спонтанными эмоциями.

При обсуждении философских способностей японцев часто забывают о том, что на Западе философские способности или даже интерес к ним - редкость. Лишь небольшая часть студентов колледжей проявляет хоть малейший интерес к философским или метафизическим проблемам. Большинство не понимает, в чем заключается суть метафизических проблем. По моему опыту, с образованным человеком в Японии легче вступить в разговор на философскую тему, чем с американцем. Если интерес к философским и метафизическим вопросам на Западе встречается редко, то оригинальные способности к их исследованию - еще реже.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в отношении философских способностей у японцев нет выраженной расовой характеристики, отличающей их от других рас. Хотя они и не разработали самобытной национальной философии, это не связано с их врожденной философской некомпетентностью. С другой стороны, относительно широкий интерес, проявляемый сейчас к философским проблемам, также не объясняется врожденными философскими способностями расы. Если Япония в этом отношении отстает или опережает другие расы, то это связано с ее общественным строем и социальным наследием, и особенно с характером, методами и целями системы образования, но не с ее внутренним психическим наследием.

XXI

ИМАГИНАЦИЯ

Ни в одном отношении, пожалуй, японцы не подвергались более огульной критике со стороны иностранцев, чем в отношении их способностей к воображению и идеализму. Безоговорочные обобщения не только утверждают полное отсутствие этих способностей, но и считают это отсутствие отличительной врожденной психической характеристикой расы. Японцев называют "прозаичными", "фактическими", "практичными", "лишенными воображения".

Мистер Уолтер Денинг, описывая ментальные характеристики японцев, заявляет:

"Ни их прошлая история, ни их преобладающие вкусы не показывают никакой склонности к идеализму. Они - любители практического и реального; ни фантазии Гете, ни грезы Гегеля им не по вкусу. Наша поэзия и наша философия, а также ум, который их ценит, в равной степени являются результатом целой сети тонких влияний, с которыми японцы сравнительно чужды.

Некоторые утверждают, и мы считаем это справедливым, что отсутствие идеализма в японском сознании превращает жизнь даже самых культурных людей в механическое, рутинное занятие по сравнению с жизнью западных людей. Японцы не могут понять, почему наши спорщики так горячо обсуждают психологические, этические, религиозные и философские вопросы, не понимая, что эта горячность является результатом глубокого интереса к подобным темам. Очарование, которое культурный западный ум находит в мире фантазии и романтики, в самих вопросах, независимо от их практического значения, по большей части непонятно японцам."^[AP]

Мистер Персиваль Лоуэлл потратил целую главу в своей книге "Душа Дальнего Востока", чтобы показать, насколько важно воображение как фактор искусства, религии, науки и цивилизации в целом, и как поразительно не хватает этой способности у японцев. "Дальневосточники, - утверждает он, - должны быть особенно невообразимыми людьми. Именно такими они и являются. Отсутствие у них воображения - общепризнанный факт."^[AQ]

Мистер Астон, характеризуя японскую литературу, заявляет:

"Черта, которая разительно отличает японскую поэтическую музу от западных народов, - это определенный недостаток силы воображения. Японцы не спешат наделять неодушевленные предметы жизнью. Например, "Облако" Шелли содержит достаточно материала такого рода для многих томов японского стиха. Такие строки, как:

"С крыльев моих стряхнуты
Росы, что пробуждают
И сладкие бутоны все,
Когда их укачивает
На груди матери своей
As she dances about the sun,

показались бы им нелепо перегруженными метафорами, а то и вовсе невразумительными."^[AR]

С другой стороны, некоторые авторы обращают внимание на противоположный элемент японской ментальной природы. Профессор Лэдд, например, утверждает, что характерной ментальной чертой японцев является сентиментальность. Он показал, как их жизнь пронизана чувствами и регулируется ими. Поклонение предкам, патриотизм, апофеоз императорской власти, дружба - все это формируется идеализирующими чувствами. В главах, посвященных эмоциональным элементам японского характера, мы рассмотрели, насколько распространенными и сильными были и остаются эти идеалы и чувства.

Писатели, сравнивающие китайцев и японцев, отмечают практичный деловой характер первых и непрактичный, мечтательный характер вторых.

Для правильной оценки нашей проблемы мы должны четко разграничить различные формы воображения. Оно проявляется не только в искусстве и литературе, в фантастических представлениях, в олицетворении и метафоре, но и во всех важных сферах человеческой жизни. Оно - корень прогресса, как хорошо подметил мистер Лоуэлл. Оно рисует идеальную жизнь, предшествующую реальной, и этот идеал становится объектом усилий. Поэтому формы воображения можно классифицировать в зависимости от сферы жизни, в которой оно проявляется. Помимо поэтической фантазии и идеализма в искусстве и литературе в целом, мы должны различать работу воображения в эстетической, моральной, религиозной,

научной и политической жизни. Проявление способности к воображению в искусстве и литературе - это только одна часть эстетского воображения.

Изучая японские эстетские характеристики, мы отметили, насколько несбалансированным было развитие их эстетского чувства. Это утверждение о несбалансированном развитии с равной силой относится и к воображению в целом. Явно недостаточное в одних направлениях, оно столь же явно выделяется в других. Правила этикета - продукт эстетского воображения, и в какой стране этикет был развит больше, чем в феодальной Японии? Японское воображение было особенно активно в мире политики. Страстная преданность ретейнеров своему господину, самураев - своему даймё, всех - своему "куни", или клану, в древние времена, а теперь и народа - своему императору - это результат яркого политического идеализирующего воображения. Императорский апофеоз - это сочетание политического и религиозного воображения. И в какой стране апофеозное воображение было более активным, чем в Японии? Честолюбие и самодовольство также зависят от активного воображения.

Несомненно, цитированные выше авторы обратили внимание на некоторые характерные черты японского искусства. В литературе прошлого этот народ не проявил того высокого литературного воображения, которое мы обнаруживаем в лучших произведениях многих других народов.

Этот факт, однако, не оправдывает основанных на нем огульных обобщений. Если судить по доелизаветинской литературе, то кто мог ожидать от елизаветинской эпохи такого блеска? То же самое можно сказать и о викторианском периоде английской литературы. Поскольку в прошлом японцам не удавалось создать литературу, равную лучшим западным образцам, мы не вправе утверждать, что она никогда этого не сделает и что ей свойственен недостаток литературного воображения. Что касается некоторых форм легкой фантазии, то все признают, что японские стихи не имеют себе равных в других странах. Японская любительская поэзия отличается нежными фантазиями и игрой слов, которые очень трудно, если вообще возможно, перевести или даже выразить человеку, не знакомому с языком.

Недостатки японской литературы, таким образом, не настолько велики, чтобы сделать вывод о том, что они как обозначают, так и делают фундаментальные различия в расовом сознании. Ведь такие различия, которые существуют, поддаются социологическому объяснению.

Прозаическая фактичность японского ума была так широко подчеркнута, что нам нет необходимости останавливаться на ней здесь. Однако существует серьезная опасность чрезмерного подчеркивания, в которую впадают все авторы, делающие это основанием для огульной осуждающей критики.

Они правы, когда приписывают среднему японцу большое количество невообразимой фактологии, но они также неправы в безоговорочных догматических обобщениях. Они основывают свои умозаключения на недостаточных фактах - привычка, которой особенно подвержены иностранцы из-за незнания языка, а также внутренних мыслей и жизни народа.

Прозаическая природа японцев не произвела на меня такого впечатления, как провидческая тенденция народа и его идеализм. Сами японцы считают этот идеализм своей национальной чертой. Они говорят, что являются теоретиками, и бесчисленный опыт подтверждает это мнение.

Они проецируют великие начинания; они строят схемы; они обсуждают непредвиденные обстоятельства; они строят грандиозные планы; и все это с серьезным видом и в то же время с беспечностью, которая показывает полусознательное ощущение нереальности их предложений. В отношении Кореи, Китая и Формозы они вынашивают бесчисленное множество политических и деловых схем. Калейдоскопический характер японской политики отчасти объясняется быстрой сменой дальновидных планов. Одна идея господствует в течение сезона, а затем вытесняется другой, что приводит к постоянной перенастройке политических партий. Частые нападки на внешнюю политику правительства опираются на господствующие идеи о том, какую роль должна играть Япония в международных отношениях. Пишущий о недавних дискуссиях в общественной прессе по вопросу введения иностранного капитала в Японию, один из авторов журнала *"Дальний Восток"* замечает: "Этот вопрос рассматривается скорее с теоретической, чем с практической точки зрения..... Мне кажется, что это происходит от особой черты японского ума, который склонен задерживаться исключительно на теоретической стороне, пока ход событий не заставит сделать резкий скачок к практической". Эта провидческая способность японцев особенно заметна в ежедневной прессе. Редакционные статьи, посвященные иностранным делам и отношениям Японии с миром, полны этого.

Я осмелюсь привести несколько иллюстраций непрактичного идеализма из моего личного опыта. Один евангелист, работавший на станции Кумамото, являл собой яркий пример этой провидческой черты. Нервный до крайности, он постоянно вынашивал новые идеи. По какой-то причине его внимание было обращено на тему опиума и тех бед, которые Китай терпит от этого наркотика, навязанного ему Англией. Вскоре он обратился ко мне за книгами на эту тему; он хотел получить полную информацию, а затем предложил поехать в Китай и проповедовать на эту тему. В течение нескольких недель он был полон решимости. Ему казалось, что, если только ему дадут такую возможность, он сможет убедить китайцев в их ошибке, а англичан - в их преступлении. Один из его планов состоял в том, чтобы отправиться в Англию и разъяснить им их нехристианские отношения с Китаем. Через несколько недель его внимание было обращено на несправедливость, причиняемую беднякам из-за их невежества в вопросах права и невозможности получить юридическую помощь. Эта мысль занимала его дольше, чем предыдущие.

Он хотел изучать право и стать общественным адвокатом, чтобы защищать бедных от несправедливых богачей. В своих теологических идеях он был также непостоянен и изменчив; он колебался от позитивной и самой категоричной веры до крайнего сомнения, а затем снова возвращался к ней. В периоды триумфа веры ему казалось, что он может научить весь мир; его изложения истины были чрезвычайно интересны. Он предлагал сформулировать новое богословие, которое навсегда устранило бы трудности старого богословия. В своих сомнениях он был не менее интересен и напорист. Его влияние на практические вопросы было крайне незначительным. Его зарплата, хотя и была значительно больше, чем у большинства евангелистов, никогда не была достаточной. В начале месяца он щедро тратил деньги, пока они у него были, а потом то ущемлял себя, то влезал в долги.

Мистер --, глава школы для мальчиков в Кумамото в период ее ожесточенной борьбы и окончательного краха, которого я уже называл директором-героем,^[AS] - еще один пример этой непрактичной дальновидности. Не успел он добраться до Кумамото, как перед нашими очарованными глазами открылось видение того, как эта маленькая незначительная школа превратится в великий университет. Правда, кое-что из этой напыщенности было и до его приезда; но под его хозяйской рукой она приобрела новую, великолепную форму. На то, как он выделялся, демонстрируя свою (фальшивую) докторскую степень и рассказывая о

своих схемах, просто забавно смотреть с такого расстояния. Его исследования в области философии религии настолько прояснили его ум, что он собирался реформировать как христианство, так и буддизм. Его проповеди, отличавшиеся ярким красноречием и мощным напором, длившиеся не менее часа, отличались как амбициозностью мыслей, так и манерой поведения на кафедре. Он околдовывал всех, кто вступал с ним в контакт. Он ошеломлял их своей яростью, огромной серьезностью и настойчивостью в безупречном повиновении его властной воле. В одной из своих кульминационных проповедей, обвинив миссионеров в том, что они учат опасным ошибкам, он сказал, что, хотя одни убеждают, что необходимость времени - "вернуться к Лютеру", а другие говорят, что мы должны "вернуться к Христу" (эти английские слова вошли в его японскую проповедь), они оба ошибаются; Мы должны "вернуться к Богу"; и он предсказал реформацию религии, начавшуюся в Кумамото, в этой школе, которая будет намного важнее в истории мира, чем лютеранская реформация.

Новейшая история христианства в Японии содержит множество ярких примеров провидческих планов и прозорливых энтузиастов. Уверенная надежда на то, что в восьмидесятых годах прошлого века нация будет христианизирована до конца столетия, была именно таким видением. Другой, возникший несколькими годами позже, заключался в том, что важно вернуть всех иностранных миссионеров в родные края и доверить всю евангелизационную работу местным христианам, поручив им управление огромными суммами, освобожденными таким образом. Ведь эти гениальные утописты предполагали, что деньги, потраченные на содержание миссионеров, можно будет использовать для агрессивной работы, если миссионеры будут отозваны, и что христиане в других странах будут продолжать вносить свои пожертвования для евангелизации Японии.

Еще одним примером утопического идеализма является видение того, что в Японии родится совершенная религия, отвечающая требованиям сердца и головы, которую ждет весь мир. В январе 1900 года профессор Императорского университета Т. Иноуэ, подробно показав, к своему удовлетворению, неадекватность всех существующих религий этической и религиозной ситуации в Японии, поддержал эту амбициозную точку зрения.

Некоторые японские христиане заявляют о необходимости японизированного христианства. "Разве греки не трансформировали христианство, прежде чем принять его? И разве римляне, и, наконец, немцы не сделали то же самое? Прежде чем Япония примет или сможет принять религию Христа, она должна быть японизирована". Так они рассуждают; "и кто же так подходит для этого, как мы?" - лежит в основе их размышлений.

Многие христианские пасторы и евангелисты, хотя и не разделяют амбиций профессора Иноуэ, тем не менее светятся уверенностью в том, что японизированное христианство станет его самым совершенным типом. "Никому не нужно удивляться, что Японии суждено представить миру лучший тип христианства, который еще не появился в истории", - пишет один из выразителей этого мнения, в свое время бывший христианским пастором. В связи с этим читатель может вспомнить, что говорилось в главе xiv. о японских амбициях и тщеславии, качествах, зависящих от способности видеть видения. Вскользь отметим оптимистичный дух Новой Японии. Отчасти это объясняется, несомненно, незнанием проблем, которые стоят на пути их будущего прогресса, но также и ярким воображением, которое рисует им славу грядущих десятилетий, когда они будут лидировать не только на Востоке, но и на Западе, во всех сферах цивилизации, материальной и духовной, моральной и религиозной. Скучная, лишенная воображения, прозаическая натура не может быть буйно оптимистичной. Очевидно, что писатели, провозглашающие невообразимую фактичность японцев универсальной и абсолютной, не смогли увидеть большую сторону внутренней жизни японцев.

Мистер Персиваль Лоуэлл утверждает, что корнем всех особенностей восточных народов является заметный недостаток воображения. Это тот самый дар, который "в определенном смысле можно назвать творцом мира". Отсутствие этой способности, по мнению мистера Лоуэлла, лежит в основе отсутствия оригинальности и изобретательности у японцев; оно придает всей восточной цивилизации характерные черты. Он приводит несколько слов, доказывающих прозаический характер японского ума, например, "вверх-вниз" вместо "пройти" (это слово, кстати, является его собственным изобретением и показывает его незнание языка), "существо (так) трудно" вместо "спасибо". "Отсутствие причудливых идей, - говорит он, - одна из самых характерных черт всех дальневосточных народов, если, конечно, печальный недостаток можно правильно назвать характерным. Косвенно недостаток воображения проявляется в их повседневных высказываниях и поступках, а более непосредственно - во всех областях мысли". Отмечу мимоходом, что мистер Лоуэлл не делает различия между фантазией и воображением. Хотя они и являются родственными способностями, они все же различны. Я не могу разделить крайнюю оценку мистером Ловеллом прозаической природы японского ума. Многие письма, полученные от японских друзей, опровергают это мнение своими причудливыми выражениями. В японском языке тоже много причудливых терминов. Почему слово "пас" более образно, чем "вверх-вниз", если принять этимологию мистера Лоуэлла, или "быть (так) трудно", чем "спасибо", я не понимаю. Мне кажется, что обратное утверждение вернее. И разве "ломать рога" в значении "специально" и "ломать кости" в значении "с большим трудом" не являются явно образными терминами, более образными, чем английский? Вместо нашего английского термина "солнце" японцы используют несколько альтернативных терминов, таких как "хи", "день", "ничири", "дневной шар", "тен-то-сама", "бог небесного света"; а для "луны" у них есть "цуки", "месяц", "гетсу-рин", "месячный шар". Названия, данные военным кораблям, также свидетельствуют о причудливом характере. Торпедные эсминцы названы "Dragon-fly", "Full Moon", "The Moon in the Cloud", "Seabeach", "Dawn of Day", "Clustering Clouds", "Break of Day", "Ripples", "Evening Mist", "Dragon's Lamp", "Falcon", "Magpie", "White-naped Crane" и "White Hawk". Конечно, нельзя утверждать, что японцам совершенно не хватает фантазии.

Различая фантазию как "способность создавать приятные, изящные, причудливые или странные мысленные образы или комбинировать их, не обращая внимания на рациональные процессы построения", и воображение, в его более философском использовании, как "акт конструктивного интеллекта при группировке материалов знания или мысли в новые, оригинальные и рациональные системы", мы утверждаем, не боясь успешного опровержения, что японская раса не лишена ни одной из этих важных умственных способностей.

В дополнение к предыдущим иллюстрациям провидческих и причудливых черт, пусть читатель задумается о значении комического и карикатуры в искусстве. Японские *нэцкэ* (миниатюрные резные изделия изысканного мастерства, изображающие комичных мужчин, женщин и детей) известны во всем мире. Безусловно, фантазия - наиболее яркая ментальная характеристика, проявляющаяся в этом направлении японского искусства. В японской поэзии можно найти "огромное количество более или менее симпатичных концепций", в которых также проявляется фантазия как авторов, которые писали, так и людей, которые были довольны их произведениями и сохранили их.^[АТ] Так называемая "безличная привычка японского ума", с соответствующим "отсутствием персонификации абстрактных качеств", несомненно, не позволяет японской литературе подняться до поэтических высот, достигнутых западными народами. Но этот недостаток не доказывает, что японский ум не способен на такие полеты. Как описание фактических характеристик литературы прошлого утверждение о "недостатке силы воображения", несомненно, справедливо. Но нельзя делать

вывод о врожденной природе японского ума на основании недостатков его литературы прошлого, не изучив предварительно связь между характерными чертами японского ума и характером общественного строя и социального наследия.

Есть ли у японцев явный недостаток воображения, в смысле определения, данного выше? Конструктивное воображение является творцом цивилизации. Без него невозможны не только искусство и литература, но и, как уже отмечалось, наука, философия, политика и даже практические искусства и прозаическое земледелие. Это корень изобретений, открытий, оригинальности.

Нет необходимости повторять то, что уже было сказано в предыдущих главах^[AU] о японском подражании, изобретениях, открытиях и оригинальности. И все же, принимая во внимание приведенные там факты, имеем ли мы основания считать японцев столь явным дефицитом конструктивного воображения, чтобы утверждать, что такой дефицит является фундаментальной характеристикой психической природы расы?

В качестве крайнего случая посмотрите на их подражательность. Хотя подражание считается доказательством недостатка оригинальности, а значит, и воображения, однако размышления показывают, что это зависит от природы подражания. Японское подражание не имело, за исключением, возможно, коротких периодов, той рабской природы, которая исключает работу воображения. Действительно, импульс к подражанию опирается на воображение. Если бы не эта способность представлять себе состояние блаженства или могущества, достигаемое в результате принятия той или иной черты чужой цивилизации, желание подражать не могло бы возникнуть. Более того, учитывая избирательный характер японского подражания, мы можем с полным основанием приписать этому народу не самое незначительное развитие воображения.

В качестве примера можно привести систему образования Японии. Созданная, несомненно, по окцидентальным образцам, она, тем не менее, является явно японским учреждением. Ее здания, как и методы обучения, являются типично японизированными окцидентальными школьными зданиями. Японские железные дороги и пароходы, также построенные в Японии, так же японизированы - адаптированы к нуждам и условиям народа. На наш взгляд, это, конечно, не означает никаких улучшений, но, несомненно, без такой модификации наши западные железные дороги и пароходы были бы белыми слонами, дорогими и сложными в эксплуатации.

Какова теперь социологическая интерпретация вышеизложенных фактов? Как причудливые, мечтательные и идеалистические характеристики, с одной стороны, и, с другой, прозаические, фактические и относительно невообразимые характеристики связаны с социальным порядком?

Объяснить наличие подчеркнутой мечтательности в Японии несложно. Действительно, это качество ярко выражено у потомков военных и литераторов, и этот факт дает нам ключ к разгадке. "С незапамятных времен", говоря словами японских историков, и вплоть до нынешней эпохи самураи как класс были полностью отделены от практического мира; их удобно содержали сеньоры; полностью освобожденные от необходимости трудиться ради хлеба насущного, они занимались не только войной и физической подготовкой, но и литературными достижениями, которые требовали не менее напряженных умственных усилий.

Кроме того, в классе, освобожденном от ежедневного труда, обязательно должна была возникнуть утонченная система этикета и ранговых различий. Даже несколько столетий

жизни в таких условиях привели бы к появлению большого количества нервных личностей, гиперчувствительных во многих направлениях. Эти люди, в силу самого развития их нервной конституции, стали бы социальными, если не практическими лидерами своего класса; высокодуховные, с властными идеями и интриганскими амбициями, они задавали бы моду всем своим менее нервно развитым собратьям. Освобожденные от жестких условий практической жизни, они неизбежно улетят по касательной, более или менее непрактичной, мечтательной.

Если в характере японцев эта черта выражена сильнее, чем у многих других народов, ее можно легко отнести к социальному строю, который правил этой страной "с незапамятных времен". Непрактичная дальновидность, как никакая другая из ее ментальных характеристик, может быть связана с развитием нервной организации в ущерб мышечной. Соответственно, можно сказать, что эта характеристика в большей степени присуща расе, чем многие другие, о которых уже говорилось. Однако следует помнить, что самураи составляют лишь небольшую часть народа. Согласно последним статистическим данным (1895 г.), на сегодняшний день весь класс насчитывает всего 2 050 000 человек, в то время как простых людей - более 40 000 000. Кроме того, следует помнить, что не все потомки самураев так нервно организованы. Многие из них обладают прекрасными физическими данными, не имея никаких следов ненормального нервного развития. Если старый феодальный порядок с его постоянным ношением мечей и оказанием почестей самым импульсивным, естественно, стремился выдвинуть на первый план наиболее вспыльчивых людей и поставить их в качестве образцов для подражания молодежи, то социальный порядок, царящий сейчас в Японии, направлен в другую сторону. Такие провидцы все чаще отходят на второй план. Их приближение к безумию признается и осуждается. Таким образом, даже эта черта характера, которая, казалось бы, коренится в структуре мозга и нервов, тем не менее, в большей степени подчиняется господствующему социальному порядку, чем может показаться на первый взгляд.

Его рост, как мы видели, был обусловлен этим порядком, а отказ от этих черт как идеалов и, соответственно, выдвижение на первый план более нормальных и здоровых идеалов объясняется приходом нового порядка.

Японская прозаичность может быть аналогичным образом показана в тесной связи с природой социального порядка. Деспотичный военный феодализм, держащий подавляющее большинство людей в практическом рабстве, физическом, интеллектуальном и духовном, обязательно сделает их жизнь и мысли узкими по диапазону и бездуховными по своей природе. Такая система уничтожает надежду. От восхода до заката, "нэмбяку нэндзю", "в течение ста лет и всего года", рутинные обязанности повседневной жизни были единственными психическими стимулами абсолютно необразованных масс. Без честолубия, без самоуважения, без образования или какого-либо стимула для высшей психической жизни, какого проявления высших сил разума можно было ожидать? Если бы случайно появился какой-нибудь "спорт", он не смог бы долго скрываться от меча властных самураев. Даже если первоначально люди обладали некоторой степенью воображения, то дрожащий страх перед военными мастерами, при постоянном уничтожении путем беспощадной резни более идеализирующих, менее покорных и более самоутверждающихся людей из невоенных классов, в конце концов породил бы скучный, подражательный, лишенный воображения и фактов класс, какой мы находим в потомственных рабочих и купеческих классах.

Кроме того, японская цивилизация, как и цивилизация всего Востока, с ее высокообщинным общественным строем, является выражением пассивного подчинения высшей власти. Хотя

это и неполная характеристика, но все же есть большая доля истины в том, что Восток - это выражение судьбы, а Запад - свободы. Мы видели, что более точную характеристику можно найти в терминах "община" и "личность". Восток не знает индивидуализма. Он не ценил человека, не стремился к его возвышению и свободе. Напротив, он всячески подавлял и противостоял ему. Высокое развитие индивида, выливающееся в мощную личность, было исключительным явлением, обусловленным особыми обстоятельствами. Общинный общественный строй, часто подавляющий и неизменно неспособный пробудить высшие человеческие способности, должен выразить свою реальную природу в языке, литературе и обычаях народа. Так, в главе "Эстетические особенности японской литературы"^[AV] мы видели, как высшие формы литературы зависят от развития человека и осознания его природы. Общинный общественный строй, презирующий или, по крайней мере, игнорирующий личность, не может породить высшие формы литературы или искусства, потому что он не обладает высшими формами психического развития. Уберите из западной жизни все, что опирается на принципы индивидуальной ценности, свободы и бессмертия, и сколько ценного или возвышенного останется? Отсутствие в японской литературе и языке высших форм фантазии, метафоры и олицетворения, с одной стороны, и, с другой стороны, наличие широко распространенной прозаической фактологии, таким образом, тесно связаны с общинным характером долго господствовавшего в Японии общественного строя.

Аналогичным образом, что касается конструктивного воображения, о явном отсутствии которого в Японии повсеместно заявляют иностранные критики, мы отвечаем, во-первых, что это утверждение является преувеличением, а во-вторых, что, поскольку это факт, он тесно связан с социальным порядком. В наших рассуждениях о японском интеллекте и философских способностях^[AW] мы видели, какая тесная связь существует между общественным строем, особенно выраженным в системе образования, и развитием высших умственных способностей. Теперь немного размышлений, и мы увидим, как конструктивное воображение, принадлежащее к высшим способностям, было подавлено системой механического и поверхностного образования, требуемого социальным порядком. Религия апофеозировала знания и обычаи предков, тем самым фактически осуждая любое сознательное использование этой способности. Если она и использовалась, то только под видом возрождения старых знаний или их более полного раскрытия.

Впрочем, с этим сталкивалась каждая раса на определенных этапах своего развития. В такие периоды ощущается явный недостаток мощной литературы, прогрессивной науки, глубокой философии или развивающейся политической жизни. Когда нация однажды вошла в такой социальный порядок, она становится застойной, ее дальнейшее развитие задерживается. Активность высших способностей разума приостанавливается, но не уничтожается. Нужен электрический шок от контакта и конфликта с иноземными расами, чтобы вывести расу из состояния фатального покоя и начать движение по новым линиям прогресса, требуя, под страхом смерти или, по крайней мере, расового подчинения, введения новых элементов в свой социальный порядок путем возобновления работы конструктивного воображения. Ибо без такого действия конструктивного воображения радикальное и добровольное изменение господствующего социального порядка невозможно.

Старая Япония испытала этот электрический шок, а Новая Япония стала его результатом. Таким образом, она является живым свидетелем ошибочности огульных обобщений о присущем ей недостатке конструктивного воображения.

Мы ни в коем случае не утверждаем, что японское воображение сейчас проявляется так же широко и глубоко, как у ведущих западных стран. Мы лишь утверждаем, что проявление этой способности тесно связано с характером всего общественного устройства; что при

определенных обстоятельствах эта важная способность может быть настолько подавлена, что у поверхностных наблюдателей создается впечатление ее полного отсутствия, и что с появлением новых условий, требующих нового общественного устройства, эта способность может быть вновь приведена в действие.

Неизбежным выводом из вышеизложенной линии мысли является то, что активность и проявление высших способностей настолько тесно связаны с природой социального порядка, что мы не можем приписывать расе какие-либо особые психические характеристики как ее неотъемлемую и неизменную природу. Психические характеристики расы в любой момент времени являются продуктом унаследованного социального порядка. Для преобразования этих характеристик необходимы изменения в социальном порядке, вносимые либо извне, либо через индивидов внутри расы. На этом мы завершаем наше конкретное исследование интеллектуальных особенностей японцев. Оно может показаться, как это, несомненно, и есть, весьма фрагментарным. Но мы намеренно опустили все упоминания о тех характеристиках, которые, по общему признанию, присущи японцам в сравнении с другими расами. Мы попытались рассмотреть лишь наиболее выдающиеся характеристики, по которым они, как представляется, отличаются от других рас. Мы попытались показать, что в той мере, в какой они отличаются друг от друга, это отличие обусловлено не врожденной психической природой, передающейся по органической наследственности, а природой общественного устройства, передающейся по социальной наследственности.

XXII

МОРАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ

Даже небольшого изучения истории Японии достаточно, чтобы показать, что способность к моральной дискриминации была высоко развита в определенных направлениях. В какой стране идеал и практика верности были выше? Сегодня японцы больше всего превозносят героев, которые доказали свою преданность, пожертвовав своей жизнью. Когда Масасигэ Кусуноки вел безнадежную войну за одну из ветвей разделенной в то время династии и в конце концов предпочел умереть от собственной руки, чем вынести зрелище победоносного мятежника, он, как считается, продемонстрировал наивысшее из возможных доказательств преданной верности. Его имя часто можно услышать в проповедях христианских проповедников как образец, достойный всяческой чести. Патриоты периода, непосредственно предшествовавшего эпохе Мэйдзи, известные как "киннока", некоторые из которых погибли из-за преданности делу своего тогдашнего бессильного императора, удостоились самой высокой чести, которую только может оказать нация.

Учения японцев об отношениях, которые должны существовать между родителями и детьми, а также, во множестве случаев, их реальное поведение, вряд ли можно превзойти. Мы можем утверждать, что они обладают острой нравственной способностью, однако дальнейшее изучение может заставить нас признать ее развитие и проявления несбалансированными.

Однако лучше, чем обобщения об этических идеалах Японии в прошлом и настоящем, будут фактические цитаты из ее учителей нравственности. Следующие отрывки взяты из книги "Японский философ" д-ра Джео У. Нокса, большая часть которой состоит из перевода одного

из произведений. В. Нокса, большая часть тома состоит из перевода одной из работ Муро Кюсо, который жил с 1658 по 1734 год. Именно при его жизни совершили свой подвиг знаменитые сорок семь ронинов, и Кю-со дал им имя, под которым их помнят до сих пор, - Ги-си, "Праведные самурай". Цель работы - защита конфуцианской веры и практики в интерпретации Тэй-сю, китайского философа, которого Япония с удовольствием почитала. В ней, помимо прочего, рассматриваются основополагающие принципы этики, политики и религии. Доктор Нокс оказал неоценимую услугу всем искренним западным студентам, изучающим японские этические и религиозные идеи, выпустив эту работу на английском языке.

"Путь" Неба и Земли - это "Путь" Гё и Шуня [полумифические правители древнего Китая, идеализированные Конфуцием]; "Путь" Гё и Шуня - это "Путь" Конфуция и Менция, а "Путь" Конфуция и Менция - это "Путь" Тэй-Шу. Отказавшись от Тэй-шу, мы не сможем найти Конфуция и Менция; отказавшись от Конфуция и Менция, мы не сможем найти Гё и Шуня; отказавшись от Гё и Шуня, мы не сможем найти "Путь" Неба и Земли. Не доверяйте безоглядно престарелым ученым; но это я знаю, и потому говорю. Если я скажу неправду, пусть меня немедленно накажут Небо и Земля".^[AX]

"Недавно я был поражен словами одного философа: "Путь" не приходит с Небес, - сказал он, - его придумали мудрецы. Он также не соответствует природе; это всего лишь вопрос эстетики и украшения. Из пяти отношений только супружеские являются естественными, а верность, сыновнее послушание и остальные были придуманы мудрецами и с тех пор поддерживаются их авторитетом". Несомненно, среди всех ересей с древнейших времен и до наших дней ни одна не была столь чудовищной, как эта."^[AY]

"Кудзюро, юноша пятнадцати лет, поссорившись с сыном соседа из-за игры в го, потерял самообладание, и прежде чем его успели схватить, выхватил меч и зарубил мальчика. Пока раненый мальчик находился под присмотром хирурга, Кудзюро был под стражей, но он не выказывал страха, а его слова и поступки были спокойными, нежели в его лет. Через несколько дней мальчик умер, и Кудзюро был приговорен к харакири. Накануне смерти офицеры устроили для него прощальный пир. Он спокойно написал матери письмо, торжественно попрощался с хранителем и всеми, кто был в доме, а затем сказал гостям: "Мне жаль покидать вас всех, и я хотел бы остаться и поговорить до рассвета; но я не должен быть сонным, когда завтра совершу харакири, поэтому я сразу же лягу спать. А ты оставайся и пей вино". И он отправился в свою комнату и заснул, и все были полны восхищения, слыша его храп. На следующий день он встал рано, тщательно вымылся и оделся, с совершенным спокойствием сделал все приготовления, а затем, спокойный и уравновешенный, покончил с собой. Ни один старый, тренированный, самообладающий самурай не смог бы превзойти его. Никто из тех, кто видел это, не мог говорить об этом долгие годы без слез..... Я рассказал вам это, чтобы о Кудзюро помнили. Было бы позорно, если бы забыли, что столь юный мальчик совершил такой подвиг".^[AZ]

"Мы не должны прекращать повиноваться ради изучения, и мы не должны устанавливать законы, прежде чем начнем повиноваться. В повиновении мы должны установить его Правильность и неправильность."^[BA]

"Мы учимся верности и послушанию, пока мы верны и послушны. Сегодня я знаю вчерашние недостатки, а завтра буду знать сегодняшние..... В наших занятиях мы узнаем, соответствует ли поведение праву, и таким образом продвигаемся в истине на практике."^[BB]

"Кроме нескольких исторических трудов, таких как "Санкё эга моногатари", в которых излагаются факты, в нашей литературе нет книг, достойных прочтения. По большей части это

слащавые истории о Буддах, от которых скоро устает. Но зло традиционно, длительно и не поддается исправлению. А другие книги полны похоти, о них даже не стоит упоминать, как, например, "Гэндзи моногатари", которую нельзя показывать ни женщинам, ни юношам. Такие книги ведут к пороку. Наши дворяне называют "Гэндзи моногатари" национальным достоянием, почему - не знаю, разве что потому, что они опьянены ее стилем. Это все равно что срывать весенний цветок, не помня об осенних плодах. Книга полна прелюбодеяний от начала до конца. Видя добро, мы должны стать добрыми, видя зло, мы должны порицать себя. Гэндзи-моногатари, Чоконка и Сэйсёки - это класс, мерзкий, подлый, сравнимый с книгами мудрецов, как уголь со льдом, как смрад разложения с благоуханием цветов." [BC]

"Для самурая на первом месте - праведность, затем жизнь, потом серебро и золото. Последние имеют ценность, но некоторые ставят их на место праведности. Но для самурая даже жизнь - как грязь по сравнению с праведностью. До середины средних веков обычаи были сравнительно чистыми, хотя и не совсем праведными. Коррупция появилась только в этот период правления самураев. Одна служанка в Китае заболела от удивления, увидев, как ее хозяйка с соробаном (абакусом) в руках спорит о ценах и стоимости. Так было когда-то и с самураями. Они ничего не знали о торговле, были экономны и довольны." [BD]

"Даже в дни моей юности молодые люди никогда не упоминали о цене чего-либо; и их лица краснели, если речь заходила о женщинах. Их радостью были разговоры о битвах и планах на войну. Они изучали, как следует повиноваться родителям и господам, а также обязанности самураев. Но сейчас молодые люди говорят о потерях и выгодах, о танцовщицах, блудницах и грубых удовольствиях. Это полная перемена по сравнению с тем, что было пятьдесят или шестьдесят лет назад..... Сказал Аочи своему сыну: "Есть такая вещь, как торговля. Смотри, чтобы ты ничего не знал о ней. В торговле прибыль всегда должна идти на другую сторону..... Гордиться тем, что покупаешь дорогие вещи дешево, - это удача купцов, но самураям она должна быть неведома. Пусть об этом даже не упоминается..... Самураи должны следить за своими словами и не должны говорить о скупости, трусости или похоти". [BE]

Значительный интерес для изучающего японские этические идеалы представляет тот факт, что в законах Старой Японии сочетались юридические и моральные нормы. Преданность и мораль мыслились как неразделимые понятия. Иэясу (отрекся от престола в 1605 году, умер в 1616-м), основатель сёгуната Токугава, в качестве последней воли оставил своим преемникам свод законов, в соответствии с которыми они должны были править страной. Эти законы не были обнародованы, а хранились строго для руководства правителей. Они известны как Завещание или "Достопочтенная воля" Иэясу и состоят из ста правил. Для нас будет полезно процитировать некоторые из них, которые касаются нравственных идеалов.

"Никто не должен действовать только ради удовлетворения своих желаний, но должен стремиться делать то, что может быть противоположно его желаниям, то есть проявлять самообладание, чтобы каждый был готов к тому, к чему его может призвать начальство".

"Престарелым, будь то вдовцы или вдовы, и сиротам, и лицам, не имеющим родственников, каждый должен помогать с добротой и либеральностью, ибо справедливость по отношению к этим четверым есть корень хорошего правления".

"Почитай богов [или Бога], храни чистоту сердца и будь прилежен в делах в течение всей жизни".

"Когда я был молод, я решил сражаться и наказывать всех врагов моих и моих предков, и я действительно их наказывал; но потом, глубоко поразмыслив, я пришел к выводу, что путь небес - помогать людям, а не наказывать их. Пусть мои преемники следуют этой политике, иначе они не из моей линии. В этом кроется сила нации".

"Чтобы обеспечить мир в Империи, необходимо заложить фундамент на путях святости и религии, и если люди думают, что могут быть образованными, и не будут помнить об этом, то это все равно, как если бы человек пошел в лес ловить рыбу или думал, что может добыть воду из огня. Они должны следовать путями святости".

"Япония - страна богов [или богов - "Синкоку"]. Поэтому среди нас есть и конфуцианство, и буддизм, и синтоизм, и другие секты. Если мы покидаем наших богов [или Бога], это все равно что отказаться от жалования хозяина и взять его у другого".

"Что касается танцующих женщин, проституток, публичных домов, ночной работы и всех других неподобающих занятий, то все они подобны гусеницам или саранче в стране. Хорошие люди и писатели во все времена писали против них".

"Говорят, что микадо, глядя на свой народ свысока, любит его, как мать любит своих детей. То же самое можно сказать обо мне и моем правительстве. Эта благосклонность ума называется дзин. Можно сказать, что оно состоит из пяти частей; это человечность, честность, вежливость, мудрость и истина. Мой образ правления соответствует пути небес. Это я сделал, чтобы показать, что я беспристрастен и не помогаю только своим родственникам и друзьям". ^([BF]).

Этих цитат, пожалуй, достаточно, но еще одна, принадлежащая перу одного из недавних авторов, представляет особый интерес, поскольку целью книги, из которой взята цитата, было уничтожение тенденций к одобрению западной мысли. Она была опубликована в 1857 году. Автор, Дзюндзо Охаси, считал себя свидетелем истины и праведности и, в духе исповедуемого им учения, укрепил свою веру мученическими страданиями и смертью, умерев (в августе 1868 года) от последствий неоднократных пыток за мнимое преступление, невиновность в котором он отстаивал до конца. Интересно отметить, что две его внучки, "обладавая физикой и астрономией Запада, приняли его религию".

"Запад не знает 'Ri' ^([BG]) добродетелей сердца, которые во всех людях неизменны. Он также не знает, что тело является органом добродетелей, каким бы тщательным ни был его анализ. Приверженцы западной философии действительно тщательно изучают внешние проявления, но они не имеют права присваивать себе почетное имя натурфилософии. Как при уничтожении "Ки" исчезает и "Ри", так и при анализе "Ки" они уничтожают "Ри", и таким образом это изучение сводит на нет доброжелательность, праведность, верность и истину. Среди западных людей, издревле досконально изучавших детали, я не слышал ни об одном, кто был бы ревностен к Великому Пути, к благожелательности, праведности, верности и истине и кто противостоял бы нелепостям Владыки Неба [Бога]."^([BH]) "Пусть тогда ребенок сделает своим родителем Небо; воспитатель - своего господина; жена - своего мужа; и пусть каждый отдает жизнь за праведность. Так каждый будет служить Небу. Но если мы возвысим Небо над родителем или господином, то станем думать, что можем служить ему, даже если его слушаются, и, подобно волку или тигру, будем радоваться, что убили его". К такому страшному концу ведет западное обучение."^([BI])

Приведенные выше цитаты показывают возвышенный характер идеалов, которых придерживались, по крайней мере, некоторые лидеры этической мысли в Японии. В целом моральные идеалы японцев на протяжении всего исторического периода носили ярко выраженный общинный характер. Феодалская структура общества определила своеобразие нравственного идеала. На первом месте в моральной шкале стояла верность, на втором - подчинение низших высшим, в том числе беспрекословное повиновение детей родителям, жены - мужу. Добродетели военного народа восхвалялись и часто служили славным примером. Обладание этими различными идеалами и их достижение в столь высокой степени придают нации сплоченность. Они делают народ единым целым. Феодалское воспитание под руководством местных даймё готовило людей к более широкой жизни среди народов мира, в которую они теперь вступают. Особенно чувство верности, проявляемое по отношению к императору, хорошо служит им в этот период перехода от восточных к западным социальным идеалам.

Давайте теперь рассмотрим некоторые неполноценные моральные нормы и проследим их происхождение в общественном устройстве. Возьмем, к примеру, идеал правдивости. Каждый житель Запада отмечает на сайте неправдивость японцев. Ложь произносится без малейших видимых угрызений совести; и когда виновный сталкивается с обвинением во лжи, он часто, кажется, не чувствует себя виноватым. Эту черту характера неоднократно отмечали первые участники переговоров с Японией. Таунсенд Харрис и сэр Резерфорд Алкок часто упоминали о ней. Когда мы интересуемся нравственным идеалом и фактическим обучением правдивости, мы с удивлением обнаруживаем, насколько оно было неадекватным. Однако неадекватность обучения не была первопричиной этой особенности. Существует гораздо более глубокое, но очень простое объяснение, а именно: природа общественного строя. Старый общественный строй был феодалским, а не промышленным или торговым. История показывает, что промышленные и торговые нации развивают добродетель правдивости гораздо раньше, чем военные. Ведь эти добродетели необходимы им; без них они не смогли бы долго процветать.

Таким образом, в отношении всех аспектов деловой морали следует признать, что, с точки зрения оксидента, старая Япония была очень несовершенна. Но нельзя не признать, что сейчас быстро формируются новые идеалы. Купля-продажа с целью получения прибыли, хотя и не была неизвестна в старой Японии, осуществлялась презируемой частью общества. По сравнению с современностью торговое сообщество феодалских времен было ничтожным и мелким. Давайте несколько подробнее остановимся на отношении самураев к торговцам в старые времена и на идеалах, которые они демонстрируют.

Занятие бизнесом считалось неизбежно унижительным, ведь тот, кто имел дело с деньгами, должен был быть жадным. Получение прибыли считалось делом неблагородным, а то и лживым. Тех, кто снисходил до такого занятия, соответственно, презирали и приговаривали к самому низкому месту в социальной шкале. Эти идеи, несомненно, способствовали тому, что бизнес стал унижительным; торговцы, несомненно, были подлыми, жадными и лживыми. В присутствии самурая они должны были принимать самые унижительные позы. Обращаясь к нему, они не должны были стоять, а должны были касаться лбом земли; разговаривая с ним, они должны были оставаться с руками на земле. Даже дети самураев всегда принимали повелительное отношение к торговцам. Сыновья торговцев не должны были вступать в ссору с сыновьями самураев, потому что вооруженные дети самураев были вправе зарубить и убить детей презренного торговца, если они оскорбят их или даже выступят против них.

Однако все это кануло в Лету. Коммерция теперь в почете; торговля и производство признаны не только похвальными, но и единственной надеждой Японии на будущее. Новый

общественный строй - промышленный и торговый. Все бывшие самураи, теперь уже не сохранившие своего отличительного имени, занимаются тем или иным видом бизнеса. Сегодня Япония - это нация торговцев и фермеров. Вместе с изменениями в общественном строе формулируются и соблюдаются новые стандарты честности и деловой порядочности.^[BJ]

XXIII

МОРАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ

(Продолжение)

Обыватель неизменно испытывает изумление, узнав, что в старой Японии человек как таковой не имел никакой ценности. Объяснение этому кроется главным образом в том, что социальный порядок не опирался на врожденную ценность человека. Как и во всех первобытных странах и временах, индивид был ничем по сравнению с семьей и племенем. С течением времени этот принцип приобрел форму высшей ценности высших классов общества. Отсюда возникла свобода, позволявшая самураям хладнокровно зарубить нищего, торговца или крестьянина при малейшей провокации или просто для того, чтобы испытать свой меч.

Японская социальная и религиозная философия еще не открыла, что человек бесконечно ценен сам по себе, вне зависимости от его положения в обществе. Как мы уже видели, отсутствие этой идеи в японской цивилизации привело к различным серьезным последствиям, одним из которых является частота убийств и самоубийств.

Другое, и это одно из самых ярких различий между моральными идеалами Востока и Запада, - низкая оценка врожденной природы и ценности женщины, которой определялось ее социальное положение и моральные отношения между полами. Япония, похоже, несколько пострадала в этом отношении от принятия индуистской философии. Ведь историки, похоже, единодушны в том, что в первобытные времена в Японии преобладала гораздо большая свобода, а следовательно, и гораздо большее уважение к женщине, чем в более поздние века, когда буддизм стал влиятельным. Однако что касается более раннего периода, более тысячи лет назад, то рассуждать об этом бесполезно. Однако я не могу отделаться от ощущения, что тогдашнее положение женщины было неосознанно идеализировано, чтобы лучше показать ее в сравнении с обычаями западных стран. Как бы то ни было, представления и идеалы, представленные буддизмом в отношении женщины, ясны и явно унизительны. Она - источник искушения и греха; она по сути своей уступает мужчине во всех отношениях. Прежде чем она сможет надеяться войти в нирвану, она должна родиться заново, как мужчина. Насколько широко эти крайние взгляды на женщину были приняты в Японии, я не могу судить. Однако мне кажется, что они никогда не получали здесь такого полного признания, как в Индии. Тем не менее, как уже было показано,^[BK] идеалы того, что должна делать и чем должна быть женщина, дают понять, что ее социальное положение на протяжении веков было относительно низким; как жена она скорее домашняя хозяйка, чем помощница. Три послушания - родителям, мужу, сыну - представляют собой идеал, хотя, без сомнения, строгое соблюдение третьего - послушания сыну после того, как он становится главой семьи, - встречается сравнительно редко.

Что особенно бросается в глаза жителю Западной Европы, так это незначительное количество социальных контактов, которые преобладают в наши дни между мужчинами и женщинами. Если женщины и участвуют в светских развлечениях мужчин, то в качестве профессиональных певиц и танцовщиц, будучи всего лишь девушками и незамужними молодыми женщинами; это общение почти неизменно сопровождается винопитием, даже если оно не переходит в дальнейшую разнузданность. В Японии часто можно услышать утверждение, что женщина - это игрушка мужчины. Не только конфуцианская, но и буддистская этика должна нести ответственность за то, что женщина оказалась на столь низком уровне. Конкубинат, возможно, завезенный из Китая, был, безусловно, одобрен китайской классикой.

В "Лей-ки" императору разрешается иметь, помимо императрицы, трех супруг, девять служанок высокого ранга, и двадцать семь служанок низшего ранга, которые считаются женами, и, кроме них, еще восемьдесят одну женщину, называемую наложницей. Наложничество и многоженство, получив одобрение классиков, стали устоявшимся обычаем в Японии.

Объяснение этому идеалу и практике искать далеко не надо. Оно кроется в общинном характере общественного устройства. Семья была социальной ячейкой Японии. Ни один из ее членов не представлял ценности, кроме законного главы и представителя - отца. Ярким доказательством правильности этого объяснения является тот факт, что даже сын подчиняется отцу, если тот стал "ин кио", ^[BL] то есть отрекся от престола; тогда сын становится авторитетным главой. Идеалы в отношении женщины тогда не были уникальными, они были частью социального порядка и определялись принципом "общинности", не регулируемым принципом "индивидуализма". Идеалы, касающиеся мужчины и женщины, были затронуты в равной степени. Пока мужчина ценится не как человек, а исключительно в соответствии со своим случайным положением в обществе, женщина должна рассматриваться так же. Ее ценят в первую очередь как создательницу потомства, во вторую - как домашнюю хозяйку. И когда преобладают такие представления о ее природе и функции в обществе, то неизбежными последствиями становятся порочные идеалы нравственности в более узком смысле этого слова, ведущие к наложничеству, легким разводам и общей распущенности нравов, оправдывающие их.

Но этот нравственный или безнравственный идеал отнюдь не свойственен Японии. Особенность Японии и всего Востока заключается в том, что общественный строй, способствовавший его распространению, просуществовал так долго, прежде чем возникли силы, способные его изменить. Но, как будет показано далее, ^[BM] великой проблемой человеческой эволюции, после обеспечения преимуществ "общинности" и укрепления нации, является внедрение принципа индивидуализма в социальный порядок. На Востоке принцип общинности получил такое распространение, что фактически препятствует внедрению этого нового принципа. На мой взгляд, нет никакой вероятности, что Япония, сохраняя свою изоляцию, когда-либо смогла бы внести какие-либо радикальные изменения в свой социальный порядок; ее общинность была слишком абсолютной. Она нуждалась в новом стимуле извне. Провиденциально, что этот стимул исходил от англосаксонской расы, с ее ярко выраженным принципом "индивидуализма", так полно воплощенным в общественном устройстве, литературе и правительстве. Если бы Россия или Турция оказали ведущее влияние на Японию в ее новой карьере, более чем сомнительно, что она получила бы принципы, необходимые для ее здорового морального развития.

Справедливость по отношению к действительным идеалам и жизни старой Японии не позволяет мне оставить без дальнейшего внимания то, что было сказано выше относительно идеалов нравственности в более узком значении этого слова. Предписания о том, что женщины должны быть абсолютно целомудренными, были частыми и строгими. Ничего большего нельзя было требовать от явного учения на эту тему. Более того, после долгих поисков я убедился, что в старой Японии во внутренних городах и деревнях, вдали от центров роскоши и проторенных дорог, царила чистота нравственной жизни, которая вряд ли где-либо превзойдена. Меня неоднократно уверяли, что если было известно, что юноша любого пола нарушил закон целомудрия, его сразу же подвергали остракизму; и, следовательно, такие проступки были крайне редки. Несомненным фактом является то, что в подавляющем большинстве внутренних городов до недавнего времени никогда не было лицензированных домов проституции. В последнее время заметно увеличилось количество танцующих и поющих девушек, о которых принято говорить, что они являются "тайными проститутками". Сегодня их можно встретить почти в каждом городе и деревне, где бы ни находилась гостиница. Как публичная, так и тайная проституция чрезвычайно возросла за последние тридцать-сорок лет.^[BN]

Благодаря целеустремленной энергии мистера Мерфи, ужасающее узаконенное и безнадежное рабство, в котором находятся эти два класса девушек, наконец-то становится явным. Он показал на нескольких примерах, что хотя национальные законы хороши на вид, они бессильны, поскольку отменяются местными полицейскими постановлениями, над которыми бессильны суды! В сентябре 1900 года, однако, в значительной степени благодаря, несомненно, обнародованным им фактам, поддержанным публичной прессой и такими лидерами прогрессивных элементов Японии, как Симада Сабур, полицейские правила были изменены, причем с поразительными результатами. Если до этой даты среднемесячное число самоубийств среди публичных проституток составляло от сорока до пятидесяти, то за два месяца - сентябрь и октябрь - не было ни одного! За этот же период из примерно пяти тысяч проституток в городе Токио 492 сбежали из своих борделей и заявили о своем намерении бросить "позорное дело", как его называют японские законы, и в результате один из известных борделей был вынужден прекратить свою деятельность! В момент написания этих строк мы находимся лишь в первой фазе этой новой реформы, поэтому не можем сказать, до какого конца дойдет все движение. Но совесть нации начинает пробуждаться в этом вопросе, и мы уверены, что она никогда не смирится со старым рабством прошлого, которое обеспечивалось местными законами, местными судами, так что девушек всегда держали в долгах, а когда бежали, их хватали и заставляли вернуться в бордели, чтобы заплатить долги!

Но в противовес несомненному идеалу старой Японии в отношении целомудрия женщин, следует отметить столь же несомненный факт, что мудрецы очень мало говорят на тему целомудрия для мужчин. Действительно, в японском языке нет слова, соответствующего нашему термину "целомудрие", которое можно было бы в равной степени применить и к мужчинам, и к женщинам. В своем томе, озаглавленном "Кокоро", мистер Хирн обвиняет миссионеров в утверждении, что в японском языке нет слова "целомудрие". "Это, - говорит он, - верно в том же смысле, в каком мы можем сказать, что в английском языке нет слова "целомудрие", потому что такие слова, как honor, virtue, purity, chastity, были заимствованы в английский из других языков".^[BO] Сомневаюсь, что какой-либо миссионер делал подобное заявление. Его дальнейшее утверждение, что "наиболее часто используемое слово относится к обоим полам", имело бы большую силу, если бы мистер Хирн указал, что это за слово. Его английское определение термина не позволило мне найти японский эквивалент, хотя я обсуждал этот вопрос с несколькими японцами. Они единодушно признают, что

японский язык имеет недостатки в терминологии на эту тему: слово, с помощью которого можно увещевать женщину быть целомудренной, неприменимо к мужчине. Утверждение миссионеров не имеет никакого отношения к вопросу о том, являются ли используемые термины чисто японскими или заимствованными китайско-японскими; оно также не имеет никакого отношения к тому факту, что в реальном языке не хватает абстрактных терминов. Просто термин, применимый к женщине, не применим к мужчине. А это, в свою очередь, доказывает резкие контрасты между идеалами, касающимися моральных обязанностей мужчин и женщин.

Интересным моментом в японском нравственном идеале является тот факт, что принцип сыновнего послушания был доведен до таких крайностей, что даже проституция по приказу родителей или для их поддержки не только допускалась, но и при особых условиях высоко ценилась. Современная проституция стала возможной главным образом благодаря действию этого верного принципа. Хотя продажа дочерей для аморальных целей теоретически незаконна, на деле она часто встречается.

Хотя Конфуций напрямую не учил наложничеству, оно никогда не было им запрещено, а вожди и правители страны придали этому обычаю авторитет и оправдание своим примером. Как мы уже видели, у ныне правящего императора есть несколько наложниц, и все его дети - потомство этих наложниц. Таким образом, в старой Японии существовали два отдельных идеала морали для двух полов.

Возникает вопрос, как социальный порядок, требующий такой верности со стороны женщины, мог допускать такую распущенность со стороны мужчины, женатого или нет. Как один и тот же социальный порядок мог породить два нравственных идеала? Ответ следует искать в нескольких фактах. Во-первых, каждому мужу присуще желание быть единственным обладателем привязанности своей жены. Будучи более сильным из двух, он навлечет разрушение на неверную жену, а также на любого, кто посмеет вторгнуться в его дом. Хотя женщина, несомненно, имеет такое же желание быть единственной обладательницей привязанности своего мужа, она не имеет такой же власти, чтобы нанести вред сопернице или наказать своего неверного мужа. Кроме того, разнузданность женщины оказывает гораздо более заметное разрушительное воздействие на ее детородные функции, чем такая же разнузданность мужчины. Это также послужит основанием для возникновения и поддержания различных этических стандартов для двух полов. Наконец, не менее действенным, чем два предыдущих, является тот факт, что в общем общественном сознании существовали разные представления о социальном положении мужчины и женщины. Один был хозяином семьи, господином и повелителем; ему принадлежала свобода поступать по своему усмотрению. Другая была разновидностью собственности, ни в коем случае не свободной угождать себе, а лишь делать то, что требовал ее господин и хозяин.

Иллюстрация первой причины, приведенной выше, стала известна мне совсем недавно. Преподобный Джон Т. Гулик видел в Канагаве в 1862 году человека, который шел по улицам с окровавленными головами мужчины и женщины, которые, как он объявил, принадлежали его жене и ее соблазнителю, которых он поймал и убил в момент прелюбодеяния. Этот поступок мужа полностью соответствовал обычаям и идеалам того времени и нередко фигурирует в романах старой Японии.

Новый Гражданский кодекс, принятый в 1898 году, представляет собой авторитетное изложение многих нравственных идеалов Новой Японии. За нижеследующее резюме я обязан *Japan Mail*.^[BP] В отношении брака примечательно, что "запрещенные степени родства те же, что и в Англии" - включая сестру покойной жены. "Минимальный возраст для

вступления в законный брак составляет семнадцать лет для мужчины и пятнадцать лет для женщины, и брак вступает в силу после уведомления регистратора, являясь, таким образом, чисто гражданским договором. Что касается развода, то предусмотрено, что муж и жена могут развестись по взаимному согласию, и его юридическое признание осуществляется в форме записи в ЗАГСе без необходимости обращения в судебные органы. Однако в случае отсутствия взаимного согласия необходимо подавать иск о разводе, и здесь, как представляется, права женщины не получают такого же признания, как права мужчины. Так, хотя прелюбодеяние, совершенное женой, является веским основанием для развода, мы не находим, что прелюбодеяние со стороны мужа дает право на развод со стороны жены. Жестокое обращение или грубое оскорбление, делающее совместную жизнь невозможной, или дезертирство являются основанием для развода с точки зрения жены". Английский рецензент добавляет, что "поскольку никакое обращение не может быть хуже и никакое оскорбление не может быть грубее, чем открытое непостоянство мужа, можно предположить, что судья может посчитать, что такое поведение делает совместную жизнь невозможной. Но при наличии четкого положения об измене жены и при отсутствии такового в отношении мужа мы сомневаемся, что какой-либо суд проявит благоразумие в пользу женщины". Грубое "оскорбление непостоянством" со стороны мужа - это обвинение, которое еще никогда не признавалось японским обществом. Рецензент продолжает: "Невозможно не пожелать, чтобы своеобразный моральный кодекс, которому следуют мужья в этой стране, был осужден создателями нового кодекса. Далее говорится, что "лицо, разведенное в судебном порядке или наказанное за прелюбодеяние, не может вступать в брак с другой стороной прелюбодеяния". Если бы это распространялось и на мужа, это было бы прекрасным положением, хорошо рассчитанным на исправление одного из худших социальных злоупотреблений в этой стране. К сожалению, как мы уже видели, это положение распространяется только на жену". Положение о разводе по "взаимному согласию" поразительно и зловеще. Оно делает развод делом исключительно частной договоренности, если только одна из сторон не возражает. В стране, где женщины так послушны, разве может жена отказаться дать согласие на развод, когда ее господин и повелитель просит или приказывает ей покинуть его дом? "В Японии не так много женщин, которые могли бы отказаться от участия в соглашении "по взаимному согласию", если бы были убеждены, что потеряли расположение мужа и что он не может жить с ними комфортно". Как видно, в Кодексе ничего не говорится о наложничестве, ни разрешающем, ни запрещающем его. Предположительно, мужчина может иметь только одну законную жену, а дети от наложниц должны быть зарегистрированы как незаконнорожденные. Однако на этот счет ничего не сказано, хотя предусмотрено публичное признание незаконнорожденных детей. "Таким образом, отец может признать естественного ребенка, сделав так называемое "сёси", и если после признания отец и мать вступают в брак, "сёси" приобретает статус законного ребенка, причем этот статус отсчитывается, по-видимому, с момента рождения". Очевидно, это положение основывается на предположении, что мать - незамужняя женщина, предположительно наложница.

Последние статистические данные бросают довольно мрачный свет на эти положения Кодекса. Императорский кабинет уже несколько лет публикует на французском и японском языках резюме национальной статистики. На этом этапе можно привести данные, касающиеся браков и разводов, которые содержатся в томе, изданном в 1897 году.

БРАКИ

РАЗВОДЫ

ЗАКОННЫЕ
РОЖДЕНИЕ

НЕЛЕГИТИМНЫЕ

1890	325,141	109,088	1,079,121	66,253
1891	325,651	112,411	1,033,653	64,122
1892	349,489	133,498	1,134,665	72,369
1893	358,398	116,775	1,105,119	73,677
1894	361,319	114,436	1,132,897	76,407
1895	365,633	110,838	1,166,254	80,168
1897	395,207	124,075	1,335,125	89 996 ^[BQ]

Эта авторитетная статистика показывает, что разводы - обычная часть японской семейной системы, каждый третий брак оказывается неудачным.

В моральном плане слабым местом Японии являются отношения между полами, как до, так и после брака. Строгая моногамия с равенством обязанностей мужа и жены - вот лекарство от этой болезни.

Этот небольшой обзор положений нового кодекса, касающихся чистоты домашнего очага и развития благородных мужских и женских качеств, показывает, что кодекс очень несовершенен. Он практически признает и узаконивает нынешнюю порочную практику общества и не делает никаких попыток установить более высокие идеалы. Стоит ли ожидать чего-то большего от Кодекса, составленного в нынешних условиях, - вопрос, конечно, открытый. Но Кодекс показывает поразительно низкое состояние моральных стандартов для дома - одну из жизненно важных слабостей Новой Японии. Однако недостатки нового кодекса в отношении только что рассмотренных вопросов следует объяснять не тем, что он не воплощает в себе окцидентальные моральные нормы, а скорее тем, что он не признает реальную природу общественного устройства Новой Японии. Если во всех остальных вопросах Кодекс признает принцип индивидуализма, права и достоинства личности, то в отношении дома, важнейшей социальной единицы в политическом теле, Кодекс узаконивает и закрепляет старые нормы, существовавшие до Мэйдзи. Индивидуализм в общем социальном порядке требует его последовательного признания в каждой части.

Мы не можем завершить обсуждение японских представлений о женщине и, как следствие, морали, , не упомянув о значительных изменениях, которые происходят сегодня. Хотя новый Гражданский кодекс не сделал всего того, о чем мы могли бы попросить, мы бы не стали игнорировать то, что он обеспечил. Профессор Губбинс в прекрасном предисловии к своему переводу Кодекса говорит следующее:

"Ни в одном отношении современный прогресс в Японии не добился больших успехов, чем в улучшении положения женщины. Хотя она все еще страдает от некоторых ограничений, женщина теперь может стать главой семьи и пользоваться властью как таковой; она может наследовать и владеть имуществом и сама управлять им; она может осуществлять родительские права; если она не замужем или вдова, она может усыновить ребенка; она является одной из сторон усыновления, осуществляемого ее мужем, и ее согласие, помимо согласия мужа, необходимо для усыновления ребенка другим лицом; она может выступать в качестве опекуна или попечителя, и она имеет право голоса в семейных советах." По всем этим пунктам Кодекс знаменует собой большой прогресс и показывает, насколько беспомощным в правовом отношении было положение женщины до 1898 года. Но в некоторых вопросах практика опережает теорию. Мы хотели бы обратить особое внимание

на возвышенное положение и почести, публично оказываемые императрице. Не раз в истории она появлялась рядом с императором, что было неизвестно в старой Японии. Императорская серебряная свадьба (1892) стала великим событием, не имеющим аналогов в летописи Востока. Были выпущены памятные почтовые марки, которые впервые использовались в этот знаменательный день.

Свадьба императорского принца (в мае 1900 года) также стала событием уникальной важности в социальной и нравственной истории Японии. Никогда прежде, за 2600 лет, утверждают ее историки, наследник престола не удостоивался публичной свадьбы. Церемония была подготовлена *de novo* для этого случая, а обещания были взаимными. На последовавшем за этим приеме императорская невеста стояла рядом со своим императорским мужем. По этому случаю также были выпущены памятные почтовые марки, которые впервые использовались в этот знаменательный день; вся страна была блестяще украшена флагами и фонарями. По всей стране проходили бесчисленные поздравительные собрания, тысячи подарков, писем и телеграфных сообщений выражали радость и добрую волю народа.

Но главное значение этих событий заключается в новом, возвышенном положении, которое заняли женщина и брак среди высших лиц страны. Некоторые утверждают, что правящий император станет последним, кто будет иметь наложниц. Как бы то ни было, женщина уже достигла ранга, а брак - чести, неизвестной ни в одну из прежних эпох Японии, и все еще совершенно неизвестной ни в одной из восточных стран, кроме Японии.

При серьезном изучении японской морали нельзя не заметить, какую роль в ней играют буддизм и конфуцианство. Контраст настолько заметен. В то время как конфуцианство посвятило свои силы привитию правильного поведения, морали в отличие от религии, буддизм посвятил свои силы развитию культа, уделяя мало внимания морали. Недавний японский критик буддизма замечает, что "хотя буддизм известен в мире совершенством своей этической системы, на японском языке не существует ни одного трактата, в котором бы излагались отличительные черты буддийской этики". Буддийская литература в основном занята мифологией, метафизикой и эсхатологией, а этические наставления вплетены в нее случайно. Только что процитированный критик утверждает, что насущная потребность времени состоит в том, чтобы буддийская этика была отделена от буддийской мифологии. Великие моралисты Японии были конфуцианцами. Японская мораль черпала свой импульс из конфуцианской классики. Однако среди буддийских священников царит новый дух. Их проповеди становятся все более этическими. Простые люди говорят, что проповеди, звучащие в некоторых храмах, идентичны христианским. Насколько широко распространилось это подражание христианской проповеди, я сказать не могу; но то, что христианство в какой-то степени имитируется, очень важно как с этической, так и с социологической точки зрения.

Буддизм, однако, не одинок в подражании христианству. Несколько лет назад доктор Д. К. Грин посетил проповеднические службы современной синтоистской секты "Тен-Ри-Кё", Учения Небесного Разума, и был удивлен, услышав почти дословные цитаты из "Нагорной проповеди"; источник этих настроений и доктрин не был указан и, скорее всего, не был известен оратору. Доктор Грин, который тщательно изучил эту секту, уверен, что настойчивые требования ее учителей к нравственному поведению являются общими и подлинными. Когда в 1895 году я посетил их штаб-квартиру недалеко от Нары и поинтересовался у одного из священников, какие основные моменты важны в их учении, мне сказали, что больше всего подчеркивается необходимость вести благородную и правильную жизнь. Есть основания полагать, что секта Курозуми синтоизма с ее акцентом на

нравственности в значительной степени обязана христианству как своим происхождением, так и своим учением.

Очевидно, что христианство оказывает влияние в Японии, выходящее далеко за пределы рядов исповедующих его верующих. Оно служит стимулом для более древних верований, пробуждая в них такую серьезность в преподавании морали, какой они никогда не знали в прежние времена. Интересно отметить, что этот повсеместный акцент на этических истинах происходит в то время, когда мораль переживает широкий крах.

Важным моментом для социолога, изучающего японские нравственные идеалы, является тот факт, что ее моралисты обращали свое внимание главным образом на поведение правителей. Идеалом поведения, как они заявляют, является самурай. Если какой-либо поступок одобряется, то говорится, что он становится самурайским; если осуждается, то на том основании, что он не является самурайским. Все, что плохо или вульгарно, считается тем, что можно ожидать от обычного человека. Все понятия высшей морали, такие как праведность, долг, благожелательность, объясняются с точки зрения самурая, то есть с точки зрения верности. Сорок семь ронинов были названы "праведными самураями", потому что они отомстили за смерть своего господина, хотя при этом совершили поступки, которые сами по себе были бы осуждены. Японская история и литература провозглашают тот же идеал. Они посвящены исключительно деяниям высшего сословия - придворных и самураев. Действительное положение простого народа в древние времена - вопрос, который нелегко определить. Нравственность людей была скорее вопросом неразумного обычая, чем теории и наставлений. Но эти факты поддаются интерпретации, если помнить, что историка и моралиста интересовало не человечество как таковое, а внешние черты общественного устройства. Их взор был устремлен на избранных, на дворянство, двор и самураев.

Завершая разговор о японских нравственных идеалах, не лишним будет приложить к нему императорский указ о нравственном воспитании молодежи Японии, изданный императором 31 ноября 1890 года. Предполагается, что он представляет собой дистиллированную сущность синтоистского и конфуцианского учения. На сегодняшний день это единственное авторитетное учение о нравственности, которое преподается в государственных школах. Его читают с большим почтением, чем Библию в Англии или Америке. Она считается святой и вдохновенной.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ЭДИКТ О НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ

"Мы почитаем, что Основатель Империи Нашей и Предки Императорского Дома Нашего положили основание отечеству на великом и постоянном основании, и утвердили власть свою на началах глубокой гуманности и благотворения.

"То, что подданные Наши во все века заслуживали благоволение государства своею верностью и благочестием, и слаженным сотрудничеством, соответствует существенному характеру Нашего народа; и на сих же началах основано образование Наше.

"Итак, вы, наши подданные, будьте сыновними по отношению к своим родителям, нежными к своим братьям, гармоничными мужьями и женами, верными своим друзьям, ведите себя пристойно и аккуратно, проявляйте щедрость и благожелательность к своим ближним, занимайтесь учебой и следуйте своим занятиям, развивайте свой интеллект и возвышайте свою нравственность; содействовать общественным благам и общественным интересам;

быть всегда в добром соблюдении законов и конституции страны; проявлять личное мужество и общественный дух во имя страны, когда это потребуется; и таким образом поддерживать Императорскую прерогативу, которая сопредельна с Небом и Землей.

"Такое поведение ваше не только укрепит характер добрых и верных подданных Наших, но и послужит к поддержанию славы достойных предков ваших".

"Таково наставление, завещанное Нашими предками, которому должны следовать Наши подданные; ибо это истина, которая руководила и руководит ими в их собственных делах и в их отношениях с чужеземцами".

"Поэтому Мы надеемся, что Мы и Наши подданные будем относиться к этим священным предписаниям с одним и тем же сердцем, чтобы достичь одних и тех же целей."

XXIV

НРАВСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Одной из заметных особенностей японцев является публичность жизни отдельного человека. Кажется, что он не испытывает потребности в уединении. Дома построены таким образом, что уединиться практически невозможно. Небольшие бумажные сёдзи и фусума между маленькими комнатами служат лишь для того, чтобы частично отгородиться от посторонних глаз; они не дают никакой защиты от подслушивающих ушей. Более того, дома представителей среднего и низшего классов выходят на общественные улицы, и прохожий может увидеть многое из того, что делается внутри. Даже желание уединиться, кажется, отсутствует. Уже отмечалась публичность частных (?) бань и санитарных удобств, которые в Окцидентале полностью скрыты от глаз.

Однажды я проезжал через деревню и был несказанно удивлен, увидев на дороге две или три ванны, в каждой из которых сидел один или несколько человек; среди них были не только дети, но и мужчины, и женщины. Остановившись у дома одного джентльмена на Кюсю, с которым у меня были кое-какие дела, и не заметив его у входа, я обошел дом сбоку и обнаружил, что хозяйка дома принимает ванну вместе со своими детьми в ванне, стоящей у входа, а в нескольких шагах от нее слуга рубит дрова.

Интересным фактом является естественное безразличие японцев к обнажению неодетого тела. На Западе такое безразличие справедливо считается нескромным. Однако в Японии нескромность полностью зависит от намерений сердца и не проистекает из случайности момента или необходимости случая. Несколько лет назад вместе с одним миссионером я побывал на знаменитых горячих источниках у подножия горы Асе, дымящегося кратера на Кюсю. Само место очень очаровательно, оно расположено в центре старого кратера, который, как говорят, является самым большим в мире. Утомленные долгой прогулкой, мы с радостью обнаружили, что одна из общественных ванн или резервуаров размером пятнадцать на тридцать футов, расположенная в отдельной от других домов купальне, совершенно не занята; на наш вопрос нам ответили, что в это время дня купающихся мало, так что мы можем зайти туда, не опасаясь помех. Похоже, что в таких местах ярусы с одеждой по обе стороны от двери предназначены для мужчин и женщин соответственно. Не зная об этом обычае, мы положили свою одежду в ящики по левую руку и так быстро, как только

могли приспособиться к жару воды, забрались в большой резервуар. Едва мы вошли, как в купальню вошла компания из шести или восьми мужчин и женщин; они сразу же заметили нашу оплошность, но без малейшего колебания женщины, как и мужчины, перешли на мужскую сторону и стали раздеваться и забираться в бак вместе с нами, не подавая виду, что что-то не так. Насколько я мог судить, во всем происходящем не было ни малейшего самосознания. В баке, несмотря на то что женщины обычно занимают левую сторону, в этот раз они свободно смешались с мужчинами. Я полагаю, что в Англии или Америке невозможно представить себе такое состояние бессознательности. Однако в Японии оно кажется универсальным. Это, несомненно, объясняется обычаем, который практикуется с младенчества, не только публичного купания, но и столь безоговорочного совместного проживания. Летняя жара и характер одежды японцев, которая так легко сбрасывается, приучили их к большему или меньшему обнажению лица. Все эти обычаи помешали развитию чувства скромности, соответствующего тому, что развилось на Западе. Способствует ли такая близость полов чистоте жизни или нет - это совершенно другой вопрос, в который я здесь не вдаюсь.

В этой связи я не могу сделать ничего лучшего, чем привести слова одного популярного и во многих отношениях заслуженно популярного писателя о Японии. Мистер Хирн говорит: "В Японии практически не существует частной жизни любого рода. Среди людей, действительно, не существует того, что мы называем уединением в Западной Европе. Есть только бумажные стены, разделяющие жизни людей; есть только раздвижные ширмы вместо дверей; нет ни замков, ни засовов, которые можно было бы использовать днем; и когда позволяет погода, фасады и, возможно, даже боковые стороны домов буквально снимаются, и их внутренняя часть широко открывается для воздуха, света и всеобщего обозрения. В гостинице или даже в обычном жилом доме никто не стучится, прежде чем войти в комнату; стучать нечем, разве что сёдзи или фусума, которые невозможно разбить. И в этом мире бумажных стен и солнечного света никто не боится и не стыдится своего товарища или товарища женщины. Все, что делается, делается на публике. Ваши личные привычки, ваши идиосинкразии (если они у вас есть), ваши недостатки, ваши симпатии и антипатии, ваши любовь и ненависть должны быть известны всем. Ни пороки, ни добродетели невозможно скрыть, их просто некуда прятать..... Для простых миллионов людей, по крайней мере, никогда не существовало даже мысли о том, чтобы жить незамеченным". В японском языке нет термина "уединение", и нелегко донести эту мысль до того, кто не знает английского слова. У них нет термина и четкой идеи, потому что им не хватает практики.

Эти факты неопровержимо доказывают, что японский индивид все еще остается стайным существом, и этот факт проливает свет на моральную жизнь народа. Из этого с необходимостью следует, что индивид будет в большей степени соответствовать моральным нормам общества, чем человек, живущий в сильном сегрегационном сообществе.

Обратной стороной этого принципа является то, что в сообществе, где индивиды в значительной степени сегрегированы, пользуются уединением и, следовательно, свободой действий, отклонения от моральных норм будут частыми, а положительные проступки - нередкими. В первом случае, когда царит "общинность", моральное действие происходит, так сказать, автоматически; оно не требует особого волеизъявления индивида, чтобы поступать правильно; соответствие стандарту спонтанно. В последнем случае, однако, когда "индивидуализм" является ведущей характеристикой сообщества, принятие моральных норм обычно требует определенного акта индивидуальной воли.

История Японии является наглядной иллюстрацией этого принципа. Рост безнравственности и преступности в последнее время признается всеми. Обычно это объясняется тем, что в

прежние времена любое незначительное преступление каралось смертью, и таким образом преступный класс постоянно истреблялся. В наши дни грабитель может заниматься своим ремеслом непрерывно, хотя и прерывается частыми перерывами между тюремными заключениями. В прежние времена, пойманный однажды, он уже никогда не мог украсть, разве что в стране теней. Хотя это объяснение имеет определенную силу, оно не покрывает всей проблемы. Лучшим объяснением современного роста беззакония является изменение самого общественного строя. Новый порядок предоставляет каждому человеку более широкую свободу индивидуальных действий. Он волен выбирать себе профессию и место жительства. Раньше они определялись случайностью его рождения. Его свобода стала больше, а вместе с ней и соблазны.

Кроме того, меняются сами нормы поведения. Некоторые поступки, совершение которых пятьдесят лет назад принесло бы похвалу и честь, такие как, например, "катаки-учи", месть, сегодня вскоре приведут человека за тюремные двери. Одним словом, "индивидуализм" начинает оказывать сильное влияние на поведение; он еще не достиг того господства, которого добился на Западе, но, тем не менее, он распространяется по стране. Особенно сильно его влияние на молодежь. Пользуясь свободой, которую она предоставляет, многие формы безнравственности, похоже, растут. Насколько я могу судить по результатам опроса, произошел большой крах не только в области честности, но и в вопросах сексуальной морали. Вряд ли стоит догматически утверждать, что национальные стандарты морали были снижены, но то, что сила общества в обеспечении соблюдения этих стандартов внезапно сошла на нет в результате изменения социального порядка, не вызывает сомнений. Западная мысль и практика в отношении структуры общества и свободы индивида были подчеркнуты; Спенсер, Милль и Хаксли широко читались образованными классами. ^[BR]

Кроме того, свобода и легкость передвижения, возможность менять место жительства по своему усмотрению, а значит, и возможность избежать неприятных ограничений, имеют немалое отношение к этому падению нравов. Десятки тысяч студентов высших школ находятся вдали от дома и полностью лишены той поддержки, которую дает дом. Кроме того, среди простого народа наблюдается такое богатство, которое никогда не было известно в прежние времена. Раньше обладание средствами ограничивалось относительно небольшим числом семей. Сегодня мы видим всеобщее процветание и, как следствие, склонность к роскоши, которая была неизвестна ни в один из прежних периодов.

Для конкретности отметим, что в феодальные времена насчитывалось около 270 даймё, живших в максимальной роскоши. Около 1 500 000 самураев зависели от них в качестве поданных, а 30 000 000 человек содержали этих сынов роскоши. В 1863 году крестьяне Японии собрали 30 000 000 коку риса и 22 000 000 из них заплатили правительству в качестве налогов. Если бы сегодня фермеры облагались по той же ставке, то им пришлось бы заплатить 280 000 000 иен, в то время как на самом деле они платят всего 38 000 000 иен. "Образ жизни фермера радикально изменился. Теперь он живет в достатке и комфорте, носит шелк там, где раньше едва мог позволить себе хлопок, и ест рис почти ежедневно, тогда как раньше он едва знал его вкус". ^[BS]

В газете "*Japan Mail*" говорится, что если тридцать лет назад "только один человек из десяти мог позволить себе рис, а девять довольствовались тем, что жили от года до года одним лишь ячменем или ячменем, смешанным с небольшим количеством риса, то сегодня шесть человек из десяти считают тяжким трудом, если не могут сесть за квадратный стол с рисом ежедневно..... Рис больше не является роскошью для массы людей, а стал необходимостью".

Таким образом, в финансовом отношении фермеры и средний класс сегодня находятся в несравненно лучшем положении, чем в прежние времена. Количество готовых денег, которые человек может заработать, имеет не малое отношение к его нравственности. Если его порядочность полностью или в основном зависит от отсутствия возможности совершить дурной поступок, он будет нравственным человеком до тех пор, пока отчаянно беден или находится под строгим контролем. Но дайте ему возможность заработать свободные деньги, а также свободу жить там, где он захочет, и тратить свои доходы по своему усмотрению, и он непременно разовьет различные формы безнравственности.

Я провел большое количество исследований, касающихся увеличения или уменьшения числа наложниц в современную эпоху. Статистических данных на этот счет нет, поскольку наложницы не регистрируются как таковые и не считаются женами. Если наложница живет в доме мужчины, она регистрируется как домашняя, и ее дети должны быть зарегистрированы как ее, хотя мне говорят, что очень часто они незаконно регистрируются как его. Если же она живет в собственном доме, то наложница сохраняет имя и регистрацию своих родителей. Правительство не обращает внимания на наложничество и не публикует никакой статистики по этому поводу. Дети наложниц, живущие с собственными родителями, как мне сказали, обычно регистрируются как дети отца матери; в противном случае они регистрируются как незаконнорожденные; статистика, таким образом, не дает никакой ясности относительно увеличения или уменьшения количества наложничества и незаконнорожденности, наиболее важных вопросов японской социологии. Но мои информаторы единодушны в утверждении, что в последние годы наблюдается заметный рост числа наложниц. Простое и единообразное объяснение заключается в том, что сегодня множество купцов и чиновников, и даже крестьян могут позволить себе содержать их, а раньше не могли этого сделать. Более древние идеалы в этом вопросе были таковы, что допускали наложничество в меру своих финансовых возможностей.

В течение 1898 года газеты и ведущие писатели Японии вели активную дискуссию о наложничестве. Газета *Yorozu Choho* опубликовала список 493 мужчин, содержащих отдельные заведения для своих наложниц, в котором указаны не только имена и дела мужчин, но и характер женщин, выбранных в качестве наложниц. Из этих 493 мужчин 9 - государственные министры и бывшие министры; 15 - пэры или члены палаты пэров; 7 - барристеры; 3 - ученые доктора; остальные почти все - деловые люди. Женщины до наложничества были: танцовщицы - 183; служанки - 69; проститутки - 17; "обычные молодые девушки" - 91; приемные дочери - 15; вдовы - 7; исполнительницы - 7; прочие - 104. В ходе этой дискуссии было признано, что в современную эпоху увеличилось число наложниц, и причиной этого является "общая распущенность нравов". Некоторые ведущие авторы утверждают, что в прежние времена наложничество в основном ограничивалось теми, кто брал наложниц для поддержания семейной линии; кроме того, в прежние времена не было известно о взятии танцующих девушек.

Интересно отметить в этой связи, что некоторые из тех, кто защищает практику наложничества, апеллируют к примеру Ветхого Завета, утверждая, что то, что было достаточно хорошо для расы, давшей христианам большую часть своей Библии, достаточно хорошо и для японцев. Другим моментом в дискуссии, интересным для оксидентала, является повторяющееся утверждение, что нет никакой реальной разницы между Востоком и Западом в плане практики; разница лишь в том, что в то время как на Востоке все открыто и не скрывается, на Западе внебрачные отношения осуждаются народным мнением и поэтому скрываются.^[BT] Несколько писателей публично защищают наложничество; большинство, однако, решительно осуждают его, даже не исповедуя христианскую веру. К числу

последних относится г-н Фукудзава, один из лидеров общественного мнения Японии. В своих самых язвительных нападках он утверждает, что если Япония хочет продвинуться по пути цивилизации, она должна отказаться от системы наложничества. То, что в Японии появляются новые стандарты в области супружеских отношений, очевидно; но пока они не имеют большой силы; нет единого мнения, чтобы придать им силу. Тот, кто нарушает их, все еще признается в обществе.

Что касается честности в бизнесе, то, по мнению всех, с кем я общался на эту тему, честность простых людей сильно упала. В феодальные времена воровство и мелкая нечестность были практически неизвестны. Сегодня это очень распространено. Иностранные купцы жалуются, что невозможно доверять японцам в выполнении устных или письменных обещаний, когда условия рынка меняются в невыгодную для них сторону. Соответственно, японцев обвиняют в отсутствии чувства чести в деловых вопросах.

Газета "*Кокумин синбун*" ("Народные новости") недавно обсуждала вопрос о японской коммерческой морали и пришла к следующим результатам: В ней говорится, во-первых, что поставляемые товары не соответствуют образцу; во-вторых, что не выполняются обязательства по срокам; в-третьих, что деловые люди не имеют адекватного представления о постоянных интересах бизнеса; в-четвертых, что они не умеют работать сообща; и в-пятых, что они не узнают ни своих клиентов, ни самих себя.^[BU]

"Японский консул в Тяньсине недавно сообщил правительству, что китайцы стали относиться к японским товарам с серьезным недоверием. Товары, полученные из Японии, по их утверждениям, не соответствуют образцам, а упаковка почти во всех случаях ужасно некачественная. Консул выражает глубочайшее сожаление, что японские купцы склонны нарушать свою веру, не считаясь с честью."^[BV]

В связи с этим, возможно, будет не лишним вернуться к иллюстрациям, которые встречались в моем собственном опыте. Я уже приводил примеры явного двуличия, до которого опускаются дьяконы и кандидаты на служение. Я не верю, что ни дьяконы, ни кандидаты имели хоть малейшее представление о том, что они поступают бесчестно. Я также ни на секунду не допускаю мысли, что президент и попечители Дошиша осознавали всю серьезность морального аспекта того курса, который они выбрали, отвлекая Дошиша от его первоначальных целей. Похоже, они считали, что деньги, переданные в Дошиша, могут быть использованы без учета пожеланий жертвователей. Я не могу не задаться вопросом, насколько их мысли по этому поводу обусловлены обычаем, распространенным в Японии со времен основания буддийских храмов и монастырей, считать имущество, однажды переданное в дар, безвозвратным, так что люди, давшие его, или их наследники не имеют больше никаких интересов или прав на это имущество. Крупные пожертвования в Японии с незапамятных времен передавались абсолютно безвозвратно; даритель предполагал, что получатель будет использовать их по назначению; конкретные указания о целях дара не добавлялись. Американские благотворители Дошиша дарили по стандартам, преобладающим на Западе. Получатели в Японии принимали эти дары по стандартам, преобладающим на Востоке. Не является ли это отчасти причиной тех трений, которые возникли в последние годы по поводу управления фондами, землями и домами, принадлежащими японцам для целей миссии?

В этой связи, однако, я не могу не упомянуть о том, что христиане церковью Кумиай^[BW] на своем ежегодном собрании (1898 г.) привели веские доводы в пользу неправильного управления Дошиша со стороны попечителей. Действия последних по отмене пункта устава, который объявлял шесть статей устава неизменными, а затем по исключению слова

"христианский" в отношении характера нравственного воспитания, которое должно быть дано во всех отделениях учреждения, были охарактеризованы как "фу-хо", то есть незаконные, несправедливые или безнравственные. Также были приняты резолюции, требующие, чтобы попечители либо восстановили вычеркнутые слова, либо ушли в отставку и предоставили место людям, которые восстановят их и выполнят волю дарителей. Этот поступок значительного большинства делегатов церквей показывает, что в Японии зарождается стандарт деловой морали, который обещает хорошее будущее.

Прежде чем оставить этот вопрос, нам важно рассмотреть, насколько широко в странах, давно ставших христианскими и торговыми, нарушаются стандарты правдивости и деловой морали. Я, например, не склонен сурово осуждать японские неудачи, когда думаю о неудачах в западных странах. Но, если задуматься, не слишком ли тонкую грань мы проводим между законной и незаконной прибылью? Какое это относительное различие! Даже западному человеку трудно обнаружить и соблюсти ее, особенно если человек, с которым он имеет дело, не имеет представления о реальной стоимости товара. Поэтому давайте не будем слишком суровы, осуждая японцев, даже если мы должны признать их недостатки в идеалах и поведении. Объяснение нынешнего состояния Японии в отношении деловой морали не нужно далеко искать или трудно находить. Оно не имеет никакого отношения к структуре мозга или врожденному расовому характеру, а целиком и полностью является вопросом изменения социального порядка. Феодалная община уступила место индивидуалистическому коммерциализму. Результаты неизбежны. Япония внезапно вступила в тот общественный строй, где люди нации поставлены перед собственным выбором характера и жизни так, как не было ни в одно время. Старикам, как и молодым, сбивы с ног новыми соблазнами, в которые они попадают.

На этом факте строится один из самых сильных аргументов в пользу необходимости скорейшего внедрения в Японии Евангелия Христова. Индивидуалистическое общественное устройство требует индивидуализирующей религии. Насколько мне известно, старые религии, при всех возвышенных моральных учениях, которые можно смело признать таковыми, не предпринимают никаких решительных или даже отчетливых усилий, чтобы обеспечить активность индивидуальной воли в принятии нравственных идеалов. Место "обращения" и публичного провозглашения своей "веры" в становлении индивидуального характера, а также особая пригодность религии с такими характеристиками для социального порядка, в котором "индивидуализм" является доминирующим принципом, еще не получили широкого признания среди писателей по социологии. Тем не менее, эти практики протестантских церквей имеют неоценимое значение для укрепления как личности, так и общества. И Япония нуждается в этих элементах как можно раньше, чтобы дополнить новый порядок общества, который сейчас устанавливается. Без них возникает вопрос, не окажется ли в долгосрочной перспективе этот новый порядок шагом вниз, а не вверх.

На этом мы завершаем подробное изучение моральных качеств японцев, проявляющихся как в их идеалах, так и в практической деятельности. Теперь давайте попробуем подвести некий общий итог уже сделанным фактам и выводам. Стало ясно, что японские моралисты делали акцент в своем этическом мышлении на преданности, подчиненной сыновней почтительности. Эти два принципа были стержневыми в японской этике. Все остальные добродетели вытекали из них и находились в тесной зависимости от них. Эти добродетели особенно подходят для создания и поддержания феодального порядка в обществе. По сути, это общинные добродетели. Первая группа, зависящая от верности и вырастающая из нее, была связана с поддержанием более крупного общинного единства, ранее племени, а теперь нации. Добродетели, связанные со вторым принципом - благочестием, - были

направлены на поддержание более мелкой ячейки общества - семьи. Праведность и долг, о которых много говорили японские моралисты, заключались в соблюдении этих двух идеалов.

Мораль индивидуализма в значительной степени отсутствовала. Из этого недостатка проистекали основные пороки нравственного идеала и реальной практики. Главными грехами старой Японии и, собственно говоря, всего языческого мира, как наглядно показал мистер Деннис в своей работе "Христианские миссии и социальный прогресс", были грехи упущения и совершения, направленные против личности. Права нижестоящих практически не рассматривались моралистами. В японском представлении о праведности и долге права и ценность человека как такового, независимо от его социального положения или пола, не учитывались.

Один из классов недостатков японского нравственного идеала проистекал из самого феодального строя, а именно из его презрения к торговле. Торговля не имела жизненно важного отношения к общинному единству; поэтому она не находила и не развивала никаких моральных санкций для своего руководства. На Западе обман в бизнесе рассматривается не только как нарушение целостности общины, но и как нарушение прав отдельного человека. Поэтому моральные идеалы и санкции за честность в бизнесе у нас вдвойне сильны. Старый порядок Японии никак не зависел от деловой чести и честности, и, как мы уже видели, индивиды как таковые не считались обладающими неотъемлемыми правами. В таких условиях трудно представить себе, как можно было бы разработать и поддерживать универсальные моральные идеалы и санкции для деловых отношений.

Еще один момент требует внимания. Мы, естественно, задаемся вопросом, на каких основаниях этические идеалы обычно считались авторитетными. Насколько мне известно, этот вопрос почти не рассматривался обычными людьми и почти не обсуждался моралистами. Старая Япония не привыкла спрашивать "почему?". Она принимала все на веру, полагаясь на авторитет учителя, как это делают дети и все примитивные народы. Там почти не задумывались об источнике нравственных идеалов, о природе и функциях социальных санкций. Если, как в некоторых случаях, возникал вопрос об их авторитете, обычно отвечали, что учение пришло к ним из глубокой древности. И если на этот вопрос настаивали, то утверждали, что древнейшие времена были ближе к началу человечества, а значит, ближе к Небу, которое предписало все обязанности и обычаи людей; в конечном итоге, таким образом, авторитет приписывался Небу. Но такой вопрошатель встречался редко. Нравственный закон безоговорочно принимался на веру авторитетом учителя, и неудобных вопросов не возникало. Легко понять, что оба основных нравственных идеала, *то есть* преданность и сыновняя почтительность, поддерживали эту беспрекословную привычку ума, ведь задавать вопросы об авторитете - это начало как нелояльности к хозяину, так и непочтительности к родителям и предкам.

Весь общественный порядок, будучи основан на авторитете, непререкаемом и абсолютном, моральные нормы принимались на основании *ipse dixit* великих учителей.

В заключение мы возвращаемся к нашему вечно повторяющемуся вопросу: Являются ли моральные характеристики, по которым японцы отличаются от других рас, неотъемлемыми и необходимыми, как и их физиологические особенности, или же они случайны и преходящи, подвержены трансформации? На эту проблему бросает свет каждая приведенная иллюстрация. Мы подробно рассмотрели, что каждая характерная для японцев моральная черта обусловлена природой ее прошлого социального порядка и меняется вместе с ним. Расовые моральные черты, таким образом, не обусловлены врожденной природой, сущностным характером, строением мозга и не передаются от отца к сыну в силу простого

факта физического поколения. Напротив, отличительные этические характеристики рас, проявляющиеся в их этических идеалах и моральном поведении, определяются господствующим социальным порядком и меняются в зависимости от него. Этические характеристики передаются по ассоциации, поэтому передача не ограничивается отношениями родителей и детей. Влияние этого факта на проблему моральной трансформации рас легко показать.

XXV

РЕЛИГИОЗНЫ ЛИ ЯПОНЦЫ?

Зимой 1897 года профессор Пфлейдерер сказал писателю: "Я с сожалением узнаю, что японцы не обладают достаточной религиозностью". В обстоятельной статье под названием "Требуется религия" миссионер описывает три так называемые религии Японии - буддизм, конфуцианство и синтоизм - и с удовлетворением показывает, что ни одна из них не обладает существенными характеристиками религии.

Мистер Персиваль Лоуэлл сказал, что "Чувство, возможно, не является жизненно важным для религии, но фимиам - да".^[BX] По моему мнению, это сущая чепуха, и она подходит для того, чтобы воспламенить чувство человека.

Впечатление, что японцы не религиозны, объясняется различными фактами. Первый заключается в том, что на протяжении примерно трехсот лет в интеллекте нации доминировала конфуцианская мысль, которая отвергала активную веру в сверхчеловеческие существа. Считается, что на вопрос учеников о богах Конфуций ответил, что люди должны уважать их, но не иметь с ними ничего общего. Соответственно, тенденция конфуцианской этики заключается в том, чтобы оставить богов в покое, хотя их существование не отрицается абсолютно. Когда конфуцианство стало популярным в Японии, образованная часть народа порвала с буддизмом, который на протяжении почти тысячи лет был повсеместно господствующим. Буддизм казался им крайне суеверным. Нередко они подвергали его резкой критике. Муро Кю-со,^[BY] говоря о безнравственности, которая была так распространена в отечественной литературе, отмечает: "Долгое время буддизм заставлял Японию не считать важным ничего, кроме поклонения Будде.

Так и получается, что злые обычаи преобладают, и нет никого, кто не находил бы удовольствия в похоти..... Уберите из этой книги похоть и буддизм, и пейзажи и эмоции будут хорошо описаны..... Если бы он учился на "Пути" мудрецов, он не впал бы в буддизм".^[BZ] Тенденция всех людей, обученных конфуцианской классике, была направлена на глубокий скептицизм в отношении божественных существ и их отношения к этому миру. По этой причине, вне всякого сомнения, западный агностицизм так легко проник в Японию. Эта готовность принять западный агностицизм - второй факт, который привел к созданию на Западе впечатления, о котором говорилось выше. Полное безразличие к религии характерно для образованных классов современности. Японцы и иностранцы, христиане и нехристиане, одинаково едины в этом мнении. Однако обычно это утверждение создает впечатление, что

агностицизм - новое явление в Японии. На самом деле, старый агностицизм лишь усиливается благодаря поддержке, которую он получает от агностицизма Запада.

Окцидентальное впечатление о безрелигиозной расовой природе японцев еще больше укрепляется частыми утверждениями об этом писателей, некоторые из которых, по крайней мере, не являются ни пристрастными, ни невежественными. Профессор Бэзил Х. Чемберлен, например, неоднократно делает это утверждение или заставляет сделать соответствующий вывод. Говоря о паломничестве, он замечает, что японцы "относятся к своей религии легкомысленно". Обсуждая общий вопрос о религии, он говорит о японцах как о людях "по сути своей неэмоциональных", но он предостерегает от вывода, что они, таким образом, особенно безнравственны. Однако в том же абзаце он добавляет: "Хотя они мало молятся и не обращают внимания на сверхъестественные догмы, религия семьи скрепляет их настоящими социальными узами". Персиваль Лоуэлл, как мы уже видели, также относится к японской религии свысока.

Этот вывод иностранных наблюдателей становится еще более убедительным для рядового читателя, когда он узнает, что такой влиятельный человек, как г-н Фукудзава, заявляет, что "религия - это как чай", она служит социальной цели, и не более того; и что г-н Хироюки Като, до недавнего времени президент Императорского университета, а затем министр образования, утверждает, что "религия зависит от страха". Маркиз Ито, самый выдающийся государственный деятель Японии, как сообщается, сказал: "Я считаю религию как таковую совершенно ненужной для жизни нации; наука намного выше суеверий, а что такое религия - буддизм или христианство - не что иное, как суеверие, а значит, возможный источник слабости нации? Я не сожалею о тенденции к свободомыслию и атеизму, которая почти повсеместна в Японии, потому что не считаю ее источником опасности для общества." ^[CA]

Если лидеры национальной мысли имеют такие представления о природе и происхождении религии, странно ли, что рядовые образованные люди не обращают на нее внимания или что иностранцы вообще считают японцев по сути нерелигиозной расой?

Но прежде чем мы согласимся с этим выводом, необходимо обратить внимание на ряд соображений. Хотя концепция религии, которой придерживаются только что процитированные выдающиеся японские джентльмены, не принимается писателем как правильная, тем не менее, даже исходя из их собственных определений, изучение японских суеверий и религиозных церемоний легко докажет, что народ в целом чрезвычайно религиозен. Никогда еще у народа не было столько богов. Она действительно была "страной богов". Их храмы и святилища были бесчисленны. Жрецы изобиловали, а поклонники кишмя кишели. Ведь поклонение, каким бы беспорядочным и бездумным оно ни было, свидетельствует о религиозной природе.

Более того, высказывания, подобные приведенным выше на сайте о природе и функциях религии, часто звучат и из уст жителей Запада, многие из которых имеют крайне поверхностное представление о реальной природе религии и той роли, которую она играет в развитии общества и человека. Но мы не объявляем Запад нерелигиозным из-за таких высказываний. Мы не должны судить о религиозных многих по нерелигиозным немногим.

Опять же, компетентны ли те судьи, которые говорят, что японцы нерелигиозны? Может ли человек, который сам презирает религию, который, по крайней мере, не осознает ее реальной природы на собственном сердечном опыте, справедливо судить о религиозности народа? Кроме того, религиозные явления в народе могут меняться от эпохи к эпохе. Поэтому, задаваясь вопросом, религиозен ли народ по своей природе, мы должны изучать всю его религиозную историю, а не только какой-то отдельный период. Жизнь современной

Японии была грубо потрясена внезапным приходом нового интеллектуального света. Содержание религии зависит от интеллекта; внезапное и широкое распространение знаний всегда дискредитирует старые формы религиозного выражения. Неразвитая религия, все еще связанная с политеистическим символизмом, с ее чарами и памятниками, неизбежно сильно страдает от рук точной современной науки. Особенно для образованного меньшинства неизбежной реакцией становится полный скептицизм, явная иррелигиозность. На время может показаться, что сама религия дискредитирована. В прогрессирующую эпоху в изобилии появляются пророки религиозного распада. В отношении христианства такие пророчества звучали часто и не перестают звучать даже сейчас. Конкретные верования и религиозные практики действительно изменились и ушли в прошлое, даже в христианстве. Но сущностная религиозная природа человека вновь заявила о себе во всех случаях, и внешние проявления этой природы тем самым стали только свободнее от элементов заблуждения и суеверия. Именно это происходит сегодня в Японии. Сегодняшняя кажущаяся иррелигиозность - это основа более чистой религии завтрашнего дня.

Если японцы эмоциональны и сентиментальны, мы должны ожидать, что они будут религиозны, возможно, больше, чем большинство других народов. Изучение их истории не разочаровывает. Какой бы несовершенной религией мы ни считали первоначальный синто, состоящий не более чем из культа и теогонии, но даже с учетом этого японцев можно назвать религиозным народом. Всеобщее уважение и поклонение, не говоря уже о любви, оказываемое на протяжении веков истории "ками" (многочисленным богам синтоизма), является ярким свидетельством глубины религиозного чувства в японском сердце. Правда, оно связано с чувствами любви к предкам и родине, с сыновней почтительностью и преданностью, но это отнюдь не умаляет религию, а делает ее более истинно религиозной?

Бесконечные вереницы паломников, посещающих знаменитые синтоистские храмы и взбирающихся на священные горные вершины, привлекают внимание каждого вдумчивого изучающего Японию. Ежегодно число этих паломников исчисляется сотнями тысяч. Число посетителей великого святилища Кидзуки в Идзумо составляет около 250 000 человек в год. "Чем благополучнее сезон, тем больше паломников. Оно редко опускается ниже двухсот тысяч". В своей книге "Окультная Япония" мистер Лоуэлл дал нам интересный отчет о "клубах паломников". Самый большой из известных ему клубов насчитывал около двенадцати тысяч человек, но он считает, что в среднем они насчитывают от ста до пятисот человек каждый. Число ежегодных посетителей синтоистских святилищ в Исэ оценивается в полмиллиона человек, а десять тысяч паломников каждое лето поднимаются на гору Фудзи. Число паломников в Компиру, на Сикоку, невероятно велико; согласно подсчетам, сделанным в первой половине 1898 года, первым в истории, в среднем за шесть месяцев ежедневно приходило 2500 человек; при таком подсчете число паломников за год составило почти 900 000. Наибольшее количество за один день составило более 12 000. Эти данные были предоставлены мне главным чиновником этого района. Говорят, что на самую высокую гору Сикоку, Исидзути-сан, высотой около шести тысяч футов, каждое лето поднимаются десять тысяч паломников. В гостиницах эти паломники почти ничего не едят, предпочитая питаться тем, что с собой, пока не вернутся после тяжелого трехдневного восхождения; они также не отдыхают до тех пор, пока не отправятся в обратный путь. Причина этого в том, что восхождение считается испытанием сердца; если паломник не достигнет вершины, то можно сделать вывод, что он сам виноват и что бог не благоволит ему. Предполагается, что те, кто возносит молитвы с вершины, уверены, что они будут услышаны.

Но помимо этих больших паломничеств к горным вершинам и национальным святыням, совершается бесчисленное множество более мелких. В каждом районе есть свой более или менее протяженный маршрут. На Сикоку есть круг, известный как "Хати-дзю-хакка сё маири", или "Паломничество по 88 местам". Предполагается, что этот круг когда-то совершил Кобо Дайси (774-834 гг. н. э.), основатель буддийской секты Синтон. Число паломников, совершающих этот обход, чрезвычайно велико, поскольку он является излюбленным маршрутом жителей не только Сикоку, но и центральной и западной Японии. Многие из паломников носят на спине, чуть ниже шеи, пару любопытных миниатюрных "варадзи", или соломенных сандалий, потому что Кобо Дайси взял с собой в путешествие настоящую пару. Я никогда не посещаю храм Исите (недалеко от Мацуямы), одно из восьмидесяти восьми мест круга, чтобы не увидеть некоторых из этих паломников. Но этого должно быть достаточно. Привычка японцев к паломничеству является убедительным доказательством широкого распространения религиозного энтузиазма и проливает свет на религиозную природу этого народа. Есть основания полагать, что этот обычай существовал в Японии еще до введения буддизма. Если это так, то это убедительно свидетельствует о религиозности японской расы.

Высказывалось обвинение, что эти паломничества - просто экскурсия для удовольствия. Мистер Лоуэлл, шутя, говорит, что "это перипатетические пикники, слабо приправленные благочестием; достаточно лишь подозрения на него, чтобы сделать их приемлемыми для легкомысленных богов". Находим ли мы под этим легким аллитерационным стилем, радующим литературного читателя, правду? Для меня это выглядит как оскорбление паломников, очевидно, вызванное представлением мистера Лоуэлла о том, что подлинное религиозное чувство должно быть мрачным и торжественным. Радость может показаться ему несовместимой с искренней религией и стремлением. То, что этим паломникам не хватает религиозного стремления, характерного для высокоразвитых христиан Запада, конечно, правда; но то, что у них есть определенный тип религиозного стремления, также неоспоримо. У них есть определенные и сильные представления о пользе молитвы у различных святынь; они уверены, что такое паломничество и такое преданное поклонение жизненно повлияют на их благополучие как в этом, так и в следующем мире. Обычно паломники, совершающие длительные путешествия, носят с собой так называемый пропуск, в который ставят печати служители каждого святилища. Это служит доказательством для друзей и самого паломника в последующие годы о реальности его долгого и утомительного паломничества. Нищие перед этими святынями склонны показывать эти книжечки как доказательство своей состоятельности и нужности. Ведь многие паломники поддерживают себя во время паломничества исключительно за счет попрошайничества.

Паломники также покупают у каждого известного святилища амулеты, "о мамори", "почетный хранитель", и "о фуда", "почетный билет", которые для них чрезвычайно ценны. Вряд ли в Японии найдется дом, в котором не было бы нескольких, а часто и многих таких амулетов, либо прибитых на входной двери, либо помещенных на полку бога. Я видел несколько штук, прибитых один над другим. В некоторых случаях названия годов все еще читаемы и свидетельствуют о солидном возрасте. Продажа амулетов приносит храмам немалый доход, в некоторых случаях достигающий тысячи иен в год. Мы можем улыбнуться невежеству и суеверию, о которых свидетельствуют эти факты, но, как я уже отмечал, это внешние признаки, материальное выражение или одежда, так сказать, внутренней жизни. Их особая форма обусловлена недостаточным интеллектуальным развитием. Я не защищаю их; я лишь утверждаю, что их существование убедительно свидетельствует о наличии у людей в целом подлинных религиозных чувств и целей. Если это так, то над ними не стоит смеяться, хотя настроение среднего паломника может быть веселым, а обычное паломничество может иметь вид "ипатетического пикника, слабо приправленного благочестием". Сторонний

наблюдатель, каковым по необходимости является иностранец, быстро распознает пикник, но он не может так легко разглядеть религиозное значение или внутренние мысли и эмоции паломников. Первое можно заметить с первого взгляда, не зная японского языка и не сочувствуя религиозному сердцу; второе может обнаружить только тот, кто хорошо понимает народ, его язык и религию.

Если бы религия была обязательно мрачной, то праздники и веселье были бы весомым доказательством недостатка японской религии. Но это не так. Примитивные религии, как и примитивные люди, бесхитростны и просты в религиозных радостях, как и во всех аспектах своей жизни. Развитые расы все больше осознают серьезность жизни и становятся соответственно задумчивыми, а то и вовсе мрачными. Религия разделяет эту трансформацию. Но те религии, в которых спасение является главной идеей и природа которых такова, что удовлетворяет одновременно и голову, и сердце, возвращают радость как необходимое следствие. Хотя некоторые аспекты христианства, безусловно, имеют мрачный вид, который его критики склонны преувеличивать, а затем осуждать, в основе своей христианство - это религия глубокой радости, и эта черта проявляется в таких всемирных праздниках, как Рождество и Пасха. Даже если бы народная религиозная жизнь японцев проявлялась исключительно в праздниках и по случаю радости, это не доказывало бы, что они по своей природе лишены религиозности.

Но есть и другая группа явлений, еще более впечатляющая откровенного и сочувствующего студента. Это наличие в каждом доме "Буцу-дана", или полки Будды, и "Ками-дана", или полки Бога. Первая является буддийской, а вторая - синтоистской. Исключительные синтоисты, которые встречаются редко, имеют только вторую. Там, где есть и те и другие, "И-хай", мемориальные таблички предков, помещаются на "Буцу-дан"; в противном случае они помещаются на "Ками-дана". Ками-дана всегда довольно просты, как и все синтоистские амулеты и утварь. Буцу-дан обычно тщательно продуманы и красивы, а иногда большие и дорогие. Повсеместное распространение этих знаков семейной религии, постоянный и заботливый уход за ними являются ярким свидетельством универсальности религии в Японии. Пафос жизни часто проявляется в верной преданности матери этим безмолвным представителям божественных существ и ушедших предков или детей. Я без колебаний могу сказать, что, если судить по внешним признакам, средний дом в Японии гораздо более религиозен, чем средний дом в просвещенной Англии или Америке, особенно если сравнивать с теми, где нет семейного культа. Возможно, в этих западных домах и есть настоящая религиозная жизнь, но случайному посетителю она не кажется таковой. Однако ни один случайный посетитель не может войти в японский дом, не увидев сразу же признаков, по крайней мере, какой-то религиозной жизни.

Я не могу поверить, как утверждают многие, что все это просто обычай и пустая форма, без какого-либо ядра смысла или искренности. Обычаи могут на какое-то время превзойти убеждения, и это особенно касается религиозных обычаев, ведь форма так часто принимает за сущность реальности. Но обычаи, утратившие всякое значение и веру, неизбежно сходят на нет, даже если не отвергаются внезапно; они остаются ими; они действительно оставляют свой след, но настолько слабый, что только изучающий примитивные обычаи может обнаружить их и распознать их первоначальную природу и цель. Буцу-дан и Ками-дана не принадлежат к этому порядку верований. Средний японский дом почувствовал бы себя оскверненным, если бы их насильно удалили. Благочестие дома во многом зависит от этих проявлений религиозного сердца. Их практическая универсальность является важным свидетельством того, что люди в целом обладают религиозным характером.

Если справедливо утверждать, что христианская религия имеет жизненно важное влияние на западные народы благодаря соборам и церквям, которые можно найти по всей длине и ширине христианства, то аналогичный аргумент применим к Японии и влиянию религий этой страны на ее жителей. На протяжении более тысячи лет внешние проявления религии в архитектуре были тщательно продуманы. Храмы огромных размеров, по стоимости возведения не уступающие европейским соборам, можно встретить во всех уголках страны. Огромные храмовые колокола из бронзы, колоссальные статуи Будды и меньшие статуи святых и достойных, которых бесчисленное множество, свидетельствуют о щедром использовании богатства для выражения религиозной преданности. Иногда говорят, что буддизм в Японии находится в состоянии покоя. Всерьез утверждается, что его храмы приходят в упадок. Это не более справедливо по отношению к храмам буддизма в Японии, чем к соборам христианства. Местные причины сильно влияют на процветание различных храмов. Некоторые из них приходят в упадок, но другие ремонтируются и строятся новые. Ни один человек не посетил ни одной примечательной святыни, не заметив большого количества вывесок по обе стороны от главного подхода, на которых написаны суммы, внесенные на строительство или ремонт храма. Эти дары часто бывают щедрыми, отдельные пожертвования иногда достигают тысячи иен; я заметил несколько случаев, превышающих эту сумму. Общее количество таких храмов и святынь по всей стране поражает воображение. Согласно правительственной статистике, в 1894 году буддийских храмов насчитывалось 71 831; а синтоистских храмов и святынь, получивших официальную регистрацию, - 190 803. Самый большой храм в Японии стоимостью в несколько миллионов долларов - Нисихонвандзи в Киото - был построен за последнее десятилетие. Учитывая общую бедность нации, доля пожертвований на возведение и содержание этих храмов и святынь является поразительным свидетельством реальности некоего религиозного рвения. То, что оно полностью опирается на форму и бессмысленные обряды, просто невероятно.

XXVI

НЕКОТОРЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Несомненно, многие черты японцам приписывает случайный наблюдатель или придирчивый критик из-за неумения читать между строк. Мы уже видели, как стоический элемент японского характера служит для того, чтобы скрыть от социолога эмоциональную природу этого народа. Если японец скрывает свои обычные эмоции, то тем более он воздерживается от публичной демонстрации своих глубоких религиозных устремлений. Хотя он может глубоко переживать, его лицо и манера поведения редко выдают это. Когда его разрывает горе от потери родителей или сына, он расскажет вам о своей утрате с улыбкой, а то и с настоящим смехом. "Японская улыбка" не раз вводила торжественного иностранца в заблуждение при интерпретации индивидуальных и расовых особенностей. Особенно часто такие ошибки встречаются в вопросах религии.

Хотя светлый и радостный, "улыбающийся" аспект японской религиозной жизни занимает видное место, внимательный наблюдатель случайно и неожиданно натолкнется на множество признаков противоположного характера, если будет тесно общаться с народом. Япония имеет свои горести и трагедии, не меньше, чем другие страны. Они играют свою роль в определении религиозных феноменов.

Студент, который встанет у популярного святилища и понаблюдает за тем, как приходят и уходят верующие, будет вознагражден растущим убеждением в том, что, хотя многие из них - явные церемониймейстеры, другие, очевидно, являются субъектами глубоких чувств. Посмотрите, как мать подводит своего маленького ребенка к изображению Бинзуру, бога исцеления, и учит его тереть глаза и лицо бога, а затем свои собственные глаза и лицо. Посмотрите, как паломник перед голым святилищем с восторженной преданностью повторяет молитву, которую он знает с детства и благодаря которой он уже получил множество благословений. Увидьте прокаженного, умоляющего милосердного Кваннона из тысячи рук исцелить его болезнь. Услышите жалобный плач нескольких одержимых лисами жертв, которые просят избавить их от угнетателя. Понаблюдайте за тем, как заплаканная дева совершает сто кругов по храму, молясь о благословении для себя или близкого человека. Понаблюдайте за купцом, торжественно поклоняющимся богу моря с подношением риса и вина. Посчитайте сотни вотивных изображений, благодарственных воспоминаний о больных, которые были исцелены в ответ, как они твердо верят, на их молитвы к богу этой конкретной святыни. Это не выдуманные случаи. Писатель видел эти и многие другие подобные случаи. Вот серьезная сторона японской религиозной жизни, которую легко упустить из виду случайному или несимпатичному наблюдателю.

В дополнение к этим простым религиозным явлениям в Японии, как и в других странах, существует практика экстатического единения с божеством. В синто это называется "Камии-ороси", низвержение богов. Несомненно, это некая форма гипнотического транса, однако популярная интерпретация этого явления - божественная одержимость.

Среди буддистов практика экстаза принимает другую форму. Целью является достижение абсолютной пустоты ума и, таким образом, полного единения с Абсолютом. Когда это достигнуто, душа осознает блаженное превосходство над всеми заботами этой мирской жизни, предвкушая нирвану, которая ожидает тех, кто достигнет состояния будды. Фактическое достижение этого опыта практически ограничено священством, у которого одного есть время и свобода от мирских забот, необходимые для его практики. Ибо он вызывается только долгой и глубокой "медитацией". Особенно к этому опыту стремится секта дзэн, которая делает его главной целью, взяв свое название "дзэн" (сидеть) от этой практики. Сидеть в религиозной абстракции - это вершина религиозного блаженства.

Практичному деловому человеку Запада, возможно, будет трудно увидеть что-то особенно религиозное в экстазе или ментальном вакууме. Но, если я не ошибаюсь, этот религиозный феномен Востока по своей сути не отличается от мистического религиозного опыта, столь распространенного в средние и последующие века в Европе и представленного сегодня мистическими христианами. Действительно, некоторые из лучших религиозных душ западных стран были мистиками. Мистическое христианство находит готовое признание у некоторых японцев.

Критически настроенный читатель, возможно, признает, учитывая приведенные факты, что невежественные миллионы людей обладают некоторой степенью религиозного чувства, и все же, принимая во внимание явно безрелигиозную жизнь образованных людей, он может считать, что религиозная природа этой расы по сути своей неглубока. Ему может казаться, что как только японец освобождается от суеверных верований прошлого, он освобождается от всех религиозных идей и стремлений. Я сразу же признаю, что для такого утверждения, кажется, есть некоторые основания. Однако, изучая характер самураев эпохи Токугава, которых одних можно назвать безрелигиозными в старые времена, я вижу веские основания считать, что, хотя они и отвергали буддизм, в душе они были религиозны. Они практически не развивали религиозные обряды, заменявшие буддистские, однако есть признаки того,

что религиозная жизнь все же сохранялась. Интеллектуальный и нравственный рост сделал невозможным для искренних и честных людей принимать старые религиозные выражения. Они восстали не столько против религии, сколько против религиозных форм, и этот бунт привел не к углублению суеверий и не к более бедной жизни, а к жизни, более богатой мыслями и благородными стремлениями. Муро Кю-со, "японский философ", о котором мы уже не раз упоминали, отверг буддизм, как мы уже видели. Высокое качество его моральных учений мы также отмечали. Однако он и не подозревал, что был "религиозным". Те, кто отвергает буддизм, часто используют термин "сюкё-кусай", "вонючая религия". Для них религия - это синоним испорченного и суеверного буддизма. Если бы я сказал Муро, что он религиозен, это, несомненно, оскорбило бы его, но несколько цитат должны убедить любого, что в душе он был религиозен в самом лучшем смысле этого слова.

"Задумайтесь все вы. Откуда приходит удача? С небес. Даже мир говорит: "Удача на небесах". Значит, нет иного средства, кроме молитвы к Небесам. Давайте спросим: что ненавидит Небо и что любит Небо? Оно любит доброту и ненавидит злобу. Оно любит правду и ненавидит неправду..... То, что на Небесах порождает все вещи, в человеке называется любовью. Поэтому не сомневайтесь, что Небеса любят доброту и ненавидят ее противоположность. Так же обстоит дело и с истиной. На протяжении бесчисленных веков солнце, луна и звезды постоянно вращаются, и мы безошибочно составляем календари. Нет ничего более достоверного. Это сама истина Вселенной..... Я заметил молитвы на удачу, которые из года в год приносили из знаменитых храмов и холмов, украшая входы в дома знаменитых самураев. Но все равно они были убиты или наказаны, или их род был уничтожен, а дом угас. Или, по крайней мере, ко многим из них пришли стыд и позор. Они не познали судьбу, но по глупости полагаются на молитвы и чары. Конфуций говорил: "Когда Небо наказывает, нет места для молитв". Женщины, конечно, ходят по храмам и доверяют чарам, но мужчинам так поступать не следует. Увы! Теперь все заблуждаются, и те, кто должен быть учителем, и самураи, и те, кто еще выше" (с. 63-5). "Грех - источник боли, а праведность - счастья. Это непреложный закон. Учение мудрецов и поведение высших людей определяется принципами, а результат остается на усмотрение Небес. И все же мы не повинемся, надеясь на счастье, и не воздерживаемся от греха из страха". Не с таким смыслом Конфуций и Менций учили, что счастье - в добродетели, а страдание - в грехе. Но "путь" - это закон человека. Говорят: "Путь Неба благословляет добродетель и проклинает грех". Это предназначено для невежественных людей. Однако это не похоже на буддийский "хобен" (благочестивое устройство), ибо это непреложная истина" (с. 66). "Небеса вечны и не могут быть поняты сразу, как обещания людей. Недальновидные люди рассматривают его пути и решают, что там нет награды ни за добродетель, ни за порок. Поэтому они сомневаются, когда добрые люди добродетельны, и не боятся, когда злые грешат. Они не знают, что нет победы против Неба, когда оно постановляет" (с. 67). "Разум приходит с Неба и находится в людях Философ знает истину, как пьющий знает вкус *сакэ*, а воздерживающийся - вкус сладостей. Как же он может забыть ее? Как он может впасть в заблуждение? Ложится, встает, двигается, отдыхает - все хорошо. В мире, в беде, в смерти, в радости, в печали - все хорошо. Ни на минуту он не покинет этот "путь". Это нужно для того, чтобы познать его в себе" (с. 71).

Однажды пять или шесть студентов остались после лекции, чтобы расспросить Кю-со о его взглядах на богов, заявив о своем недовольстве фантастическими толкованиями, которые местные ученые дают термину "синто". Приведя несколько цитат из китайской классики, он сказал про себя:

"Я не могу принять то, что в народе называют синто. Я не претендую на понимание глубинных причин божеств, но в общих чертах это моя идея: В "Учении о смысле" говорится о "добродетели богов", и Шу-ши объясняет это слово "добродетель" как "сердце и его откровение". В "Садэн" его значение выражено так: "Бог - это чистый разум и справедливость". Все знают, что Бог справедлив, но не знают, что он разумен. Но такого интеллекта, как у Бога, нет нигде. Человек слышит ухом, а где нет уха, там не слышит...; человек видит глазами, а где их нет, там не видит...; человек думает сердцем, и самая быстрая мысль требует времени. Но Бог не пользуется ни ухом, ни глазом, не переходит от одной мысли к другой. Он прямо чувствует и прямо отвечает..... Не в этом ли заключается божественность Неба и Земли? Поэтому в Учении о Смысле говорится: "Ища, его нельзя увидеть, слушая, его нельзя услышать. Оно входит во все вещи. Без него нет ничего"... "Везде, везде, справа и слева". Это и есть откровение Бога, истина, которую нельзя скрыть. Не думайте, что Бог далеко, но ищите Его в сердце, ибо сердце - дом Божий. Там, где нет преград похоти, есть единение духа с Богом Неба и Земли..... А теперь для применения. Исследуйте себя, положите в основу истину сердца, возрастайте в познании и, наконец, достигнете. Тогда вы узнаете истину того, что я говорю" (с. 50-52).

В приведенном выше отрывке доктор Нокс перевел термин "Син", китайскую идеограмму японского слова "Ками", английским единственным числом - Бог. Это придает отрывку полноту монотеистического выражения, которое оригинал вряд ли оправдывает, если вообще оправдывает. Оригиналы неопределенны по количеству и могли бы с равной правдой быть переведены "богами", как предлагает сам доктор Нокс в сноске.

Эти и подобные им отрывки представляют большой интерес для изучающих развитие японской религии. Они должны быть использованы христианскими проповедниками и миссионерами. Таких писателей и мыслителей, каким, очевидно, был Муро, можно без обиняков назвать дохристианскими христианами Японии. Они подготовили почву для появления большего света на эти темы. Японские христианские апологеты должны собирать подобные высказывания своих мудрецов древности и с их помощью приводить нацию к пониманию истин, которые они предлагают и для которых они так хорошо подготовили путь. Разрозненные, редко читаемые народом, они лежат, как драгоценные камни в холмах или как семена, надежно сохраненные. Они не принесут урожая, пока их не посеют в почву и не дадут им взойти и вырасти.

Чем больше я размышлял над смыслом этих и подобных им отрывков, тем яснее становилось, что их авторы были по сути религиозными людьми. Их бунт против "религии" был вызван не иррелигиозными мотивами, а более глубоким религиозным пониманием, чем то, которое было распространено среди буддийских верующих. Иррациональная и зачастую аморальная природа многих современных религиозных проявлений, церемоний и верований стала несносной для мыслящих классов, и, соответственно, была отвергнута. Суть религии, однако, не была отвергнута. Они отбросили накопившуюся шелуху экстернализма, но сохранили в неприкосновенности подлинное ядро религии.

Доказательство религиозности современной образованной Японии не так просто. Она, конечно, кажется безрелигиозной. Но и она не так уж безрелигиозна, как, возможно, кажется западному обывателю. Хотя японец и аморален, он все же может быть сыном и верным подданным - характеристики, которые имеют религиозную ценность в Японии, старой и новой. Нетрудно доказать, что многие современные японские писатели, которые заявляют о своем неприятии религии, называя все религии суевериями и обрядами, тем не менее в душе являются религиозными людьми. Религии, которые он знает, слишком суеверны и бессмысленны, чтобы удовлетворить запросы его интеллектуально развитой

религиозной натуры. Он не осознает, что его неприятие того, что он называет "религией", является реальным проявлением его религиозной природы, а не наоборот.

Широко распространенные иррелигиозные явления в Новой Японии, таким образом, не требуют сложного объяснения, если рассматривать их в свете двухтысячелетней японской религиозной истории. Их нельзя приписать недостаточной расовой одаренности религиозной природой. Они являются частью жизни девятнадцатого века, отнюдь не ограничиваясь Японией. Если англосаксонская раса не может быть признана изначально безрелигиозной, несмотря на то, что безрелигиозные явления и люди постоянно встречаются во всем мире, то и Новая Япония не может быть признана безрелигиозной по той же причине. Распространенная сейчас иррелигия - недавнее явление в Японии. Возможно, оно не сразу исчезнет, но в конце концов должно исчезнуть. Религия, освобожденная от суеверий и церемониала, покоящаяся на реальности, отождествляющая мораль и науку с религиозной истиной, уже находит горячую поддержку у многих образованных людей Японии. Если обращение происходит в правильных условиях, японцы не испытывают недостатка в подлинной религиозности. То, что они, похоже, испытывают недостаток в чувстве благоговения, некоторые считают доказательством, свидетельствующим о недостаточной религиозной природе. Несколько иллюстраций прояснят, что имеет в виду критик, и помогут нам интерпретировать эти явления. Обычные люди привыкли считать религиозную службу временем торжественного покоя, поскольку мы ощущаем себя в особом смысле в присутствии Бога; Его величие и слава являются реальностью для верующего поклоняющегося. Однако во время христианского богослужения в японских церквях происходит много такого, что, казалось бы, свидетельствует об отсутствии этого чувства. Нередко во время богослужения маленькие дети бегают без удержу, матери кормят младенцев, а взрослые разговаривают друг с другом на полутоне, хотя и не настолько низким, чтобы звук разговора был слышен всем. Я знаю дьякона, занимающего в церкви переднюю парту, который в первые две субботы каждого месяца тратит значительную часть времени на то, чтобы оформить квитанции о ежемесячных взносах и раздать их прихожанам. Очевидно, он полагает, что никому не мешает (и удивительно, как не мешают остальные прихожане), а также что он никоим образом не нарушает торжественность и ценность службы. Свобода, с которой люди приходят и уходят во время службы, также заметно контрастирует с нашими обычаями. С нашей точки зрения, здесь не хватает благоговения.

Недавно я присутствовал на собрании молодых людей, где места для каждого были определены с помощью написанных цитат из Библии, одна половина которых выдавалась человеку, а другая клалась на место. Одной из таких цитат был текст: "Птицы небесные имеют гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову". Вряд ли искренние христиане могли так использовать этот текст. Несколько месяцев назад на светском приеме, приуроченном к ежегодному собранию церковью Сикоку, одно из комических представлений заключалось в том, что трое стариков пытались допеть до конца, не срываясь, столь священную для нас песню "Скала веков, расщепленная для меня". Это удалось только одному мужчине, остальные прошли через череду кваверов и брейков, что было очень смешно, но совершенно непочтительно. Отсутствие благоговения, которое иногда характеризует социальную сторону рождественских богослужений в Японии, часто становится источником сожаления для миссионеров. Недавно на одном из светских собраний искренних молодых христиан была проведена игра, требующая неустойки; она заключалась в декламации знакомых текстов из Библии. Безусловно, кажется, что не хватает чувства соответствия вещей.

Но вопрос в том, вызваны ли эти обычаи врожденным недостатком благоговения, вытекающим из характера японской природы, или же они скорее обусловлены религиозной историей прошлого и условиями настоящего? То, что последняя точка зрения представляется мне правильной, вряд ли нужно говорить. Тот факт, что японцы - эмоциональный народ, делает априори вероятным, что при соответствующих условиях они будут особенно подвержены эмоции благоговения. И когда мы смотрим на их историю и наблюдаем, с каким почтением народ относится к правителям, а суеверные поклонники - к "ками" и "хотоке", становится очевидным, что кажущаяся непочтительность в христианских церквях должна быть вызвана особыми условиями. Почитание - тонкое чувство; оно зависит от природы идей, владеющих умом и сердцем. По самой своей природе японские христиане не могут иметь тот же набор ассоциаций, сгруппированных вокруг церкви, богослужения, Библии или любого из христианских институтов, что и западный человек, который с детства воспитывался среди них и получал от них духовную пищу. Все богатство девятнадцативекового опыта склоняется к тому, чтобы придать нашим службам и нашим церквям особую религиозную ценность в наших глазах. Средний христианин в Японии и в любой языческой стране не может обладать этой гранью идей и тонких чувств, столь необходимых для глубокого чувства благоговения. Но по мере того, как значение христианского представления о Боге, наделенном славой и честью, величием и могуществом, все более осознается, и по мере того, как выясняется, что дух благоговения - это то, что необходимо культивировать в поклонении, и особенно по мере того, как выясняется, что дух благоговения важен для высокой духовной жизни и живительной духовной силы, этот дух будет все больше и больше проявляться у японских христиан. Но его наличие или отсутствие обусловлено не столько врожденным характером людей, сколько характером идей, которые ими владеют. Приступая к краткому рассмотрению природы и истории трех религий Японии, представляется целесообразным привести свободные цитаты из трудов признанных авторитетов в этой области.

/#

"Синто, что означает буквально "путь богов", - это название, данное мифологии и смутному поклонению предкам и природе, которое предшествовало внедрению буддизма в Японии. Синто, о котором так часто говорят как о религии, едва ли имеет право на это название. У него нет ни свода догм, ни священной книги, ни морального кодекса. Отсутствие морального кодекса в трудах современных туземных комментаторов объясняется врожденным совершенством японского человечества, которое исключает необходимость в подобной внешней бутафории..... Необходимо, однако, выделить три периода в существовании синто. В течение первого из них - грубо говоря, до 550 г. н. э. - японцы не имели представления о религии как об отдельном институте. Почитание богов, то есть усопших предков императорской семьи и имен других великих людей, было обычаем, возникшим на той же почве, что и пассивное повиновение и поклонение живому микадо. Кроме того, возносились молитвы богам ветра, богу огня, богу моровой язвы, богине пищи, а также божествам, управляющим кастрюлей, котлом, воротами и кухней. Существовали также очищения за проступки..... Но не было даже тени идеи о каком-либо моральном кодексе или систематизации простых представлений людей о невидимых вещах. Не было ни рая, ни ада - только некий нейтрально окрашенный Аид. Некоторые из богов были хорошими, а некоторые - плохими; не было и четкой границы между людьми и богами".

Второй период синто начался с приходом в Японию буддизма, в этот период синто влилось в буддизм через доктрину, согласно которой синтоистские божества были древними

воплощениями будд. В этот период синто не сохранило никаких отличительных черт. "Только при дворе и в нескольких великих святилищах, таких как Исэ и Идзумо, поддерживалось знание синто в его исконной простоте; и сомнительно, чтобы с течением времени в него не вкрались изменения. В большинстве синтоистских храмов по всей стране служили буддийские священники, которые приносили архитектурные орнаменты и церемониал своей собственной религии. Так образовался Рёбу Синто - смешанная религия, основанная на компромиссе между старым верованием и новым, и отсюда терпимые представления о теологических предметах большинства средних и низших классов, которые безразлично поклоняются святыням обеих вер".

Третий период начался около 1700 года. Он был представлен научным изучением истории. "Вскоре движение стало религиозным и политическим - прежде всего, патриотическим..... Сёгунат не одобряли, поскольку он вытеснил самодержавие микадо, снизошедших до небес. Буддизм и конфуцианство подвергались насмешкам из-за их иностранного происхождения. Великие ученые Мабути (1697-1769), Мотоори (1730-1801) и Хирата (1776-1843) посвятили себя религиозной пропаганде - если это можно назвать религией, которая исходит из принципа, что необходимы только две вещи: следовать своим природным импульсам и повиноваться микадо. Этот порядок на мгновение восторжествовал в революции 1868 года". На несколько месяцев она стала государственной религией, но вскоре утратила свой статус.^[CB]

Буддизм пришел в Японию из Кореи через Китай в 552 году н. э. Ему уже была тысяча лет, и, прежде чем он достиг Японии, он распался на множество сект и подсект, сильно отличавшихся друг от друга и от первоначального учения Сакья Муни. После двух столетий пропаганды она завоевала страну и поглотила религиозную жизнь народа, хотя синто никогда не было полностью подавлено. "Все образование веками находилось в руках буддистов; буддизм ввел искусство и медицину, сформировал фольклор страны, создал ее драматическую поэзию, оказал глубокое влияние на политику и все сферы общественной и интеллектуальной деятельности. Одним словом, буддизм был тем учителем, под чьим руководством выросла японская нация. Как нация, они сегодня грубо забывают об этом факте. Задайте образованному японцу вопрос о буддизме, и десять к одному, что он улыбнется вам в лицо. Сто к одному, что он ничего не знает об этом предмете и превозносится над своим невежеством". "Сложная метафизика буддизма не пробудила никакого интереса у японской нации. Другой факт, любопытный, но верный, заключается в том, что эти люди никогда не давали себе труда перевести буддийский канон на свой язык. Священники пользуются китайской версией, а миряне вообще не имеют никакой версии, хотя... казалось бы, еще несколько сотен лет назад они должны были заниматься изучением Священного Писания. Буддийская религия была упразднена и отменена в 1871-74 годах, что было сделано в связи с временным возвышением синто". Хотя в начале семнадцатого века конфуцианство прочно вошло в жизнь народа, его влияние ограничивалось образованными и правящими классами. Огромная масса людей по-прежнему оставалась синтоистами-буддистами.

Что касается доктрины, то философский буддизм с его догмами о спасении через интеллектуальное просветление, через самосовершенствование, с его целью поглощения в нирвану, несомненно, был верой и целью немногих. Но такой буддизм был слишком глубок для широких масс. "С помощью хобенов, или благочестивых приспособлений, священство играло на руку народному суеверию. Здесь, как и в других местах, были разработаны талисманы, амулеты, паломничества и великолепные храмовые службы, в которых люди поклоняются не только Будде, который сам был агностиком, но и его ученику, и даже таким

абстракциям, как Амида, которых принимают за реальные божественные личности."^[CC] Божества синто были более или менее смешаны с божествами популярного буддизма; в некоторых случаях это было неразрывно.

Конфуцианство, известное в Японии, представляло собой разработанную доктрину Конфуция. "Он ограничился практическими деталями морали и управления, а краеугольным камнем его системы стало подчинение родителям и политическим правителям. В результате получился набор моральных истин - некоторые сказали бы, трюизмов - очень узкого охвата и сухих церемоний, скорее политических, чем личных". "Первоначально завезенная в Японию в начале христианской эры вместе с другими продуктами китайской цивилизации, конфуцианская философия дремала в средние века, в период господства буддизма. Она пробудилась в начале семнадцатого века, когда Иккасу, великий воин, правитель и покровитель образования, впервые напечатал конфуцианскую классику в Японии. В течение двухсот пятидесяти последующих лет интеллект страны формировался под влиянием конфуцианских идей. Сам Конфуций, правда, ратовал за создание централизованной монархии. Но его главная доктрина беспрекословного подчинения правителям и родителям прекрасно вписывалась в феодальные представления старой Японии; и убежденность в первостепенной важности такого подчинения сохраняется, являясь элементом стабильности, несмотря на недавний социальный катаклизм, в результате которого японское конфуцианство, как его правильно называть, потерпело крах на фоне всех других японских институтов."^[CD]

Христианство впервые принес в Японию Франциск Ксаверий, высадившийся в Кагосиме в 1549 году. Его рвение не знало границ, а результаты были поразительными. "Новообращенные были из всех сословий. Знатные люди, буддийские священники, ученые мужи принимали веру с той же готовностью, что и бедняки и невежды. Сто тридцать восемь европейских миссионеров" были тогда на поле боя. "До начала гонений 1596 года работа по евангелизации шла полным ходом. Ежегодно число новообращенных составляло десять тысяч человек, хотя все они прекрасно осознавали риск, которому подвергали себя, принимая католическую веру." "В начале семнадцатого века японские христиане насчитывали около миллиона человек - плод полувекового апостольского труда, совершенного в условиях сравнительного мира. Еще полвека гонений должны были разрушить эту процветающую церковь, уничтожить ее пасторов, более двухсот из которых приняли мученическую смерть, и оставить мирян без священнослужителей. Эдикты, предписывающие эти меры, оставались в силе более двух столетий". Десятки тысяч христиан предпочли смерть лжесвидетельству. Считалось, что христианство было полностью истреблено страшными и продолжительными гонениями. Однако в 1867 году в окрестностях Нагасаки было обнаружено более четырех тысяч христиан, которые вновь подверглись гонениям, пока давление иностранных государств не обеспечило религиозную терпимость в Японии.

Протестантское христианство пришло в Японию с началом новой эры и проповедовалось с большим рвением и умеренным успехом. Какое-то время казалось, что ему суждено охватить страну с еще большим размахом, чем романтизму в шестнадцатом веке. Но в 1888 году во всех сферах японской жизни и мысли началась антииностранный реакция, которая решительно остановила прогресс христианских миссий.

Этого должно быть достаточно для нашего исторического обзора религиозной жизни японцев. Если бы мы забыли о долгой и неоднократной изоляции Японии, а также игнорировали колебания веры и других религиозных явлений в других странах, мы могли бы сказать, как это делают многие, что японцам свойственны поверхностные и изменчивые

религиозные убеждения. Но, помня эти факты, вспоминая гонения буддистов друг на друга, христианства - на государство, и зная сегодня многих искренних, самоотверженных и стойких христиан, я убежден, что такое суждение ошибочно. Есть и другие, достаточные причины, чтобы объяснить эту видимость изменчивости религии.

В заключение этой главы я хочу сделать одно замечание по поводу только что изложенной религиозной истории. Принимая во внимание огромные изменения, которые произошли в японском религиозном мышлении и формах религии, я спрашиваю: если религиозные явления являются выражением расовой природы, как утверждают некоторые, и если эта природа является неотъемлемой и неизменной, то как можно объяснить столь глубокие изменения? Если религиозный характер японского народа является врожденным, то как можно представить, что он так легко принимает иностранные религии, даже исключая свою собственную родную религию, как это делали те, кто становился буддистом, конфуцианцем или христианином? На основании этих фактов, а они параллельны истории многих других народов, я делаю вывод, что даже религиозные характеристики не зависят от биологической, а полностью зависят от социальной эволюции. Мне кажется, это способно служить самым ясным доказательством того, что религиозные явления любой эпохи зависят от общего развития интеллекта, от господствующих идей и от всех условий цивилизации данной эпохи, а не от структуры мозга или сущностной расовой природы.

XXVII

НЕКОТОРЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Представления простых людей о божестве хаотичны. Они верят в местных духов, которым следует поклоняться; некоторые из них имеют человеческое происхождение, а некоторые появились раньше, чем вся человеческая жизнь. Богов синтоистского пантеона "яойородзу" насчитывается восемь тысяч мириад; однако в их "норито", или молитвенных ритуалах, упоминаются не только "яойородзу", живущие в воздухе, но и "яойородзу", живущие на земле, и даже "яойородзу", живущие под землей. Если сложить их вместе, то получится не менее двадцати четырех тысяч мириад богов. К ним, конечно, относятся солнце, луна, звезды, все силы природы, а также духи людей. Популярный буддизм принимает богов синто и привносит множество других, поклоняясь не только Будде и его непосредственным "раканам", ученикам, которых насчитывается пятьсот, но и бесчисленным абстракциям идеальных качеств, таким как разновидности Кваннона (Авелокитесвары, боги и богини милосердия), Амида (Амитабха, идеал безграничного света), Дзидзо (Кшитигарбха, помощник попавших в беду, потерянных детей и беременных женщин), Эмма О (Яма-раджа, правитель буддийских адов), Фудо (Ачала, "неподвижный", "неизменный") и многие другие. Народный буддизм также поклоняется каждому умершему или живущему человеку, который стал "хотоке", то есть достиг состояния будды и вошел в нирвану. Японские боги бесчисленны в теории и многочисленны на практике. Здесь есть не только боги добра, но и боги похоти и зла, которым разбойники и блудницы могут молиться об успехе и благословении.

В японском пантеоне нет верховного бога, такого, как, например, римский Юпитер или греческий Хронос, как нет и строгой божественной иерархии.

Согласно общепринятой точке зрения (хотя определенного мнения на этот счет нет), идея состоит в том, что вселенная с ее законами и природой уже существовала до появления богов на сцене; они создали конкретные места, такие как Япония, из уже существующего материала. Ни в синто, ни в популярном буддизме не формируется представление о первоисточнике всего сущего с его природой и законами. В этом отношении японская мысль похожа на всю примитивную религиозную мысль. В японском языке нет слова, соответствующего английскому термину "Бог". Ближе всего к нему подходят конфуцианские термины "дзё-тэй", "верховный император", "тэн", "небо" и "тэн-тэй", "небесный император"; но все эти термины - китайские, поэтому в Японии они появились поздно и представляют собой скорее представления образованных и конфуцианских классов, чем народных масс. Эти термины близко подходят к идее монотеизма; но хотя можно обнаружить, что доктрина скрывается в этих словах и идеях, она так и не была развита. Вопрос о том, следует ли понимать "Небо" как личность или просто как судьбу, не был четко продуман; некоторые выражения указывают в одну сторону, другие - в другую.

Здесь я могу обратить внимание на важный факт в истории недавней христианской работы в Японии. Хотя серьезно настроенных японцев в первую очередь привлекает к христианству характер его этической мысли, во многом напоминающей и превосходящей мысли Конфуция, не менее верно и то, что монотеизм является еще одним мощным источником притяжения. Христиане неоднократно говорили мне, что первое религиозное удовлетворение они испытали, когда открыли для себя монотеизм. То, как это повлияло на доктора Нисиму, читатели его жизни не могут не заметить. Он является примером многих людей. В ранние дни христианской работы многие считали, что стали христианами после отказа от многобожия и принятия монотеизма. А на самом деле они были еще теми христианами, хотя мало знали о Христе и почти не нуждались в Его помощи как личного Спасителя. Слабость Церкви в последние годы отчасти объясняется, я не сомневаюсь, принятием в ее ряды большого числа членов, которые были, правильно говоря, монотеистами, но не в полном смысле слова христианами. Позднее они обнаружили, что для того, чтобы считаться или даже быть по-настоящему "христианами", необходимо нечто большее, чем интеллектуальное принятие монотеизма, и это привело к тому, что многие такие "верующие" отказались от отношений с Церковью. Это, хотя во многом и достойно сожаления, было, тем не менее, неизбежно. Простое принятие монотеистической идеи не обеспечивает того преобразования сердца и той теплоты живой веры, которые являются необходимыми элементами альтруистической жизни, требуемой от христианина.

Нетрудно также понять, почему монотеизм оказался столь притягательным для японцев, если учесть, что через него они впервые осознали единство вселенной и даже своей собственной жизни. Природа и человек обрели разумность, которой они никогда не имели в рамках старой философии. История также обрела смысл и порядок, не говоря уже о цели, которых не видели сами нехристианские религии и не могли дать своим почитателям. Кроме того, монотеистическая идея давала удовлетворительный фон и объяснение для точных наук. Если есть только один Бог, который является источником и причиной всего сущего, то легко понять, почему истины науки должны быть универсальными и абсолютными, а не локальными и разнообразными, как это было бы, если бы они находились под юрисдикцией различных местных божеств. Универсальность законов природы была немыслима при политеизме. Таким образом, монотеизм нашел свободный доступ ко многим умам. Сегодня ни один образованный японец не верит в политеизм в чистом виде. Он в той или иной

степени монист. Философский буддизм всегда был монистическим, но не монотеистическим. Мыслящие конфуцианцы также были монистами. Но ни философский буддизм, ни конфуцианство не подчеркивали свои монистические элементы; они не понимали, насколько важны для народной мысли монистические концепции. Но, обладая этими идеями и находясь в контакте с агрессивным христианским монотеизмом, они начинают подчеркивать эту истину.

Поскольку Япония не имела адекватного представления о Боге, ее концепция человека была по необходимости несовершенной. Действительно, причина ее неадекватного представления о Боге в значительной степени связана с ее неадекватным представлением о человеке, которое, как мы видели, является необходимым следствием первобытнообщинного строя. Однако, поскольку мы уже уделили значительное внимание неадекватному представлению Японии о человеке, нам не нужно больше ничего делать, кроме как ссылаться на него в этой связи.

Несовершенным доктринам о Боге и человеке соответствует ее доктрина о грехе. То, что японцы слабо понимают грех, является общепризнанным фактом. Это универсальный опыт миссионера. Многие японцы, с которыми я общался, кажется, не имеют никакого представления о нем. Действительно, говорить об этом с японцами очень трудно не только из-за этикета, но и по более глубокой причине - из-за недостатка языка. В японском языке нет термина, который соответствовал бы христианскому слову "грех". Сказать человеку, что он грешник, не останавливаясь на том, чтобы объяснить, что это значит, было бы оскорблением, ведь он не сознает, что нарушил какой-либо из законов страны. Однако не следует придавать слишком большое значение этому аргументу из языка, поскольку в буддийском лексиконе есть множество терминов, обозначающих преступление, связанное с нарушением не законов страны, а законов Будды.

В синто грех - это не более чем физическая нечистота. Хотя буддизм принес более высокую концепцию религии для немногих посвященных, он не оказал никакой помощи невежественным толпам, а, наоборот, навязал им свои суеверия. Он говорил о законе, похоти и грехе, о страшных наказаниях за грех; но когда он объяснял грех, то делал его природу слишком поверхностной, будучи просто результатом умственного смятения; спасение, таким образом, становилось просто интеллектуальным просвещением; он также делал последствия греха слишком отдаленными, а избавление от них слишком легким. Доктрина "дона", внезапность спасения, множество внешних и совершенно формальных обрядов, короткие паломничества к известным святыням, посещение какого-нибудь соседнего храма с миниатюрными моделями всех других действенных святынь по всей стране, ношение амулетов, покупка "о фуда" и даже одно произнесение определенных магических молитв, как учили, было вполне достаточно для спасения простого человека от самых страшных грехов. Там, где освобождение дается так легко, оценка чудовищности греха, соответственно, незначительна. Насколько же иными были сознание греха и представление о его природе, выработанные иудейским культом с его системой жертвоприношений за грех! Жизнь ради жизни. Что бы мы ни думали об эффективности жертвоприношения животного в качестве искупления греха, оно, несомненно, способствовало углублению чувства греха гораздо больше, чем обряды, распространенные среди буддистов. Насколько мне известно, в Японии никогда не было известно о человеческих или животных жертвоприношениях.

В ответ на маловероятную критику, что жертвоприношение - это результат глубокого чувства греха, а не его причина, я отвечаю, что это и то, и другое. Глубокое чувство - это переживание немногих в самом начале; практика воспитывает толпы и порождает это чувство в народе.

Церемониальное очищение - старинный обряд в Японии. В связи с этим мы, естественно, вспоминаем о "чозу-бачи", который можно найти перед каждым синтоистским святилищем, содержащим "святую воду", которой полощут рот и моют руки. Паломники и богомольцы неизменно пользуются этой водой, вытирая руки о полотенца, предоставленные для этой цели верующими. На наш взгляд, немногие обычаи в Японии в большей степени способствуют распространению нечистот и инфекционных заболеваний, чем этот обряд церемониального очищения. Невозможно придумать лучшего средства для широкого распространения кожных заболеваний, которые так распространены. Реформированная религия Новой Японии - будь то буддизм, синтоизм или христианство - могла бы оказать мало лучших услуг широким слоям населения, чем крестовый поход против этого религиозного обряда. Она может и должна проповедовать учение о том, что грех и осквернение сердец не удаляются таким простым способом, как это предполагает обряд и как в это верят массы. Если оставить обряд очищения в качестве символа, то, по крайней мере, его следует реформировать как практику.

То, что использование очистительной воды связано с чувством морального или духовного греха, на мой взгляд, сомнительно; учитывая общий характер примитивного синто. Интерпретация, данная этой системе У. Э. Гриффисом в его книге "Религии Японии", наводит на размышления, но с учетом всех фактов не кажется окончательной. "Одной из самых примечательных особенностей синто, - пишет он, - был акцент на чистоте. Загрязнение было бедствием, осквернение - грехом, а физическая чистота, по крайней мере, святостью. Все, что могло каким-либо образом испачкать тело или одежду, рассматривалось с отвращением и презрением".^[CE] Ряд уточнений, приведенных в этой связи, заслуживает внимательного изучения. Но это странная ошибка истории, что чувство физического загрязнения должно развить религиозный обряд, который стал средством распространения физического загрязнения и болезней.

В описаниях иностранцев личная чистоплотность японцев часто связывается с церемониальным очищением, но эти факты сильно преувеличены. В отличие от почти всех, если не совсем всех нехристианских народов, японцы, конечно, поразительно чисты в своих привычках. Но преувеличивать факты совершенно излишне. Татами, или соломенные циновки, толщиной в дюйм и более, придают помещению видимость чистоты, которая обычно не соответствует действительности. Множество блох, которые кишат в обычном японском доме, являются убедительным доказательством реального состояния "татами". Есть и те, кто утверждает, что японская толпа имеет наименее неприятный запах из всех людей в мире. Один писатель заходит так далеко, что утверждает, что в их выдохах не только нет неприятного запаха, но даже присутствует приятный аромат лаванды. Это полностью противоречит моему опыту. Не говоря уже об отвратительном масле, которым все женщины мажут свои волосы, чтобы придать им блеск и жесткость, японская привычка носить тяжелую хлопчатобумажную одежду, почти не надевая нижнего белья, приводит к неизбежному результату в атмосфере любого закрытого помещения. В холодную погоду я всегда нахожу необходимым открыть все двери и окна в своем кабинете или гостиной, после библейских занятий студентов или даже после визитов культурных и состоятельных гостей. То, что японцы так часто купаются, безусловно, интересный факт и ценная черта их цивилизации; это свидетельствует о немалой степени чистоплотности; если бы не это, их одежда стала бы еще более неприятной, чем сейчас, и дурное влияние на них самих от ношения испачканной одежды было бы гораздо сильнее. На самом деле, частое купание не полностью устраняет необходимость в смене одежды. Для японца размер еженедельной стирки иностранца кажется экстравагантным.

Что касается частых купаний, то их чистота преувеличена западными представлениями, поскольку вместо того, чтобы обеспечить пресной водой каждого человека, японские общественные бани обычно состоят из большого резервуара, которым пользуются все вместе. Чистая вода подается для лица, но в основной резервуар чистая горячая вода подается только один раз в день. В Кумамото школьники, жившие с нами, неизменно просили разрешения сходить в баню в начале дня, чтобы первыми воспользоваться водой. Они говорили, что к вечеру она становится такой грязной, что они не могут вынести ее использования. В каждом отеле есть собственная ванна для постояльцев; ее обычно нагревают после обеда, и постояльцы принимают ванну с четырех часов до полуночи, а ожидающие девушки отеля пользуются ею в последнюю очередь. О моем единственном опыте посещения общественных бань уже говорилось выше. На первый взгляд условия были обнадеживающими, ведь в них постоянно текла большая струя горячей воды, а сама вода в резервуаре была довольно прозрачной. Но, войдя внутрь, я с удивлением, если не сказать с ужасом, увидел плавающие по краям резервуара и на его дне следы предыдущих купаний. Поинтересовавшись, я узнал, что резервуар никогда не вымывался и вода не спускалась полностью за один раз; естественный перелив по краю резервуара считался достаточным. В интересах точности хотелось бы добавить, что Новая Япония делает успехи в вопросе общественных бань. В некоторых крупных городах, как мне сказали, иногда предусматривается полностью свежая вода для каждого купальщика в отдельных ваннах комнатах.

В свете этих фактов - как неприятных для упоминания, так и необходимых для точного описания привычек народа - становится ясно, что "ужас перед физической нечистотой" не был и не является таким большим, как некоторые хотели бы заставить нас поверить. Каким бы ни было состояние в древние времена, трудно поверить, что обряд церемониального очищения мог возникнуть из нынешней практики и привычек мышления. Можно рискнуть спросить, не был ли обычай использования "очистительной воды" привнесен из-за границы.

Но каковы бы ни были нынешние мысли людей по поводу греха, можно доказать, что они обусловлены преобладающей системой идей, моральных и религиозных, а не врожденным расовым характером. В интересной статье г-на Г. Такахаси "Прошлое, настоящее и будущее христианства в Японии" я нахожу утверждение, что проповеди монахов, пришедших в Японию в XVI веке, были такого характера, что вызывали у новообращенных очень глубокое сознание греха. "Христиане или мученики неоднократно восклицали "мы, несчастные грешники", "Христос умер за нас" и т. д., о чем убедительно свидетельствуют их письма. Именно поэтому их совесть была возбуждена жгучими словами Христа и поддерживалась в бодрствующем состоянии посредством раскаяния и исповеди". Среди современных христиан чувство греха выражено гораздо яснее и отчетливее, чем среди необращенных. Отдельные случаи крайнего осознания греха небезызвестны, особенно при ранней протестантской проповеди. Если христиане последнего десятилетия меньше чувствуют грех, то это объясняется изменением характера недавней проповеди, как следствие изменения концепции христианства, широко принятой в протестантских странах. Кто возьмется утверждать, что христиане Новой Англии девятнадцатого века испытывают такое же гнетущее чувство греха, какое было характерно для XVI, XVII и XVIII веков? Чувство греха обусловлено скорее характером господствующих религиозных идей эпохи, чем строением мозга или расовой природой. Я не могу согласиться с г-ном Такахаси в том, что "для того чтобы быть религиозным, необходим семитский оттенок ума". Это вопрос не ума, не расовой природы, а доминирующих идей.

В этой связи я могу сослаться на случай, который произошел со мной несколько лет назад. На сайт обратился молодой человек с просьбой о вступлении в Церковь Кумамото, который в свое время был учеником одного из моих библейских классов. Я не знал, что он получил какую-то особую помощь от занятий со мной, пока не услышал его рассказ о том, как он обнаружил свою нужду в Спасителе и нашел ее удовлетворение во Христе. В своем заявлении перед экзаменационным комитетом церкви он сказал, что когда впервые прочитал тринадцатую главу 1-го Послания к Коринфянам, то был настолько впечатлен ее красотой как стиха, что написал ее целиком на одной из фусума (легких бумажных дверей) в своей комнате и каждое утро, вставая, читал ее. Такая практика продолжалась несколько недель. Затем, продолжая изучать Библию, мы взялись за третью главу Евангелия от Иоанна, и когда он дошел до шестнадцатого стиха, его так впечатлило его высказывание, что он написал его рядом со стихотворением из Коринфянам и читал их вместе. Постепенно это ежедневное чтение, а также случайные проповеди и другие христианские обращения, которые он слышал в школе для мальчиков, привели его к желанию обрести любовь, описанную Павлом, и более глубоко познать любовь Божью, описанную Иоанном. Ему пришло в голову, что для достижения этих целей он должен молиться. Когда он это сделал, то сказал, что впервые в жизни его одолело чувство недостойности и греховной природы. Разумеется, это было лишь началом его христианской жизни. После этого он начал серьезно и со все большим удовольствием изучать Писание. Вскоре он захотел публично исповедовать свою веру и таким образом приобщиться к христианской общине. Этот краткий рассказ о том, как этот молодой человек был приведен ко Христу, иллюстрирует многие моменты, но главное, ради чего я его привел, - это свидетельство того, что при подобных обстоятельствах человеческое сердце переживает практически одинаковый религиозный опыт, независимо от расы или национальности человека.

Что касается будущей жизни, то синто не имеет конкретной доктрины. Он, конечно, подразумевает продолжение существования души после смерти, как показывает его культ предков, но его концепция относительно будущего состояния остается крайне расплывчатой. Конфуций намеренно отказался учить чему-либо по этому вопросу, и, отчасти по этой причине, утверждает, что конфуцианство нельзя правильно назвать религией. Буддизм принес в Японию развитую систему эсхатологических идей, и если у простых японцев есть хоть какое-то представление о будущей жизни, то его можно отнести к буддийским учениям. Я не буду подробно останавливаться на их сути. Согласно распространенному буддизму, будущий мир, или, правильнее говоря, миры (поскольку их десять, и в любом из них душа может родиться либо сразу, либо в ходе своих будущих переселений), ничем существенным не отличается от настоящего мира. Это мир материальных благ или несчастий; последовательные стадии или миры градируются один над другим фантастическими способами. Спасение заключается в переходе на более высокие ступени жизни, последней или совершенной ступенью является рай, который, достигнув, невозможно потерять. Трансмиграция универсальна, срок жизни в каждом мире определяется достоинствами и недостатками индивидуальной души.

Здесь мы должны рассмотреть два широко используемых термина "ингва" и "мей". Первый из них - буддийский, а второй - конфуцианский; хотя они сильно отличаются по происхождению и значению, но в конечном итоге сводятся к одному и тому же. "Ингва" - это закон причины и следствия. Однако, согласно буддийскому учению, "ин", или причина, находится в одном мире, а "гва", или следствие, - в другом. Например, страдания или любые несчастия, которые постигают человека в этой жизни, являются "гва", или следствием того, что было сделано в предыдущей, и поэтому неизбежны. В этой жизни человек отрабатывает "гва" своей прошлой жизни, и он же отрабатывает "ин" следующей. Его настоящее абсолютно

определено для него его прошлым и, в свою очередь, безвозвратно фиксирует его будущее. Таково буддийское "колесо закона". Распространенное объяснение несчастья, болезни, недуга или любого бедствия состоит в том, что это результат "ингвы" и что, следовательно, от него нет никакой помощи. Парализующий характер этой концепции для развития характера или любой деятельности очевиден не только теоретически, но и на практике. В качестве спасения от неумолимой фатальности этой схемы мышления буддийская вера простых людей прибегает к магии. Магические молитвы, состоящие из нескольких мистических слогов, о значении которых поклоняющийся может быть совершенно не осведомлен, являются средством преодоления неумолимости "ингва", как в этой жизни, так и в следующей. "Наму Амида Буцу", "Наму Мио Хо Рен Ге Кё", "Наму Хен Джо Конго" - самые распространенные из таких магических формул. Эти молитвы звучат из уст десятков тысяч благочестивых паломников не только в храмах, но и на дорогах. Считается, что каждое повторение обеспечивает награду. Обращение народного буддизма к магии не только не приветствовалось философским буддизмом, но и поощрялось. Магия оправдывалась религиозной философией, и многие "хобены", "благочестивые приспособления" для спасения невежд были изобретены священством. Становится очевидным, что, хотя буддизм в некоторых отношениях имеет строгую систему наказания за грех, его метод облегчения таков, что простые люди могут получить лишь самые поверхностные и поверхностные представления о спасении. Буддизм не способствовал углублению чувства ответственности, не помогал формированию характера. То, что более серьезные мыслители нации, как правило, отвергают буддизм, не является странным.

Для нас представляет большой интерес тот факт, что эта эсхатологическая и сотериологическая система была импортирована и не является спонтанным продуктом Японии. Широкий спектр национальных религиозных особенностей, в которых явно прослеживается влияние буддизма, показывает, насколько значительная часть характера нации обусловлена системой мышления, которая по тем или иным причинам преобладает, а не расовыми особенностями.

Другой упомянутый выше термин, "мэй", буквально означает "повеление" или "указ"; но если английские термины определенно подразумевают реальное существо, которое решает, постановляет и повелевает, то термин "мэй" в этом вопросе неопределен. Он часто соединяется со словом "Тен", или Небо; "Тен-мей", указ Неба, как бы подразумевая личность на заднем плане мысли. Однако, как я уже отмечал, это только подразумевается; в реальном употреблении оно означает судьбу, предписанную Небом; то есть судьбу, предначертанную судьбой, или абсолютную судьбу. И китайцы, и джапа не вникали в смысл глубочайших концепций своей философии. Но слово "мэй" обычно употребляется совершенно без связи с "десяткой", и в этом случае его лучшим переводом на английский, вероятно, будет "судьба". В этом смысле оно часто используется. Однако, в отличие от буддизма, конфуцианство не предусматривало никаких способов избавления от "мэй", кроме морального поведения. Одним из его важных преимуществ была свобода от апелляции к магии в любой форме, а также опора на искренность сердца и правильность поведения.

Мало кто из иностранцев не отмечал повсеместное использование японцами фразы "Сикатага най", "ничего не поделаешь". Готовая покорность "судьбе", как они ее считают, даже в мелочах дома и в повседневной жизни, поражает оксидента. Там, где мы возлагаем на себя и друг на друга острую личную ответственность, чувство покорности судьбе часто заставляет их оправдывать ошибки фразой "Шикатага най".

Но эта черта не свойственна Японии. Китай и Индия также отмечены ею. Во время голода в Индии часто замечали, как индусы, повинувшись судьбе, укладывались голодать в своих

хижинах, в то время как западные люди делали что-то силой, борясь даже с указами небес, если это было необходимо. Но важно отметить, что эта черта в Японии претерпевает быстрые изменения. Дух абсолютной покорности, столь характерный для простых людей старой Японии, уходит, а на его место приходит самоутверждение. Образование и развивающийся интеллект вытесняют страх перед судьбой. Если бы наша оценка характера японской расы основывалась исключительно на истории Старой Японии, можно было бы легко сделать вывод, что дух покорности правителям и судьбе - это национальная черта, обусловленная расовой природой; но каждый новый год Новой Японии показывает, насколько ошибочным было бы такое мнение. Таким образом, мы снова видим, что особенности Японии, старой и новой, обусловлены не расовой природой, а преобладающей цивилизацией в самом широком смысле этого слова. Религиозные особенности народа зависят в первую очередь от господствующих религиозных идей, а не от врожденной религиозной природы.

XXVIII

НЕКОТОРЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ

Среди истинно религиозных чувств японцев - преданность и сыновняя почтительность. Уже уделив им значительное внимание, мы не будем долго задерживаться на них здесь. Главное, что следует подчеркнуть, - это то, что эти два принципа возвысились до мощных религиозных чувств, которые пронизывают и доминируют во всей жизни нации. Они лежали не только в основе мужества, верности, послушания и всех особых добродетелей старой Японии, но и в основе большей части ее религии. На этих эмоциях, чувствах и верованиях построено 190 000 синтоистских святилищ. Преданность даймё была важнейшей частью религии прошлого, как преданность императору - важнейшая часть популярной религии сегодняшнего дня. Рядом с преданностью стояла сыновняя почтительность; она не только создавала кладбища, но и поддерживала храмы богов и семейный культ предков на протяжении веков. Один из первых вопросов, который задают мне многие люди, интересующиеся христианством, касается того, как мы относимся к нашим родителям, живым и мертвым, к могилам и памяти наших предков. Эти два религиозных чувства - преданность и сыновняя почтительность - были важнейшими элементами первобытного синто. Привнесенные религии, в частности конфуцианство и христианство, способствовали их укреплению. Учитывая несомненную религиозную природу этих двух чувств, трудно понять, как кто-то может отказывать в названии религии тем религиям, которые их прививают, - синто и конфуцианству. Это показывает, насколько ущербно современное представление о реальной природе религии.

Однако, несмотря на реальность этих религиозных чувств, в Японии делается много вещей, совершенно противоположных. Конечно, это так. Эти нарушения проистекают из безрелигиозности, а безрелигиозность есть в любой стране. Более того, многие вещи, совершаемые во имя верности и благочестия, кажутся нам, западным людям, чрезвычайно причудливыми и нелогичными. Поступки, которые кажутся нам нелояльными и несклонными, не вызывают никаких упреков. Благочестие часто кажется нам более активным по отношению к мертвым, чем к живым.

С преданностью и сыновней почтительностью, а отчасти и с их выражением, тесно связано еще одно религиозное чувство, а именно благодарность. В главе "Кокоро" "О поклонении

предкам" г-н Хирн делает несколько уместных замечаний о природе синто. "Главным среди нравственных чувств синто является любовь и благодарность к прошлому". Он объясняет это тем, что "для японской мысли мертвые не менее реальны, чем живые. Они участвуют в повседневной жизни людей, разделяя самые скромные горести и самые скромные радости... и повсеместно считается, что они находят удовольствие в подношениях, которые им делают, или в почестях, которые им оказывают". В этих утверждениях много правды, хотя я ни в коем случае не разделяю мнение, что в связи с верой японцев в мертвых "развились моральные чувства, совершенно неизвестные западной цивилизации", или что их "любящая благодарность прошлому" - это "чувство, не имеющее реального соответствия в нашей собственной эмоциональной жизни". Можно предположить, что в этих вопросах мистер Хирн говорит от своего имени; но он, конечно, не совсем верно представляет мысли и чувства известного мне круга людей. Чувство благодарности у западных народов столь же реально и сильно, как и у японцев, хотя оно и не находит выражения в поклонении мертвым. То, что японцы изобилуют выражениями благодарности прошлому и сильным миром сего, не подлежит сомнению. Это проявляется в проповедях и публичных выступлениях, а также в многочисленных храмах, посвященных национальным героям.

Но удивляет, как часто встречается явная неблагодарность по отношению к живым благодетелям. Несколько лет назад я слышал разговор между молодыми людьми, которые получили особые возможности для путешествий и обучения за границей благодаря либеральности американских джентльменов.

По-видимому, молодые люди считали, что вместо того, чтобы получать какие-то особые блага, они оказывают их своим благодетелям, позволяя последним помогать таким блестящим молодым людям, как они, чья последующая карьера в Японии сохранит для потомков имена их благодетелей. У меня был опыт оказания помощи начинающим студентам, в некоторых случаях я помогал им годами; некоторые из них проявляли настоящую благодарность, но большая часть казалась необычайно скудной на эту милость. Мне кажется, что сравнительно немногие из десятков студентов, получавших от миссии значительную часть своих расходов во время учебы, чувствовали, что тем самым они в каком-то особом долгу перед ней. Показателен случай, произошедший с классом, в котором миссионер около года преподавал Библию на английском языке. В конце учебного года они пригласили его на ужин, где произнесли несколько очень приятных речей и попрощались друг с другом на лето. Учитель был очень доволен результатами работы за год, чувствуя, естественно, что эти мальчики стали его закадычными друзьями. Но в сентябре следующего года, когда он вернулся, класс не только не захотел возобновить занятия с ним, но, казалось, не желал иметь с ним ничего общего. На улице многие из них даже не узнали бы его. На ум приходят и другие подобные случаи, но следует помнить, что миссионеры дают такие наставления свободно и всегда по просьбе получателя. В приведенном случае учитель пришел к выводу, что изысканный ужин и прекрасные прощальные речи были восприняты молодыми людьми как полное погашение всех долгов благодарности и полная компенсация за услуги. Однако следует сказать, что в то время в самом городе царил решительный антагонизм по отношению к христианству и, конечно, к христианским миссионерам, и этот факт может частично, но не полностью, объяснить видимость неблагодарности.

Японцы гордятся своей благодарностью. Однако она ограничена в своих масштабах. Она энергична по отношению к мертвым и к императору, но как благодать повседневной жизни она не бросается в глаза.

Немногие достижения японцев были более примечательны, чем подавление некоторых религиозных явлений. Любое полное описание религиозных особенностей японцев

пятьдесят лет назад включало бы в себя самые отвратительные и аморальные практики под видом религии. До тех пор пока правительство не подавило их в первые годы правления Мэйдзи, во многих частях Японии существовали фаллические святилища, пользовавшиеся значительной популярностью, в которых, по крайней мере, на праздниках, сексуальная безнравственность казалась неотъемлемой частью поклонения. В Удзи, недалеко от Киото, столицы империи на протяжении тысячи и более лет и центра буддизма, находилось святилище, пользовавшееся большой известностью и популярностью. Туда стекались толпы людей для вакханалии. Под покровительством богини Хасихиме и бога Сумиёси давалась свобода похоти. С начала нового режима подобные развлечения были запрещены и, по-видимому, прекращены; самих фаллических символов больше не видно, хотя хранитель святилища утверждает, что они все еще там, спрятанные в ящиках на постаментах, которые раньше занимали эти символы. Когда я посетил это место несколько лет назад с одним миссионером, нам сказали, что многие люди все еще приходят туда, чтобы помолиться божествам; те, кто ищет развода, молятся женскому божеству, а те, кто ищет благоприятного брака, молятся мужскому божеству; на вопрос о пропорции поклоняющихся нам ответили, что примерно десять первых на одного второго, что свидетельствует о несчастье во многих домах. Профессор Эдмунд Бакли специально изучал тему фаллического поклонения в Японии; в своей диссертации на эту тему он приводит список из тринадцати мест, где эти символы фаллического поклонения можно было увидеть несколько лет назад. Примечательно, что в Удзи, в двух шагах от фаллического святилища, находится храм бога Агаты, чьей особой функцией является лечение венерических заболеваний.

Но если фаллический культ и сопутствующая ему безнравственность были искоренены, то безнравственность, связанная с религией, в некоторых кварталах все еще свирепствует. Недалеко от великих храмов в Исэ, центре синтоизма и цели для полумиллиона паломников в год, находятся большие и процветающие бордели, покровительствуемые и существующие ради паломников. Еще более популярным курортом для паломников является Компира, куда, как мы видели, ежегодно приезжает около 900 000 человек; здесь лучшие отели, а предположительно и другие, обеспечены проститутками, которые также служат девушками-официантками; по прибытии гостя обычно спрашивают, будет ли включено пользование проституткой в его гостиничный счет. Кажется странным, что правительство прилагает столько усилий для подавления фаллицизма и допускает такую безнравственность под карнизом величайших национальных святынь; ведь эти святыни не являются частными делами; правительство принимает дары и регулярно платит жалованье священникам, посещающим их. Судя по успехам в уничтожении фаллических культов, правительство могло бы положить конец любой публичной проституции в связи с религией, если бы захотело это сделать.

В связи с вышеизложенными фактами интересен тот факт, что старые религии, сколько бы силы, красоты и истины мы им ни приписывали, никогда не боролись ни с этими непристойными формами поклонения, ни с отъявленной безнравственностью их приверженцев. Что бы ни говорили о глубокой философии жизни, заложенной в фаллическом поклонении, на протяжении многих сотен лет оно было источником вопиющей безнравственности. Тем не менее, никогда не было никаких постоянных и эффективных усилий со стороны высших типов религии по истреблению низших. Но Япония в этом отношении не уникальна. Индия даже сейчас поражает аморальностью некоторых форм своего культа.

Еще один интересный момент в этой связи заключается в том, что изменение отношения нации к этой форме религии было в значительной степени, возможно, полностью,

обусловлено контактом с народами Запада. Искоренение фаллического культа было вызвано не моральной реформацией, а политическими амбициями. Оно было осуществлено не в соответствии с общественным мнением, а полностью по приказу правительства, хотя, без сомнения, более благородное общественное мнение страны одобряло действия правительства. Но даже это благородное общественное мнение было вызвано окцидентальным стимулом. В немалой степени успех этих усилий следует приписать вековому национальному обычаю полностью подчиняться правительственной инициативе и командованию.

Еще один интересный момент заключается в том, что в результате официального давления религиозный характер большого числа людей, похоже, претерпел радикальные изменения. Обычный путешественник в Японии и не подозревает, что фаллицизм когда-либо был заметной чертой японской религиозной жизни. Только пытливый искатель теперь может найти малейшие свидетельства этого некогда популярного культа. Здесь мы имеем очевидное изменение характера народа, внезапное и полное, вызванное почти полностью внешними причинами. Это показывает, что прежняя характеристика не была так глубоко укоренена в физической или духовной природе расы, как многие хотели бы заставить нас поверить. Можем ли мы избежать вывода о том, что национальные особенности в гораздо большей степени обусловлены кругом господствующих идей и реальной практикой, чем врожденной расовой природой?

То, как подавлялся фаллицизм в нынешнюю эпоху, поднимает общий вопрос о религиозной свободе в Японии. В этом отношении, как и во многих других, произошли перемены, настолько значительные, что они равносильны революции. В течение двухсот пятидесяти лет христианство было строго запрещено под страхом крайних наказаний. В 1872 году эдикт против христианства был отменен, была разрешена свободная проповедь, и некоторое время казалось, что вся нация станет христианской за несколько десятилетий; даже нехристиане призывали сделать христианство государственной религией. Какой удивительный поворот! Теперь религиозная свобода гарантируется конституцией, принятой в 1888 году. Есть люди, которые утверждают, что до вторжения христианства в Японию религиозная свобода была идеальной, а гонения были неизвестны. Это заблуждение. Когда в Японию пришел буддизм, то сначала просили разрешения у властей, и какое-то время им отказывали. Когда возникли различные секты, гонения были жестокими. Мы видели, как вера в христианство была запрещена под страхом смерти на протяжении более двухсот пятидесяти лет. По этому эдикту были преданы смерти многие тысячи японских христиан и более двухсот европейских миссионеров. И все же в целом можно сказать, что в старой Японии было не мало религиозной свободы. Действительно, один и тот же человек мог свободно поклоняться во всех святынях и храмах страны. И по сей день многие люди не задаются вопросом, кто они - синтоисты, буддисты или конфуцианцы. Причиной такого религиозного эклектизма был дробный характер старых религий; они дополняли друг друга. Между ними не было столкновения ни в доктрине, ни в морали. Поэтому религиозная свобода была не принципиальной, а безразличной. Как Рим был терпим ко всем религиям, не претендовавшим на исключительность, но жестоко преследовавшим христианство, так и Япония была терпима к двум религиям, попавшим на ее территорию, поскольку они не претендовали на исключительность. Но религия, которая требовала отказа от соперников, вызывала страх и была запрещена.

Однако Новая Япония, следуя англосаксонскому примеру, однозначно приняла свободу вероисповедания как принцип. Сначала она была молчаливо разрешена после отмены эдикта против христианства в 1872 году, а затем открыто гарантирована конституцией,

обнародованной в 1888 году. С тех пор в стране существует полная религиозная свобода для каждого человека.

Однако с этим утверждением следует быть осторожным. Если судить по некоторым недавним постановлениям Департамента образования, то окажется, что большая и влиятельная часть нации все еще не понимает реальной природы и значения "религиозной свободы". Под предлогом поддержания светского образования Департамент образования запретил неформальное и частное христианское преподавание даже в частных школах. Адекватное изложение современной борьбы за полную религиозную свободу заняло бы много страниц. Мы отметим лишь один важный момент.

Запрещая преподавание религии во всех школах, Департамент образования фактически устанавливает новую религию для Японии, религию, основанную на императорском образовательном эдикте.^[CF] В последние годы все более очевидным становится религиозный характер отношения правительства к этому эдикту. Летом 1898 года один из тех, кто располагал особыми возможностями для получения информации, рассказал мне, что г-н Киношита, высокопоставленный чиновник в Департаменте образования, предложил церемониальное поклонение картине и эдикту императора во всех школах, потому что он видел необходимость в воспитании религиозного духа благоговения вместе с необходимостью иметь религиозные санкции для морального закона. Он был убежден, что национальная школьная система без таких санкций будет беспомощна в обучении нравственности учеников. Его предложение было принято Департаментом образования и реализовано.

Таким отношением к религиозному характеру полностью частных школ правительство существенно ограничивает религиозную свободу людей. Оно ограничивает их свободу претворять свои убеждения в жизнь в одном важном отношении, а именно в получении христианского образования. Она фактически настаивает на принятии той формы религии, которая апофеозирует императора и находит санкции за нравственность в его эдикте; она исключает из школ любую другую форму религии. Конечно, следует сказать, что такое отношение сохраняется не только к христианским школам, но теоретически и ко всем религиозным школам. Однако на христианские школы оно действует более жестко, чем на другие, поскольку только христиане создают высокочастные школы для светского образования под религиозным влиянием.

Таким образом, очевидно, что в вопросе религиозной свободы нынешняя позиция правительства парадоксальна: на одном дыхании оно предоставляет то, что в важном отношении отрицает на другом. Но в ходе всех этих изменений и благодаря им мы все яснее видим, что даже религиозная терпимость - это вопрос преобладающих социальных идей и господствующего общественного строя, а не врожденного расового характера. В результате одной лишь трансформации общественного строя Япония перешла от состояния совершенной религиозной нетерпимости к состоянию, прямо противоположному ей, в том, что касается индивидуальной веры.

Проведя всесторонний обзор нашего исследования, мы видим, что формы религиозной жизни японцев были определены историей, а не каким-либо врожденным расовым характером народа. Хотя у них была своя религия до прихода какого-либо внешнего влияния, все же они оказались готовыми учениками религий других стран. Религия Индии, ее эзотерические и особенно экзотерические формы, нашла широкое признание и длительную популярность. Высшая жизнь нации в более поздние времена с готовностью приняла религиозные черты китайцев, преимущественно этические, правда, и лишь слегка

религиозные в отношении форм поклонения. Когда в шестнадцатом веке в Японию пришло римско-католическое христианство, оно тоже нашло готовое признание. Правда, во многих отношениях оно представляло взгляд на природу религии, не сильно отличающийся от буддизма, но в других было заметное расхождение, как, например, в учении о Боге, индивидуальном грехе, природе и методе спасения. Таким образом, японцы показали себя готовыми ассимиляторами всех этих разнообразных систем религиозного выражения. В настоящее время японцам предлагается новая презентация христианства: одни призывают их принять римско-католическую форму, другие - греческую, третьи - протестантскую точку зрения. Каждая из этих групп миссионеров, похоже, собирает хорошие урожаи. Исходя из собственного опыта, могу сказать, что многие японцы так же хорошо понимают суть религиозной жизни и находят идеи и идеалы, доктрины и обряды христианства отвечающими глубочайшим потребностям их сердца, как и все в самых просвещенных частях христианства. Правда, христианская система настолько противоположна буддистской и синтоистской, а в некоторых отношениях и конфуцианской, что вначале очень трудно дать буддисту или синтоисту хоть какое-то представление о том, что такое христианство. Однако трудность возникает не из-за особенностей строения мозга, не из-за врожденного расового характера, а исключительно из-за разнообразия до сих пор преобладавших систем мышления. Когда переход от одной системы мышления к другой осуществлен, и значение христианской системы и жизни оценено, - другими словами, когда японский буддист, синтоист или конфуцианец стал христианином, - он такой же истинный христианин и такой же верующий, как англичанин или американец.

Конечно, я не хочу сказать, что он смотрит на каждую доктрину и на каждый обряд точно так же, как англичанин или американец. Но я утверждаю, что разница во взглядах объясняется различиями в социальной и религиозной истории прошлого и разным окружением настоящего, а не врожденным расовым характером или строением мозга. Японцы - это люди, прежде чем они станут японцами.

По этим причинам я абсолютно уверен в том, что японцы окончательно примут христианство. В истинном христианстве нет ни одной расовой особенности, которая преграждала бы путь. Более того, сам рост японцев в последние годы, интеллектуальный и связанный с реорганизацией общественного строя, указывает на окончательное принятие ими христианства и делает его необходимым. Старые религиозные формы не удовлетворяют религиозные потребности сегодняшнего дня. И если история что-то доказывает, то она доказывает, что только религия Иисуса может сделать это навсегда. Религия - это вопрос человечества, а не национальности. Именно по этой причине во всем мире религии, хотя и имеют столько форм, все еще так похожи друг на друга. И именно потому, что религия Иисуса - это в первую очередь религия человечества и в ней нет ни малейшего признака исключительной национальности, она является истинной религией и способна удовлетворить самые глубокие религиозные потребности как самого высокоразвитого, так и самого низкоразвитого человека любой расы и нации. По мере развития человек выходит из своего узкого окружения, как физического, так и умственного и даже морального; он вступает в более и более обширный мир. Религиозные проявления его природы на местных, провинциальных и даже национальных этапах его жизни не могут удовлетворить его более широкую потенциальную жизнь. Это может сделать только религия человечества. И это религия Иисуса. Белый свет религии, как и свет научной истины, не имеет ни местной, ни национальной окраски. Совершенная истина универсальна, вечна, неизменна. Окцидентальная или восточная окраска в действительности является дефектом, обесцвечиванием.

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

И вот теперь, изучив несколько подробнее различные отличительные японские черты, нам важно понять общие принципы, которые управляют развитием единой, национальной жизни. Эти принципы делают японскую историю яркой.

Прежде всего, давайте обратим внимание на тот факт, что каждый шаг в прогрессе человечества происходил от меньших к большим сообществам. Другими словами, прогресс человечества происходил за счет все большего распространения общинного принципа. Первобытный сегрегационный человек, если таковой вообще существовал, вряд ли заслуживает того, чтобы называться человеком. Социальные качества у него были очень слабыми, если вообще были; его альтруистические действия и эмоции были самого низкого и слабого типа. Его жизнь была настолько эгоцентричной - мы не можем назвать ее эгоистичной, поскольку он не осознавал своей эгоцентричности, - что ему вполне хватало самого себя, за исключением коротких промежутков времени. Для него было относительно безразлично, выживут или погибнут его сородичи. Его жизнь была лишь в малейшей степени связана с их жизнью. Первый шаг прогресса для него зависел от развития той или иной формы общинной жизни. Первоочередная проблема социальной эволюции человека заключалась в том, чтобы взять дикого, эгоцентричного, самодостаточного человека и научить его двигаться в ногу со своими сородичами. И эта проблема стояла не только перед человечеством в самом начале, но и была великой проблемой каждого последующего этапа. После того как человека научили жить с ближайшими родственниками, работать на них и любить их (иными словами, сливать свои личные интересы с интересами семьи и считать интересы семьи более важными, чем свои собственные), следующим шагом было побудить семью выйти за пределы своего маленького мирка и быть готовой работать с соседними семьями и для них. Когда, после долгих веков конфликтов, этот шаг был в какой-то мере обеспечен и семья-племя была достаточно сформирована, эту группу, в свою очередь, нужно было научить воспринимать еще более крупную группу, племенную нацию. На протяжении веков постоянной проблемой было развитие все более и более крупных общинных групп. Этот общий процесс мистер Бейджхот очень метко назвал процессом укрощения. Таким образом, эгоистические мысли и амбиции отдельного человека все больше и больше отодвигались на задний план, если не на задний план сознания. Индивид вступает в жизненно важные и органические отношения с постоянно растущими толпами своих собратьев. Таким образом, это в первую очередь процесс социального или ассоциативного развития. Он не только развивает социальные отношения во все более широком масштабе, но и социальные качества, идеалы и желания.

Это укрощение, этот процесс социализации был успешным, потому что за ним стоял, постоянно соблюдая его, закон выживания сильнейших. Какие бесчисленные миллионы людей должны были погибнуть на первом этапе! Они состояли из менее приспособленных; из тех, кто не смог или не захотел достаточно быстро освоить секрет существования через постоянный семейный союз. А какие бесчисленные миллионы семей должны были погибнуть, потому что они не нашли способа или были слишком независимы, чтобы

объединиться с родственными семьями для борьбы с общим врагом или создания общих запасов пищи. А еще позже - сколько бесчисленных племен погибло, прежде чем секрет племенной федерации получил широкое распространение! В каждом случае проблема заключалась в том, чтобы обеспечить подчинение интересов меньшей и локальной общины интересам большей. Смерть для себя и жизнь для больших интересов часто были условием существования вообще. Как медленно люди всегда усваивали и до сих пор усваивают этот великий урок истории!

Метод, с помощью которого осуществлялся этот процесс укрощения, заключался в формировании все более всеобъемлющих и жестких обычаев и идей. Благодаря развитию и постоянному существованию общего языка, ряду общих обычаев и набору общих идей обеспечивалось единство общины; именно с их помощью группа превращается в общину. По мере того как меньшая община уступала место большей, местные языки, обычаи и идеи должны были распадаться и видоизменяться настолько, чтобы образовывать новые узлы единства. Пока это единство не было обеспечено, новая община была неизбежно слабой; группа легко распадалась на свои старые составные элементы. Здесь мы получаем представление об одной из причин, по которой развитие больших составных сообществ, объединяющих и по большей части уничтожающих более мелкие, было таким трудным и медленным.

Процесс поглощения мелких групп и их объединения в более крупные, когда он полностью осуществляется в любой стране, имеет тенденцию к остановке дальнейшего роста, и не только потому, что не остается места для дальнейшего расширения за счет поглощения других разнородных племен, но и потому, что "пирог обычаев" становится настолько твердым, единообразие, навязанное всем индивидам, становится настолько обязательным, что плодотворные вариации изнутри фактически отсекаются. Эволюция относительно изолированных или обособленных групп обязательно порождает разнообразие; а процесс, в ходе которого эти различные типы жизни, мышления и организации постепенно объединяются в одно большое сообщество, обеспечивает широкие элементы вариативности, отбор и общее внедрение которых может обеспечить эволюцию всего сообщества. Но если однажды отклоняющиеся элементы меньших групп будут полностью поглощены объединенным сообществом, а "пирог обычаев" станет настолько жестким, что каждый индивид, который от него отличается, будет заклеен как еретик и предатель, прогрессивная эволюция этого сообщества должна прекратиться.

Поэтому великая проблема, которая встает перед человеком и, кажется, угрожает всему дальнейшему прогрессу, заключается в том, как разорвать кабалу обычаев, чтобы обеспечить местные или индивидуальные вариации. Это можно сделать только через некоторую форму индивидуализма. Человек должен быть свободен думать и действовать так, как подсказывает ему опыт или фантазия, без страха быть заклеенным как предатель, или, по крайней мере, он должен иметь мужество делать это, несмотря на такие опасения. А чтобы произвести эффект на общество, он также должен быть более или менее защищен в своих идиосинкразиях народной терпимостью.

Ему должны позволить жить и работать над своими теориями, доказывая, ценны они или нет. Но поскольку индивидуализм - это как раз то, что все предыдущее общинное развитие старательно подавляло, как возможен или даже желателен рост индивидуализма? Если первое и дальнейшее развитие человека зависело от достижения и поддержания общинного принципа, мы можем быть уверены, что его дальнейший прогресс не будет заключаться в отмене этого принципа. Если, следовательно, индивидуализм должен развиваться, то он, очевидно, должен быть такого рода, который не противоречит

общинному принципу и не отменяет его. Только в том случае, если индивидуализм включает в себя общинный принцип, он будет источником силы; в противном случае он может быть только источником слабости для сообщества. Но не является ли это условие невыполнимым? Безусловно, до наступления события это казалось бы так. Редкость, с которой совершается этот шаг в человеческой эволюции, свидетельствует о том, что его гораздо труднее осуществить, чем любой из предыдущих. Чтобы дать ему название, мы можем назвать его коммунно-индивидуализмом. Что представляет собой эта разновидность индивидуализма, как впервые был сделан этот шаг вперед и как он сохраняется и расширяется до сих пор, мы рассмотрим в одной из следующих глав. Сейчас же его значение для нас двояко. Во-первых, мы должны осознать логическую трудность этого шага - его кажущуюся самопротиворечивость. А во-вторых, мы должны увидеть, что без него невозможна полноценная и постоянно прогрессирующая национальная жизнь. Развитие нации по общинному принципу может продвинуться далеко вперед, вплоть до достижения относительно высокого уровня цивилизации. Но полностью централизованная и полностью самосознательная нация не может возникнуть иначе, как на основе этой последней ступени коммунно-индивидуализма. Рост собственно национализма и высокое развитие цивилизации через подъем наук и искусств, основанных на индивидуализме, - все это ожидает рассвета эпохи, ведущей, хотя вначале и непризнанной, характеристикой которой является коммунно-индивидуализм.

Индивидуалистическое развитие общинного принципа - это его интенсивное развитие, это фокусировка и централизация сознания национального единства в каждого отдельного члена. Экстенсивный процесс расширения общины должен всегда сопровождаться интенсивным утверждением в индивидууме общинного идеала, объективного в субъективном, физического в психическом, если случайное объединение для индивидуальной выгоды должно перерасти в постоянное объединение для национальной, а также индивидуальной жизни. Интенсивное, или субъективное, развитие общинного принципа происходит, по сути, во всех растущих сообществах, но в основном бессознательно. Только на последних стадиях национального развития оно становится самосознательным процессом, заслуживающим того отличительного названия, которое я дал ему здесь, - коммунно-индивидуализм.^[CG]

Вышеизложенное, однако, является лишь одним из аспектов более общего факта, также имеющего кардинальное значение для социолога и исследователя человеческой эволюции. Он заключается в том, что на протяжении всего периода расширения сообщества происходило столь же глубокое, хотя и совершенно неосознанное, развитие индивида. Этот факт, кажется, в значительной степени ускользнул от внимания всех, кроме самых последних мыслителей и писателей, занимающихся общей темой эволюции человека и общества. Факт и важность общинной жизни были настолько очевидны, что в важных смыслах индивид почти, если не полностью, выпал из поля зрения. Считалось, что индивид с самого начала социальной эволюции был полностью наделен разумом, идеями и мозгом и был совершенно независим от всех других человеческих существ. Развитие сообщества, соответственно, было задумано как постепенное укрощение и подчинение этого дикого, эгоцентричного, примитивного человека; процесс устранения его индивидуалистических инстинктов. Что касается индивида, то он был задуман как негативный процесс; процесс разрушения его индивидуальных желаний, планов и страстей. Предполагалось, что естественное состояние человека - это абсолютный эгоизм. Только жесткая необходимость естественного закона смогла заставить его обуздать свои естественные эгоистические желания и объединиться со своими братьями. Только на таких условиях он мог поддерживать свое существование. Те, кто не принял эти условия, были истреблены. Таким образом, общинная жизнь во всех ее

формах, от семьи до самой единой и развитой нации, воспринимается как постоянное ограничение индивида - необходимость, конечно, для его существования, но тем не менее ограничение.

Я не могу принять эту точку зрения, которая в лучшем случае является односторонним утверждением. Мне представляется возможным продемонстрировать, что развитие общины и индивида происходит параллельно; что каждое достижение в жизни общины - это достижение для индивида, и наоборот. Это взаимодополняющие, а не противоречащие друг другу процессы. Ни один из них не может существовать, в каком бы то ни было смысле, отдельно от другого; и степень развития одного из них является верным показателем степени развития другого. Этот вопрос настолько важен, что мы должны сделать паузу, чтобы рассмотреть его подробнее.

Рассмотрим, во-первых, человека на самой ранней стадии его развития. Относительно обособленное животное, имеющее несколько представлений об орехах, фруктах и кореньях, на которых оно живет, немного знающих, где их найти; испытывающее постоянный страх перед тем, что внезапно появится более сильный человек, который схватит и унесет его жену и еду; обладающее, возможно, несколькими членораздельными звуками, похожими на слова; таким, вероятно, был первобытный человек. Он, должно быть, мало чем отличался от обезьяны. Его "я", его разум, был так мал и так пуст по содержанию, что мы вряд ли смогли бы признать его человеком, если бы наткнулись на него в лесу.

Посмотрите на него после того, как он станет семейным человеком. Живя в группе, его жизнь увеличивается, его существование расширяется, его идеи множатся, его словарный запас растет вместе с его идеями и опытом; он начинает разделять жизнь и мышление, интересы, радости и горести других людей; их идеи и опыт становятся его идеями, к его огромному преимуществу. То, чем он является сейчас, отбрасывает в тень то, чем он был раньше. Приняв даже такую ограниченную коммунальную жизнь, он не только не проиграл, но и выиграл во всех отношениях. Он начинает понимать, что такое любовь и ненависть, что такое радость и печаль, что такое доброта и жестокость, что такое альтруизм и эгоизм. Таким образом, не только в идеях и языке, в промышленности и собственности, но и в эмоциях, в характере, в морали, в религии, в знании себя и даже в возможности эгоизма, он оказывается в выигрыше. В той мере, в какой развивается общинная жизнь, жизнь составляющих ее индивидов расширяется как субъективно, так и объективно. Психогенез человека происходит на коммунальной стадии его жизни. Человеческое объединение является его главной внешней причиной.

Неважно, на какой последовательной стадии развивающейся жизни человека мы можем рассматривать его, - глубина, высота, широта, одним словом, полнота, энергичность и характер внутренней и личной жизни индивида будут напрямую зависеть от характера и развития общинной жизни. По мере того как община расширяется, вбирая в себя новые семьи, племена или народы, охватывая новые регионы, осваивая новые отрасли промышленности, развивая новые идеи о человеке, природе, богах, долге, изобретая новые отрасли промышленности, открывая новые истины и развивая новый язык, все эти новые приобретения общины становятся достоянием ее отдельных членов. В усложняющемся обществе отдельный человек, правда, все больше теряется среди миллионов своих собратьев, но все эти последовательные шаги делают его жизнь все шире и богаче. Его горизонт уже не ограничивается маленькой семейной группой, в которой он родился; теперь он смотрит на большие и густонаселенные регионы и ощущает трепет своей растущей

жизни, когда осознает единство и общность своей жизни и интересов с интересами своих соотечественников. Его язык все более обогащается; он служит для формирования всего его мышления и, таким образом, даже структуры его ума. Его знания выходят далеко за пределы его собственного опыта; они включают в себя знания не только тех немногих людей, которых он знает непосредственно, но и бесчисленных миллионов, отдаленных во времени и пространстве. Он все больше открывает для себя, хотя никогда не анализировал и, возможно, совершенно не способен анализировать, открытие, что он не вещь среди вещей; его жизнь имеет универсальный аспект. Он все больше и больше живет универсальной жизнью, подчиняя требования некогда господствовавшего настоящего решениям холодного рассудка, который смотрит в прошлое и тщательно взвешивает интересы будущего, временного и вечного. Каждый прогресс, достигнутый сообществом, таким образом, становится заслугой его отдельных членов. Таким образом, развитие общинного принципа далеко не сводится к ограничению индивида, а происходит как раз наоборот. Только по мере развития индивида возможны единство и прогресс общины. И, с другой стороны, только там, где общинный принцип достиг своего наивысшего развития, как экстенсивно, так и интенсивно, мы находим наиболее высокоразвитую личность. Одно является необходимым условием другого. Даже самый глубокий, самый черный эгоизм может появиться только там, где общинный принцип достиг своего наивысшего развития.

Однако предыдущее утверждение не равнозначно тому, что, когда в человеческом сознании возникли общинность и индивидуализм, они оба были приняты как одинаково важные. Похоже, что всегда было наоборот. Как только эти два принципа разграничиваются в мышлении, общинный сразу же причисляется к высшим, а индивидуальный принцип презирается, а то и вовсе отвергается. И причина этого очевидна. С древнейших времен постоянным врагом, с которым сообществу приходилось бороться и истреблять, был беспринципный, эгоистичный индивид. Индивидуализм такого типа был спонтанным контрастом общинной жизни и постоянно проявлялся. Ни одна эпоха или раса не обходилась без него и не знала о нем. Как только эти два принципа стали четко противопоставлены друг другу в мыслях, следовательно, в силу своего реального опыта, человек мог представить себе индивидуализм только как противоположность общинному; чувствовалось, что они взаимно разрушительны. Из этого неизбежно следовало, что коммунизм как принцип принимался, а индивидуализм осуждался. По их мнению, на карту был поставлен не только социальный порядок, но и само существование. И они были правы. Эгоистический индивидуализм неизбежно атомистичен. Ни одно общество не может долго сохранять свою жизнь как единое и мирное, если такой принцип широко принят его членами. Социальные беды нынешней и любой другой эпохи в значительной степени обусловлены наличием такого типа людей, придерживающихся этого принципа жизни.

Поэтому, если после достижения достаточной степени национального единства высшие стадии национальной эволюции зависят от более высокого развития индивидуализма, а единственный вид индивидуализма, который люди могут себе представить, - это эгоистический, становится очевидным, что дальнейший прогресс должен прекратиться. За этим должен последовать застой, или вырождение. Именно это произошло почти со всеми великими народами и расами мира. До определенного момента они успешно развивались. Затем они останавливались или отступали назад. Единственное возможное условие, при котором они могли бы получить новую порцию прогрессивной жизни, - это новая разновидность индивидуализма, которая объединила бы противоположные и, казалось бы, противоречивые полюса общинности и эгоизма, а именно общинно-индивидуалистический индивидуализм. Как ни немыслимо это для тех людей и народов, которые не сталкивались с таким типом жизни, тем не менее это факт и могущественный фактор в человеческой и

национальной эволюции. В его свете мы можем увидеть, что сама общинная жизнь не достигла своего полного развития, пока индивидуалистический принцип не был не только признан в мыслях, но и возвышен, как в теории, так и на деле, до своего истинного и координационного положения рядом с общинным принципом. Только тогда нация становится полностью и всесторонне организованной. Только тогда национальный организм содержит в себе средства для бесконечной, самоподдерживающейся жизни.

Важно предостеречься от недоразумения, которое легко может возникнуть при понимании только что изложенных принципов. Говоря на сайте о том, что развитие индивида происходит параллельно с развитием общины, что каждая прибыль общины непосредственно способствует развитию индивида, я не имею в виду, что общинная прибыль сразу же распределяется между всеми членами группы или что это распределение вообще одинаково. На самом деле, это далеко не так. Кажется, что несколько человек присваивают себе большую и несправедливую долю общинного банковского счета. Пока люди живут простой и относительно недифференцированной жизнью, занимаются одними и теми же делами и наслаждаются одним и тем же уровнем жизни, - что в значительной степени преобладало в прежние времена и уменьшается по мере того, как общество становится индустриальным, - и пока новые приобретения мысли преобразуются в практическую жизнь и общий язык, все члены общины делят эти приобретения в довольно равной степени. Однако до тех пор, пока общинное богатство состоит из более или менее абстрактных идей, воплощенных в религиозной и философской мысли и хранящихся в книгах и литературе, доступной только ученым, оно распределяется очень неравномерно. Чем более высокоразвито и, соответственно, дифференцировано общество, тем сложнее становится распределение. Сама структура высокодифференцированного общинного организма не позволяет равномерно распределять эти блага. Литературное и правящее меньшинство имеет исключительный доступ к сокровищам. Промышленное большинство все более жестко отстраняется от них. Таким образом, хотя строго верно, что каждое продвижение в коммунальном принципе приносит пользу индивидууму, не верно, что такое продвижение обязательно приносит пользу каждому индивидууму или в равной степени всем индивидуумам. На своих низших стадиях развивающаяся коммуна поднимает всех своих отдельных членов примерно на один и тот же уровень умственного и нравственного развития. На средних стадиях оно развивает всех индивидуумов до определенной степени, а некоторых - до высокой степени. На высших стадиях она развивает среди всех своих членов одинаково высокий уровень личных достоинств и приобретений.

Теперь великая проблема, от решения которой зависит возможность продолжения эволюции общины, - это, с этой точки зрения, проблема распределения достижений общины между всеми ее членами все более и более равномерно. Это проблема предоставления каждой человеческой единице всех лучших и истинных мыслей и характеров, всех самых высоких и благородных идеалов и побуждений, которыми обладают наиболее развитые индивиды. Если мы остановимся, чтобы детально и аналитически выяснить, какова природа величайших достижений, сделанных обществом, то обнаружим, что это не обладание богатством в виде земли или золота, не случайность социального положения, не случай временного счастья или физической легкости жизни. Напротив, она заключается в открытии подлинной природы человека. Он не просто животное, живущее в царстве вещей и удовольствий, ограниченное "сейчас" и "здесь". Он - личность, разумное существо. Его мысли и желания могут быть выражены только в терминах бесконечности. Ничто, кроме бесконечности, не может удовлетворить ни его разум, ни его сердце. Хотя, живя в природе и завися от нее, он стоит над ней, может и должен понимать ее и управлять ею. Его

мысли охватывают все время и все сущее. В очень реальном смысле он живет бесконечной и вечной жизнью, даже здесь, в этом преходящем мире.

Открытие этого набора фактов, медленно проступающих в сознании, является кульминацией всей прошлой истории и началом высшей жизни человека. Это поворотный момент в истории человеческой расы. Каждый последующий шаг в предшествующей жизни человека, когда он объединялся в более высокие группы, вел все дальше и дальше к развитию сильной личности, к развитию индивидуумов, способных совершить это великое открытие. Но этого недостаточно.

Следующий шаг - открыть факт *и поверить в него*, что эта бесконечная жизнь потенциально принадлежит каждому члену сообщества; что банковский счет, который сообщество накапливало веками, предназначен для использования не только избранными, но и массами. Поскольку каждый человек - это человек, он обладает бесконечной и вечной жизнью и ценностью, которую не может аннулировать ни случайность рождения, ни бедность. Каждый человек должен открыть себя. Великая проблема, стоящая перед прогрессивной общинной эволюцией, заключается в том, чтобы взять это расширенное определение человека и разнести его по всей земле, убеждая всех людей принять и поверить в него как для себя, так и для других. Это определение должно быть с полным доверием доведено до самого низкого, самого подлого, самого невежественного человека, живущего в общине, и с его помощью этому самому низкому человеку должно быть показано его право по рождению, и в свете этого он должен быть поднят до настоящей мужественности. Он должен "прийти в себя"; только так он может претендовать на свое наследие.

Поэтому после того, как нация достигла значительной степени единства по типу конфедерации племен, шаг, который необходимо сделать, прежде чем переходить к более полной национализации, - это, во-первых, открытие личности как реальной и существенной характеристики людей, а во-вторых, открытие того, что высококлассная личность может, может и должна быть развита во всех членах сообщества. В той мере, в какой члены сообщества становятся сознательными личностями, полностью самосознающими и саморегулирующимися, полностью проникнутыми идеей и духом истинной личности, коммуно-индивидуализма, в той пропорции сообщество будет единым и централизованным, а также способным к самой сложной и дифференцированной внутренней структуре. Сила такой нации будет бесконечно больше, чем сила любой другой, менее персонифицированной и, соответственно, менее общинной нации.

XXX

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ЯПОНЦЫ БЕЗЛИЧНЫМИ?

Немногие фазы японского характера оказались столь увлекательными для писателей-философов о Японии, как личность этого дальневосточного народа. Начиная с трудов сэра Резерфорда Алкока, первого английского министра-резидента в Японии, и заканчивая последней публикацией, попавшей в поле моего зрения, всем есть что сказать на эту тему. Один писатель, мистер Персиваль Лоуэлл, посвятил этому целый том под названием "Душа Дальнего Востока", в котором он пытается утвердить положение о том, что вся цивилизация

Востока, в ее институтах, таких как семья и государство, в структуре ее языка, в ее представлениях о природе, в ее искусстве, в ее религии и, наконец, в присущей ей ментальной природе, является по сути *безличной*. Один из видных и давно живущих в Японии миссионеров однажды прочитал курс лекций о влиянии пантеизма на Востоке, в которых, в частности, утверждал, что отсутствие личных местоимений и другие явления японской жизни и религии объясняются присутствием и силой на этой земле пантеистической философии, препятствующей развитию личности.

Чем больше я изучал эти труды и их фундаментальные предположения, тем очевиднее становились двусмысленности и противоречия в использовании терминов. Меня также все больше поражает неспособность сторонников японской "безличности" оценить реальную природу явлений, которые они пытаются объяснить. Они не поняли ни природы, ни хода социальной эволюции, ни взаимной связи, существующей между социальным порядком и личностью. Аргументы, выдвигаемые в пользу "безличного" взгляда, более или менее правдоподобны, и этот метод интерпретации Востока пользуется авторитетом у уважаемых философских писателей. Не менее известный философ, чем Гегель, является приверженцем этой интерпретации. Важность этого вопроса не только для правильного понимания Японии, но и для понимания связи, существующей между индивидуальной, социальной и религиозной эволюцией, требует от нас пристального внимания. Нам будет легче всего вступить в эту сложную дискуссию, рассмотрев некоторые распространенные заблуждения и ошибочные аргументы. Здесь я могу выразить свою признательность автору "Души Дальнего Востока" за стимул, полученный от его блестящего тома, хотя я и расхожусь с его основными тезисами. Мы начнем это исследование с нескольких цитат из ставшей классической работы мистера Лоуэлла.

"Способность к эволюции чего бы то ни было не является одной из характерных черт Дальнего Востока. Действительно, тенденция к спонтанной вариации, способ природы ставить эксперименты, кажется, была там предприимчивой способностью, которая была рано исчерпана. Сонные, несомненно, от того, что вставали с рассветом, эти жители утренней страны начинали смотреть на свой день как на уже прожитый, еще не достигнув его полудня. Они состарились молодыми и с тех пор остаются в том же возрасте. Какими они были много веков назад, такими они и остались сегодня. Уберите европейское влияние последних двадцати лет, и каждый человек может оказаться почти что своим прадедом. По расовому признаку он все тот же. Черты, которые отличали эти народы в прошлом, с тех пор постепенно исчезают. Из этих черт, застойно влияющих на их карьеру, возможно, самым важным является великое качество "безличности".^[CGa] "Народы, населяющие его [северное полушарие], становятся неуклонно более личными по мере продвижения на Запад. Эта градация столь безошибочна, что мы почти склонны приписать ее скорее космическим, чем человеческим причинам..... Чувство собственного достоинства становится все более интенсивным, когда мы следуем за заходящим солнцем, и неуклонно угасает по мере продвижения к рассвету. Америка, Европа, Левант, Индия, Япония, каждый из них менее личный, чем предыдущий. Мы стоим на более близком конце шкалы, дальневосточники - на другом. Если у нас "я" представляется самой сутью души, то о душе Дальнего Востока можно сказать, что это "безличность"^{""([CH])}.

Следуя за аргументацией по всему тому, мы видим, что индивидуальная физическая сила и агрессивность, недостаток вежливости и эгоизм являются, согласно этой линии мысли, существенными элементами личности. Противоположный набор качеств составляет суть безличности. "Средний дальневосточник, действительно, говорит так же без толку, как и его западный кузен, только в его болтовне вежливость занимает место личности. У него самость

подавлена, а вместо нее - постоянно присутствующая забота о других. Отсутствие личности, как мы видели, является поводом для этой вежливости; оно также является ее причиной..... Если рассуждать априорно, то связь между этими двумя явлениями искать далеко не надо. Безличность, уменьшая интерес к себе, побуждает человека интересоваться другими. Интроспекция делает человека одиноким животным, а ее отсутствие - социальным. Чем более безличны люди, тем больше сообщество вытесняет индивида в народной оценке..... Затем, по мере развития социальных желаний, развивается и вежливость, являющаяся средством их удовлетворения"^([C1]).

Давайте посмотрим на некоторые определения:

"Индивидуальность, личность и самоощущение - это лишь три аспекта одного и того же. Они представляют собой множество различных взглядов на душу, в зависимости от того, как мы рассматриваем ее с внутренней, альтруистической или эгоистической точки зрения..... Под индивидуальностью мы понимаем тот пучок идей, мыслей и дневных грез, который составляет нашу отдельную личность и благодаря которому каждый из нас чувствует себя дома внутри самого себя..... Сознание - необходимый атрибут умственного действия. Это не только единственный способ познать разум; без него не было бы и разума, который можно было бы познать. Не сознавать себя - это, говоря ментальным языком, не быть. Эта сложная сущность, этот маленький космос мира, "я", имеет в качестве закона своего существования самосознание, а личность - это эффект, который она производит на сознание других"^([C1]).

Чем больше мы изучаем вышеприведенные определения, тем большее недоумение они вызывают. Как я ни старался, мне не удалось подогнать их не только к фактам моего собственного опыта, которые, возможно, не являются странными, но я не могу примирить их даже друг с другом. Мне кажется, что под их научным великолепием скрываются двусмысленности и самопротиворечия. Индивидуальность заявлена как "совокупность идей, мыслей и дневных грез, которые составляют нашу отдельную личность". Это кажется простым и понятным, но так ли это на самом деле? Сознание утверждается не только как "необходимый атрибут ментального действия" (из чего можно сделать исключение на основании многочисленных доказательств бессознательного ментального действия), но оно также считается причиной самого разума. Не только благодаря сознанию мы познаем разум, но и само сознание составляет разум; "без него не было бы разума, который можно было бы познать". "Не сознавать себя - значит не быть". Так перестаем ли мы быть, когда спим? Или когда поглощены мыслями или действиями? И становимся ли мы заново сотворенными, когда просыпаемся? Какова та связь, которая соединяет в одно целое сменяющие друг друга сознания сменяющих друг друга дней? Не распадается ли этот "пучок идей" на столько совершенно независимых фрагментов, сколько промежутков между нашими снами? Или, скорее, не является ли каждый фрагмент целым сам по себе, и не является ли идея непрерывности изо дня в день и из недели в неделю самообманом? Как может быть иначе, если сознание составляет существование? Ведь после того, как сознание прекратилось и "пучок идей", составляющий индивидуальность этого дня, таким образом, полностью исчез, невозможно, чтобы старый пучок был воскрешен новым сознанием. Только новый пучок может быть продуктом нового сознания. Очевидно, где-то здесь кроется проблема. Но давайте пройдем дальше.

" "Я" имеет в качестве закона своего существования самосознание". Не отождествляется ли здесь "самосознание" с "сознанием" в предыдущем предложении? Само существование разума, "я", приписывается каждому по очереди. Так нет ли разницы между сознанием и самосознанием? Наконец, личность заявлена как "эффект, который она ["Я"] производит на самосознание других". Признаюсь, я не получил четкого представления об этом

утверждении. Но что бы еще оно ни означало, ясно, что личность - это не качество или характеристика "Я", а лишь некоторый эффект, который "Я" производит на сознание другого. Является ли она, в таком случае, качеством другого человека? И означает ли безличность отсутствие такого эффекта? Но не вводит ли это нас в новую путаницу? Когда человек всецело поглощен альтруистическим поступком, например, полностью забывает о себе, он, согласно предыдущему пункту, совершенно безличен; однако, согласно данному нам определению, он не может быть безличным, поскольку он производит самые живые эффекты на сознание бедного человека, с которым дружит; в своем альтруистическом поступке он сильно личностен, но не он, поскольку личность принадлежит не действующему человеку, а каким-то образом затронутому человеку. Как странно, что личность человека - это не его собственная характеристика, а чужая!

Но еще более запутанным становится определение, когда мы вспоминаем, что если благожелательный человек полностью лишен самосознания и думает только о том, кому он помогает, то его самого уже не существует. Но как в таком случае он может помочь бедняку или даже продолжать думать о нем? Совершенный альтруизм - это самоуничтожение! Познание разумом самого себя - вот что его составляет! Но довольно. Стало ясно, что эти термины не используются последовательно, а их определения не могут вызвать одобрения у любого внимательного психолога или философа. Писатель хочет сказать, что мерилем личности человека является то, какое впечатление он производит на окружающих. Ибо вся суть его аргументации заключается в том, что как физическая, так и психическая агрессивность оксидента намного выше, чем у восточного человека; эта характеристика, как он утверждает, обусловлена недостаточным развитием личности на Востоке, и этот недостаток он называет "безличностью". Если те авторы, которые описывают Восток как "безличный", терпят неудачу в определении термина "личный", то их неспособность определить "безличный" еще более поразительна. Они используют этот термин так, как будто он настолько хорошо известен, что не нуждается в определении; тем не менее, их использование приписывает ему противоположные концепции. Как правило, они представляют себе "безличность" как недостаток развития; но когда они пытаются описать ее природу, они говорят о ней как о самоподавлении. Четкое выражение этого последнего пункта можно найти в уже цитированном отрывке: "Вежливость занимает место личности. У него [восточного человека] самость подавляется, а на ее место приходит постоянно присутствующая забота о других". "Безличность, уменьшая интерес к себе, побуждает человека интересоваться другими". В этом утверждении можно заметить, что "*самость подавляется*". Следует ли тогда "безличность" за личность, как вопрос исторического развития? Из этого и подобных отрывков следует, что да. Но если это так, тогда Япония более, а не менее развита, чем Запад. Однако это как раз обратное тому, что утверждает данная школа мысли.

Давайте теперь рассмотрим некоторые конкретные иллюстрации, приводимые сторонниками японской безличности. Их можно разделить на два класса: те, которые полностью обусловлены выдумкой, и те, которые, несомненно, являются фактами, но могут быть лучше объяснены какой-либо другой теорией, чем теория "безличности".

Мистер Лоуэлл делает забавный материал из двух детских праздников, известных у японцев как "Сэкку", которые приходятся на 3 марта и 5 июня (по старому календарю). Поскольку первый из них отмечается исключительно для девочек, а второй - исключительно для мальчиков, мистер Лоуэлл делает вывод, что это общие дни рождения, несмотря на то, что ему, по-видимому, известно, что возраст не отсчитывается от этих дней. Он называет их "великими безличными днями рождения"; ведь, согласно его предположению, все девочки

празднуют свои дни рождения в третий день третьей луны, а все мальчики - в пятый день пятой луны, независимо от того, в какие дни они родились на самом деле. По поводу этого заниженного значения праздника я расспросил большое количество японцев, ни один из которых никогда не слышал о подобной идее. Каждый из них настаивал на том, что индивидуальные дни рождения отмечаются независимо от этих общих праздников; возраст детей никогда не вычисляется по этим праздникам; они не имеют никакого отношения к возрасту детей". ^[СК].

Отчет о дискуссиях Японского общества сравнительной религии содержит довольно подробное изложение всех известных фактов об этих праздниках, слишком длинное в этой связи, но среди них нет ни малейшего упоминания о приписываемой им мистером Лоуэллом функции дня рождения. ^[СЛ]

Мистер Лоуэлл также изобретает еще один факт в поддержку своей теории, интерпретируя японский метод исчисления возраста. Говоря о появлении младенца в доме, он утверждает, что "с момента его появления на свет о нем говорят как о годовалом ребенке, и этот же возраст он продолжает считать в большинстве простых случаев исчисления до начала следующего календарного года. Когда наступает эпоха всеобщего ликования, ему самому приписывают еще один год. Как и всем остальным. Новый год - это общий день рождения для всего сообщества, своего рода безличный юбилей для всего его мира". Это очень забавная затея, но она вряд ли пройдет как серьезный аргумент для того, кто хоть немного понимает японские представления об этом. Дело в том, что японцы обычно не говорят, сколько лет ребенку, а лишь указывают, сколько лет он прожил. Если ребенок родился 31 декабря, то 1 января он, несомненно, прожил два разных года. Однако этот метод подсчета не ограничивается подсчетом возрастов, а характеризует все их подсчеты. Если спросить человека, сколько дней осталось до какого-то праздника, который не за горами, он ответит, что десять, тогда как мы бы сказали, что девять. Иными словами, при подсчете периодов японцы считают все, включая и первый, и последний, тогда как мы опускаем первый. Этот обычай представляет собой интересную психологическую проблему, но он не имеет ни малейшего отношения к "личности" или "безличности". Кроме того, у японцев есть еще один способ обозначения возраста ребенка, который в точности соответствует нашему. Достаточно спросить, что такое "полный" возраст ребенка, чтобы получить утверждение, удовлетворяющее нашим представлениям о проблеме. Идея называть Новый год великим "безличным" днем рождения, потому что якобы все члены общины и нации вступают в новый год, и использовать это как аргумент в пользу "безличности" всей расы, настолько же интересна, насколько и неубедительна.

Много говорится о том, что японское искусство уделяет основное внимание природе и животным, и лишь немного - человеку. Это доказывает, утверждается, что японский художник и народ "безличны" - что они не осознают себя, поскольку их взгляд направлен вовне, на "безличную" природу; если бы они были агрессивным личным народом, народом, осознающим себя, их искусство изображало бы человека. Убедительность этой логики кажется мне сомнительной. Искусство обязательно объективно, изображает ли оно природу или человека; взгляд всегда и обязательно направлен вовне, даже когда изображается человеческая форма. В нашем рассмотрении эстетических элементов японского иероглифа ^[СМ] мы привели причины любви японцев к природной красоте и относительно небольшого внимания к человеческой форме. Если приведенные там причины верны, то тот факт, что японское искусство в основном связано с природой, не имеет никакого отношения к "безличности" народа. Если "безличность" по сути своей альтруистична, если она состоит в самоподдержании и интересе к другим, то трудно понять, как искусство, изображающее

даже человеческие формы, может избежать обвинения в "безличности", за исключением тех случаев, когда художник изображает самого себя. Если, опять же, высший интерес к объективной "безличной" природе доказывает отсутствие "личности", то не следует ли утверждать, что Запад в высшей степени "безличен" благодаря своему необычайному интересу к природе и естественным и физическим наукам? Являются ли натуралисты и ученые "безличными", а философы и психологи - "личностными" по своей природе? Если утверждать, что искусство, изображающее человеческие эмоции, правильно говоря, субъективно и, следовательно, является доказательством развитой личности, будет ли утверждаться, что Япония лишена такого искусства? Как насчет изображений и статуй воинов? Как насчет страстных черт Ни-о, спокойных лиц Будд и других религиозных образов? Разве здесь не представлены самые мощные изображения человеческих эмоций, как активных, так и пассивных? Но даже при этом взгляд художника все равно *обращен* на других, *то есть* не является ли он альтруистическим, а значит, "безличным", согласно этому методу мышления и использованию терминов? Разве европейские художники, которые наслаждаются пейзажами и животными сценами, не имеют достаточного "личностного" развития, а те, кто посвящает свою жизнь живописи обнаженных женщин, особенно развиты в "личности"? Воистину, несовершенная терминология и искаженное представление о том, что такое "личность", ставят человека в самые противоречивые положения.

Те, кто настаивает на "безличности" Востока, много говорят о японском представлении о "семье" с сопутствующими обычаями. Тот факт, что брак организуется родителями и что два наиболее заинтересованных лица практически не имеют права голоса в этом вопросе, убедительно доказывает, утверждают они, что у последних мало "личности". И здесь все зависит от определения этого важного слова. Если под "личностью" подразумевается осознание себя как независимого индивида, то я не вижу, какое отношение имеют эти два субъекта. Если же под ним подразумевается готовность субъектов брака отказаться от собственных желаний и выбора, потому что у них действительно нет ничего своего, то факты не подтверждают этот аргумент. Эти авторы умело выбирают некоторые факты из семейных обычаев, чтобы проиллюстрировать и подтвердить эту теорию, но полностью опускают другие, имеющие к ней существенное отношение. Возьмем, к примеру, тот факт, что одна треть браков заканчивается разводом. О чем это свидетельствует? Это говорит о том, что треть людей в каждом браке настолько недовольны порядком, установленным родителями, что отвергают его и утверждают свой собственный выбор и решение. Согласно аргументам в пользу "безличности" брака, эти непокорные, не подчиняющиеся друг другу люди обладают большим количеством "личности", то есть самосознания; и это самосознание производит большое влияние на другую сторону брака; а влияние на другую сторону (в подавляющем большинстве случаев это женщины), то есть влияние развода на сознание женщин, составляет личность мужчин! Приведенные брачные обычаи, таким образом, не доказывают истину, поскольку не учитываются многочисленные случаи, когда одна или другая сторона категорически отказывается выполнять договоренности родителей. Многие девушки с самого начала отказываются от предложений родителей. Таких случаев отнюдь не мало. Всего за несколько дней до написания этих строк девушка-официантка в гостинице попросила меня найти ей место службы в какой-нибудь иностранной семье. На мой вопрос она рассказала, что ее родители хотели выдать ее замуж в определенную семью, но она не смогла смириться с этой мыслью и сбежала из дома. Один из фактов, который поражает миссионера, когда он знакомится с народом, - это частота случаев побегов из дома. Девочки убегают, возможно, не так часто, как мальчики, но все же очень часто. Должны ли мы считать, что речь идет о людях с чрезмерно развитой "индивидуальностью"? Если это так, то развитие "личности" в Японии гораздо больше, чем признают или позволяют себе считать сторонники ее "безличности". Мистер Лоуэлл посвящает три страницы прекрасному и

правдивому описанию переживания, известного на Западе как "влюбленность". Обратив внимание на Восток, где браки заключаются по договоренности между семьями, он утверждает, что: "На долю дальневосточника не выпадает такого блаженного увлечения. Он никогда не становится обманщиком своего собственного желания, добровольной жертвой самообмана. Он никогда не испытывает искушения раскрыться и, раскрывшись, реализовать себя. Ведь она не его любовь, она всего лишь его жена, а что остается от романтики, когда романтика остается в стороне?" Хотя в этом есть элемент истины, но это бесполезно в качестве поддержки теории японской "безличности". Ведь это не факт, что японцы не влюбляются; для них это хорошо известный опыт. Невозможно представить, как любой, хоть сколько-нибудь знакомый с японской жизнью или литературой, мог сделать такое утверждение. Страстная любовь мужчины и женщины друг к другу, настолько сильная, что во многих случаях они предпочитают общую смерть жизни врозь, - нередкое явление в Японии. Нередко в ежедневных газетах мы читаем о случаях взаимного самоубийства из-за любви. Это достаточно распространенное явление, чтобы получить специальное название "джоси". ^[CN]

Для аргументации в пользу "безличности" эта иллюстрация из утверждения об отсутствии любви бесполезна, поскольку является одной из тех, которые придумывают для этого случая изобретательные и находчивые сторонники "безличности".

Но я не хочу сказать, что "влюбленность" играет такую же важную роль в жизни и развитии молодежи в Японии, как и на Западе. Обычно она полностью игнорируется, когда родители планируют брак. Любовь не признается в качестве надлежащей основы для заключения брака и, соответственно, не одобряется. Считается, что влюбленность - признак умственной и моральной слабости. В этих условиях совсем не странно, что "влюбленность" не является столь распространенным опытом, как на Западе. Более того, этот глубокий опыт не используется, как на Западе, в качестве очищающего и возвышающего влияния на жизнь юноши или девушки. В стране, где "влюбленность" считается аморальным поступком, выходом из-под контроля неконтролируемой животной страсти, нет ничего странного в том, что она не прославляется моралистами и не освящается религией. На Западе мало что так облагораживает, как любовь, которую юноша и девушка испытывают друг к другу в дни помолвки и на протяжении долгих лет супружеской жизни. Запад нашел секрет использования этого периода в жизни молодых для их возвышения и очищения, о котором Восток почти ничего не знает.

Но есть и другие, более печальные последствия, вытекающие из отношения японцев к вопросу "влюбленности". Вряд ли можно сомневаться в том, что огромное количество разводов связано с несовершенным методом обручения, который игнорирует свободный выбор наиболее заинтересованных сторон. Система разводов - это, можно сказать, устройство общества для устранения недостатков, присущих системе помолвки. Она обращается с мужчиной и женщиной так, как будто они не личности, а бесчувственные машины. Личность, некоторое время покорная, вскоре заявляет о своей свободе, если супруги оказываются не в ладах друг с другом, и требует права на развод. Таким образом, развод - это устройство, сдерживающее личность. Но в дополнение к этому злу существует такое, как наложничество или виртуальная полигамия, которая часто является результатом "влюбленности". А затем, как на Западе, так и на Востоке, прибегают к безнадежно

испорченной личности, к убийству и самоубийству, а часто и к двойному самоубийству, о котором говорилось выше. Брачные обычаи Востока таковы, что безнадежная любовь, хотя и взаимная, встречается гораздо чаще, чем на Западе, и смерть влюбленных в объятиях друг друга, после того как они вместе приняли роковой сквозняк, не является редкостью. Число самоубийств из-за безнадежной любви в 1894 году составило 407, а число убийств по той же причине - 94. Итого более пятисот смертей за один год, в значительной степени вызванных несовершенством брачной системы. Разве эти явления не опровергают утверждения о том, что японцы настолько безличны, что не знают, что такое "влюбиться"? Если вопрос о личности японцев решается явлениями семейной жизни и силой сексуальных эмоций, то не должны ли мы признать их обладателями сильно развитой личности?

XXXI

ЯПОНЦЫ НЕ БЕЗЛИЧНЫ

Теперь перед нами стоит гораздо более трудная задача - дать положительное заключение по проблеме личности на Востоке. Нам необходимо выяснить, что подразумевается или должно подразумеваться под терминами "личность" и "безличность". Мы должны также проанализировать эту восточную цивилизацию и выявить ее элементарные факторы, чтобы понять, что именно создает у многих студентов впечатление, что Восток "безличен". При этом, хотя наша цель конструктивна, мы достигнем ее с большей легкостью, если поднимемся к положительным результатам через дальнейшую критику ошибочных взглядов. Естественно, мы начнем с определений.

"Индивидуальность" определяется Стандартным словарем как "состояние или качество быть индивидуальным; отдельное или отличное существование". "Индивидуальный" определяется как "Все, что не может быть разделено или разделено на части без потери идентичности..... Отдельный человек, животное или вещь". "Личность" определяется как "То, что составляет личность; сознательное, отдельное существование в качестве разумного и добровольного существа". "Личность" определяется как "Любое существо, обладающее жизнью, интеллектом, волей и отдельным индивидуальным существованием". В отношении этих различных определений уместно сделать следующие замечания.

"Индивидуальность" относится только к различиям, существующим между разными объектами, людьми или вещами. Этот термин привлекает внимание к факту различия, а не к качествам, которые делают это различие, и менее всего к сознанию идентичности, благодаря которому "мы чувствуем, что каждый из нас дома внутри себя".

Понятие "личность" в правильном смысле относится только к тому, что составляет человека. В отличие от животного, человек обладает не только жизнью, но и высокоразвитым и самосознательным интеллектом, чувствами и волей; это включает в себя моральные отношения к другим людям и религиозные отношения к Богу.

Сознание не сопровождает каждый поступок человека, а тем более самосознание, хотя и то и другое всегда потенциально и в большей или меньшей степени подразумевается. Часто человек настолько поглощен мыслью или действием, что полностью не осознает, что он думает или действует; сознание, так сказать, погружено в себя на время. Самосознание

подразумевает значительный прогресс в размышлениях о собственных душевных состояниях и в достижении сознания собственной индивидуальности. Это результат интроспекции. Самосознание, однако, не формирует личность, а лишь признает ее.

Основой для правильного понимания термина "личность" служит понятие "душа" или "дух". По моему мнению, каждое человеческое существо следует рассматривать как отдельную "душу", наделенную по самой своей природе определенными способностями, качествами или атрибутами, которые мы называем умственными, эмоциональными и волевыми, обладающую способностями сознания, более или менее развитыми в зависимости от социальной эволюции расы, возраста человека, его индивидуального окружения, а также в зависимости от объема полученного им образования. Обладание душой, наделенной этими качествами, составляет личность; обладание ими в значительной степени представляет собой развитую личность, а в недостаточной степени - неразвитую.

Уникальность "человека" заключается в том, что он сочетает в себе совершенную отдельность с возможностью и большей или меньшей степенью актуальности совершенной универсальности. Человек в подлинном смысле является универсальным, бесконечным существом. Он, таким образом, благодаря конституции своей психической природы является мыслящим, чувствующим и желающим существом. Через свой интеллект и пропорционально своему знанию он становится единым со всей объективной вселенной; через свои чувства он может стать единым в симпатии и любви со всем разумным творением и даже с самим Богом, центром и источником всего бытия; через свою активную волю он становится все более творцом своего окружения. Таким образом, человек в подлинном смысле слова создает условия, которые заставляют его быть тем, что он есть. Таким образом, не в переносном, а в буквальном и реальном смысле человек находится в процессе создания самого себя. Он реализует скрытые и доселе не подозреваемые потенциальные возможности своей природы. Он создает мир, в котором может выразить себя; и это он делает, выражая себя. В той мере, в какой человек продвигается вперед, делая явным то, что скрыто в его внутренней природе, можно сказать, что он растет как личность. Таким образом, человек и обладает личностью, и растет в ней. Он не мог бы расти в ней, если бы уже не обладал ею. В таком росте оба элемента его существа, индивидуальный и универсальный, развиваются одновременно. Человек с низким уровнем развития личности одновременно менее индивидуален и менее универсален. Это, однако, вопрос не одаренности, а развития. Таким образом, мы различаем изначальную личностную одаренность, которую можно назвать внутренней или врожденной личностью, и различные формы, в которых эта личность проявляется и выражается, которые мы можем назвать внешней или приобретенной личностью. Врожденная индивидуальность - это то, что отличает человека от животного. Она представляет собой изначальную инволюцию, которая объясняет и даже обуславливает всю эволюцию человека. Могут быть, да и должны быть, различные степени проявления врожденной личности, так же как могут быть и должны быть различные степени сознания личности. Они зависят от степени эволюции, достигнутой расой и отдельными ее представителями.

В наши планы не входит обоснование этой концепции природы личности или защита этих кратких обобщающих утверждений о ее врожденной природе. Достаточно того, что мы получили четкое представление об этой концепции, на которой основывается данная глава, да и вся работа. При обсуждении вопроса о личности на Востоке нам важно всегда помнить о различиях между врожденной наделенностью, составляющей личность, явным и внешним выражением этой наделенности и обладанием сознанием этой наделенности. Ведь это три совершенно разные вещи, хотя и тесно связанные между собой.

Особого внимания требует термин "безличность", как наиболее неправильно употребляемый и злоупотребляемый термин из всех. Первое и естественное значение этого слова - простое отрицание личности; так, например, камень строго "безличен". Именно такое значение дают словари. Но в этом смысле оно, конечно, неприменимо к человеку. Каково же тогда его значение применительно к ним? Когда мистер Лоуэлл говорит: "Если у нас [на Западе] "я" кажется самой сутью души, то о душе Дальнего Востока можно сказать, что она "безлична"", то что он имеет в виду? Он, конечно, не имеет в виду, что у китайцев, японцев и индусов нет эмоциональных и волевых характеристик, что они строго "безличны"; он также не имеет в виду, что у восточных людей меньше развиты способности к мышлению, желанию, чувству или к интроспективной медитации. Весь аргумент показывает, что он имеет в виду, что *их чувство индивидуальности или отдельности Эго настолько незначительно, что практически игнорируется; и это не только их цивилизацией, но и каждым человеком в отдельности*. Высшее сознание индивида - это сознание не самого себя, а своей семьи или расы; или, если он глубоко религиозен, его сознание связано с его сущностной идентичностью с Абсолютом и Высшим Существом, а не с его отдельным "я". Другими словами, термин "безличный" призван исполнять обязанности несуществующего негатива "индивидуальный". Таким образом, "безличное" эквивалентно "универсальному", а "личное" - "индивидуальному". Чтобы изменить фразеологию, термин "безличный" используется для обозначения состояния ума, в котором отдельность или индивидуальность индивидуального "я" не полностью признается или оценивается даже самим человеком. Главным элементом сознания индивида является единство или универсализм, а не множественность или индивидуализм.

Мистер Лоуэлл фактически говорит об этом в своей заключительной главе под названием "Воображение". Его тезис, похоже, заключается в том, что универсальный разум, фрагментом которого является каждый индивид, становится все более дифференцированным по мере развития расового разума. По мере развития эволюции человек осознает свою индивидуальность - свою обособленность; эта индивидуализация, эта дифференциация индивидуального разума, по его мнению, является как мерой, так и причиной высшей цивилизации. Отсутствие такой индивидуализации он называет "безличностью"; в таком разуме преобладает мысль не о раздельности, а о единстве, связывающем воедино его самого и вселенский разум.

Если все вышесказанное является правильным изложением концепции тех, кто подчеркивает "безличность" Востока, то в связи с этим можно сразу сказать две вещи. Во-первых, идея совершенно ясна и понятна, предложение определено и осязаемо. Но почему они не выражают ее так? Термины "личность" и "индивидуальность" используются как синонимы, а "безличный" считается эквивалентом отрицания индивидуального, неиндивидуального - слова, которое еще не использовалось и, вероятно, никогда не будет использоваться. Но отрицание индивидуального является универсальным; "безличное", таким образом, в соответствии с употреблением этих авторов, становится эквивалентным универсальному.

Но, во-вторых, даже после того, как использование терминов стало таким образом понятным, и мы больше не путаемся в словах, придя к идее, которую они призваны передать, сама идея в корне ошибочна. Я охотно допускаю, что существует интересная истина, на которую эти авторы обратили внимание и которую они пытаются выразить, но, очевидно, они не поняли реальной природы этой истины и, следовательно, они в корне неправы, называя Дальний Восток "безличным", даже в их понимании этого слова. Кроме того, они заблуждаются,

приписывая эту "безличную" характеристику японцев их врожденной расовой природе. Если они правы, то проблема в основном заключается в биологической эволюции.

В противовес этой точке зрения здесь утверждается, во-первых, что описываемая ими черта не является таковой, как они ее описывают; во-вторых, что ее нельзя правильно называть "безличностью"; в-третьих, что это не вопрос врожденной расовой природы, структуры мозга или дифференциации сознания, а полностью вопрос социальной эволюции; и, в-четвертых, что если такая черта, как они описывают, существует, то она обусловлена не недостаточно развитой, а, наоборот, сверхразвитой личностью, которую лучше назвать сверхличностью. Если кратко изложить отстаиваемую здесь позицию, то утверждается, что утверждаемая "безличность" японцев является результатом общинного характера общественного устройства, которое преобладало вплоть до самых последних времен; оно наложило свою печать на все черты национальной и индивидуальной жизни, не упуская ни языка, ни философии, ни религии, ни даже самых сокровенных мыслей народа. Доминирование общинного типа общественного устройства, несомненно, отразилось на физическом и психическом, в том числе мозговом, развитии людей. Однако это физическое и психическое развитие является не причиной, а продуктом общественного строя. Кроме того, они не имеют особого значения, поскольку не являются непреодолимым препятствием для внедрения социального порядка, радикально отличающегося от того, который существовал в прошлые тысячелетия.

Прежде чем приступить к разработке и иллюстрации этого общего положения, представляется желательным ввести еще два определения.

Коммунальность и индивидуализм - два термина, используемые в данной работе для описания двух противоположных типов общественного устройства.

Под общинностью я подразумеваю тот строй общества, будь то семейный, племенной или национальный, в котором идея и значение общины более или менее четко осознаны, и в котором эта идея стала конструктивным принципом социального порядка, и где в то же время индивид практически игнорируется и подавляется.

Под индивидуализмом я понимаю тот поздний общественный строй, в котором ценность личности была признана и подчеркнута до такой степени, что радикально изменила общинный строй, обеспечив свободу индивидуального действия, мысли и инициативы, о которой старый строй не имел ни малейшего представления и которую он считал бы опасной и аморальной. Индивидуализм - это не тот атомарный общественный строй, в котором идея общинного единства была отвергнута, а каждый отдельный человек рассматривался как единственная единица. Такое общество вряд ли можно назвать порядком, даже из вежливости. Индивидуализм - это развитая стадия общинного строя, в которой сохранились преимущества тесного общинного единства, но в то же время добавились идея и практика ценности личности и важности предоставления ей свободы мысли и действий. При этом происходят значительные изменения во внутренней структуре общества, но общинное единство или идея не утрачиваются и не повреждаются. Если перейти к рассмотрению различных иллюстраций, касающихся личности в Японии, то нашего внимания требуют три момента: каковы факты? обусловлены ли они и доказывают ли они утверждаемую "безличность" народа? и достаточно ли эти факты объясняются общинной теорией японского общественного устройства?

Итак, начнем с иллюстрации, которую так часто приводят сторонники "безличности", - с японской вежливости. Что касается реальности этого факта, то вряд ли стоит приводить развернутые доказательства. Японская вежливость - это поговорка. Она проникает в

мельчайшие акты повседневной жизни; держание рук, способ вхождения в комнату, втягивание воздуха в определенных случаях, укладка волос, относительные почетные места в гостиной, способ подачи гостям угощений, обмен дружескими подарками - каждая деталь социальной жизни жестко регламентирована этикетом. Не только поступки, но и язык личного обращения регулируется представлениями о вежливости, которые коренным образом повлияли на структуру языка, препятствуя развитию личных местоимений.

В чем же причина этой особенности японцев? Писатели безличной школы обычно объясняют ее "безличностью" восточного ума. "Безличность" - это не только повод, но и причина вежливости японцев. "Самость подавляется, а вместо нее - постоянно присутствующая забота о других". "Безличность, уменьшая интерес к себе, побуждает человека проявлять интерес к другим".^[CQ] В этих отрывках вежливость объясняется безличной природой японского ума. Следующие цитаты показывают, что эта характеристика считается присущей расе и структуре ума, а не социальному порядку, как утверждается здесь. "Нация выросла до мужского сословия, сохранив разум своего ребенка"^[CP] "По расовым характеристикам он все же в основном тот же..... Из этих черт... возможно, самой важной является великое качество безличности."^[CQ] "Народы, населяющие его [умеренный пояс Земли], становятся неуклонно более личными по мере продвижения на Запад. Эта градация столь безошибочна, что почти возникает соблазн приписать ее скорее космическим, чем человеческим причинам..... Можно сказать, что сущность души Дальнего Востока - это безличность".^[CR]

В главе "Воображение" мистер Лоуэлл пытается объяснить причину "безличности" Востока. Он объясняет это явным недостатком у них способности "воображения" - способности формировать новые и оригинальные идеи. Отсутствие этой способности относительно мало стимулирует рост, а значит, не дает возможности дифференциации и, следовательно, индивидуализации.

Если бы вежливость объяснялась "безличной" природой расового разума, то невозможно было бы объяснить подъем и упадок японского этикета, так как он должен был существовать с самого начала и сохраняться во все времена, равно как и грубую невежливость, которая часто встречается в последние годы. Сами японцы сожалеют о произошедших изменениях. Они свидетельствуют, что старые формы вежливости были неотъемлемым элементом феодальной системы и слишком часто являлись тонкой оболочкой манер, отнюдь не выражающих сердечный интерес. Никто не может быть так абсолютно груб, как те, кто владеет формами вежливости, но не имеет доброго сердца. Теория "безличности" не дает удовлетворительного объяснения старинной вежливости Японии.

Объяснение развития и упадка вежливости заключается в том, что они обусловлены природой общественного строя. Тщательно поддерживаемый феодализм с его социальными рангами и свободным использованием меча по необходимости вырабатывает минутные неписанные правила этикета; без всеобщего соблюдения этих обычаев жизнь была бы невыносимой и шаткой, а само общество - невозможным. Минутный этикет - это смазка феодального общественного строя. Взлет и падение феноменальной системы феодального этикета Японии синхронны ее феодальной системе, и это объясняется не столько утверждаемой "безличностью" расового разума.

Безличная теория удивительно слепа к неблагоприятным явлениям. Таким явлением является ярко выраженная чувствительность среднего и высшего классов к малейшей обиде или оскорблению. Градации социального ранга скрупулезно соблюдаются не только в официальных случаях, но и в домах на неформальных и светских приемах. Невозможность

проявить должное внимание или использовать язык с недостаточным количеством почетных частиц и форм будет немедленно истолкована как личное оскорбление, если не оскорбление.^[CS]

Итак, если обильная вежливость является доказательством "безличности", как утверждают ее сторонники, то что же доказывает болезненная чувствительность, как не высокоразвитую личность? Но тогда возникает трудность в понимании того, как одни и те же люди могут быть одновременно и предельно вежливыми, и болезненно чувствительными? Вместо того чтобы делать вывод о "безличности" из факта вежливости, из двух фактов - чувствительности и вежливости - мы можем более логично сделать вывод о значительной степени индивидуальности. Однако я бы не стал придавать этому аргументу большого значения, поскольку зачастую (или это всегда так?) чем слабее и ничтожнее человек, тем выше его чувствительность. Крайняя чувствительность - такой же естественный и необходимый продукт высокоразвитого феодализма, как и вежливость, и ни то, ни другое не связано с высоким или низким уровнем развития личности.

То же самое касается вопроса об альтруизме, который практически отождествляется с вежливостью толкователями восточной "безличности". Они делают этот термин (альтруизм) виртуальным эквивалентом "безличности" - интереса к другим, а не к себе, интереса, обусловленного, по их мнению, отсутствием дифференциации индивидуальных умов; индивиды, хотя и отделены друг от друга, все же сохраняют универсализм изначального ума. Такое использование термина "альтруизм" делает его совершенно отличным от качества или характеристики, которая на Западе описывается этим термином.

Но если допустить, что это слово используется с законным значением, мы спросим, является ли альтруизм в этом смысле неотъемлемым качеством японской расы? Пусть читатель вернется к нашему обсуждению вопроса о наличии у японцев сочувствия и гуманных чувств.^[CT] Мы увидели там явные доказательства их отсутствия. Жестокость старого социального порядка была такой, что нам трудно осознать. Альтруизм, выражающийся только в вежливых формах и не стремящийся облегчить страдания ближних, может иметь очень мало того смысла, которого требует эта теория. Это что касается факта. Тогда к теории. Если бы этот предполагаемый альтруизм был присущ психической структуре, он должен был бы быть универсальной характеристикой японцев; он должен быть всепроникающим и постоянным. Он должен проявляться как по отношению к иностранцам, так и по отношению к коренным жителям. Но это далеко не так. Лишь немногие иностранцы встречают радушный прием у всего народа. Их подозревают и ненавидят; для них отводится как можно меньше места. Чем меньше их присутствия и советов, тем лучше. Если к ним и проявляется интерес, то только из соображений пользы, а не по доброй воле, вызванной чувством единства аборигенов. Конечно, есть много исключений из этих утверждений, особенно среди христиан. Но таково отношение к иностранцам всего народа, особенно среднего и высшего классов.

Если мы обратимся к противоположной фазе японского характера, а именно к эгоизму, самоуверенности и агрессивности, как нации, так и отдельных людей, и одновременно рассмотрим недавний рост этого духа, мы снова будем поражены как узким кругом фактов, к которым призывают нас сторонники "имперской сональности", так и полной недостаточностью их теории для объяснения фактов, которые они упускают из виду. Согласно теории альтруизма и "безличности", они являются характеристиками неразвитых рас и индивидуумов, в то время как обратные характеристики, эгоизм и самоуверенность, являются продуктами более позднего и высокого развития, признаками сильной личности. Но ни эгоизм, ни индивидуальная агрессивность не являются необходимым элементом

развитой "личности". Если бы это было так, то дети, которых никогда не обучали воспитанные матери, но которым позволяли идти своим путем, невзирая на права и желания других, были бы более высоко развитой "личностью", чем взрослый человек, который благодаря долгой жизни в самодисциплине и религиозной преданности стал независим от своих эгоистических интересов и заботится только о благополучии других. Если высокое развитие альтруизма эквивалентно развитию "безличности", то те, кто на Западе славится гуманностью и доброжелательностью, являются "безличными", в то время как грабители, убийцы и все, кто не заботится о благополучии других, обладают наиболее высокоразвитой "личностью". Из этого также следует, что высокоразвитые альтруисты-благотворители человечества являются таковыми, в конце концов, потому, что они *неразвиты*, - их разум относительно недифференцирован, - отсюда их дружелюбие и добрые поступки. Есть история о том, как некий ученый умник встретил полупьяного хама; тот бросился вперед, заметив: "Я никогда не уйду с пути дурака", на что тот быстро ответил: "Я всегда это делаю". Согласно этому аргументу, основанному на самоутверждающейся агрессивности, хам - это человек, обладающий сильной личностью, в то время как джентльмен относительно "безличен". Если чистый эгоизм и агрессивность являются мерилем личности, то разве многие плотоядные животные не наделены очень высокой степенью "индивидуальности"?

Дело в том, что всеобъемлющее и в то же время корректное противопоставление Востока и Запада не может быть выражено в терминах личности и безличности. Они не только не учитывают всех фактов, но и не могут объяснить даже те факты, которые они учитывают. Такое противопоставление Востока и Запада может быть выражено только в терминах коммуналности и индивидуализма. Как мы уже видели,^[CU] каждый народ должен пройти через общинную стадию, чтобы стать нацией вообще. Семьи и племена, из которых она состоит, должны стать консолидированными, чтобы выжить в борьбе за существование с окружающими семьями, племенами и нациями. На этой стадии индивид по необходимости отходит на второй план перед требованиями сообщества. Это обеспечивает действительно некий вид альтруизма, но относительно низкого порядка. Это общинный альтруизм, к которому природа принуждает под страхом истребления. Это, однако, очень отличается от альтруизма высокого религиозного опыта и сознательной этической преданности. Последний - волевой, продукт характера. Такой альтруизм может возникнуть, прежде всего, в обществе, где в значительной степени возобладал индивидуализм. Именно эта разновидность альтруизма характерна для Запада, пока он альтруистичен. Но, с другой стороны, в общественном устройстве, где индивидуализм имеет полный размах, крайности эгоизма также могут найти возможность для развития. Соответственно, именно на Западе крайний эгоизм, самый одиозный из грехов, проявляется в лучшем, а точнее, в худшем виде.

Таким образом, мы снова видим, что эгоистическая агрессивность и возвышенное сознание своей индивидуальности или отдельности не являются обязательными признаками развитой личности, равно как и их противоположность - признаки неразвитой личности, так называемая "безличность". Напротив, обратное утверждение, вероятно, ближе к истине. Тот, кто глубоко осознает великое единство природы и человека, единство, объединяющее людей в нацию и расу, и живет соответствующей жизнью добра и доброты, является, безусловно, более развитой личностью. Но проявления личности будут сильно зависеть от характера общественного устройства. Он может меняться с поразительной быстротой. Именно такие изменения произошли в общественном устройстве японской нации за последние тридцать лет, радикально изменив его так называемые безличные черты. Примитивная покорность, вежливость, брачные обычаи, всеобщее принятие китайских мыслей, языка и литературы, а теперь, в последнее время, отказ от китайской философии и науки, напористость в Корее и Китае и агрессивное отношение ко всему миру - все эти

многочисленные изменения и полный разворот идеалов и обычаев указывают на то, что прежние характеристики их цивилизации были не "безличными", а общинными, и что они основывались на социальном развитии, а не на врожденной природе или недостаточной умственной дифференциации.

Распространенной иллюстрацией японской "безличности", сила которой зависит исключительно от изобретения, является недостаток в японском языке личных местоимений и избыток почетных. На первый взгляд этот аргумент кажется очень сильным, абсолютно непобедимым. Конечно, если в языке действительно не хватает личных местоимений, разве это не является положительным доказательством того, что люди, использующие этот язык, а может быть, и его авторы, должны обязательно испытывать недостаток в чувстве личности? А если глаголы в большом количестве являются безличными, разве это не решает дело? Но дальнейшее рассмотрение этого аргумента и его иллюстраций постепенно показывает его слабость. В настоящее время я должен признаться, что аргумент кажется мне совершенно несостоятельным, и по той достаточной причине, что личностный элемент присутствует, если не всегда явно, то, по крайней мере, неявно, почти в каждом произнесенном предложении. Способ его выражения, правда, сильно отличается от принятого в западных языках, но тем не менее он там есть. Обычно это достигается с помощью титулов, "почетных" частиц, а также почетных глаголов и существительных. "Почетные туфли" ни в коем случае не могут означать туфли, принадлежащие мне; любой японец сразу же подумает "ваши туфли"; его внимание не отвлекается термином "почетные", как это происходит с иностранцем; для коренного жителя честь в значительной степени упускается из виду, поскольку подразумевается личный элемент. Чем больше знакомство с языком, тем яснее становится, что впечатление "безличности" объясняется скорее невежеством иностранца, чем реальным "безличным" характером японской мысли или ума. В японских способах языкового выражения вежливость и личность действительно неразрывно переплетены, но они вовсе не слиты воедино. Различия личности и самосознания в японской *мысли* столь же ясны и отчетливы, как и в английской. В японском *предложении*, однако, вежливость и личность не могут быть четко разделены. Однако в этом случае нет больше оснований для отрицания одного элемента, чем другого.

Если недостаток личных местоимений не является доказательством японской "безличности", т.е. отсутствия самосознания, то этот самый недостаток может быть с еще большей правдоподобностью использован для утверждения противоположного мнения. Детская психология установила тот факт, что ранним феноменом детского психического развития является акцент на "meum" и "tuum", мое и твое. Ребенок - абсолютный индивидуалист в чувствах, представлениях и языке. Первое личное местоимение всегда на его устах и в его мыслях. Только по мере развития культуры и обучения тому, как неприятен для других чрезмерный акцент на первом лице, он учится сдерживать свою собственную чрезмерную эгоистическую тенденцию. Не является ли фактом то, что на Западе культурные люди старательно избегают употребления первых личных местоимений благодаря развитому самосознанию? Может ли человек, не обладающий самосознанием, считать невежливым чрезмерное использование эгоистических форм речи? С этой точки зрения можно было бы утверждать, что из-за недостатка личных местоимений японская нация продвинулась в процессе самосознания гораздо дальше любой другой нации. Но это тоже было бы ошибкой. Тем не менее, не говоря о том, что отсутствие личных местоимений является доказательством "безличности" японцев, я думаю, что мы можем справедливо использовать его в качестве опровержения этого утверждения.

Аргумент в пользу врожденной безличности японского ума из-за относительного отсутствия личных местоимений еще больше подрывается открытием не только множества заменителей, но и нескольких слов, несущих на себе сильный отпечаток концепции самости. Говорят, что существует триста слов, которые можно использовать в качестве личных местоимений: "боку", "слуга", является общим термином для "я", а "кими", "господин", для "ты"; эти слова свободно используются студентами. Чиновники часто используют "коната", "здесь", и "аната", "там", для первого и второго лица. "Омайе", "почетно впереди", используется как снисходительно, так и почетно; "вы, кого я снисхожу допустить в свое присутствие" и "вы, кто оказывает мне честь войти в ваше присутствие". Происхождение самого распространенного слова "я", "ватакуши", неизвестно, но, помимо проминального употребления, оно имеет значение "личный". Оно стало настоящим личным местоимением и свободно используется всеми классами.

В дополнение к тремстам словам, которые могут использоваться в качестве личных местоимений, японский язык обладает неограниченным количеством способов деликатно намекнуть на личный элемент без его прямого произнесения. Это делается либо с помощью тонкой похвалы, которая может относиться только к тому, к кому обращена речь, либо с помощью более или менее откровенного самоуничижения, которое может относиться только к первому лицу. "Го канай", "почтенный в доме", может означать, согласно японскому этикету, только "ваша жена" или "ваша семья", в то время как "гу-сай", "глупая жена", может означать только "моя жена". "Гуфу", "глупый отец", "тондзи", "развязный ребенок", и множество других уничижительных терминов, таких как "сомацу на моно", "грубая вещь", и "цумарану моно", "никчемная вещь", согласно гению языка, могут относиться только к первому лицу, в то время как все благодарные и вежливые термины могут относиться только к тому, к кому обращены. Термины "foolish", "swinish" и т. д. утратили свой буквальный смысл и означают теперь не более чем "мой", в то время как вежливые формы означают "ваш". Переводить эти термины "моя глупая жена", "мой развязный сын" неправильно, так как это дважды переводит одно и то же слово. В таких случаях японскую *мысль* лучше всего выразить, используя притяжательное местоимение и полностью опустив уничижительное прилагательное. Таким образом, японские косвенные методы выражения личного отношения бесчисленны и изощренны. Можно ли утверждать, что, поскольку у европейца есть лишь несколько грубых местоимений, с помощью которых он может выразить эту идею, а у японца - множество местоимений и множество других тонких способов передать ту же идею, что последний намного опережает европейца в развитии личности? Я не использую этот аргумент, но как аргумент он кажется мне гораздо более правдоподобным, чем тот, который выводит из скудости истинных местоимений отсутствие или, по крайней мере, недостаток личности.

Кроме того, в японском языке есть несколько слов для обозначения себя. "Оноре", "свой", и "варе", "я или сам", - это чисто японские слова, в то время как "дзи" (китайское произношение "оноре"), "га", "сам", и "ши" (китайское произношение "ватакуси", что означает "частный") - это синико-японские слова, то есть слова, производные от китайских. Эти синико-японские термины повсеместно используются в составе сложных слов и являются такими же истинно японскими, как многие латинские, греческие и нормандские слова - настоящими английскими. "Цзи-бун", "свой"; "цзиман", "самоудовлетворение"; "цзи-фу", "самоутверждение"; "цзинин", "самоответственность"; "цзи-бо цзи-ки", "саморазрушение, самоотречение"; "цзи-го цзи-току", "самодействие, самонаграждение" - всегда в плохом смысле; "га-йоку", "эгоистическое желание"; "га-син", "эгоистичное сердце"; "га мы ору", "самообладание"; "муга", "бескорыстный"; "ши-син ши-йоку", "частное или самолюбивое сердце, частное или саможелание", то есть эгоизм; "ши-ай ши-син", "частное

или самолюбивое, частное или самолюбивое сердце", т.е.е., Эгоизм - эти и бесчисленные другие сложные слова, связанные с понятием "я", вряд ли могут быть объяснены "безличной", "альтруистической" теорией японского расового сознания и языка. По правде говоря, если эта теория не в состоянии объяснить факты, которые она признает, то тем более она не может объяснить те, которые она игнорирует.

Чтобы правильно интерпретировать рассматриваемые нами явления, мы должны спросить себя, как личные местоимения возникли в других языках. Неужели первобытный окцидентальный человек произвел их сразу же, как только обнаружил себя? Отнюдь. Есть много оснований полагать, что каждое личное местоимение - это вырожденное или, если хотите, развитое существительное. Местоимения - один из новейших продуктов языка, и в сфере языка они сродни алгебраическим символам в сфере математики или машине в сфере труда. Местоимение, личное, указательное или относительное, - это замечательное лингвистическое изобретение, позволяющее говорящему вести длинные непрерывные цепочки мыслей. Его изобретение было связано с самоощущением не больше, чем изобретение любого трудосберегающего устройства. Японский язык еще больше страдает от отсутствия относительных местоимений, чем от отсутствия личных местоимений. Должны ли мы на основании этого утверждать, что у японцев нет чувства родства? Конечно, личные местоимения не могли возникнуть без или до чувства собственного достоинства, но проблема в том, могло ли чувство собственного достоинства возникнуть без или существовать до этого конкретного языкового средства, личного местоимения? На эту проблему японский язык и цивилизация бросают убедительный свет.

Дело в том, что предки англосаксонского и японского народов расстались так давно, что в ходе их языковой эволюции были полностью уничтожены не только все общие термины, но даже общие способы выражения. Так называемые индоевропейские расы остановились на одном способе построения предложений, в котором местоимения играли важную роль, а личное местоимение было необходимо для выражения личного элемента, в то время как японцы остановились на другом способе, который не требовал использования местоимений и мог выражать личный элемент полностью без личного местоимения. Таким образом, структура предложений в этих двух языках радикально отличается.

Длительно существовавший феодальный общественный строй наложил свой отпечаток на японский язык не меньше, чем на все остальные черты японской цивилизации. Многие из квазиличных местоимений явно имеют феодальное происхождение. В условиях новой цивилизации и контакта с иностранными народами, которые едва ли могут произнести предложение без личного местоимения, большинство старых квазиличных местоимений выходят из употребления, а те, что продолжают использоваться, быстро поднимаются до положения полноценных личных местоимений. Однако это связано не с развитием самосознания народа, а лишь с развитием языка в направлении полного и краткого выражения мысли. Было бы опрометчиво утверждать, что феодальный общественный строй объясняет отсутствие местоимений, личных или других, в японском языке, но можно с уверенностью сказать, что феодальный строй, с его многочисленными градациями социального ранга, тонким этикетом, утонченной и высокоразвитой личной чувствительностью, принял бы и развил безличный и почетный метод личной аллюзии. Даже если мы не сможем объяснить возникновение непрономинального способа построения предложений, достаточно, если мы увидим, что это проблема в эволюции языка, и что недостаток японских прономиналов не следует объяснять отсутствием самосознания, а тем более врожденной "безличностью" японского ума.

Интересным фактом, который игнорируют сторонники "безличной" теории, является неспособность японцев представить себе национальность отдельно от личности. Император не только воспринимается как живой символ японской национальности, но и является ее воплощением и сущностью. Японская раса, по общему мнению, является потомством королевского дома. Суверенитет полностью и абсолютно принадлежит ему. Власть в наши дни признается только теми, кто имеет ее от него. Народные права предоставляются народу им самим и существуют только благодаря его воле. Теоретически один его акт может отменить конституцию, принятую в 1889 году, и все народные права, которыми сегодня пользуется нация. Император Японии может присвоить себе, ничуть не шокируя самых патриотичных японцев, давно известное изречение Людовика XIV: "Государство - это я". Г-н Х. Като, бывший президент Императорского университета, в своей недавней работе под названием "Эволюция морали и права" говорит об этом так: "Патриотизм в этой стране означает верность трону. Для японцев император и страна - одно и то же. Император Японии без малейшего преувеличения может сказать: "Государство - это я". Японцы считают, что все их счастье связано с императорской линией, и не уважают ни одну систему морали или права, которая не учитывает этот факт".

Господин Ямагучи, профессор истории в Школе пэрис и преподаватель Императорского военного колледжа, так пишет о *Дальнем Востоке*: "Суверенная власть государства не может быть отделена от императорского трона. Она длится вечно вместе с Императорской линией престолонаследия, не прерываясь в веках. Если Императорский Дом прекратит свое существование, Империя падет". "Согласно нашим представлениям, монарх царствует и управляет страной в своем праве..... Наш Император обладает реальным суверенитетом, а также осуществляет его. Этим он отличается от других правителей, которые обладают лишь частичным суверенитетом". Сегодня это общепризнанное убеждение в Японии. Это ясно показывает, что национальное единство и суверенитет не воспринимаются в Японии в отрыве от личности.

Прежде чем завершить эту главу, необходимо обратить внимание еще на один момент. Если бы "безличность" была неотъемлемой характеристикой японской расовой природы, возможно ли было бы возникновение сильных личностей?

Мистер Лоуэлл очень красноречиво описал весьма распространенный опыт. "В некоторых людях, - говорит он, - есть нечто неуловимое, что накладывает неизгладимый отпечаток на сознание всех, кто с ними соприкасается. Это нечто - сила, но сила настолько неопределенная, что мы просим дать определение, называя ее просто личностью человека. С другой стороны, есть люди, которые не оказывают на нас никакого влияния. Они приходят и уходят с таким же безразличием..... И мы говорим, что разница обусловлена личностью или отсутствием личности у человека." ^[CV] Первое, на что я хотел бы обратить внимание, это то, что "личность" здесь используется в своем истинном смысле. Оно не относится исключительно к самосознанию и не означает влияния самосознания на сознание другого. Оно относится к тем присущим человеку качествам мышления, чувства и желания, которые, как мы видели, составляют суть личности. Эти качества, которыми обладают в той или иной степени, делают сильные личности. Их относительный недостаток составляет слабую личность. Слабое самосознание является незначительным признаком личности и может быть развито до болезненной степени у человека со слабой личностью.

Во-вторых, это различие между слабыми и сильными личностями справедливо как для японцев, так и для жителей Западной Европы. В истории Японии было много выдающихся личностей; они были героями страны. Есть они и сегодня. Самой выдающейся личностью последнего времени был, я полагаю, Такамоти Сайго, само имя которого вдохновляет

десятки тысяч лучших молодых людей страны. Джозеф Нисима был именно такой личностью. Прозрачность его целей, простота его личной цели, непоколебимое мужество, твердость убеждений, высокие планы и далеко идущие амбиции в отношении своего народа впечатляли всех, кто вступал с ним в контакт. Кто бы ни общался с японцами, свободно разговаривая с ними на их родном языке, он то и дело видит людей с "сильной личностью" в смысле вышеприведенного отрывка. Мне кажется, что если бы "безличность" в соответствующем смысле была расовой характеристикой, обусловленной природой их психического существа, то появление в Японии такого количества выдающихся личностей было бы необъяснимо. Герои и повсеместное поклонение героям^[CW] вряд ли могли бы возникнуть, если бы не существовали личности-полководцы. Феодалный строй, несомненно, способствовал развитию такого духа. Но феодалный порядок вряд ли мог возникнуть или даже сохраниться в течение столетий, если бы не было личностей-полководцев, и уж тем более он не мог их создать. Весь феодалный порядок был построен на возвышенной олигархии. Это был порядок, в котором во главу угла ставились личности, а не принципы; законом страны была воля не толпы, а нескольких избранных. Поэтому не подлежит сомнению, что старый общественный строй был общинным по типу и не давал свободы личности, не способствовал развитию сильных личностей в массах, но верно и то, что он воспитывал в правителях людей с выдающимися личностными качествами. Те, кто с юности принадлежал к наследственной линии правления, сыновья сёгунов, даймё и самураев, были вынуждены в силу самой общинности общественного строя к исключительному личностному развитию. Они вырвались далеко вперед по сравнению с простыми людьми. Феодализм благоприятствует развитию личности у немногих избранных, в то время как у масс он подавляет ее. Индивидуализм, напротив, предоставляя свободу мысли и действий, со всеми вытекающими отсюда последствиями, благоприятствует развитию личности каждого.

В свете обсуждений этой главы не очевидно ли, что сторонники "безличной" теории японского разума и цивилизации не только игнорируют многие важные элементы цивилизации, которую они пытаются интерпретировать, но и основывают свою интерпретацию на ошибочном представлении о личности? Однако мы не можем оставить дискуссию на этом этапе, поскольку важные соображения все еще требуют нашего внимания, если мы хотим докопаться до сути проблемы личности.

XXXII

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БУДДИЗМ БЕЗЛИЧНЫМ?

Сторонники японской "безличности" обращают внимание на феномен самоподавления в религии. Однако кажется странным, что те, кто приводит этот аргумент, не видят, как "самоподавление" подрывает их главное утверждение. Если "самоподавление" действительно будет достигнуто, то только людьми, продвинувшимися настолько далеко, что они прошли через "личностную" стадию существования и вышли за ее пределы. "Самообеспечение" не может быть характеристикой примитивного народа, народа, который еще не достиг стадии самосознания. Если предполагаемая "безличность" Востока - это примитивный народ, который еще не достиг стадии самосознания, то он не может обладать

характеристикой "самоподавления". Если же, напротив, это "безличность" "самоподавления", то она радикально отличается от примитивного народа. Сторонники "безличности" представляют обе концепции, совершенно не осознавая, что они взаимоисключающие. Если одна из концепций истинна, то другая ложна.

Более того, если самоподавление является заметной характеристикой японской вежливости и альтруизма (что, несомненно, так, когда эти качества являются реальным выражением сердца и общего характера), то оно является еще более характерной чертой высшей религиозной жизни народа, которая, конечно, не стремится к "безличности". Приписывание эзотерического буддизма простому народу сторонниками "безличной" теории совершенно ошибочно, и аргумент в пользу "безличности" расы на этом основании не имеет под собой оснований, так как народные массы являются грубыми политеистами, совершенно неспособными понять буддийскую метафизику или представить себе туманный, безличный Абсолют буддизма. Если бы осознание единства природы, и особенно единства индивидуальной души с Абсолютом, было характеристикой неразвитого, то есть недифференцированного ума, то все примитивные народы должны были бы проявлять его в превосходной степени. Она должна проявляться в каждой фазе их жизни. Чем примитивнее люди, тем божественнее их жизнь - ведь они меньше дифференцированы от изначального божественного разума! Таковы требования этой теории. Но каковы же факты? Примитивный неразвитый ум относительно не осознает себя; он полностью объективен; он детский; он даже не знает, что существует самость, которую нужно подавлять. Примитивная религия чисто объективна. В первобытной религии, несомненно, подразумевается единство Бога и человека, но первобытный человек не обнаружил этого подтекста в своем религиозном мышлении. Таково состояние ума подавляющего большинства японцев.

Однако это далеко не так для всех. Ни одна нация с такой непрерывной историей, как Япония, не смогла бы не развить класс, способный к значительному самоанализу. В Японии самоанализ получил ранний и мощный импульс от религии Будды. Она принесла с собой философию жизни, основанную на длительном и глубоком самоанализе. Она предписывала каждому человеку, желающему знать больше, чем символы, желающему, подобно Будде, достичь великого просветления и стать Татхагатой, Благословенным, Буддой, Просветленным, познать и покорить самого себя. Акцент, сделанный вдумчивым буддизмом на необходимости самопознания для самоподавления, хорошо осознается всеми внимательными учениками. Сторонники восточной "безличности" ни на йоту не отстают от других в ее признании. В связи с этим мы вряд ли можем сделать лучше, чем процитировать несколько счастливых описаний мистера Лоуэлла учения философского буддизма.

"Эта жизнь, - говорится в нем, - всего лишь цепь горестей..... Желания, побуждающие нас к действию, на самом деле являются причиной всех наших бед. Мы думаем, что они - это мы сами. Мы ошибаемся. Все они - иллюзия..... Эта личность, это чувство собственного достоинства - жестокий обман..... Осознайте однажды скрывающуюся за ней истинную душу, лишенную атрибутов... невидимую часть великой безличной души природы, тогда... вы обретете счастье в блаженном затишье Нирваны" [с. 186]. "В одном лишь желании кроется все зло. Утоли желание, и дела [грехи плоти] умрут от недержания. Избавьтесь же, говорит Будда, от этих страстей, от этих стремлений ради себя самого. Как человек осознает, что он сам есть нечто отличное от своего тела, так и если он будет размышлять и размышлять, то увидит, что подобным же образом его аппетиты, амбиции, надежды на самом деле являются внешними по отношению к собственно духу..... За желанием, за волей скрывается душа, одна и та же для всех людей, единая с душой вселенной. Когда человек однажды осознает

эту вечную истину, он вступает в Нирвану..... Она [Нирвана] - это просто признание вечного единства обоих [индивидуальной и вселенской души]" [р. 189].

Если принять это описание философского буддизма как достаточно точное, то становится ясно, что достижение этого сознания единства индивидуального "я" с универсальным является результатом, по мнению Будды, а также по мнению сторонников "безличности", высокоразвитого сознания "я". Это не простое состояние недифференцированного ума, а сложное и производное, совершенно непостижимое для примитивных людей. Средства для этого подавления самости *полностью зависят от развития сознания самости*. Самость - это средство для изгнания самости, и делается это с помощью того самоанализа, который в конечном итоге приводит к осознанию единства. Если, таким образом, японский буддизм стремится подавить самость, то именно это стремление является самым убедительным доказательством того, что этот народ обладает высокоразвитым самосознанием.

Одна из гордостей буддизма заключается в том, что спасителем человека является он сам; никакой другой помощник, человеческий или божественный, не может ничего сделать для него. Те, кто отвергает христианство в христианских странах, вполне склонны хвалить буддизм за этот отказ от любой внешней помощи. Они настаивают на том, что по самой природе дела спасение не может быть внешним; каждый человек должен сам добиваться своего спасения. Оно не может быть даровано другим. Спасение через внешнего Христа, жившего 1900 лет назад, невозможно. Такая критика христианства свидетельствует о непонимании христианской доктрины и метода спасения. Однако внимание здесь обращено не на правильность или неправильность этих характеристик христианства, а на то, что "джи-рики", спасение через самоотдачу, которым гордится буддизм, является лишь еще одним доказательством сущностного самосознательного характера буддизма. Он нацелен на нирвану, правда, на самоослабление, но это зависит от достижения ясного самосознания в первую очередь, а затем от длительного самонапряжения для достижения этой цели. В той мере, в какой буддизм является эзотерическим, он является самосознательным.

Такова природа буддизма, и мы, естественно, задаемся вопросом, рассчитан ли он на развитие сильно развитых личностных качеств мужчин и женщин. Если самосознание является основным элементом личности, мы должны объявить буддизм в высшей степени личностной, а не безличной религией, как это обычно утверждается. Но религия буддийского типа, которая презирает самость и стремится к ее уничтожению как единственному средству спасения, всегда была направлена на разрушение личности; она делала людей отшельниками и пессимистами; она вырывала их из большого потока активной жизни и тем самым отрывала их от своих собратьев. Но главное условие развитой личности - это широта и интенсивность жизни, а также постоянное общение с человечеством. Личность развивается в обществе людей, а не в компании деревьев и камней. Буддизм, который склоняется либо к грубому и суеверному политеизму с его популярной стороны, либо к пессимистическому самоанализу с его философской стороны, возможно, с натяжкой можно назвать "безличным" в том смысле, что он не способствует развитию сильной, округлой личности среди своих приверженцев, но не в том смысле, что он не производит самосознания. Буддизм, таким образом, не может быть точно описан в терминах личности или безличности.

В этой связи нам было бы полезно задуматься над тем фактом, что хотя буддизм в своих высших формах, безусловно, развивает сознание себя, он не приписывает этому "я" никакой ценности. Вследствие этого он никогда не изменял и, как бы долго ему ни позволяли идти своим чередом, никогда не сможет изменить общий социальный порядок в сторону индивидуализма. Это одна из причин, почему весь Восток сохранил до наших дней свою

общинную природу, несмотря на свое высокое развитие во многих отношениях, даже в самоанализе и самосознании.

Эта неудача буддизма становится еще более поразительной, когда мы задумываемся о том, как легко и, на наш взгляд, естественно было бы перейти от восприятия существенного единства между отдельным "я" и универсальной душой к утверждению о высшей ценности этой отдельной души в силу факта этого единства. Но буддизм, похоже, никогда не делал таких выводов. Его сострадание к животным и даже насекомым зависело от его доктрины о переселении душ, а не от его доктрины о единстве универсальной души. Милосердие к животным проявлялось в некоторых причудливых формах, но всеобщее отсутствие сочувствия к страдающему человеку, человеку, способному испытывать самые изысканные муки, обнажало мелкость его заботы об уничтожении жизни. Все влияние буддизма на общественный строй не способствовало развитию личности на Востоке. Так называемое безличное влияние буддизма на восточные народы, таким образом, объясняется не его неспособностью признать отдельность человеческого "я", с одной стороны, и не его акцентом на универсальном единстве, существующем между отдельным конечным "я" и бесконечной душой, с другой; но только его неспособностью увидеть бесконечную ценность личности; и, как следствие этой неспособности, его неспособностью изменить общий социальный порядок путем внедрения индивидуализма.

Поэтому утверждаемую "безличную" характеристику буддизма и Востока я не хочу называть "безличностью", поскольку это очень неполноценное описание, настоящее недоразумение. Я думаю, что ни один термин не может точно описать рассматриваемую характеристику. Что касается общего общественного устройства, так называемая безличная характеристика - это его общинный характер; что касается популярной религиозной мысли, будь то синтоизм или буддизм, так называемая безличность - это простая, бесхитростная объективность; что касается философского буддизма, так называемая безличность - это его болезненное интроспективное самосознание, ведущее к желанию и усилию уничтожить отдельность себя. Это разные характеристики и не могут быть описаны одним термином. Пока в Японии есть подлинный альтруизм, реальное подавление эгоистических желаний, реальное обладание добрыми чувствами к другим и желанием помочь им, и пока эти качества возникают благодаря чувству сущностного единства человеческой расы и единства человека с божественной душой, это не "безличность", а форма высокоразвитой личности - не инфра-личности, а истинной личности.

Мы уже отмечали, что хотя эзотерический буддизм и развил в высшей степени акцентированное сознание самости, он не приписывал этой самости никакой ценности. Эта неудача не покажется странной, если мы рассмотрим исторические причины ее возникновения. На самом деле этот провал был неизбежен. Ни социальный порядок, ни метод интроспективного мышления не предполагали этого. Напротив, и то и другое полностью исключало эту идею.

Когда в Индии зародилась интроспективная мысль, общественный строй уже далеко вышел за рамки недифференцированной общинной жизни племенной стадии. Касты были универсальными и фиксированными. Повседневная жизнь и мысли были наполнены различиями каст и рангов. Считалось, что ценность человека заключается не в нем самом, а в его ранге или касте. Поэтому реальная жизнь людей не давала спекулятивной мысли ни

малейшего представления о ценности человека как человека. Это было положительным препятствием для возникновения такой идеи.

Столь же противостоял росту этой идеи и метод интроспективного мышления, открывавший факт самости. Это был метод абстракции; он отрицал как часть реального "я" все, что можно было считать отдельным; каждая меняющаяся фаза или выражение "я" не может быть реальным "я", утверждалось, потому что, если это часть реального "я", как она может иногда быть и снова не быть? Чувство не может быть частью реального "я", потому что иногда я чувствую, а иногда нет. Любое конкретное желание не может быть частью моего реального "я", поскольку иногда оно у меня есть, а иногда нет. Аналогичный аргумент был применен к каждой объективной вещи. В знаменитых "Вопросах короля Мелинды" аргумент относительно реальной колесницы подробно раскрывается; колеса - не колесница; спицы - не колесница; сиденье - не колесница; язык - не колесница; ось - не колесница; и так, рассматривая каждую отдельную часть колесницы, утверждается, что это не колесница. Но если колесницы нет ни в одной из ее частей, значит, они не являются существенными частями колесницы. Так и душа - самость; она не состоит из своих различных качеств, атрибутов или сил; следовательно, они не являются существенными элементами самости. Настоящая самость существует отдельно от них.

Разве не очевидно, что такой метод интроспекции лишает концепцию самости всякой возможной ценности? Это не что иное, как голая интеллектуальная абстракция. Сказать, что это "я" - часть вселенского "я", - не облегчение, - не придает никакой возможной ценности отдельному "я", - ведь концепция вселенской души была выработана в результате аналогичного процесса мышления. Она тоже не что иное, как голая абстракция, лишенная всех качеств, атрибутов и способностей. Я не вижу никакого различия между абсолютной универсальной душой брахманизма и буддизма и абсолютным Ничто Гегеля.^[CX]

И то, и другое - самая далекая абстракция, на которую способен разум. Абсолютная душа буддизма, Атман брахманизма и Ничто Гегеля максимально далеки от христианского представления о Боге. Первое - это абсолютная пустота бытия, второе - совершенная полнота бытия и полнота качества. Конечная пустота не получает и не может получить никакого богатства жизни или увеличения ценности благодаря сознанию своего единства с бесконечной пустотой; тогда как конечная ограниченная душа получает, с христианской точки зрения, бесконечное богатство и ценность благодаря сознанию своего единства с божественной бесконечной полнотой. Обычный метод изложения различий между христианской концепцией Бога и индуистской концепцией корня всего бытия заключается в том, что один из них является личным, а другой - безличным. Но эти термины неадекватны. Правильнее было бы сказать, что один из них совершенно личный, а другой - совершенно абстрактный. Безличность, даже в самом строгом ее значении, *то есть* без "сознательного отдельного существования в качестве разумного и добровольного существа", лишь частично выражает концепцию буддизма. Полная концепция отвергает не только личность, но и все остальные качества; высшее и абсолютное в буддизме - мы можем даже не называть его бытием - это абсолютная абстракция.

Таким образом, в отношении концепции отдельного "я" и высшего "я" буддийский взгляд можно назвать "безличным", но не в том смысле, что в нем отсутствует сознание отдельного "я"; не в том смысле, что в нем подчеркивается универсальное единство - нет, тождество всех отдельных абстрактных "я" и бесконечного абстрактного "я"; а в том смысле, что все качества и характеристики человеческих существ, такие как сознание, мысль, эмоции, воление и даже само бытие, отвергаются как нереальные. Это воззрение, безусловно, "безличностное", но это гораздо больше. Я возражаю против описания буддизма как

"безличного" не потому, что это слово слишком сильное, а потому, что оно слишком слабое; оно не достаточно характеризует его реальную природу. Он настолько же ниже материализма, насколько материализм ниже монотеизма. Такая схема мышления о Вселенной неизбежно воздействует на тех, кем она владеет, разрушая то чувство, которое они могут испытывать к ценности человеческой личности; то, что мы считаем славой человека, разбивается на фрагменты и выбрасывается.

Но это не составляет всей сложности. Этот метод интроспективного мышления неизбежно привел к доктрине Иллюзии. Ничто не является тем, чем кажется. Реальность колесницы иная, чем кажется. Так же и с самим собой и всем, что мы видим или думаем. Муравей Игно находится под чарами иллюзии и не может от нее избавиться. Заблуждающийся ум создает для себя мир бытия со всеми его бедами и несчастьями. Великое просветление - это открытие этого факта и сила, которую оно дает, чтобы вырваться из иллюзии и увидеть, что мир - это не что иное, как иллюзия. Понимание того, что иллюзия - это иллюзия, разрушает ее как таковую. Тогда это уже не иллюзия, а лишь мимолетная тень. Мы не можем сейчас останавливаться на том, что пессимизм, доктрина самоспасения и природа этого спасения через созерцание, аскетизм и уход от активной жизни - все это неизбежно вытекает из такого хода мысли. Здесь необходимо подчеркнуть, что все эти рассуждения делают еще более невозможным думать о себе как о человеке, обладающем какой-либо внутренней ценностью. Напротив, самость - это источник зла, иллюзии. Великая цель буддизма - избавиться от "я" со всеми его иллюзиями, болью и разочарованиями.

Теперь понятно, почему буддизм не смог прийти к идее ценности индивидуального "я"? Это было связано с природой общественного устройства и интроспективного и спекулятивного мышления. Поэтому, не имея концепции ценности личности, мы ясно видим, почему он не смог, даже после столетий возможностей, обеспечить индивидуализм в социальном устройстве и общее развитие личности ни как идею, ни как факт среди всех народов, к которым он пришел. Это не только исторический факт, но мы видели, что иначе и быть не могло. Сама природа его концепции самости и, как следствие, природа его концепции спасения абсолютно запрещали это.^[CУ]

До сих пор мы ограничивали свой взгляд исключительно философским буддизмом. Поэтому важно еще раз отметить, что очень немногие японцы, не принадлежащие к священству, имеют такие представления об абстрактной природе личности, абсолютного "я" и их взаимоотношениях, которые я только что описал. Эти идеи являются частью эзотерического буддизма, тайной истиной, которая является существенной частью великого просвещения, но слишком глубокой для вульгарных толп. Подавляющее большинство, даже священство, как мне говорят, не заходит достаточно далеко, чтобы быть обученным этим взглядам. Поэтому охват подобных концепций весьма ограничен. Однако то, что их придерживаются лидеры, что это взгляды самых ученых толкователей и самых продвинутых студентов буддизма, объясняет, почему буддизм никогда не был и не может стать силой, способной реорганизовать общество в направлении индивидуализма.

Популярный буддизм содержит множество элементов, чуждых философскому буддизму. Для полного изучения предмета этой главы нам необходимо спросить, имел ли популярный буддизм тенденцию к производству "безличности", и если да, то в каком смысле. Доктрина "ингва",^[CZ] с ее последствиями для характера, требует в этот момент нового внимания. Согласно этой доктрине, каждое событие в этой жизни, даже самое незначительное, является результатом поведения человека в предыдущей жизни и непреложно фиксируется непреложным законом. "Ингва" - это грубое представление о судьбе, бытовавшее у всех первобытных народов, изложенное в несколько философской и научной форме. Она стала

центральным элементом мышления восточных народов. Каждый человек рождается в своей касте и сословии по закону, над которым ни он, ни его родители не властны и за который они не несут ответственности. Несчастья в жизни, как и удачи, происходят по тем же беспристрастным, непреклонным законам. По этой системе мышления моральная ответственность практически снята с плеч человека. Эта доктрина распространена в Японии гораздо шире, чем философская доктрина самости, и является соответственно губительной.

Применительно к деталям жизни эта система мышления означает, что индивидуальный выбор и воля, а также их влияние в определении как внешней жизни, так и внутреннего характера практически не принимаются во внимание. Как социологический факт происхождение этой концепции понять несложно. Первобытная свобода индивида в раннем общинном строе племени становилась все более ограниченной по мере размножения и развития индусских народов; каждый класс общества становился все более специализированным. В конце концов у индивида не осталось выбора из-за крайней жесткости общинного строя. Собственно говоря, индивидуальный выбор и воля не играли никакой роли ни в одном важном вопросе. Здравый смысл подсказывал, что где нет свободы, там не может быть и моральной ответственности. Вся жизнь человека предопределена властью предержащей. Таким образом, мы снова видим, насколько жизненно важную связь имеет социальный порядок с внутренним мышлением и убеждениями народа.

И еще дальше. Стоит только вбить в голову человеку мысль о том, что у него нет свободы убеждений, выбора или действий, и в подавляющем большинстве случаев, по сути дела, у него ее не будет. "Как человек мыслит в сердце своем, так он и есть". "По вере вашей да будет вам". Эта доктрина о свободе личности - одна из тех, которые нельзя навязать человеку, не желающему верить в них. В подлинном смысле слова, именно моя вера в то, что я свободен, делает меня свободным. Как хорошо сказал профессор Джеймс, доктрину свободы воли нельзя впихнуть в интеллектуальное горло любого человека, поскольку это ущемляет его реальную свободу. Реальная свобода человека доказывается его свободой отвергать даже доктрину своей свободы. Но до тех пор, пока он отвергает ее, его свобода остается лишь потенциальной. Из-за веры в свое рабство он находится в рабстве. Эта доктрина судьбы стала основой мышления основной массы японцев в их попытках объяснить все превратности жизни. Поэтому она не только не смогла стимулировать волевой элемент психической природы, но и в психологии Востока этой способности уделяется мало внимания, если вообще уделяется. Восточная психология практически ничего не знает о личности, потому что не отметила один из ее центральных элементов - свободу воли. Личность, таким образом, не призывалась к осуществлению своего свободного морального выбора, одной из высших прерогатив своей природы. Моральная ответственность не была возложена на его индивидуальные плечи. Таким образом, исключался метод морального призыва, способный развить глубочайший элемент его личности.

Таким образом, получилось, что хотя философский буддизм и развил высокую степень самосознания, но, поскольку он не смог открыть свободу личности, он не освободил популярный буддизм от его скрежещащей доктрины судьбы, а наоборот, еще крепче закрепил на нем этот инкуб социального прогресса. Таким образом, и философский, и популярный буддизм поставили на пути человеческой и социальной эволюции огромную преграду - фатализм, который Восток так и не нашел способа ни преодолеть, ни обойти. Буддизм учит бессилию индивидуальной воли; он уничтожает чувство моральной ответственности; он не понимает истинной природы человека, его славы и могущества и даже его божественности, которую Запад обобщает в понятие личности. В этом смысле

влияние буддизма и состояние Востока можно назвать "безличным", но это безличность дефектной религиозной психологии и общинности в социальном устройстве. Правильно ли называть эту особенность Японии "безличностью", я оставляю на усмотрение читателя.

Мы завершаем эту главу с обновленным представлением о неадекватности "безличной" теории для объяснения японских религиозных и социальных явлений. Однако, прежде чем мы оставим эту тему, следует высказать еще несколько соображений.

XXXIII

СЛЕДЫ ЛИЧНОСТИ В СИНТОИЗМЕ, БУДДИЗМЕ И КОНФУЦИАНСТВЕ

Как бы мы ни сожалели иногда о нелогичности человеческого разума, она все же является провиденциальной характеристикой нашей пока еще несовершенной природы; ведь благодаря ей немногие люди или народы доводят до логического конца ошибочные мнения и метафизические спекуляции. Здравый смысл в Японии в большей или меньшей степени послужил противоядием от буддистского яда. Пагубное проклятие логического буддизма было в значительной степени ослаблено различными обстоятельствами. Теперь давайте рассмотрим некоторые способы, с помощью которых разрушающие личность характеристики буддизма были ослаблены другими идеями и влияниями.

Прежде всего, существует различие, которое так часто отмечается, между эзотерическим и популярным буддизмом. Эзотерический буддизм довольствовался тем, что позволял популярному буддизму занимать свое место и даже придумывать способы спасения невежественных толп, которые не могли увидеть истинную природу себя. Прибегали к использованию магических молитв, символов и идолов. Это было достаточно плохо, но они не так сильно влияли на развитие личности, как эзотерический буддизм.

Учение о переселении душ также было облегчением от давления философского буддизма, поскольку, согласно этому учению, индивидуальная душа продолжает жить своей отдельной жизнью, сохраняя свою независимую идентичность в течение бесконечных веков, проходя через десять миров существования, от самого нижнего ада до самого верхнего рая; и конкретный мир, в который она перерождается после каждой смерти, определяется моральным характером ее жизни на непосредственно предшествующей стадии. Таким образом, этот трин дос обращается к простому человеку с практическим призывом проявить свою волю, утвердить свою индивидуальность и тем самым устранить часть бед, причиненных парализующей доктриной судьбы и иллюзий.

Но еще более важное облегчение от омрачений буддийской доктрины принесла ее собственная практика. В то самое время, когда он провозглашал ничтожность "я" и бессилие воли, он заявлял, что спасение может прийти только из "я", путем самого решительного упражнения воли. Что может быть более убедительным доказательством сильной, хотя и искаженной, воли, чем восточный аскетизм? Ничто на Западе не может превзойти его. Итак, как *идея*, буддизм препятствовал развитию концепции личности; но своей *практикой* он мощно помог развить ее как факт в определенных фазах деятельности. Стоицизм японцев - это одна из фаз развитой личности. Он демонстрирует наличие мощной,

дисциплинированной воли, которая держит тело под контролем, так что оно не дает никаких признаков мыслей и эмоций, происходящих в голове, какими бы яростными они ни были.

Однако в Японии наиболее сильным препятствием для распространения и доминирования буддизма стала практичная и прозаичная конфуцианская этика. Очевидно, Конфуций никогда не рассуждал. Метафизика и самоанализ не имели для него никакого очарования. Его интересовало поведение. Его развитая доктрина требовала от всех людей повиновения закону пяти отношений. Несмотря на то, что он ничего не говорил об индивидуальности и личности, его система делала реальный акцент на личности и требовала ее постоянной активности. Во всех его учениях идея личности в полном и правильном смысле этого слова всегда подразумевается, а иногда и вполне отчетливо выражена.

Множество сильных и благородных характеров, прославляющих феодальную эпоху, являются продуктом японизированного конфуцианства, "бусидо", и убедительно свидетельствуют о его практическом акценте на личности. Преданность, сыновняя почтительность, мужество, прямота, честь, самоконтроль и самоубийство, которым оно учило, хотя мы и должны оценивать их с определенных точек зрения, все же были очень возвышенными и благородными, и зависели для их реализации от развития личности.

Сторонникам "безличной" интерпретации Востока есть что сказать о пантеизме. Они утверждают, что восточному уму трудно донести идею о личности Высшего Существа. Хотя пантеизм в той или иной форме, несомненно, является верой ученых, свидетельства того, что личное представление о божестве широко распространено среди людей, кажутся настолько очевидными, что мне вряд ли нужно делать больше, чем обращать на них внимание. Эта вера помогла нейтрализовать парализующую тенденцию буддийского фаталистического пантеизма.

Синто личностно от первого до последнего. Каждый из мириад его богов - личное существо, многие из них - обожествленные люди.

Самые популярные из них - души людей, прославившихся какими-то особенно благородными, храбрыми или достойными восхищения поступками. Поклонение героям не имеет ничего общего с личностью. Более того, в своей доктрине "Сан-син-иттай", "три бога, одно тело", оно любопытным образом напоминает доктрину Троицы.

Популярный буддизм придерживается столь же личной концепции божества. Объектами его поклонения являются олицетворения различных качеств. "Кваннон", богиня милосердия; "Дзидзо", хранитель путешественников и детей; "Эмма О", "Царь ада", карающий грешников; "Фудо Сама", "Неподвижный", - все они олицетворяют различные атрибуты божества и почитаются как отдельные боги, каждый из которых представлен идолом единого типа. Любопытно, что буддизм, который начинался с такого возвышенного отрицания божества, в итоге опустился до поклонения идолам, в то время как синто, которому свойственно поклонение личности, никогда не опускался до ее изображения в дереве или камне.

Конфуцианство, однако, превосходит всех в своих намеках на личность Высшего Существа. Хотя оно никогда не формулировало эту доктрину ни в одном термине, ни определенно заявляло о ней как о догмате религии, все этическое и религиозное мышление классически образованных японцев пронизано этой идеей. Рассмотрим китайское выражение "Джо-Тей", которое японские христиане свободно используют для обозначения Бога; оно означает буквально "Верховный император" и относится к верховному правителю вселенной; он здесь представлен в виде человеческого правителя, обладающего, конечно, человеческими, то есть личными, атрибутами. Из уст японцев часто можно услышать такую фразу:

"Аоидэ Тэн ни хадзидзу; фуситэ Чи ни хадзидзу".

"Без самоуничтожения, смотря то на Небо, то на Землю".

Эта фраза относится к сознанию того, что человек живет и ведет себя так, что ему не стыдно ни смотреть вверх перед лицом Неба, ни оглядываться вокруг себя в присутствии людей.

Павел выразил ту же мысль, когда писал: "Имея совесть, свободную от преступлений перед Богом и людьми". Или возьмем другую фразу:

"Ten-mo kwaikwai so ni shite morasazu".

"Небесная сеть широка, как земля; и хотя ячейки ее велики, никто не может избежать ее".

Эта фраза постоянно используется для иллюстрации уверенности в том, что Небеса наказывают нечестивцев.

"Ten ni kuchi ari; kabe ni mimi ari".

"У неба есть рот, и даже у стены есть уши" означает, что все, что человек делает, известно правителю неба и земли. Еще одно, более яркое изречение, приписывающее знания Небу, - "Ёсин-но сити", "четыре знания Ёсина". Этот мудрец был китайцем второго века н. э. Когда к нему обратились с большой взяткой и попросили принять ее, заверив, что никто не узнает, он ответил: "Небо знает это; Земля знает это; ты знаешь это; и я знаю это. Как же вы говорите, что никто не узнает об этом?" Это знаменитое изречение, осуждающее взяточничество, хорошо известно в Японии. Ссылки на "Небо" как на знающее, видящее, делающее, сочувствующее, желающее и всегда отождествляющее деятельность "Неба" с самыми благородными и возвышенными идеалами человека, часто встречаются в китайской и японской литературе. Таким образом, личность Бога - это доктрина, явно предвосхищенная на Востоке. Это одна из тех великих истин религии, которые Восток уже воспринял, но которые в значительной степени дремлют из-за их неполного выражения. Появление полностью выраженного учения об этой истине, освобожденного от всех неясностей и двусмысленностей, является прекрасной иллюстрацией того, как христианство приходит в Японию, чтобы исполнить, а не разрушить; оно приносит тот плодоносящий элемент, который пробуждает старые и более или менее несовершенные выраженные истины к новой жизни, и дает им адекватные способы выражения. Но главное, на что я обращаю внимание, - это тот факт, что идея личности Верховного Существа не так уж чужда восточной мысли, как некоторые хотели бы нас заставить думать. Даже несмотря на отсутствие единого слова, которым можно было бы удобно перевести этот термин, идея совершенно понятна любому японцу, которому объясняют ее значение.

Широко распространено утверждение, что, поскольку в японском языке нет термина "личность", японцам не хватает этой идеи; что, следовательно, им трудно понять ее, даже когда им ее преподносят, и что, как следствие, их нельзя критиковать за нерешительность в принятии доктрины "Личности Бога". Следует признать, что если "личность" определяется различными двусмысленными и противоречивыми способами, которыми, как мы видели, ее определяют сторонники восточной "безличности", то можно многое сказать в защиту их нерешительности. Действительно, ни один мыслящий христианин Запада ни на минуту не соглашается с этим. Но если "личность" определяется так, как это представлено здесь, что, как я полагаю, принято во вдумчивом христианстве, то их нерешительность не может быть так защищена. Несомненно, верно, что в японском языке нет ни одного слова, соответствующего нашему термину "личность". Но то же самое можно сказать и о множестве других терминов. Единственное значение этого факта заключается в том, что восточная философия развивалась не совсем так, как окцидентальная. На самом деле я не обнаружил,

что идею личности трудно донести до японцев, если использовать четкие определения. В японском языке, как мы видели, есть много слов, обозначающих индивидуальность, самость человека; в нем просто не хватает общего абстрактного термина "личность". Однако это соответствует общим характеристикам языка. Абстрактные термины, по сравнению с английским, относительно редки. Однако с приходом новой цивилизации они появляются и вводятся. Более того, английский термин "личность" охотно используется подавляющим большинством образованных христиан так же, как и такие слова, как "life", "power", "success", "patriotism" и "Christianity".

Летом 1898 года вместе с преподобным К. А. Кларком я был приглашен выступить с докладом "Основные положения христианства" в школе для буддийских священников. По окончании наших тридцатиминутных выступлений поднялся молодой человек и говорил пятьдесят минут, излагая буддийскую систему мысли; его речь состояла из изложения закона причины и следствия; он также изложил некоторые причины, по которым христианская концепция Бога и вселенной кажется ему совершенно неудовлетворительной; были выдвинуты возражения, которые сейчас актуальны в Японии, например, что если Бог действительно является создателем вселенной, то почему одни люди богаты, а другие бедны, одни высокородные, а другие низкородные. Он также задал вопрос, кто создал Бога? В двухминутном ответе я заявил, что его возражения показывают, что он не понимает позиции христианина; и в свою очередь спросил, каково происхождение закона причины и следствия. На следующий день главный священник, глава школы и ее самый высокообразованный преподаватель, обедал с нами. Мы, конечно, поговорили о различных аспектах христианской и буддийской доктрины. В конце концов он спросил меня, как бы я ответил на вопрос о том, кто создал Бога, и о происхождении закона причины и следствия. Я как можно яснее объяснил христианское представление о Боге, его личности и изначальном и единственном источнике всего существования, будь то физическая или человеческая природа. Он, казалось, выпил все это и в конце выразил свое удовлетворение словами: "Taihen ni man zoku shimashita", "Это чрезвычайно удовлетворительно"; эти слова он повторил несколько раз. Это не первое мое личное доказательство того, что идея личности не является чуждой или непонятной ни для Востока, ни даже для буддийского священника, погруженного в буддийские спекуляции, если эта идея ясно изложена.

Прежде чем завершить обсуждение проблемы личности в Японии, представляется желательным проследить историю развития японской личности. Учитывая все, что уже было сказано, и не забывая о том, что было сказано о принципах национальной эволюции,^[DA] это можно сделать в одном абзаце.

Слияние племен, развитие больших кланов и, наконец, создание нации с мировыми связями отразилось на отдельных членах народа, дав им более широкую и богатую жизнь. Это является одним из важных элементов развития личности. Подчинение индивидуальной воли воле группы, желание и стремление жить ради выгоды не отдельного человека, а группы, будь то семья, племя, род, нация или мир, не является ограничением личности. Напротив, это ее расширение и развитие. Синто и японизированное конфуцианство внесли мощный вклад в это подчинение, а значит, и в развитие личности. Однако они были сопряжены с серьезными ограничениями, поскольку ограничивали свое внимание высшими и правящими классами. Таким образом, развитие личности было крайне ограничено. Буддизм способствовал развитию японской личности в той мере, в какой он учил японцев чудесам, открывающимся в результате самоанализа и самопобеды. Однако его вклад был серьезно затруднен недостатками, о которых уже достаточно сказано. Япония развила личность в высокой степени у немногих и в относительно низкой степени у многих. Проблема, стоящая

перед Новой Японией, заключается в развитии высокой степени личности среди масс. Это должно быть достигнуто путем введения индивидуалистического общественного строя.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном вопросе. Какова природа наследственности личности? Является ли она биологической и врожденной, или же, как и все изученные до сих пор характеристики японского народа, личность передается по наследству в обществе? Проводя различие между внутренней или врожденной индивидуальностью,^[DB] которая составляет изначальный дар, отличающий человека от животного, и внешней или приобретенной индивидуальностью, которая состоит из различных форм, в которых врожденная индивидуальность проявлялась в различных расах людей и в различные эпохи "истории", можно с уверенностью сказать, что последняя передается по законам ассоциации или социальной наследственности. Внутренняя индивидуальность может быть унаследована только по линии потомства, передаваясь от отца к сыну. Экстернальная личность может не наследоваться потомками по линии и может наследоваться не только потомками по линии. Она передается и определяется социальным наследованием. И все же именно благодаря личности человек может отделиться от доминирующих течений социального порядка и стать, таким образом, средством преобразования этого порядка. Секрет социального прогресса кроется в личности. В той мере, в какой социальный порядок приспособлен, соответственно, широко для развития высокочеловеческой личности,^[DC] его собственный прогресс будет быстрым и безопасным.

Влияет ли приобретенная личность на внутреннюю? Это проблема "наследования приобретенных характеристик". В эту проблему я не вдаюсь дальше, чем отмечаю, что в той мере, в какой вновь развитые личностные черты производят трансформации тела и мозга, передаваемые от родителей к потомству только фактом родства, в этой степени приобретенное переходит во внутреннюю личность и тем самым становится внутренним. Что касается степени, в которой приобретенное переходит в присущую личность, различая тем самым ведущие расы человечества, то мы утверждаем, что она практически отсутствует. Особенности личности, характеризующие главные расы людей, обусловлены не врожденной, а приобретенной индивидуальностью; иными словами, они являются продуктами соответствующих социальных порядков и передаются из поколения в поколение по социальной, а не биологической наследственности.

XXXIV

БУДДИЙСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Чтобы полностью постичь гений и историю Японии и ее общественного строя, нам необходимо еще глубже вникнуть в различные концепции мироздания, которые влияли на этот народ. Каковы были их взгляды на природу конечной реальности, лежащей в основе всех явлений? Каково отношение человечества к этой высшей реальности? И каково отношение этих мировоззрений к общественному строю? Чтобы подготовить почву для окончательного ответа на эти вопросы, мы ограничимся в этой главе исследованием внутренней природы буддийского мировоззрения.

Поскольку буддийская концепция конечной реальности и вселенной является одним из трех важных типов мировоззрения, доминирующих в человеческом сознании, и этот тип также

почти не известен в западных странах, для того чтобы изложить его в терминах, понятных для оксидента и христианина, необходимо будет при его изложении противопоставить его двум оставшимся типам, а именно греческому и христианскому. Как уже отмечалось, согласно буддийской концепции, Предел - это полная Абстракция. Все элементы личности отрицаются. Он совершенно бесстрастен, совершенно бездурен и совершенно неподвижен. У него нет ни чувств, ни идей, ни воли. Как следствие, явления вселенной совершенно не связаны с ним; все, что есть, - лишь иллюзия; у него нет реальности бытия. Люди, считающие мир реальным и даже самих себя реальными, находятся под действием чар. Эта иллюзия - великое страдание и источник боли. Спасение - это обнаружение иллюзии, и это обнаружение - победа над ней, ибо никто не боится лвиной шкуры, как бы сильно он ни боялся льва. Это открытие обеспечивает отступление от маленькой, ограниченной, индивидуальной линии "я", в бесконечное бесстрастное, бездурное и неподвижное существование абсолютного существа, Нирвану.

Древнегреческая и не в малой степени современная мысль представляла себе Предельное как чистый интеллектуализм. Один из аспектов личности воспринимался и подчеркивался. Бог представлялся как мыслитель, как тот, кто созерцает вселенную. Он не создает ни материю, ни силу, не управляет ими. Они вечны и реальны и подвластны судьбе. Бог просто наблюдает. Он - абсолютный разум. Таким образом, греческий взгляд по сути своей дуалистичен. Грех, с точки зрения греков, - это просто невежество, а спасение - обретение знания.

В жизненно важном и жизнеутверждающем контрасте с буддийской и греческой концепциями находится иудео-христианская. Для христианина Предел - это полноценная личность. Для него центральным элементом Бога является воля, направляемая разумом и контролируемая любовью и праведностью. Бог создает и управляет всем. Нет ничего, что не было бы полностью подчинено ему. Для христианина не существует ни дуализма, ни иллюзий. Грех - это акт человеческой воли, а не иллюзия или провал интеллекта. Спасение - это исправление воли, которое происходит через "новое рождение".

Элементарное различие между этими тремя концепциями Высшего заключается в том, что в буддизме попытка рационализировать и этизировать вселенную опыта оставлена как безнадежная задача; мир целиком и полностью сопротивляется рациональному и этическому процессу. Вселенная объявляется полностью иррациональной и неморальной. Изменения клеймятся как иллюзия. В философском, основательном буддизме нет места для прогресса.

В греческом представлении вселенная частично подчиняется процессу рационализации, но только частично. Усилия по этизации совершенно тщетны. Греческий взгляд, как и буддистский, не понимает перемен. Он не клеймит их как нереальные, но изменения, произведенные человеком, клеймит как отклонение от природы. И у греков, и у индусов нет философии истории. В христианском представлении вселенная полностью подчинена рациональному и этическому процессу. Бог - творец всего сущего, и это обязательно хорошо. Бог - активная воля, и поэтому Он все еще находится в процессе созидания; следовательно, изменения, эволюция, оправданы и понятны. История рациональна и имеет свою философию. Эволюция и откровение занимают свое место в самом сердце Вселенной. Таким образом, наука, философия, история, одним словом, цивилизация высокого уровня, находит свое интеллектуальное обоснование, свой фундамент, свои первичные постулаты, свою возможность только в стране, пронизанной христианской идеей Бога.

В буддистской концепции Бог - это абстрактная пустота, в греческой - статичный интеллект, в христианской - динамичная воля. Как и концепция Бога, так и концепция и характер человека. Они настолько тесно взаимосвязаны, что сейчас бесполезно обсуждать, что является причиной, а что - следствием. Несомненно, это два аспекта одного и того же движения мысли. Следующие различия являются необходимыми характеристиками трех религий:

Буддист ищет спасения через достижение пустоты - нирваны, чтобы уйти от мира, в котором, по его словам, нет ни разума, ни морали. Грек ищет спасения через деятельность интеллекта; все, что необходимо для спасения, - это знание истины. Христианин ищет спасения через деятельность воли; это обеспечивается через новое рождение. Буддист оставляет каждому человеку возможность спастись от своей иллюзии, обнаружив, что это иллюзия. Грек полагается на интеллектуальное образование, на философию, а христианин воссоздает волю. Буддийские и греческие боги не прилагают никаких усилий, чтобы помочь заблудшему человеку. В христианском Боге преобладает любовь; поэтому Он - Бог-миссионер, пославший даже Своего Единородного Сына, чтобы примирить и вернуть к Себе мир грешных, своевольных детей.

В буддизме спасение обретают лишь немногие и после долгих лет труда и бесконечных перерождений. В греческом плане спасения может достичь только философ, достигший полного понимания. В христианском плане спасение предназначено для всех, ибо все являются сынами Божьими, по сути, и могут стать таковыми через Христа. В буддистском плане безнадежные массы прибегают к магии и продолжают заниматься идолопоклонством и бесчисленными грубыми суевериями. В греческом плане безнадежные прибегают к "мистериям" для достижения спасения. В христианском плане нет безнадежных масс, ибо все могут обрести возроденную волю и стать сознательными сынами Божьими.

Буддийский ум отказался от всех попыток постичь или даже понять реальность. Греческий разум считал, что может постичь реальность с помощью интеллекта. Но две тысячи лет философских исследований и эволюции привели философию к абсурдным позициям абсолютного субъективного идеализма, с одной стороны, и сенсуализма и абсолютного материализма - с другой. Христианский разум делает акцент на воле, и, соответственно, только она способна достичь реальности, реальности, оправданной как для разума, так и для сердца. Ведь воля - это творческая способность как в человеке, так и в Боге. Как Бог своей волей создает реальность, так и человек своей волей познает ее. Простой интеллект никогда не сможет перейти от мысли к бытию. Бытие может быть познано как реальность только через волю.

Вследствие вышеупомянутых методов мышления буддист по необходимости был пессимистом, грек - в меньшей степени, в то время как иудей и христианин могли быть только убежденными оптимистами. Буддист всегда утверждает "есть-не есть", грек - "есть", а иудей и христианин требуют "должно быть", как высшую вещь. Отсюда вытекает вечная жизнь христианской цивилизации.

Те расы и цивилизации, чья высшая и глубочайшая концепция конечного заключается в простом разуме, не в меньшей степени, чем те расы и цивилизации, чья высшая и глубочайшая концепция реальности заключается в абстрактной пустоте, должны быть приземлены в нереальном мире, должны прийти к иррациональным результатам, поскольку они не приняли во внимание самый жизненно важный элемент мысли и жизни. Такие расы и цивилизации не могут подняться на высшие уровни, на которые способен человек; они неизбежно должны уступить место тем расам и тем цивилизациям, которые строят на более

широком и полном фундаменте, которые поклоняются Воле, человеческой и Божественной, и стремятся к ее большому развитию как в себе, так и во всем человечестве.

Но я не должен останавливаться, чтобы проследить контрасты дальше. Достаточно уже было сказано, чтобы показать источник окцидентальной веры в бесконечную ценность человека. В почти диаметральной контрасте с буддийской концепцией, согласно христианскому взгляду, человек - реальное существо, живущее в реальном мире, вовлеченное в реальную интеллектуальную проблему, ведущее реальную борьбу, от решения которой зависят судьбоносные, а может быть, и бесконечные результаты. Так велика ценность человека не только для него самого, но и для Бога, его Отца, что Сам Отец страдает вместе с ним в его грехе и за него, чтобы спасти его от греха. Возникает вопрос, насколько широко буддийская интерпретация Вселенной распространилась в Японии. Доктрина иллюзии стала довольно распространенной. Однако мы можем сомневаться, что обоснование этой философии было понято в целом. Одна сутра, которую читают во всех японских сектах, преподается всем, кто хочет познакомиться с основами буддийской доктрины. Она настолько коротка, что я привожу ее полностью.^[DD]

МЕНЬШАЯ ПРАГНА-ПАРАМИТА-ХРИДАЙЯ-СУТРА

"Поклонение Всезнающему. Почтенный бодхисаттва Авалокитешвара, изучая глубокую Прагна-парамиту [совершенство Мудрости], размышлял так: Есть пять скандх, и их он считал пустыми [феноменальными] по своей природе. О Сарипутра, - сказал он, - форма здесь - пустота, а пустота действительно есть форма. Пустота не отличается от формы, а форма не отличается от пустоты. Что есть форма, то есть пустота, что есть пустота, то есть форма. То же самое относится к восприятию, имени, концепции и знанию.

"Здесь, о Сарипутра, все вещи имеют характер пустоты; у них нет ни начала, ни конца, они безупречны и не безупречны, они не несовершенны и не совершенны. Поэтому, о Сарипутра, в этой пустоте нет ни формы, ни восприятия, ни имени, ни понятий, ни знания. Нет глаз, ушей, носа, языка, тела, ума. Нет формы, звука, запаха, вкуса, осязания, объектов..... Нет ни знания, ни невежества, ни уничтожения знания, ни уничтожения невежества и т. д., нет ни распада и смерти, ни уничтожения распада и смерти; нет четырех истин, а именно: что есть боль, происхождение боли, прекращение боли и путь к ней. Нет знания, нет обретения Нирваны.

"Человек, достигший Праджня-парамиты Бодхисаттвы, пребывает окутанным сознанием. Но когда оболочка сознания уничтожена, тогда он становится свободным от всех страхов, недостижимым для изменений, наслаждающимся окончательной Нирваной. Все будды прошлого, настоящего и будущего, достигнув Прагна-парамиты, пробудились к высшему совершенному знанию.

"Поэтому следует знать великий стих Прагна-парамиты, стих великой мудрости, непревзойденный стих, несравненный стих, утишающий все боли; он истинен, потому что не ложен; стих, провозглашенный в Прагна-парамите: "О мудрость, ушедшая, ушедшая, ушедшая, ушедшая на другой берег, высадившаяся на другом берегу, Шава".

"Так заканчивается сердце Прагна-парамиты".

Изучение этой сжатой и широко читаемой буддийской сутры убедит любого, что окончательные представления о вселенной и конечной реальности таковы, как описано выше. Как бы ни отличался от этого популярный буддизм, это будет вера бездумных масс, для которых рациональные и этические проблемы не имеют никакого значения и не волнуют их, и которые ничего не вносят в развитие мысли или общественного порядка. Те более благородные и искренне пытливые души, чья энергия и духовное стремление могли бы быть использованы на благо масс, были отброшены на обочину, которая вела лишь в пустыню атомистического индивидуализма, отказа от общества, экстатического созерцания и абсолютного пессимизма. Буддийская теория вселенной и метод мышления отрицали всю умопостигаемую реальность и приводили к выводу, что вселенная опыта не является ни рациональной, ни этической. Распространенные убеждения нерелефлексивных и непосвященных масс в конечной рациональности и нравственности Вселенной считались не имеющими под собой никаких оснований ни в религии, ни в философии и, соответственно, объявлялись просто иллюзиями.

XXXV

ОБЩИННЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭВОЛЮЦИИ ЯПОНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

До сих пор мы изучали японскую религию и религиозную жизнь почти, если не исключительно, с индивидуалистической точки зрения. Однако адекватное изложение не может быть сделано только с этой точки зрения, поскольку религия через свои могущественные санкции оказывает мощное влияние на всю общинную жизнь. Действительно, главной характеристикой первобытных религий является их общинный характер. Наука о религии показывает, насколько поздно в истории человечества возникли индивидуалистические религии.

В данной главе мы предлагаем изучить религиозную историю Японии с общинной точки зрения. Это приведет нас к изучению ее современной религиозной проблемы и природы религии, необходимой для ее решения.

Реальная природа религиозной жизни Японии была и остается преимущественно общинной. Индивидуализм имел место, но, как мы уже неоднократно видели, лишь незначительное место в формировании нации. С коммуно-индивидуалистической точки зрения при изучении религиозной и социальной эволюции Японии мы не только ясно видим, что три религии Японии являются настоящими религиями, но и можем понять характер отношений этих трех религий друг к другу и причины, по которым они имели такие отношения. История японской религии и ее основные явления становятся яркими в свете коммуно-индивидуалистических социальных принципов.

Синто, первобытная религия Японии, вполне соответствовала потребностям первобытного времени, когда развитие крепкой общинной жизни было первостепенной задачей и необходимостью. Она обеспечивала религиозные санкции для социального порядка в своих обычаях поклонения не только богам, но и императору и предкам. Обожествление верховного правителя дало высшее возможное оправдание национальному общественному строю. Синто было настолько полностью общинным по своей природе, что индивидуальный

аспект религии полностью игнорировался. В нем не было разработано ни особого морального кодекса, ни эсхатологической и сотериологической систем, ни всеобъемлющего взгляда на природу или богов. Однако эти недостатки не являются доказательством того, что она не была религией в собственном смысле этого слова. Вопрос в том, содержала ли она какие-либо надмирные, надзаконные, надобщинные санкции как для поведения индивида в его социальных отношениях, так и для факта и права социального порядка. В этом не может быть никаких сомнений. Те, кто отказывает ей в названии религии, делают это потому, что судят о ней только с точки зрения высокоразвитой индивидуалистической религии.

В свете этого несомненного факта странным комментарием к неспособности лидеров синто осознать реальную функцию исповедуемой ими веры является то, что они добивались и добились от правительства права считаться и классифицироваться уже не как религия, а лишь как общество по сохранению памяти и святынь предков расы. Таким образом, современный синто, насколько он организован и имеет язык, чтобы говорить, следуя отрекающимся наклонностям древнего общественного строя, отлучил себя от своего религиозного наследия, стремясь быть не более чем привратником кладбищ.

Истоки могущества синтоистских санкюлотов кроются в природе их концепции мироздания. Хотя в нем не было попыток интерпретации вселенной в целом, происхождение страны и народа Японии объяснялось непосредственной творческой энергией богов. Соответственно, Япония считалась божественной землей, а народ - божественным народом. Считалось, что император происходит по прямой линии от богов и, таким образом, является видимым представителем богов для народа, а также обладает божественной силой и властью, с помощью которой может управлять народом. Всякий раз, когда японцы вступали в контакт с иностранными народами, естественно было считать их вне божественного провидения, пришельцами, чье присутствие на божественной земле было в большей или меньшей степени загрязнением. Такое мировоззрение хорошо рассчитано на развитие духа безропотного повиновения и преданности наследственным правителям земли и яростной вражды к чужеземцам. Это воззрение составляло моральную основу общественного строя, интеллектуальную рамку, в которой развивалось государство. Отцовский феодализм был естественным, если не сказать необходимым, сопровождением этого мировоззрения. И по сей день ученые страны не видят иного основания для императорской власти, иной основы для этики и религии, чем божественное происхождение императора.^[DE]

Синтоистское мировоззрение, представляющее людей как прямых потомков богов, потенциально содержит в себе доктрину о божественной природе всех людей и, как следствие, их бесконечной ценности. Однако синто так и не развило эту истину. Он не обнаружил важных последствий своего взгляда. Не обнаружив их, оно не смогло привести в социальный порядок то моральное вдохновение, ту социальную закваску, которая постепенно породила бы индивидуалистический социальный порядок.

Ни в древние, ни в современные времена не было предпринято ни одной попытки соотнести синтоистское мировоззрение с развивающимися знаниями о мире, в частности с современной научной концепцией Вселенной. Антропология, этнология, доктрина эволюции, как космической, так и человеческой, - все это разрушает примитивное синтоистское мировоззрение. Однако не составит труда показать, что в этом мировоззрении есть глубокий элемент истины. Синтоистская концепция мира должна быть расширена, чтобы охватить своим взглядом вселенную и все расы людей; и увидеть, что не только Япония является объектом божественной заботы, но и все расы также обязаны своим происхождением той же божественной силе, и что хотя император не является более прямым

потомком богов, чем все люди, но в провидении Того, Кто управляет делами людей, император фактически является видимым представителем власти и силы для народа, над которым он правит. С этим расширением и вытекающими из него последствиями мировоззрение, которое питало старую Японию, придет в согласие с научным христианским мировоззрением и станет основой для нового индивидуалистического социального порядка, который сейчас зарождается в Японии, предоставляя полную свободу мысли и действия, зная, что только так истина может выйти из заблуждения, и будучи уверенным, что истина - единственная основа постоянного благосостояния.

На протяжении веков, включая нынешнюю эпоху Мэйдзи, именно религия синто обеспечивала и продолжает обеспечивать религиозные санкции для социального порядка - даже для нового социального порядка, пришедшего с Запада. Именно вера народа в божественное происхождение императора и вытекающее из этого божественное право объединяет сегодня нацию и заставляет ее с такой готовностью принимать новый социальный порядок; желая его, они не задают вопросов, не выступают против, хотя в некоторых отношениях это приносит им неприятности и беспокойство.

Изучение буддизма показало его крайне индивидуалистическую природу и отсутствие асоциального идеала. Его мировоззрение мы достаточно подробно рассмотрели в предыдущей главе. Нам говорят, что когда буддизм пришел в Японию, он не достиг больших успехов, пока не принял в свою теогонию синтоистских божеств. Что это означает? То, что только при условии принятия синтоистских санкций на общественное устройство общества он мог понравиться широкому слою населения. И буддизму было нетрудно выполнить это условие, потому что у него не было идеального общественного устройства, которое он мог бы представить, и не было религиозных санкций для любого вида общественного устройства; в этом отношении у буддизма не было оснований для конфликта с синто. Синто оставлял поле для деятельности за собой, а буддизм был совершенно свободен принять или, по крайней мере, допустить любой социальный порядок, который мог бы появиться. Более того, благодаря своим доктринам воплощения и переселения, согласно которым благородные души могут появляться и снова появляться в разных мирах и разных землях, буддизм мог отождествлять синтоистские божества со своими собственными божествами индуистского происхождения, утверждая их доинкарнационное происхождение. Приняв синтоистские божества, идеалы и санкции для общественного устройства, буддизм стал не только терпимым для народа, но и чрезвычайно популярным.

Синто-буддизм был, по сути, новой религией, в которой каждая из старых религий содержала существенный элемент.

Одной из реальных причин популярности буддизма, помимо его приспособления к синтоизму, было то, что он привнес в национальную жизнь необходимый элемент. Впервые акцент стал делаться на личности. В ход пошли самоанализ и осознанная медитация. Развивались искусства, требующие индивидуального мастерства. Великолепный ритуал, сложная архитектура, сложный религиозный организм, письмо и литература - все это давало толчок индивидуальной активности и развитию, как в ручном, так и в умственном или эстетическом плане. Доселе тесная и примитивная жизнь японцев откликнулась на эти призывы и возможности с глубокой радостью. Особенно высшие классы почувствовали, как растет богатство и полнота жизни. Они ощущали стимул во многих направлениях. Причина, по которой буддизм так процветал и в то же время привел к расцвету нации, заключалась в том, что он способствовал развитию личности. С другой стороны, причина, по которой он не смог перевести нацию из первого расцвета в полный расцвет, заключалась в том, что он не смог развить индивидуализм в общественном устройстве. Религиозный индивидуализм, как

мы уже видели, был в действительности неполноценным. Он был абстрактным и односторонним. Он не раскрывал целостность личности. Он не знал ничего о личности, ни человеческой, ни божественной. Соответственно, она не могла признать ценность личности, а только ее отдельность и слабость. Оно учило абстрактному, обедненному представлению о себе и ставило целью предлагаемого им спасения окончательное уничтожение всякой отдельности этого индивидуального "я". Теперь мы видим, что его индивидуализм был по сути своей порочен, поскольку он презирал самость, и что если его индивидуализирующее спасение последовательно осуществлялось, то оно не только не помогало социальному порядку, но и наносило ему положительный вред. Его индивидуализм имел такую природу, которая не могла стать неотъемлемой частью какого-либо социального порядка.

Этот характер приводил к еще одной неизбежной трудности. Хотя буддизм якобы принял синтоистских божеств и синтоистские санкции для социального порядка, он не мог искренне принять эти санкции или взять божеств в полное и законное партнерство. В своем круге доктрин он не нашел места для преподавания важных догматов синтоизма.

Он оставил их выживать или погибать по воле случая. По мере того как буддизм поглощал жизнь и любовь народа, синто приходил в упадок, а вместе с ним и его санкции. Затем наступили века гражданской войны, во время которых императорская власть и авторитет упали до минимума, а бесчестие и беспорядок в Японии достигли своего максимума. Теперь страна нуждалась, во-первых, в восстановлении социального порядка, пусть даже руками диктатора, а во-вторых, в разработке религиозных санкций для установленного порядка. Первое обеспечили три великих полководца Японии - Ода Нобунага, Тайко Хидэёси и Токугава Иэясу. "Первый задумал централизовать всю власть в государстве в руках одного человека; второй, которого называют японским Наполеоном, воплотил эту идею в жизнь", но умер, не успев закрепить ее; третий, благодаря своему непревзойденному мастерству дипломата и администратора, полностью реализовал идею, организовав детали нового порядка так, что без особого военного гения или силы со стороны его преемников порядок сохранялся в течение 250 лет.

Однако сомнительно, что столь долгое поддержание социального порядка, введенного Иэясу, было бы возможным, если бы он не нашел готовой системы религиозных санкций для социального порядка, который он установил силой. Конфуцианство тысячу лет пролежало дремлющим зародышем, изучалось учеными людьми, но не имело никакого отношения ни к образованию того времени, ни к политическим проблемам, которые с каждым веком становились все более актуальными. В конфуцианских доктринах верности правителю и благочестия по отношению к родителям, доктринах, санкционированных Небом и обычаями всех древних, Иэясу, с проницательностью великого ума, нашел именно те санкции, которые он хотел. Он приказал напечатать конфуцианскую классику - как говорят, впервые в Японии - "и весь интеллект страны стал формироваться под влиянием конфуцианских идей". Классики, отредактированные с диакритическими знаками для японских студентов, "стали главным средством обучения каждого мальчика". Их интерпретировали ученые китайские комментаторы. Интеллект страны пил из этого ручья, как европейский ум освежался классическими водами эпохи Возрождения. Японцы устали от буддистских пакостей и трансцендентальных доктрин, которые никуда не вели. Они требовали санкций для моральной жизни и социального порядка; в ответ на эту потребность буддизм дал им нирвану - абсолютную умственную и моральную пустоту. Конфуцианство дало им принципы, действие и результаты которых они могли видеть и понимать. Его санкции апеллировали как к воображению, так и к разуму, древность, образованность и благочестие были в их пользу. Кроме того, считалось, что эти санкции совершенно не зависят от грубых суеверий и глупых

страхов. Более того, конфуцианские идеалы и санкции совпадали с основными элементами старого синтоистского мировоззрения и санкций. В истинном смысле доктрины Конфуция были лишь разработанными и сжато изложенными следствиями их примитивной веры. Поэтому конфуцианство охватило всю страну. Оно было принято как основа и авторитет для самого процветающего феодального порядка, который когда-либо видел мир. Япония снова расцвела.^[DF]

Однако следует отметить разницу между синтоистским идеальным общественным строем и конфуцианским, или, скорее, тем развитием конфуцианской этики и гражданственности, которое возникло во времена сёгуната Токугава; синто, как представляется, было, собственно говоря, националистическим, в то время как феодальное конфуцианство было племенным. Хотя в конфуцианской теории высшая лояльность, возможно, причиталась императору, на деле она проявлялась к местным даймё. Конфуцианская этика была общинной и легко могла бы повернуть в сторону национальной общинности; в этом отношении она полностью совпадала бы с синто. Но по разным причинам она не повернула, а развила сугубо местную, племенную общинность и отодвинула верность императору как жизненную реальность на второй план. Это был один из недостатков феодального конфуцианства, который в конце концов привел к его собственному свержению. Синто, как мы видели, уже давно было вытеснено буддизмом и практически забыто народом. Поэтому рвение к конфуцианской доктрине не привело к немедленному возрождению культа синто, хотя и возродило основные элементы старой общинной религии. Можно сказать, что старая религия возродилась под новым именем; имея новое имя и новое тело, реальная и жизненная связь между ними не была признана. Таким образом, мы видим, что религиозная история Японии была не серией катаклизмов или бессвязных прыжков в темноту, а упорядоченным развитием, один шаг естественно следовал за другим, как солнце следует за рассветом. Различные этапы религиозного прогресса Японии получили разные названия, что объясняется специфическими стимулами, привнесенными из-за рубежа; сама же религиозная жизнь, однако, была непрерывным развитием.

От нашего внимания не должно ускользнуть еще одно различие между синто и конфуцианством в том виде, в котором они существовали в Японии, а именно: в их мировоззрении. Синто было исповедуемой религией, оно откровенно верило в богов, которым поклонялось и на помощь которых полагалось. Конфуцианство, или, если использовать японское название, бусидо, было откровенно агностическим. Оно не предполагало понимания Вселенной, как предполагал буддизм. Оно также не признавало практического существования богов или их власти в этом мире, как считал синто. Он утверждал, что "если только сердце следует по пути истины, боги будут защищать человека, даже если он не молится". Он делал упор на практическую мораль, независимо от ее философских предпосылок, в которые он не вникал. Когда на него давили, он приписывал все "Небу", и, как мы уже видели, у него было много подтекстов, которые могли бы привести пытливый ум к вере в личную природу "Неба". Если бы Бусидо развил эти следствия, то стал бы настоящей религией. Это действительно была система этики, тронутая эмоциями, она была религиозной, но она не стала той религией, которой могла бы стать, потому что настаивала на своем агностицизме и отказывалась поклоняться высшему и лучшему, что она знала.

Интересно отметить, что идеалы и санкции конфуцианства привели к последствиям, которые доказали его гибель. Это произошло двумя путями: во-первых, в результате продолжительного мира, необходимого для высокой учености, которая, обратившись к древней истории, обнаружила, что сёгунат принимает на себя полномочия, не

соответствующие ни первобытной практике, ни теории божественного происхождения императорского дома. Возникли патриоты-империалисты, целью которых было свержение сёгуната и восстановление императора. Они чувствовали, что, поступая так, они правы; то есть их вдохновляли синтоистские санкции на национальную жизнь. Таким образом, они обнаружили недостаток разрозненной феодальной системы, санкционированной феодальным конфуцианством. Вторая причина ее разрушения выросла из первой. Ученость, которая вела патриотов против узурпатора в политической жизни, вела их также против всех иностранных нововведений, таких как буддизм и конфуцианство, которые они презирали как современные и антиимперские. Таким образом, культ синто получил мощное возрождение. Со свержением сёгуната в 1868 году конфуцианство, естественно, ушло вместе с ним, и на некоторое время синто стало государственной религией. Но его бедность во всех сферах, кроме общинных санкций, привела к тому, что через некоторое время он потерял свое место.

Однако две причины падения Бусидо вряд ли привели бы к его гибели, если бы он был не просто утилитарной и агностической системой морали, рассчитанной на поддержание социального превосходства небольшой части нации. Как религия, Бусидо обеспечило бы консервативную власть, которая позволила бы ему выжить, адаптируясь к изменившемуся социальному порядку. Как это случилось, Бусидо было уничтожено одним дуновением ветерка, который начал дуть с чужих земель. Как этическая система он оказал Японии благодеяние, которое никогда не должно быть забыто. Но ее отождествление с классовым и родовым общественным строем сделало ее слишком узкой для национальной и международной жизни, в которую нация была втянута не зависящими от нее обстоятельствами, а ее агностический утилитаризм не дал ей достаточной моральной силы, чтобы справиться с проблемами нового индивидуалистического века, который внезапно ворвался в нее. Во всей Японии до сегодняшнего дня сохранилась лишь одна из старых фусианских школ с храмом Конфуция. Все остальные превратились в руины или были использованы не по назначению, а покрытые золотом статуи некогда обожествленного учителя были проданы торговцам сувенирами или за их стоимость в слитках. Поклоняясь Конфуцию, бусидо почти превратилось в религию, но оно поклонялось учителю, а не Творцу, до конца сохраняя агностицизм в отношении Творца, в отношении "Неба", и таким образом сошло с пути религиозной эволюции.

Это приводит нас в современное время - в семидесятые годы. Уже в шестидесятые годы Япония обнаружила себя в совершенно новом окружении. Она обнаружила, что иностранные народы добились огромного прогресса во всех направлениях с тех пор, как она отгородилась от них двести пятьдесят лет назад. Она обнаружила свою беспомощность, а также то, что социальное устройство западных народов полностью отличается от ее. Эти открытия разрушили все оставшиеся санкции на ее особый тип общественного устройства - конфуцианский феодализм. Вся нация жаждала узнать политические системы Запада. Пока синтоистский идеал национализма не нарушался, нация была свободна принять любой новый общественный строй. Политические и торговые связи Японии осуществлялись с Англией и Америкой, поэтому англосаксонский общественный строй оказал наибольшее влияние на японское сознание. Соответственно, Япония стала преимущественно англосаксонской по своим социальным представлениям. Много говорилось о том, что новый социальный порядок был принят так легко, что люди получили права без борьбы за них, и это объяснялось особенностями японской человеческой природы. Это ошибка. Настоящей причиной легкости внедрения индивидуалистического англо-саксонского общественного порядка стал крах санкций конфуцианского порядка. Ни у кого не было никаких оснований для того, чтобы стоять и бороться. Национальное сознание было открыто для любого новичка, который мог появиться. Я имею в виду, конечно, мыслящие классы. Все остальные,

привыкшие к безропотному повиновению, не мыслили иного пути, кроме как принять волю начальства.

Более того, новый общественный порядок в одном важном аспекте совпал со старым синтоистским идеалом, а именно - национализмом, и способствовал его восстановлению. В переговорах о заключении договоров Запад не имел дела с посредниками, а только с ответственным главой государства. Западные идеалы также требовали сильного национального единства. Таким образом, иностранные идеалы и иностранный общественный строй оказали мощное влияние на формирование нового патриотизма, на укрепление старых синтоистских социальных санкций.

Таким образом, Япония пришла к расставанию. Сегодня Япония нуждается в религии, которая удовлетворяла бы интеллект в отношении его мировоззрения и тем самым оправдывала бы санкции, которые она выдвигает. Они не должны быть ни исключительно общинными, как в синто, ни исключительно индивидуальными, как в буддизме. Сохраняя в полном объеме санкции за общественную жизнь, она должна добавить к ним санкции за индивидуальную. Она должна смотреть на человека не как на существо, чье спасение зависит от того, что он изолирован от общества, вырван из него, как это делал и делает буддизм, и не как на простую часть общества, как это делал конфуцианство, а как на полную, нетленную единицу бесконечной ценности, обязательно живущую двойной жизнью, частично неотделимой от общественного порядка и частично превосходящей его. Эта религия должна дать не только санкции, но и идеалы для совершенного общественного устройства, в котором, при самой сложной организации общества, будут обеспечены свобода и высокое развитие личности.

Выполнение таких условий на первый взгляд кажется невозможным. Как может религия давать санкции, которые в то самое время, когда они санкционируют самое полное развитие и организацию общества, очевидно делая общество своей главной целью, также предполагают самую полную свободу и развитие индивидуума, делая его и его спасение своей главной целью? Не являются ли эти цели несовместимыми? То, что уже было сказано в рамках этой общей линии мысли, подготовило нас к тому, чтобы увидеть, что это не так. Великой, хотя и неосознанной, потребностью веков и неосознанным усилием всей религиозной эволюции было развитие именно такой религии. Как "пирог" социальных обычаев был сначала великой потребностью, а затем великим препятствием на пути социальной эволюции, так санкции общинной религии были сначала великой потребностью, а затем великим препятствием на пути религиозной эволюции и развития личности. Благодаря своим санкциям религия является самым мощным из всех факторов высшей человеческой эволюции, либо помогая ей продвигаться вперед, либо сдерживая ее.

Обеспечила ли какая-нибудь религия такое двойное развитие, которое, как мы только что убедились, необходимо? На самом деле, одна и только одна - христианство. Эта религия четко достигает и сохраняет, казалось бы, невозможное сочетание индивидуализма и общинности в силу природы своей концепции метода индивидуального спасения. Ее общинность гарантируется ее индивидуализмом, потому что она опирается на него. В тот самый момент, когда она провозглашает человека неопределимо ценным - сыном Божиим, - она приказывает ему проявить это сыновство, любя всех других сыновей Божьих и служа им до самопожертвования, а если понадобится, то и до смерти. Таким образом, общинность неотделима от индивидуализма, а индивидуализм - от общинности.

Христианский индивидуализм охватывает и включает в себя всесторонний общинный подход. Истинные и полноценные христиане - самые преданные патриоты. Как желудь

пускает далеко идущие корни в почву за влагой и питанием, а могучий ствол и раскидистые ветви вверх за воздухом и солнечным светом, так и семя христианской жизни развивается в двух направлениях: индивидуализм как корень и общинность как прекрасное дерево. Это не противоречащие, а дополняющие друг друга принципы. Хотя собственная выгода является реальной целью человека, это лишь часть его цели; он также желает и трудится ради всеобщей выгоды; и даже индивидуальная выгода, как он хорошо знает, может быть обеспечена только через общинный принцип, через служение своим ближним. Его собственное благополучие, временное или вечное, неразрывно связано с благополучием его собратьев.

Христианская религия находит санкции для любого социального порядка, который знает история, в том, что все физические и социальные законы и организмы являются частью божественного плана. Поскольку любой конкретный общественный строй является объединением несовершенных мужчин и женщин, он должен быть более или менее несовершенным. Но христианин, даже если он стремится реформировать общественный порядок и привести его в соответствие со своим идеалом, должен быть верен ему. И за эту верность ближним и Богу полагается высочайшая из мыслимых санкций, а именно: бесконечная и безграничная жизнь в сознательном, радостном общении с душами, совершенными в Царстве Божьем, и с самим Богом.

Таким образом, всестороннее исследование реальной природы и истинной функции религии в отношении развития человека, будь то индивидуальное или общественное, показывает, что христианство отвечает всем этим условиям. Сравнительное исследование покажет, что из всех существующих религий только христианство выполняет эти условия. Только в нем в идеальной пропорции сочетаются индивидуальные и общинные элементы, а также необходимые санкции.

В современную эпоху происходит расширение общинной религии. Возникающее сейчас сообщество является международным по масштабам, межрасовым и универсальным по характеру. Культурные мужчины и женщины во всем мире начинают говорить о национальных правах и национальных обязанностях. Считается, что Европа оправдана в подавлении работорговли и сопутствующих ей ужасов в Африке, и осуждается за то, что не помешала турку устроить массовую резню невинных армян. Испанца презирают и осуждают за его длительные бесчеловечные действия на Кубе и Филиппинах, а американца одобряют в войне за человечность и оправдывают за вмешательство в суверенитет Испании. Сознание мира начинает понимать, что ни одна нация, пусть даже суверенная, не имеет абсолютного права над своим народом. Право измеряется только праведностью. Международная праведность, долг и права, независимо от военной мощи, выходят на первый план в мышлении передовых стран.

Если внимательно присмотреться и изучить последствия, то что это такое, как не развивающаяся форма общинной религии? Ни одна нация не мыслится как существующая отдельно; каждая существует как одна из частей мирового сообщества; в своих отношениях она имеет как права, так и обязанности. Не означает ли это, что от общинных санкций силы к надобщинным санкциям права? Мы не просто спрашиваем, что думают другие народы об этом или том национальном акте, а спрашиваем, что правильно, с точки зрения всего порядка природы, который привел человека в бытие и создал его в семьях и нациях. Другими словами, национальные права и обязанности ощущаются как исходящие из надмирного источника - Бога, Творца неба и земли и всего, что в них есть. Санкции за национальные права и обязанности являются религиозными санкциями и опираются на религиозное мировоззрение.

Теперь нас интересует тот факт, что Япония вошла в это универсальное сообщество и ощущает на себе санкции этой универсальной общинной религии. Международные права и обязанности Японии - тема частых дискуссий и разговоров. Япония упорно утверждает, что война с Китаем была "ги-сен", праведной войной, которая велась в первую очередь ради Кореи. Многие японцы возмущаются жестокостью турок, диким варварством испанцев, бессилием и безволием Англии и Европы. Я уже рассказывал о молодом человеке, который был настолько возмущен тем, что Англия заставляет Китай принимать индийский опиум, что предложил отправиться в Англию, чтобы проповедовать крестовый поход против опиума. Япония начинает входить в большую общинную жизнь мира, хотя, конечно, она еще мало осознает ее разнообразные последствия.

Многие студенты, изучающие новую Японию, понимают, что она отказывается от своих старых религиозных представлений, и что в страну проникают многие моральные и социальные пороки, но не видят, что широкое принятие народом какой-то новой религии важно для поддержания нации. Некоторые искренние японские мыслители начинают понимать, что религия действительно необходима для поддержания национальной жизни, но они не видят, что только христианство удовлетворяет этому условию. Многие говорят, что специально для Японии должна быть создана научно обоснованная религия.

Причина, по которой индивидуалистическая религия играет столь важную роль в высшей эволюции человека, заключается, одним словом, в том, что религиозные санкции гораздо сильнее всех остальных, как правовых, так и социальных. Ведь правовые санкции носят в основном негативный характер; они также частичны и неопределенны и легко обходятся эгоистичным индивидом. Социальные санкции тоже зачастую далеко не справедливы, не беспристрастны и не мудры. Кроме того, рост индивидуализма в общественном устройстве обеспечивает частную жизнь индивидуума и тем самым избавляет его от ограничений и стимулов социальных санкций. Только религиозные санкции преследуют человека в каждый момент бодрствования. Ни один из его поступков не ускользает от взора религиозного судьи. Он сам себе судья, и ему не избежать свидетельства против самого себя.

Совершенно очевидно, что там, где высшие существа и отношение человека к ним, а также соответствующие религиозные санкции представляются в ущербном виде, как, например, в отрыве от индивидуальной или общественной жизни, они не имеют ценности для высшей эволюции человека и мало интересны для изучающего социальную эволюцию. Однако по мере того, как человек совершенствуется в интеллектуальном постижении религиозных истин и восприимчивости к моральным идеям и религиозным санкциям, которые они обеспечивают, воспринимая мораль и религию как неотделимые части одной системы, религия все более мощно входит в высшую эволюцию человека и способствует ее развитию. Индивидуалистический общественный строй требует религиозных санкций более настоятельно, чем общинный общественный строй; ибо, поскольку он индивидуалистический, общественный строй слаб в принуждении, посредством одних только правовых и социальных санкций, к общинной или альтруистической деятельности индивида. Однако альтруистический дух и действия необходимы для поддержания даже такого индивидуалистического порядка. Поэтому чем выше уровень развития общества, тем более религиозным должен становиться каждый его член.

Эту же истину можно выразить и с другой точки зрения. Чем выше развивается человек, тем более нетерпимым он становится к нелогичным рассуждениям и ущербным концепциям; он становится все более скептическим по отношению к существующим традиционным религиям с их грубыми, примитивными идеями; соответственно, он все больше освобождается от налагаемых ими ограничений. Но если он не найдет новых религиозных санкций для

общинной жизни, для социального поведения и для индивидуальной жизни, - идеалов и санкций, которые будут требовать его согласия и направлять его жизнь, - он вернется к полностью атомистической, индивидуалистической, эгоистической жизни, которая может быть только помехой для более высокого развития как общества, так и индивидуума. Для того чтобы люди, развивающие интеллектуальные способности, могли оставаться полезными членами общества, они должны подчиняться тем идеалам и санкциям, которые действительно обеспечивают социальное поведение. Пренебрегая мякиной примитивных религиозных суеверий и церемоний, человек должен сохранять пшеницу; он должен ощущать силу религиозного духа глубже и основательнее, потому что более лично, чем это делали его предки. Растущая интеллектуальная мощь и знания должны уравниваться растущим индивидуальным опытом религиозных мотивов и духа. Именно по этой причине каждый новый век должен заново изучать всю религиозную проблему и излагать в терминах своего собственного опыта выдающиеся и постоянные религиозные истины всех веков и вытекающие из них санкции. Поэтому религия, основанная только на традициях и обрядах, совершенно не подходит для развивающейся жизни.

Япония не является исключением из общих законов человеческой эволюции. По мере роста ее интеллектуальных способностей формы ее старой религиозной жизни будут становиться все более неприемлемыми для широких слоев населения. Если, отвергая устаревшие формы религиозной мысли, она полностью откажется от религии и ее санкций, единственным результатом может стать атомистический индивидуализм, а вместе с ним и широкое моральное разложение, которое выест жизненную силу национальной жизни.

То, что из всех религий мира только христианство отвечает этим условиям, не требует много слов для доказательства. Собственно говоря, только христианству удалось пережить критику девятнадцатого века. В христианстве все религии, кроме христианства, погибли. Это просто факт. Что касается причины, то только христианство дает полное интеллектуально удовлетворительное обоснование как общинным, так и индивидуалистическим принципам социального прогресса. В христианстве, как мы уже достаточно показали, оба принципа не только не связаны друг с другом, но и жизненно необходимы. По этим причинам можно с уверенностью утверждать не только то, что Японии необходимо найти новую религию, но и то, что эта религия должна быть христианской по своей сути, независимо от того, как она будет называться.

Японцев называют по сути безрелигиозными. Мы видели, насколько ущербно такое описание. Но не проследили ли мы теперь один корень этой кажущейся характеристики Новой Японии? Старые религиозные представления были в значительной степени переработаны образованными людьми. Они пришли к выводу, что старые религиозные формы составляют всю религию, и, следовательно, они недостойны внимания. Дух Новой Японии равнодушен к религии; но это объясняется не врожденной нерелигиозностью или безрелигиозностью, а пустым экстернализмом и неглубокой патетикой единственных известных им религий. Как они могут быть ревностны к ним или признавать в них какой-либо авторитет? Те немногие японцы, которые попали под влияние более широкой концепции религии, привнесенной в Японию христианством, проявляют религиозное рвение и силу, подтверждающие утверждение, что обычно утверждаемое отсутствие религиозной природы является лишь кажущимся и временным. Проповедуя правильный набор идей, тех, которые апеллируют к национальному чувству общинных потребностей, удовлетворяя спрос на санкции для социального порядка; идей, которые апеллируют к интеллекту, сформированному современной мыслью, обеспечивая такое интеллектуальное понимание вселенной, которое оправдывает различные надобщинные санкции; и идеи, которые

взывают к сердцу, удовлетворяя личную потребность каждого человека в большей жизни, в общении с Отцом всех духов и в силе для продолжительной борьбы за жизнь - проповедуйте эти и подобные идеи, и японцы снова станут таким же ярко выраженным религиозным народом, каким они были, когда буддизм пришел в Японию тысячу лет назад".^[DG]

Но если истинная природа полной и совершенной религии состоит в том, чтобы спасти не только отдельного человека, предоставляя санкции его поведения, но и оправдывать социальный порядок, предоставляя санкции, которые обеспечат его поддержание, то любая религия, не обладающая обеими характеристиками, вряд ли может претендовать на название универсальной. Мы видели, что буддизму не хватает одного из этих элементов. По моему мнению, он не является универсальным. До тех пор, пока он существует в стране, где уже существуют другие религии, обеспечивающие социальный порядок, или приходит в эту страну, он может продолжать процветать. Но, с одной стороны, он никогда не сможет стать исключительной религией какой-либо страны, так как не может обойтись без других религий и, следовательно, не может сместить их; и, с другой стороны, он должен уступить место более сильной религии, в которой сочетаются как индивидуальные, так и общинные элементы. Буддизму, таким образом, не хватает жизненно важной характеристики универсальной религии. Его лучше назвать нелокальной или международной религией. Теперь мы видим еще одну причину, по которой буддизм, хотя и распространен во многих восточных странах, не уничтожил ни одной из ранее существовавших религий, а лишь добавил еще одну к множеству уже существующих разновидностей. Так было и в Тибете, и в Китае, и в Бирме, и в Японии. А в Индии, на своей родине, она полностью угасла.

Многие попытки классифицировать различные религии, предпринимаемые студентами, изучающими сравнительное религиоведение, кажутся писателю неудачными из-за отсутствия понимания того, что социальная и религиозная эволюция жизненно связаны. С этой точки зрения классификация религий как общинных, индивидуальных и общинно-индивидуальных представляется наиболее оптимальной.

XXXVI

КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСТОКА?

Теперь мы довольно подробно рассмотрели эмоциональные, эстетические, интеллектуальные, моральные и религиозные характеристики японской расы. Кроме того, мы уделили значительное внимание проблеме личности. Мы попытались понять связь каждой характеристики с японской феодальной системой и общественным строем.

Возможно, читатель почувствует некоторую неудовлетворенность результатами этого исследования. "Так неужели, - скажет он, - нет никаких отличительных японских психических характеристик, по которым эта восточная раса радикально отличается от западной?" "Нет ли особых черт восточного человека, умственных и моральных, которые безошибочно и всегда отличают его от окцидента?" Ответ на этот вопрос, данный в предыдущих главах данной работы, отрицательный. Однако для читателя, который, возможно, еще не вполне удовлетворен, будет полезно рассмотреть эту проблему немного глубже, проанализировав некоторые из современных характеристик Востока.

То, что восточные и окцидентальные народы обладают определенными уникальными психическими характеристиками, резко и полностью отличающимися их друг от друга, - это мнение как научных социологов, так и более популярных писателей. Окциденталец, попадая

на Восток, едва ли не с удивлением и восхищением воспринимает антиподальные характеристики двух цивилизаций. Каждое видимое проявление восточной цивилизации, каждый образ мысли, искусство, архитектура; представления о Боге, человеке и природе; произношение и структура языка - все это кажется совершенно отличным от соответствующих элементов на Западе. Более того, посещая одну восточную страну за другой, турист, хотя и обнаруживает различия между японцами, корейцами, китайцами и индусами, все же поражается странному, озадачивающему сходству.

Турист, естественно, приходит к выводу, что единство, характеризующее Восток, является фундаментальным; что восточная цивилизация обусловлена мозгом восточной расы, а окцидентальная цивилизация - мозгом окцидентальной расы.

Это впечатление и этот вывод туриста, однако, не ограничиваются им самим. С каждым годом "старожил" Востока все больше убеждается в том, что восточный человек отличается от западного. Привыкая к внешним проявлениям восточной цивилизации, он забывает о ее комичных сторонах и даже начинает ценить многие ее удобства. Но по мере того, как он знакомится с ее языками, образом мыслей и чувств, методами ведения бизнеса, политикой, литературой, развлечениями, он все больше осознает, какая пропасть лежит между восточным и окцидентальным человеком. Внутренняя жизнь духа восточного человека была бы совершенно бессодержательной, бездуховной для среднего окцидента. Соответственно, "старожил" на собственном опыте знает то, о чем турист догадывается лишь с первого взгляда: характерные различия, отличающие народы Востока и Запада, являются расовыми и неискоренимыми. Восточный человек - это восточный человек, и это окончательное и единственное исчерпывающее объяснение его природы.

Концепция туриста и "старожил" встречается почти в каждой статье и книге, посвященной дальневосточным народам. Каким бы ни было замечание или критика, если оно поражает писателя как отличное от обычаев окциденталов, то его относят на счет ориентализма.

Однако эта концепция выделения восточных черт не ограничивается популярными писателями и ненаучными людьми. Ее отстаивают даже признанные и выдающиеся социологи. Профессор Ле Бон в своем утонченном труде "Психология народов" настойчиво отстаивает ее. Несколько цитат из этой интересной работы не будут лишними.

"Цель этой работы - описать психологические логические характеристики, которые составляют душу рас, и показать, как история народа и его цивилизации определяется этими характеристиками."^[DH] "Пункт, который наиболее четко закрепился в сознании после долгих путешествий по самым разным странам, заключается в том, что каждый народ обладает психической конституцией, столь же неизменной, как и его анатомические характеристики, конституцией, которая является источником его чувств, мыслей, институтов, верований и искусств."^[DI]

"Жизнь народа, его институты, верования и искусство - это лишь видимое выражение его невидимой души. Чтобы народ мог преобразовать свои институты, верования и искусства, он должен сначала преобразовать свою душу."^[DJ]

"Каждая раса обладает конституцией, столь же неизменной, как и ее анатомическое строение. Кажется, нет никаких сомнений в том, что первая соответствует определенной особой структуре мозга."^[DK]

"Негр или японец может легко получить университетское образование или стать юристом; лак, который он таким образом приобретает, является, однако, весьма поверхностным и не

оказывает никакого влияния на его психическую конституцию. То, что не может дать ему никакое образование, поскольку они создаются только наследственностью, - это формы мышления, логика и, прежде всего, характер западного человека."^[DL]

"Скрещивание представляет собой единственное безошибочное средство, имеющееся в нашем распоряжении, для коренного изменения характера народа; наследственность - единственная сила, достаточно мощная, чтобы противостоять наследственности. Скрещивание позволяет создать новую расу, обладающую новыми физическими и психологическими характеристиками."^[DM]

Таким образом, мнение путешественников, жителей и профессиональных социологов не может быть легко отвергнуто. Не стал легкомысленно отвергать его и писатель. В течение многих лет он соглашался с этим мнением, но повторное изучение проблемы убедило его в ошибочности как концепции, так и аргументации, и привело к позиции, которой он придерживается в данной работе.

Характеристики, отличающие окцидентальные и

Восточные народы и цивилизации, несомненно, велики. Но они являются различиями социальной эволюции и основаны на социальной, а не биологической наследственности. Анатомические различия являются врожденными, расовыми и необходимыми. Не так обстоит дело с социальными характеристиками и различиями. Они приобретаются каждым человеком в основном после рождения и зависят от социальной среды, которая определяет воспитание с младенчества и далее. Более того, целая нация или раса, если она попадает в правильную социальную среду, может глубоко преобразовать свои институты, верования и искусство, которые, в свою очередь, преобразуют то, что профессор Ле Бон и родственные ему авторы называют невидимой "расовой душой". Расовая деятельность порождает расовый характер, ибо "функция порождает организм". Я не могу согласиться с этими авторами в том, что расовая душа - это некая фиксированная сущность. Социальный психогенез - это настоящий и прогрессивный процесс. Япония - прекрасная иллюстрация этого процесса. В развитии рас и цивилизаций инволюция - такой же непрерывный процесс, как и эволюция. Эволюция - это, по сути, лишь половина процесса. Без инволюции эволюция непостижима. И инволюция - более интересная половина, поскольку она более значима. В современных дискуссиях многое, что проходит под названием эволюции, на самом деле является обсуждением инволюции.

Внимательный читатель обнаружит, что реальный смысл обсуждения японских характеристик, приведенных в предыдущих главах, сводился к инволюции. Как возникли эти характеристики? таков был наш постоянно повторяющийся вопрос. Ответ неизменно пытался показать их связь с социальным порядком. Таким образом, мы рассмотрели большое количество ведущих характеристик японцев. Мы увидели, как они возникли, а также как они трансформируются под влиянием нового оксидентализированного социального порядка. Мы увидели, что ни одна из рассмотренных характеристик не является врожденной, то есть обусловленной структурой мозга, биологической наследственностью. Поэтому мы пришли к выводу, что психические характеристики, различающие расы, являются исключительно социальными.

Сторонники биологической точки зрения обязаны подробно указать на отличительные врожденные черты Востока. Пусть они также составят каталог основных психических характеристик оксиденталов. Такая попытка предпринимается редко. А когда она предпринимается, то оказывается крайне неубедительной. Хотя профессор Ле Бон утверждает, что психическая конституция рас столь же характерна и неизменна, как и их

анатомические особенности, он не говорит нам, в чем они заключаются. Это жизненно важное упущение. Если различия столь отчетливы, как он утверждает, то, казалось бы, описать их не составит труда. Какая бы одежда ни была принята, отличить европейца от азиата, англичанина от итальянца, японца от корейца, китайца от индуса не составит труда. Анатомические характеристики рас ясны и легко описываются. Если психические характеристики столь же отчетливы, почему бы тем, кто утверждает эту отчетливость, не описать и не каталогизировать эти различия?

Время от времени популярные писатели делают попытки в этом направлении, но с поразительно слабыми результатами. Недавно один из авторов лондонской *Daily Mail* вновь проиллюстрировал тщетность всех попыток составить каталог отличительных черт восточного человека. Он называет низшее положение женщин, разнузданность мужчин, лицензированную проституцию, отсутствие игрового инстинкта у восточных мальчиков, презрение к окцидентальной цивилизации и грубое обращение с иностранцами. Многие из его утверждений о фактах печально ошибочны. Но если предположить, что они верны, являются ли они отличительными чертами Востока? Задумайтесь на минуту, каково было положение женщины в древние времена на Западе и каков был моральный облик западных мужчин? Разве сегодня проституция не разрешена в ведущих городах Европы? И разве в крупных городах Англии и Америки не существует откровенная проституция, которая могла бы посрамить лицензированную проституцию Японии? Пользуются ли восточные люди и их цивилизация всеобщим уважением и внимательным отношением в странах Запада? Конечно, все это не является уникальными восточными чертами, отличающими их от окцидентальных народов так же четко, как анатомические особенности - косые глаза и желтая кожа.

Мистер Персиваль Лоуэлл предпринял тщательную философскую попытку раскрыть сущностную психическую природу Востока. Он описывает ее, как мы уже видели, как "имперсональную реальность". Неудачу его усилий мы уже достаточно рассмотрели.

Остается еще несколько характеристик Востока, которые мы можем вкратце рассмотреть.

Было сказано, что характерной психической чертой, отличающей Восток от Запада, является то, что первый интуитивен, а второй - логичен. В давние времена восточное обучение опиралось на интуицию ученика. На логический процесс не полагались. Религия, насколько она не была церемониальной и магической, была интуитивной, ключевым словом было "Сатори", "Просветление". Каждый человек достигает просветления самостоятельно - через вспышку интуиции. Моральное наставление также было интуитивным. Делались догматические заявления, истинность которых ученик должен был открыть для себя сам; не делалось никаких попыток объяснить их. Обучение было направлено на то, чтобы идти прямо к цели, не останавливаясь на объяснении пути к ней.

То, что это было и остается характерной чертой Востока, не может быть оспорено. Факты многочисленны и очевидны. Но вопрос в том, является ли это расовой психической характеристикой, такой, что она неизбежно контролирует все мышление восточного человека, независимо от его образования, а также в том, есть ли у западного человека явный недостаток этой психической характеристики. Таким образом, вопрос почти отвечает сам на себя.

Восточные люди, получившие образование по западным методикам, овладевают логическими методами рассуждения и обучения. Старые образовательные методы Японии теперь устарели. С другой стороны, интуитивизм небызвестен на Западе. Все мистики в

религии - ярко выраженные интуитивисты. Также как и христианские ученые, целители и спиритуалисты. Великие проповедники и поэты - скорее интуитивисты, чем логики.

Более того, если мы обратимся к древним временам, то увидим, что даже у оксидентов преобладал интуитивизм. Все первобытное знание было подчинено интуиции и было столь же абсурдным, как и многие до сих пор распространенные восточные представления о природе. Бичом античной науки и философии была опора на априорные соображения, то есть на интуицию. Индуктивные, тщательно логические методы мышления, науки, философии и даже религии - это относительно современное развитие оксидентального разума. Мы научились сомневаться в интуиции, не подтвержденной исследованиями и экспериментальными доказательствами. Широкое применение индуктивного метода - недавняя особенность Запада.

Современный прогресс в немалой степени заключается в развитии логических способностей, и особенно в умении сомневаться и проверять интуицию. Сказать, что Восток в значительной степени интуитивен, а Запад - в значительной степени логичен, довольно верно, но это упускает реальную разницу. Запад - это интуиция плюс логика. Он использует интуитивный метод во всех сферах жизни, но не ограничивается им. Интуиция не принимается за истину, пока она не подвергнута разумом самой тщательной критике. Запад не доверяет непроверенным и неуправляемым интуитивным суждениям. С другой стороны, Востоку не свойственен недостаток логических способностей. Когда восточный человек вступает в контакт с жизнью Запада, и особенно когда он получает образование в соответствии с западными методами мышления, он не испытывает заметного недостатка в логических способностях.

Эта линия мысли приводит к выводу, что психические характеристики, отличающие Восток от Запада, хотя они и глубоки, являются скорее социологическими, чем биологическими. Они являются характеристиками цивилизации, а не сущностной расовой природы.

Многие вдумчивые оксиденты отмечают поразительную трудность - фактически невозможность - подлинного и близкого знакомства с японцами. Несколько лет назад профессор Гарвардского университета сказал писателю: "Трудно ли вам в Японии по-настоящему познакомиться с японцами? Мы видим здесь много студентов, но не можем завязать с ними более чем поверхностное знакомство. Кажется, что они заключены в панцирь, который мы не в состоянии пробить". Редактор *"Japan Mail"*, говоря о сложности обеспечения "подлинно близкого общения с японцами", отмечает: "Язык также необходим. Но даже когда язык добавлен, что-то все равно остается недостижимым, и что это за что-то, мы так и не смогли выяснить, хотя рассматриваем этот вопрос тридцать три года. Ни один иностранец еще не смог войти во внутренний круг японского общения".

Является ли это фактом? Если нет, то почему это мнение так широко распространено? Если это факт, то какова его интерпретация? Как и большинство обобщений, это выражает как истину, так и ошибку. Как утверждение общего опыта, я верю, что это правда. Как утверждение, имеющее универсальное применение, я считаю его ложным. Как истину, как ее можно объяснить? Связано ли это с различием расовых душ и, следовательно, с расовой антипатией, как утверждают некоторые? Если так, то это должно быть универсальным фактом. Однако это, как мы увидим, ошибка. Объяснение найти не так сложно, как кажется на первый взгляд.

Рассматриваемая трудность обусловлена двумя классами фактов. Первая заключается в том, что людей долгое время учили, что оккупанты хотят захватить и завладеть их землей. Хотя более просвещенные люди уже давно отказались от этого страха и подозрений, народ все

еще с подозрением относится к чужакам; он не предлагает допускать иностранцев к какой-либо ведущей позиции в политической жизни страны. Они не доверяют иностранцам, даже когда те принимают их на работу. То, что иностранцы не должны быть допущены во внутренний круг японской политической жизни, не является странным. Не является это и уникальным для Японии. Так не поступают ни в одной стране, кроме Соединенных Штатов. Во-вторых, различные методы социального общения, характерные для Востока и Запада, делают глубокую пропасть между людьми этих цивилизаций при вступлении в социальные отношения. Восточный человек низко кланяется, произносит обычные приветствия "айсацу", почтительно слушает, не высказывает своего мнения, соглашается со своим собеседником, взвешивает каждое произнесенное слово с целью уловить истинный смысл, ибо гений языка требует от него предположить, что истинный смысл не лежит на поверхности, и с той же осмотрительностью выбирает свой собственный язык. Западный житель протягивает руку для сердечного пожатия - если он хочет быть дружелюбным - смотрит гостю прямо в глаза, говорит прямо от сердца, без подозрений или страха быть неправильно понятым, безоговорочно выражает свое мнение. Западный человек, привыкший к такой прямой и открытой манере, спонтанно сомневается в человеке, который ее лишен. Невозможно почувствовать себя искренне знакомым с восточным человеком, который не отвечает на откровенный открытый разговор в оксидентальном стиле. Кроме того, в Японии не принято открывать свое сердце и заводить дружбу с каждым встречным. Приветливость, свойственная Западу, - это черта его индивидуализма, которая не могла возникнуть в феодальной цивилизации, где каждый уважаемый человек носил два меча, чтобы мгновенно отомстить тому, кто его обидит или усомнится в нем. Всеобщая скрытность и условность, вежливые формы и завуалированные выражения были необходимой защитой военного феодализма. И общественный строй, и язык были приспособлены к тому, чтобы в высокой степени развить способность обращать внимание на мельчайшие детали манеры и речи и делать выводы о важных вещах по незначительным признакам. Весь общественный строй способствовал развитию интуитивного метода в человеческих отношениях. Больше полагались на то, что не было сказано, чем на то, что было ясно выражено. Сомнение было необходимой психологической предпосылкой для такой системы умозаключений. И сомнению прямо учили. "Хито во мирба доробо то омое", "когда видишь человека, считай его грабителем", может быть, и преувеличение, но эта древняя пословица проливает много света на хроническое состояние ума японцев. Взаимная подозрительность - и особенно подозрительность к незнакомцам - была правилом в старой Японии. Между собой японцы заводят сравнительно мало близких друзей. Они отмечают мастерство западных людей в приобретении друзей.

То, что иностранец не допускается во внутреннюю социальную жизнь японцев, также не требует объяснения, если иметь в виду природу этой социальной жизни. Разве может тот, кто содержит наложниц, кто получает удовольствие от гейш и посещает дома проституции, свободно и доверительно общаться с теми, кто осуждает эти обычаи? Может ли тот, кто отстаивает высококлассную мораль, кто безжалостно критикует нынешнюю мораль японского общества, рассчитывать на то, что его примут во внутренние круги общества? Невозможно. Какими бы дружественными ни были отношения японцев и иностранцев в бизнесе и дипломатическом корпусе, моральная пропасть, отделяющая социальную жизнь Запада от жизни Востока, фактически не позволяет иностранцу быть допущенным в его внутреннюю социальную жизнь.

Можно подумать, что аморальные оксиденты будут допущены к нему. Это не так. Японцы различают оксидентов. Они хорошо знают, что аморальные оксиденты не заслуживают

доверия. Хотя на какое-то время они могут пообщаться вместе, их близость неглубока и недолговечна; она основана на похоти, а не на глубоких симпатиях головы и сердца.

И в этом кроется секрет подлинного знакомства. Люди становятся глубоко знакомыми в той мере, в какой они придерживаются общих серьезных взглядов на жизнь и вместе трудятся ради достижения великих нравственных целей. Обычного японца, пусть даже образованного, отделяет пропасть от серьезно мыслящего жителя Запада. Их взгляды на жизнь почти антиподальны. Если их общение обусловлено только деловыми или общественными обязанностями, какая может быть настоящая близость? Знакомство может быть лишь поверхностным. Ничто не связывает их друг с другом, кроме временного и случайного. Однако пусть они разделят общие и серьезные взгляды на жизнь; пусть стремятся к достижению какой-нибудь великой нравственной реформы, которая, по их мнению, имеет жизненно важное значение для благополучия нации и эпохи, и сразу же возникнут узы связи и общения, которые перерастут в настоящую близость.

Однако я оспариваю правильность приведенного выше обобщения не только по теоретическим соображениям, но и по опыту. Среди христиан созданы все условия для интимных отношений между западными и восточными людьми, которые, по сути, приводят к настоящей и близкой дружбе. Отношения, существующие между многими миссионерами и местными христианами и пасторами, опровергают утверждение редактора *газеты Japan Mail* о том, что "ни одному иностранцу еще не удалось войти во внутренний круг общения японцев". Это утверждение, несомненно, верно в отношении отношения иностранцев к нехристианскому обществу. Однако причина этого факта кроется не в том, что один из них окцидентален, а другой - восточен по своей психической природе, а исключительно в различии моральных взглядов, целей и поведения.

Однако на этих страницах мы не утверждаем, что интимная дружба между христианами-западниками и христианами-восточниками завязывается так же легко, как между представителями двух западных наций. Хотя общие взгляды на жизнь, общие нравственные цели и поведение могут стать необходимой основой для таких близких дружеских отношений, различные методы мышления и социального общения все же могут препятствовать их формированию. Вероятно, миссионеры испытывают большие трудности в установлении подлинной близкой дружбы с японскими христианами, чем с представителями любой другой расы на земном шаре. Причины этого факта многообразны. Расовые амбиции японцев проявляются не только в сфере политической жизни; они не приемлют иностранного контроля в любой сфере. Это свойство проявляется и в церквях. Это является причиной подозрительности по отношению к иностранному миссионеру и разлуки с ним; это разрушило многие дружеские отношения. Близость между миссионерами и ведущими местными пасторами и евангелистами была более распространена в ранние дни христианской работы, чем в последнее время, потому что японская церковная организация недавно развила самосознание и стремление к органической независимости, что привело к взаимной критике.

Кроме того, японские христиане все еще остаются японцами. Их методы общения - восточные; они глубоко кланяются, повторяют формальные приветствия, воздерживаются от свободного выражения личных мнений и предпочтений. Кора вежливого этикета остается. Иностранец должен научиться ценить ее, прежде чем он сможет проникнуть в доброе, искреннее, честное сердце. А это иностранцу дается нелегко, что очень вредит его работе.

С другой стороны, прежде чем восточный человек сможет проникнуть в доброе, искреннее и честное сердце западного, он должен отказаться от инференциального метода; он должен

судить иностранца не по тому, что осталось недосказанным, не по незначительным поворотам сказанного, а по всей мысли в полном ее выражении. Другими словами, как западный человек должен научиться восточным методам общения и доверять им, так и восточный человек должен научиться соответствующим окцидентальным методам и доверять им. Трудности велики в обоих случаях, хотя и имеют противоположную природу. В каком случае трудность больше - это вопрос, который я не пытаюсь решить.

Другое обобщение относительно существенного различия между восточными и окцидентальными психическими натурами состоит в том, что первые медитативны и созерцательны, а вторые активны. В этой характеристике тоже есть доля истины. Спокойные, забывающие о времени, мечтательные черты Востока заметно контрастируют со спешкой, суетой и торопливостью Запада. Одно из первых и самых сильных впечатлений, которое производит на восточного человека, приехавшего на Запад, - это огромная энергия, проявляемая даже в обычных повседневных делах. В доме царит спешка, на улицах мужчины, женщины и дети "всегда на бегу". Кажется, что это буквально так, если сравнить походку западного человека с медленной, ползучей скоростью, с которой передвигается восточный человек. Лошадиные повозки, электромобили, паровые машины мчатся на большой скорости по переполненным улицам. Разговор короткий и торопливый. Визиты сокращены - едва ли больше, чем мельком. Все так нервно заняты, что у них не остается времени на спокойные, не тревожные мысли. Так Восток критикует и характеризует Запад.

На Востоке, напротив, время - ничто. Ходьба медленная, дела обдуманые, визиты - это тонкое искусство поклонов и условных фраз, предшествующих истинной цели звонка; развлечения - это даже затянувшиеся театральные представления, требующие целого дня. В доме нет спешки, на улице нет спешки. Для окцидента восточный человек кажется настолько поглощенным жизнью во сне, что реальная жизнь для него - всего лишь сон.

Если рассматриваемая нами характеристика означает, что Восток обладает способностью оценивать, которой не обладает Запад, то она кажется мне ошибочной. Запад не испытывает недостатка в оценке. Более точная формулировка различий, предлагаемых вышеприведенной характеристикой, заключается в том, что западная цивилизация - это выражение Воли, в то время как восточная цивилизация - это выражение подчинения вышестоящему - Судьбе. Эта особенность восточного характера объясняется тем, что Восток в целом остается общинным в своем общественном устройстве, в то время как Запад индивидуалистичен. На Западе каждый человек сам создает свою судьбу, его положение в обществе зависит от его индивидуальной энергии. Он волен использовать ее по своему усмотрению. Общество превозносит его в той мере, в какой он проявляет энергию, смелость, независимость и настойчивость. Социальный порядок отбирает таких людей и продвигает их в политике, бизнесе, общественной и научной жизни. Энергичные, деятельные черты Запада обусловлены, таким образом, высоким развитием индивидуализма. Вся окцидентальная цивилизация - это выражение свободной воли.

Общинная природа Востока систематически не давала места индивидуальному прогрессу. Независимый, волевой человек осуждался обществом. Подчинение, абсолютное и вечное, родителям, господину, предкам, судьбе, было правящей идеей жизни каждого человека. Управляемая подобными идеями, покладистая, неторопливая, мечтательная, созерцательная жизнь - если вам угодно так ее называть - Востока является необходимым следствием.

Но стала ли эта особенность врожденной, или она все еще только социальная? Является ли мечтательность в настоящее время врожденной расовой характеристикой восточного ума, в

то время как активная движущая энергия является соответствующей существенной чертой окцидентального ума? Или эти характеристики могут меняться вместе с социальным строем? Я без колебаний отстаиваю последнюю позицию. То, как молодая Япония, одетая в европейскую одежду, пользующаяся часами и работающая по "железнодорожному времени", отказалась от медлительного стиля старой Японии и приобрела привычки быстрой ходьбы, прямого четкого разговора и пунктуальности в делах и поездках (сравнительно говоря), убедительно доказывает правильность моего утверждения. Новая Япония вливается в спешку и суету окцидентальной жизни, потому что, соприкасаясь с Западом, она в значительной степени, хотя еще и не полностью, переняла индивидуализм Запада.

Со временем японская цивилизация будет все больше проявлять волевые феномены и пропорционально ассимилироваться с цивилизацией Запада. Но конечной причиной этой трансформации цивилизации будет все большее внедрение индивидуализма в социальный порядок. А это возможно только потому, что так называемые расовые характеристики являются социологическими, а не биологическими. Поэтому трансформация "расовой души" зависит не от межрасовых браков, а только от усвоения новых идей и практик в процессе социального общения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что единственная глубокая интерпретация различий, характеризующих психическую природу Востока и Запада, - социальная, и что социальные различия могут быть адекватно выражены только путем противопоставления фундаментальных идей, управляющих соответствующими социальными порядками, а именно: общинности для Востока и индивидуализма для Запада.

Единство, пронизывающее Восток, если оно не обусловлено наследованием общей психической природы, то чем же оно обусловлено? Несомненно, наличием общей цивилизации и общественного устройства. Трудно доказать, что японцы, корейцы, китайцы, сиамцы, бирманцы, индусы (а сколько разных рас обнаруживает этнолог в Индии), персы и турки - все они происходят от общего предка и, следовательно, обладают физической наследственностью общей расовой психической природы. Однако именно таково требование теории, против которой мы выступаем. То, что расы, населяющие Азиатский континент, с древнейших времен имели взаимное социальное общение, в результате которого цивилизация, умственная, моральная и духовная, наиболее развитых из них перешла к другим народам, так что Китай доминировал в Восточной Азии, а Индия оказала глубокое влияние на все расы, населяющие Азию, является неоспоримым фактом. Психическое единство Востока - это цивилизационное, социальное единство, как и психическое единство Запада. Причина, по которой Запад так отличается от Востока по социальным, психическим и цивилизационным характеристикам, заключается в том, что эти две великие ветви человеческой расы прошли изолированную эволюцию. Изолированная биологическая эволюция привела к появлению различных рас. Теперь это фиксированные физические типы, которые могут быть изменены только путем межродовых браков. Но хотя изолированная социальная эволюция привела к появлению различных социальных и психических характеристик, они не являются фиксированными и неизменными. Для трансформации психических и социальных характеристик необходимо только интимное социальное общение в особых условиях.

Если бы характеристики, отличающие восточные народы от западных, были только социальными, можно было бы предположить, что результаты объединения будут взаимными, Восток будет влиять на Запад в той же степени, в какой Запад влияет на Восток, и оба,

наконец, найдут общий уровень. Однако такой результат невозможен в силу законов, регулирующих психическое и социальное взаимодействие. Менее развитая психическая природа не может оказать заметного влияния на более высокоразвитую, так же как неразвитое искусство не может повлиять на высокоразвитое искусство, а грубая наука и философия - на высокоразвитую науку и философию. Закон, управляющий отношениями различных цивилизаций, когда они вступают в контакт, не похож на закон гидростатики, по которому два водоема разного уровня, приведенные в свободное общение, в конце концов находят общий уровень, определяемый разницей в уровне и их соответствующими массами. В социальном общении более высокая цивилизация не подвержена влиянию более низкой, в то время как более низкая сильно изменяется и через достаточное время поднимается до уровня более высокой во всех важных аспектах. Этот закон имеет огромное значение. Восток становится оксидентализованным в такой степени и такими темпами, которые мало осознаются путешественниками и не до конца понимаются самими восточными жителями. Они знают, что произошли и происходят огромные изменения, но не до конца осознают их природу, а люди не знают источника этих изменений. В той мере, в какой Восток превзошел Запад в каком-либо важном направлении, Восток будет влиять на Запад.

Говоря, как мы это делали в первой главе, что японцы уже сформировали оксиденто-ориентальную цивилизацию, мы имели в виду, что Япония привнесла в свой новый социальный порядок не только внешние и механические элементы западной цивилизации, но и ее внутренний и определяющий принцип - индивидуализм. Говоря, что, как эфиоп не может сменить кожу, а леопард - пятна, так и Япония никогда не станет полностью оксидентализованной, мы не имели в виду, что она настолько восточна по своей физиологической природе, по своей "расовой душе", что не может произвести фундаментальных социальных преобразований; но лишь то, что она имеет социальную наследственность, которая всегда и неизбежно будет изменять каждый оксидентальный обычай и концепцию, которые могут быть принесены на эту землю. Хотя со временем Япония может полностью индивидуализировать свой социальный порядок, он никогда не будет идентичен западному. Она всегда будет нести на себе следы восточной социальной наследственности в бесчисленных деталях. Путешественник-оксидент всегда будет впечатлен ориентализмом ее цивилизации. Хотя восточный человек, знакомый с деталями общественного устройства до Мэйдзи, будет поражен тем, что кажется ему полной оксидентализацией ее новой цивилизации и общественного устройства, хотя сегодня общинность и индивидуализм являются отличительными чертами Востока и Запада, они не являются необходимыми характеристиками, обусловленными природой расы. Восток, несомненно, будет становиться все более индивидуалистичным. Будущая эволюция великих рас Земли будет все больше сближаться во всех основных аспектах индивидуального и расового процветания, но в бесчисленных несущественных деталях обычаи прошлого останутся, чтобы придать каждой расе и нации отличительные психические и социальные характеристики.

XXXVII

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Целью настоящей работы было проникнуть в истинную природу японского характера и его современной трансформации.

Для этого мы неизбежно вошли в сферу социальных наук, где нам пришлось столкнуться со многими, на наш взгляд, ошибочными концепциями. Однако наши рассуждения о социальных принципах были узко ограничены. Мы ограничились интерпретацией тех социальных и психических характеристик, которые отличают японцев от других рас. Наше главное утверждение заключалось в том, что эти характеристики обусловлены природой социального порядка, который преобладал среди них, а не врожденной природой людей; и что эволюция психических характеристик всех рас обусловлена скорее социальной, чем биологической эволюцией.

Эта позиция и предложенные для ее доказательства рассуждения подразумевают больше, чем было прямо заявлено. В этой заключительной главе представляется желательным кратко и, следовательно, с использованием технической терминологии изложить некоторые из наиболее фундаментальных принципов социальной философии, предполагаемых или подразумеваемых в этой работе. Краткость требует, чтобы это изложение имело форму догматических предложений и неиллюстрированных абстракций. Среднестатистический читатель не найдет в нем ничего интересного, и, соответственно, его рекомендуется полностью опустить.

Прежде всего, давайте ясно увидим, что мы не предприняли никаких усилий, чтобы объяснить происхождение или внутреннюю природу психической жизни. Мы ни в коем случае не утверждаем, что ассоциация или социальный порядок являются первоначальной причиной психической жизни. Учитывая психическую природу человека, проблема состоит в том, чтобы объяснить ее разнообразное проявление в различных расах и цивилизациях. Это, и только это, является нашей проблемой.

Психическая природа - единственная и последняя причина социальной жизни. Без психической природы не может быть никакой ассоциации. Персонифицированная психическая природа - единственная и последняя причина социальной жизни человека. Бесчисленное множество условий определяют путем стимуляции или имитации проявление психической жизни. Эти условия различны для разных земель, народов, эпох и политических отношений, порождая различные социальные порядки для каждой отдельной группы. Эти различные социальные порядки определяют психические характеристики, отличающие различные группы. Социальная жизнь и социальный порядок являются объективными выражениями реальности, субъективной и, следовательно, более глубокой реальностью которой является психическая природа. Их нельзя безжалостно разорвать на части и сохранить целостность, их нельзя понять или полностью интерпретировать в отрыве друг от друга. Они являются коррелятивными и взаимодополняющими выражениями одной и той же реальности.

Точно так же физическая и психическая жизнь должны быть поняты как глубоко взаимосвязанные, являясь соответственно объективным и субъективным выражением реальности, неспособной к отдельной интерпретации. Однако каждая из них имеет ярко выраженные отличительные характеристики и подчиняется отдельным законам активности и развития.

Наследственность бывает двух видов: биологическая наследственность, передающая врожденные качества, и социальная наследственность, передающая приобретенные привычки и их физиологические результаты.

Врожденные качества, передаваемые биологической наследственностью, являются либо физиологическими, либо анатомическими, либо психическими.

Приобретенные привычки, передаваемые социальной наследственностью, в основном психические: но они могут привести к приобретенным физиологическим или даже анатомическим характеристикам. Сюда относятся физиологические эффекты диеты, жилья, одежды, профессии, образования и т. д., которые еще не были восприняты и включены во врожденную физиологическую конституцию биологической наследственностью. Физиологические эффекты социальной наследственности проявляются в повседневной физической жизни и деятельности каждого индивида в соответствии с требованиями социального порядка, в котором он воспитывается; они достигаются через влияние на приобретенные психические привычки, которые передаются через ассоциацию, подражание и контроль деятельности с помощью языка и образования. При биологической наследственности передача происходит исключительно до рождения, в то время как при социальной наследственности - в основном, если не полностью, после рождения.

В социальной наследственности передача не определяется кровосмешением, и поэтому распространяется на представителей чужих рас, когда они включаются в социальную организацию.

Если передача биологической наследственности каждому потомку неизбежна и полна, то социальная наследственность в значительной степени добровольна. Она также является более или менее полной, в зависимости от знаний, целей и усилий соответствующих индивидов. Передача приобретенных социальных и психических характеристик даже от родителей к потомству зависит от их объединения и навязывания родителями своему потомству своего образа жизни. Разделяя с родителями их телесную активность, их язык и их окружение, как социальное, так и психическое, потомство обязательно развивает психические и социальные характеристики, сходные с родительскими.

Эволюция происходит через трансформацию наследственности. Эволюция *врожденных* физиологических, анатомических и психических особенностей происходит через трансформацию биологического наследования, а эволюция общества и *приобретенных* качеств - главным образом через трансформацию социального наследования.

Почти все биологи признают, что изменение в форме естественного отбора является одним из принципов трансформации биологического наследования; но вопрос о том, наследуются ли *приобретенные* характеры родителей хотя бы в малейшей степени потомством, становясь *врожденными* характеристиками, является одной из важных биологических проблем последних лет. В эту проблему мы не вдавались, хотя и признаем, что она должна иметь важное значение для социологической науки. Вкратце она заключается в следующем: Влияют ли социальные и психические характеристики, приобретенные индивидами или группами индивидов, на врожденную наследственную и передаваемую психическую природу таким образом, что потомство, в силу самого факта своего происхождения, обязательно проявляет эти характеристики, независимо от конкретной социальной среды, в которой они могут воспитываться? В эту проблему, поставленную таким образом в общих чертах, мы не вникаем. Ограничивая наш взгляд теми передовыми расами, которые демонстрируют практически одинаковое физиологическое развитие, мы спрашиваем, не обусловлены ли их отличительные психические характеристики изменениями их унаследованной и присущей им психической природы, такими, что эти характеристики обязательно передаются потомству через присущую им биологическую наследственность. Современная популярная и научная социология, похоже, дает утвердительный ответ на этот

вопрос. В данной работе ответ подчеркивается как отрицательный. Хотя и не утверждается, что в психической природе различных рас нет абсолютно никаких различий или что психические различия, отличающие расы, полностью передаются по наследству в обществе, утверждается, что это в значительной степени так - гораздо в большей степени, чем обычно думают или признают. Такие врожденные различия, если они существуют, настолько неопределенны и неосвязаемы, что практически не поддаются обнаружению и четкому определению, и их можно практически игнорировать.

Единственное адекватное опровержение позиции, которой придерживаются здесь, будет выглядеть примерно следующим образом. Пусть японский младенец с младенчества воспитывается в американском доме, его не только кормят и одевают как американца, но и любят как члена семьи и обучают так же заботливо и ласково, как собственного ребенка. Полные условия требуют, чтобы не только сам ребенок, но и все остальные не знали о его происхождении и расовой принадлежности, чтобы его считали и обращались с ним так, как если бы он был настоящим членом своего приемного дома и народа. Какими будут психические характеристики этого ребенка, когда он вырастет до зрелого возраста? Если он будет проявлять психические черты, подобные тем, что были у его японских родителей, если он будет мыслить в японском порядке, если у него будет склонность использовать предлоги как предлоги, если он будет отказываться от местоимений и использовать вместо них почетные слова, если он будет заметно подозрительным и умозакрывающим, если он будет кланяться при приветствии, а не пожимать руку, если он будет отдавать предпочтение сидению на полу, а не на стульях, и палочкам для еды перед ножами и вилками, и если, развивая способности художника, он, естественно, будет рисовать японские картины, японские пейзажи и японские лица, оказываясь неспособным рисовать по канонам западного искусства, если, развивая поэтические вкусы, он будет находить особое удовольствие в восклицательных стихах из семнадцати или тридцати одного слога, если он не находит интереса в Лонгфелло или Шекспире, если, короче говоря, у него развивается склонность к какому-либо отличительному японскому обычаю, привычке думать, методу речи, эмоциям или волевым усилиям, то это, очевидно, объясняется его врожденной наследственностью. Однако если во всех этих вопросах он окажется похожим на американца, получит американское образование, как любой американский мальчик, и если, будучи привезенным в Японию, скажем, в возрасте тридцати лет, все еще считая себя американцем, он будет испытывать равные с любым американцем трудности в освоении языка, адаптации к японскому народу и понимании его, то из этого следует, что его психические характеристики были унаследованы социально и он является тем, кто он есть, национально, в силу своего социального наследия. Такой результат показал бы, что психические черты, отличающие расы, являются социальными, а не врожденными.

Мы ограничились наше обсуждение продвинутыми расами, потому что в этом случае проблема относительно проста, материал обилён, а вопрос ясен. Многие дискуссии в теологии, психологии и социологии бесполезны, поскольку касаются практически мифического существа - аборигена, о социальной и психической жизни которого никто ничего не знает, и любой теоретик может говорить все, что ему заблагорассудится, не боясь потерпеть кораблекрушение о неопровержимые факты. Вопрос о том, отличаются ли низшие расы, известные на сегодняшний день, от высших только приобретенными социальными и психическими характеристиками или также различиями психической природы, возможно, остается открытым. Но как бы то ни было, в отношении высших рас, населяющих Землю, все достаточно ясно. Их дифференцированные психические характеристики в большинстве своем обусловлены не различиями психической природы, а различиями социальных

порядков, а передача этих характеристик происходит, как можно наблюдать, через социальную наследственность.

В данной работе обсуждаются исключительно вопросы эволюции общества и психических характеристик. Но даже в этой ограниченной области мы не пытались охватить всю землю. Основное внимание мы уделили взаимозависимости социальных явлений и психических характеристик. Причины эволюции социального порядка не были главным предметом обсуждения.

Сегрегация - важнейшее условие, от которого зависит дивергентная эволюция. Можно выделить множество форм сегрегации, при каждой из которых эволюция протекает по разным принципам. Вкратце можно сказать, что биологическая сегрегация предотвращает затухание зарождающихся органических дивергенций, препятствуя межродственному браку обладателей таких дивергенций, а социальная сегрегация предотвращает затухание зарождающихся социальных дивергенций и соответствующих им зарождающихся психических характеристик, препятствуя межродственному сближению обладателей таких тенденций.

Биологически сегрегированные группы подвергаются дивергентной биологической эволюции через сегрегированные браки, создавая отдельные физиологические единства или расовые типы. Эти расовые типы теперь относительно фиксированы и могут быть значительно изменены только путем межрасовых браков.

Социально сегрегированные группы проходят дивергентную социальную эволюцию через сегрегированное социальное общение членов каждой группы, порождая различные цивилизационные и психические единства. Различия между этими социальными или психическими группами относительно пластичны и подвержены постоянным изменениям. Модификация социальных и психических характеристик группы происходит через изменение физического или социального окружения группы или через появление сильных личностей внутри группы.

Таким образом, биологически разные группы могут быть объединены биологически только путем межродственного брака, в то время как социально физически разные группы могут быть объединены социально и психически без межродственного брака, а исключительно путем ассоциации.

Психические дефекты потомства от межрасовых браков могут быть в значительной степени обусловлены дефектной социальной наследственностью, переданной родителями, а не смешанной наследственностью.

Термин "расовая душа" - удобное, хотя и обманчивое, потому что очень образное, выражение для обозначения психического единства социальной группы. Это единство полностью обусловлено более или менее полным обладанием отдельными членами группы, общими идеями, идеалами, методами мышления, эмоциями, волевыми качествами, обычаями, институтами, искусством и верованиями.

Каждый индивид психически подстраивается под тип социальной группы, в которой он воспитывается. Таким образом, "расовая душа" навязывается человеку путем сознательного и бессознательного воспитания.

Психическая эволюция социальных групп дивергентна до тех пор, пока изоляция достаточно полная, но становится конвергентной пропорционально ассоциации. Совершенная ассоциация приводит к полному психическому единству, хотя следует отметить, что

совершенная ассоциация географически разделенных социальных групп практически недостижима.

Важнейшие элементы, составляющие национальное единство, - психические и социальные, а не биологические. Расовое единство является биологическим. Одна и та же раса может, соответственно, разделяться на разные социальные и психические группы. А представители разных рас могут входить в одну и ту же социально-психическую группу.

Так называемая "расовая душа" многих социологов является, таким образом, фикцией и указывает на путаницу в сознании. Этот термин относится не к расовому единству врожденной психической природы, а только к социальному единству социально наследуемых психических характеристик. Группы, объединенные таким образом социально, могут быть или не быть расово однородными. На самом деле ни одна раса не является строго гомогенной биологически, как и ни одна социальная группа не является полностью унифицированной психологически.

В социологии, как и в биологии, функция порождает организм, то есть деятельность порождает орган или способность, приспособленные для выполнения этой деятельности.^[DN] Психические характеристики, отличающие социальные группы, в основном, а возможно, и исключительно, обусловлены различиями в социальной деятельности. Эта деятельность определяется бесчисленными причинами, географическими, климатическими, экономическими, политическими, интеллектуальными, эмоциональными и личными.

Пластичность психической группы обусловлена пластичностью ума и мозга младенца, который удивительным образом способен усваивать язык, формы мышления и дифференцировать характеристики любой группы, в которой он воспитывается. В какой степени эта пластичность распространяется, могут показать только тщательно проведенные эксперименты. У высших азиатских и европейских рас она гораздо больше, чем принято считать, но не исключено, что низшие расы обладают ею в гораздо меньшей степени.

Относительное постоянство психической группы объясняется тем, что у взрослых людей, которые составляют большинство в каждой группе, функция породила структуру. Тело, мозг и разум "застыли" или кристаллизовались в форме, предоставленной социальным порядком. Влияния, достаточно сильные, чтобы изменить молодых, мало влияют на взрослых. Относительная неподвижность психической группы также объясняется тем, что очень трудно - почти невозможно - воздействовать новыми психическими влияниями на всех членов группы одновременно. Большинство, не обращая внимания на новые психические силы, сохраняет старый психический режим. Трудность реформ, преобразования общественного строя в основном объясняется этими двумя причинами.

Характер" народа (психической группы) состоит из его более или менее бессознательных, но структурированных или воплощенных идей, эмоций и воли. Главными из них являются те, что касаются характера Бога, природы и ценности мужчины и женщины, необходимой связи характера с судьбой, природы и смысла жизни и смерти, а также природы и власти морального закона. В той мере, в какой общественный строй включает в себя высокие или низкие взгляды на эти жизненно важные темы, характер народа возвышается и крепнет, либо деградирует и слабеет.

Судьба народа и роль, которую он играет в истории, определяются не случайностью и не средой, а, в конечном счете, его собственным характером. Однако этот характер не является чем-то изначально данным, врожденным психическим наследством, и не зависит от биологической наследственности, передающейся только от родителей к потомству.

Характер относится к сфере социальной психической жизни и является предметом социальной наследственности. Через социальное общение моральный характер, доминирующий в одной психической группе, может быть передан членам чужой психической группы. Обычно это происходит через миссионерскую деятельность. Таким образом, моральный облик психической группы может быть коренным образом преобразован, а вместе с ним и судьба.

Плавающие идеи, еще не вплетенные в основу жизни, еще не воплотившиеся в индивидууме или в общественном строе, мало влияют на характер человека или группы, какими бы прекрасными, истинными или возвышенными эти идеи ни были сами по себе. Поэтому о характере народа следует судить не по красоте или возвышенности каждой идеи, которую можно найти в его литературе, а только по тем идеям, которые были усвоены, которые вошли в социальный порядок. Они определяют характер и судьбу народа. В зависимости от того, насколько эти идеи сохраняются в общественном строе, настолько постоянен его характер.

Прогресс состоит в расширении жизни, общинной и индивидуальной, экстенсивной и интенсивной, физической и психической. Истинный прогресс сбалансирован. Высокое коммунальное развитие, то есть высокоорганизованное общество, невозможно без широких достижений высокоразвитых индивидов. Прогрессивное овладение природой также невозможно без растущего психического развития во всех его направлениях - эмоциональном, интеллектуальном и волевом, общинном и индивидуальном.

Исторически сложилось так, что общинность - это первый принцип, зарождающийся в сознании. Однако для успеха он должен сопровождаться хотя бы некоторой степенью индивидуализма, пусть даже неявной. Полное развитие общинного принципа невозможно без соответствующего полного развития индивидуального принципа. Это взаимодополняющие принципы прогресса. Каждый из них сам по себе невозможен. В той мере, в какой один из них подчеркивается в ущерб другому, прогресс тормозится. Остановка цивилизаций обусловлена непропорциональным и чрезмерным развитием того или иного из этих принципов.

Личность, выражающая и реализующая себя в общественной и индивидуальной жизни, в объективных и субъективных формах, является одновременно причиной и целью прогресса. Поэтому социальная и психическая эволюция - это, в конечном счете, личностные процессы. Непреложным и окончательным фактором социальной эволюции и социальной науки является личность, ибо личность - это определяющий фактор человеческого существа.

Прогресс в развитии личности заключается в увеличении объема и точности знаний, утонченности и возвышенности эмоций, благородства и надежности волевых качеств. Прогресс в развитии личности требует от человека перехода от объективной гетерократической к субъективной автократической или саморегулируемой этической жизни. Он должен перейти от традиционного к просвещенному, от общинного к индивидуалистическому этапу в этике и религии. Он должен все сильнее ощущать обязательность надобщинных санкций для общинной и индивидуальной жизни, принимая высшие веления просвещенного морального сознания как законы Вселенной. Но это означает, что человек должен все глубже проникать в неизменные и вечные законы духовного бытия и отождествлять свои личные интересы, свое "я" с этими законами, с Сердцем Вселенной, с самим Богом. Вселенной, с самим Богом. Только так он станет полностью автономным, саморегулируемым. Только так индивид станет и останется альтруистическим коммуно-индивидом, способным встретить и пережить ослабление исторически сложившихся общинных и надобщинных санкций для общинной и

индивидуальной жизни, ослабление, вызванное растущей политической свободой и растущим интеллектуальным отказом от примитивных или дефектных религиозных верований.

Прогресс личности, таким образом, в основе своей является этико-религиозным процессом. Широкое достижение развитой личности позволяет формировать все более обширные высокоорганизованные психические группы, сопровождаемые все большей специализацией их отдельных членов. Эта общинная экспансия, разветвленная организация и индивидуальная специализация обеспечивают все более широкое и интенсивное интеллектуальное постижение Вселенной, а это, в свою очередь, активное овладение природой со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде растущей легкости и богатства жизни.

Этико-религиозная, автономная личность является, таким образом, корнем высокоразвитых и постоянно прогрессирующих цивилизаций. Личность, таким образом, является критерием прогресса. Простое облегчение физической жизни, свобода от тревог, легкомысленное, беззаботное счастье, владение природой, материальная цивилизация, высокоразвитое искусство, литература и музыка или даже утонченная культура - все это частичные и неадекватные, а то и вовсе ложные критерии.

Личность, как природа, - это врожденное психическое наследие, общее для всех людей. Она передается только от родителей к потомству, и ее передача зависит только от этих отношений. Личность, как изменяющаяся психическая характеристика, является предметом социального наследования и, следовательно, глубоко зависит от характера общественного строя и социальной эволюции.

Религия, вошедшая в жизнь, является важнейшим фактором, определяющим личность и характер ее приверженцев, либо препятствующим, либо способствующим их прогрессу.

Социальная и психическая эволюция японцев ни в чем не нарушает универсальных законов эволюции. Личностные и другие психические характеристики японцев являются продуктом не сущностного, а социального наследования и социальной эволюции. Япония недавно вступила в новое социальное наследование, из которого она с радостью принимает новые концепции и принципы общинной и индивидуальной жизни. Она внедряет их в свой социальный организм.

Уже сейчас они приводят к глубоким и, как мы полагаем, необратимым изменениям в ее социальном устройстве и, соответственно, к глубоким и необратимым изменениям ее характера и судьбы.

КОНЕЦ

ССЫЛКИ:

[A]

"Японские штучки", с. 156.

[B]

Пусть читатель не думает, что из очень краткого обзора достижений Новой Японии следует, что она обогнала народы христианства во всех важных аспектах, ибо это далеко не так. Он должен быть начеку, чтобы не переоценить достигнутое.

[C]

Профессор Б.Х. Чемберлен.

[D]

Только с наступлением нового времени для женщины стало возможным получить развод с мужем.

[E]

Глава xxix. Возможно, кому-то будет полезно прочитать эту главу в данный момент.

[F]

Ср. главу ii.

[G]

"Кокоро", Л. Хирн, стр. 31.

[H]

Japan Mail, 30 сентября 1899 г.

[I]

Часть II. стр. xxxii.

[J]

Japan Mail, June 4, 1898, p. 586.

[K]

Если все, что было сказано выше об относительном недостатке любви между мужем и женой, верно, это поможет сделать более правдоподобной и более понятной предыдущую главу об относительном недостатке любви к детям. Там, где отношения между мужем и женой таковы, как мы их изобразили, где детей систематически учат испытывать к отцу уважение, а не любовь, отношения между отцом и детьми или матерью и детьми не могут быть такими же, как в странах, где все эти обычаи обращены вспять.

[L]

Эффект христианских миссий не может быть измерен числом тех, кто должен быть учтен в церковных списках; почти бессознательно нация впитывает христианские идеалы от сотен христианских миссионеров и десятков тысяч христианских туземцев. Потребности нового общественного строя делают их учения понятными и приемлемыми, чего не мог и не умел старый общественный строй. Этим объясняется поразительная перемена в антихристианском духе японцев. Этот дух не исчез сразу же после введения нового общественного строя, как не исчез он и сейчас. Но перемена от Японии тридцатилетней давности к Японии сегодняшней в ее отношении к христианству более заметна, чем у любого великого народа в истории. Подобные изменения произошли в Римской империи, но для этого потребовалось триста лет. Это изменение в Японии можно назвать поистине чудесным, но не в смысле результата без причины, ибо причины хорошо понятны.

Среди христиан, в особенности, старый порядок быстро уступает место новому. Христианство принесло новую концепцию женщины, ее места в доме и отношения к мужу. Японские девушки-христианки, а в последнее время и нехристианские девушки, стремятся получить образование, которое поможет им в расширяющейся жизни. Многие из более христианских молодых людей не хотят языческих жен с их низкой оценкой себя и своих обязанностей, и они все чаще не желают жениться на тех, о ком ничего не знают и кто им безразличен. В Японии уже начинает укореняться идея о том, что любовь - это единственная надежная основа для дома. Этот меняющийся идеал влечет за собой заметные социальные изменения. В некоторых церквях создается комитет по введению в брак, чья особая функция заключается в представлении брачующихся и проведении общественных встреч, на которых молодые люди могут познакомиться. На наших глазах происходит важная эволюция в общественном устройстве, но немногие мудрецы мира слишком возвышены, чтобы заметить это. Любовь и демонстративная привязанность между мужем и женой, несомненно, станут столь же характерными для Японии в будущем, как их отсутствие было характерно в прошлом. Подведем итог: эти отличительные черты эмоциональной жизни японцев могут показаться на первый взгляд настолько глубоко укоренившимися, что являются неотъемлемыми, однако на самом деле они обусловлены идеями и обычаями общественного строя и могут измениться при любой новой системе идей и обычаев, которая может возникнуть. Более высокое развитие эмоциональной жизни японцев ожидает сейчас реорганизации семейной жизни; это опирается на новую идею о месте и ценности женщины как таковой и как человеческого существа; это, в свою очередь, опирается на широкое принятие христианских идеалов о Боге и их взаимоотношениях. Это также предполагает новые идеалы относительно конечной судьбы человека. В потребности Японии в этих христианских идеалах мы находим главное основание и оправдание, если оно необходимо, для миссионерской деятельности среди этого восточного народа.

[M]

[N]

P. 133

[O]

"Résumé Statistique l'Empire du Japan", издано Императорским кабинетом, 1897.

[P]

В качестве иллюстрации к обсуждаемому вопросу см. фрагменты выступлений, приведенные в "The World's Parliament of Religions", vol. ii. pp. 1014, 1283.

[Q]

Japan Mail, 10 декабря 1898 г.

[R]

Мне было трудно получить точную информацию по вопросу об императорских наложницах (которые, кстати, носят особое почетное имя), отчасти из-за того, что это не является предметом общей информации, а отчасти из-за нежелания сообщать иностранцу сведения, которые, как считается, могут запятнать блеск императорской славы. Библиотекарь одной из публичных библиотек отказался выдать книгу, содержащую желаемые факты, заявив, что иностранцы могут быть свободно информированы о том, что раскрывает хорошее, истинное и прекрасное в японской истории, обычаях и характере, но не более того. Образованные и более серьезные представители нации с большой чувствительностью относятся к теме императорского наложничества, особенно в присутствии оксидента. Считается, что это пятно на честном имени Японии, пережиток ее менее цивилизованных дней, и, соответственно, его стараются как можно больше отодвинуть на задний план. Приведенные в тексте данные о количестве наложниц и детей верны настолько, насколько это возможно. Полное изложение может потребовать увеличения приведенных цифр.

[S]

P. 59.

[T]

P. 119.

[U]

Aston's "Japanese Literature", p. 29.

[V]

"Японская литература", стр. 24.

[W]

Ср. главу xxxiii.

[X]

Гюстав Ле Бон в своей блестящей, но софистической работе "Психология народов" утверждает, что "душа расы" неизменно определяет даже ее искусство. Он утверждает, что индусский художник, несколько раз копируя европейскую модель, постепенно устраняет европейские черты, так что "вторая или третья копия... становится исключительно индусской". Вся его аргументация носит такой характер; должен признаться, что я несколько не ощущаю ее силы. Индусский художник преображает западную картину, копируя ее, потому что он обучен индусскому искусству, а не потому, что он индус физиологически. Если бы тот же индусский художник, увезенный в младенчестве в Европу, выросший как европеец и обученный европейскому искусству, все еще упорствовал в замене европейских черт

индусскими, тогда аргумент имел бы некоторую силу, и его утверждение, что "душа рас" может быть изменена только путем межрасового брака, казалось бы более разумным.

[Y]

"The Human Species", p. 283.

[Z]

Там же, стр. 282.

[AA]

Там же, с. 384.

[AB]

Рукопись этой работы была в основном подготовлена в 1897 и 1898 годах. Со времени написания этих строк в японской прессе развернулась бурная дискуссия о преимуществах и недостатках нынешней системы письма. Многие смело выступали за полный отказ от китайской иероглифики и использование исключительно латинского алфавита. Трудности такого шага огромны и не могут быть оценены человеком, не знакомым с письменностью Японии. Однако одним из самых сильных аргументов в пользу такого курса является препятствие, которое китайцы ставят на пути народного образования из-за времени, необходимого для его освоения, и механического характера ума, который он, как правило, вырабатывает. В августе 1900 года Департамент образования принял ряд правил, которые имеют большое значение в этой связи. Пожалуй, самым важным из них является требование о том, что детям общеобразовательных школ должно преподаваться не более тысячи двухсот китайских иероглифов, причем форма иероглифа не должна изучаться независимо от его значения. Замечания в приведенном выше тексте относятся главным образом к древним методам обучения.

[AC]

Griffis' "Religions of Japan", p. 272.

[AD]

P. 24.

[AE]

Дальний Восток за январь 1898 года.

[AF]

20 января 1900 г.

[AG]

Japan Mail, 12 ноября 1898 г.

[AH]

P. 17.

[AI]

P. 18.

[AJ].

Р. 18.

[AK]

"История Японской империи", составленная и переведенная для Императорской японской комиссии Всемирной Колумбийской выставки.

[AL]

"Японская литература", с. 4.

[AM]

Ср. главу xvi. стр. 199.

[AN]

Ср. главу xvii.

[AO]

Цитаты из "Японского философа" можно найти в главах xxiv. и xxvi.

[AP]

"Японские вещи", с. 133.

[AQ]

Р. 213.

[AR].

Р. 30.

[AS].

Ср. главу vii.

[AT]

Ср. главу xv. с. 186, 187.

[AU]

Ср. главы xvi. и xvii.

[AV]

Глава xv.

[AW]

Главы хіх. и хх.

[AX].

Р. 39.

[AY]

Р. 36.

[AZ].

Рр. 42, 43.

[BA].

Р. 45.

[BB].

Р. 61.

[BC].

Р. 120.

[BD].

Р. 129.

[BE].

Р. 130.

[BF]

Диккенсон "Япония", глава vii.

[BG]

Ср. главу xxi.

[BH]

Р. 163.

[BI]

Р. 169.

[BJ]

Интересно отметить, что презрение старой Японии к торговле, а также мнение, что проценты и прибыль от торговли по своей природе безнравственны, находятся в тесном соответствии со старыми греческими и еврейскими представлениями о прибыли и процентах от собственности. Аристотель, например, считал, что только доходы от сельского хозяйства, рыбной ловли и охоты являются естественными доходами. Платон в "Законах" запрещает брать проценты. Катон говорит, что давать деньги в долг под проценты бесчестно, это так же плохо, как убийство. Ветхий Завет также запрещает брать проценты с евреев. Причина этого универсального чувства древности, как восточной, так и западной, кроется в том, что торговля и деньги еще не были неотъемлемой частью общественного строя. Естественным способом добывания средств к существованию казалось позитивное производство, такое как охота и земледелие, а торговля казалась противоестественной - жизнь за счет чужого труда. То, что в Японии фермер занимал более высокое место в социальной шкале, чем торговец, вполне естественно. В моральном плане они также, вполне вероятно, были гораздо выше.

[BK].

Ср. главу ix. с. 103.

[BL]

Глава vi.

[BM]

Глава xxix. p. 339.

[BN]

Анонимный автор в памфлете под названием "Как регулируется социальное зло в Японии" приводит несколько ценных фактов по этому вопросу. Он описывает раннюю историю "социального зла" и различные классы проституток. Он проводит различие между "дзигоку" (нелицензированными проститутками), "сёги" (лицензированными проститутками) и "гейшами" (поющими и танцующими девушками). Он приводит переводы различных документов, фактически используемых в настоящее время, и, наконец, пытается оценить количество женщин, занятых в этом бизнесе. Метод, которым он пришел к своим выводам, не нравится настоящему автору, и его результаты кажутся абсурдно завышенными, если сравнивать их с более тщательно собранными цифрами. Их вряд ли стоит приводить, но они показывают, каких преувеличенных взглядов придерживаются некоторые в отношении количества проституток в Японии. Он говорит нам, что по умеренным оценкам количество лицензированных проституток и гейш составляет по 500 000, а нелицензированных - не менее миллиона, что в общей сложности составляет 2 000 000 или 10 процентов от всего женского населения Японии! Тщательное статистическое исследование по этому вопросу недавно провел преподобный У.Г. Мерфи. Его данные были получены в основном от провинциальных чиновников. Согласно этим данным, число лицензированных проституток составляет 50 553, а танцовщиц - 30 386. Цифры мистера Мерфи не могут быть далеко ошибочными и дают нам основу для сравнения с европейскими странами. Статистических данных о нелицензированных проститутках, естественно, нет.

[BO]

P. 148.

[BP].

25 июня 1898 г.

[BQ]

Последняя строка цифр за 1897 год взята из статистической брошюры преподобного У.Г. Мерфи "Социальное зло в Японии".

[BR]

Утверждается, что работа Милля "Представительное правительство", которая в переводе на японский заполняет том в пятьсот страниц, достигла своего третьего издания.

[BS].

Japan Mail за 5 февраля 1896 г.; цитата из *Jiji Shimpō*.

[BT]

Лучшее резюме этой дискуссии, которое я видел на английском языке, находится в "*Japan Mail*" за 4 февраля 1899 года.

[BU]

Japan Mail, 14 января 1899 г.

[BV]

Japan Mail, 24 июня 1898 г.

[BW]

Избирательный округ Дошиша состоит в основном из христиан-кумийцев.

[BX]

"Оккультная Япония", стр. 23.

[BY]

Ср. главу xxiv.

[BZ]

"Японский философ", с. 120.

[CA]

Однако в непосредственной связи с этим часто цитируемым заявлением я бы привел следующее, гораздо более недавнее и, вероятно, более точно отражающее зрелое мнение маркиза. Господин Какехи, в течение некоторого времени один из редакторов газеты "*Осака Майнити Синбун*" ("Ежедневные новости"), после беседы с выдающимся государственным деятелем, в которой обсуждались многие вопросы государственной важности, спросил маркиза, где он получил образование. Узнав, что он окончил Дошиша, маркиз заметил: "Единственная истинная цивилизация - это та, которая основывается на христианских принципах, и поэтому, поскольку Япония должна достичь своей цивилизации на этих принципах, те молодые люди, которые получают христианское образование, станут главными факторами в развитии будущей Японии".

[CB].

Chamberlain's "Things Japanese", p. 358.

[CC]

"Things Japanese", p. 70, и Murray's "Hand-book for Japan", p. 37.

[CD]

"Things Japanese", p. 93.

[CE]

P. 85.

[CF]

Ср. главу xxiii. p. 271.

[CG]

Под термином "централизация" я подразумеваю личную централизацию. Политическая централизация - это сведение всех линий государственной власти к одному главе или пункту. Личная централизация, напротив, - это развитие в человеке все более широкого и радостного сознания своих отношений с соотечественниками и приведение его во все более непосредственные отношения взаимозависимости со все более многочисленными братьями, экономически, интеллектуально и духовно. Эти расширяющиеся отношения и сознание этого должны быть лояльно и радостно приняты. Они должны вызывать энтузиазм. Настоящее единство общества, настоящая национальная централизация включает в себя как политическую, так и личную фазу. Чем осознаннее процесс и отношения, тем реальнее единство. В этом процессе каждый человек становится все более важным для всего организма, а также все более зависимым от него. В то время как каждый человек с ростом промышленного развития становится все более специализированным в экономической функции, при правильном развитии его личности он также становится по уму и характеру микрообщиной, суммирующей в своей личности национальное единство со всеми его основными интересами, знаниями и характером".

[CGa].

P. 14.

[CH]

Р. 15.

[CI]

Рр. 88, 89.

[CJ]

Рр. 203, 204.

[CK].

Ср. главу viii.

[CL]

См. "*Рикуго дзасси*" за март 1898 года.

[CM]

См. главу xv.

[CN]

Буддизм в значительной степени ответственен за широкую практику "джоши", благодаря своей доктрине, согласно которой влюбленные, которым судьба не позволяет пожениться в этом мире, могут соединиться в следующем благодаря силе своей любви.

[CO]

P. 88.

[CP]

P. 12.

[CQ].

P. 14.

[CR].

P. 15.

[CS]

В отношениях с иностранцами люди, особенно христиане, чрезвычайно снисходительны, прощают и не замечают наших вопиющих промахов как в речи, так и в манере поведения, особенно если чувствуют, что у нас доброе сердце. И все же миссионеру приходится сталкиваться с тем, что он часто задевает чувства своих японских коллег, не подозревая об этом. Немногие мысли чаще приходят в голову миссионеру, когда он общается с христианскими работниками, чем вопрос о том, как сказать эту необходимую истину и сделать этот необходимый поступок, чтобы не ранить чувства тех, кому он хочет помочь. Человек, который чувствует себя оскорбленным или обиженным, скорее всего, не подаст

никаких активных признаков своей обиды. Он слишком вежлив или слишком политичен для этого. Он просто закрывается, как моллюск, и перестанет поддерживать сердечные чувства и отношения с человеком, который его обидел".

[CT]

Ср. главу xiii.

[CU]

См. главу xxix.

[CV]

Р. 201.

[CW]

Ср. главу vii.

[CX]

Представляется желательным предостеречь от умозаключения, которое может быть сделано из того, что я сказал о гегелевском "Ничто". Гегель ясно видел, что его "Ничто" было лишь самым дальним пределом абстракции и что, следовательно, оно было абсолютно пустым и никчемным. Оно было лишь отправной точкой его мысли, а не ее концом, как в случае с брахманизмом и буддизмом. Только после того, как Гегель пропустил "Ничто" через все последовательные стадии тезиса, антитезиса и синтеза и облек его в полноту бытия и характера, он стал считать его конкретным, действительным Абсолютом. Таким образом, между гегелевским Абсолютным бытием и Абсолютом Будды существует максимально возможное различие. Гегель стремился понять и изложить в рациональной форме реальную

природу христианского представления о Боге. Удалось ему это или нет, сейчас не место говорить.

[CY]

Замечу мимоходом, что западная нехристианская мысль испытывала и продолжает испытывать немалые трудности в постижении конечной природы бытия и, следовательно, в решении проблемы, в которую, как в пещеру, провалились спекулятивные религии Востока. Западные нехристианские системы, будь то материализм, последовательный агностицизм, безличный пантеизм или другие системы, отвергающие христианскую концепцию Бога как совершенной личности, наделенной всей полнотой бытия и характера, равно как и философский буддизм, не могут дать теоретического обоснования доктрине о ценности человека как человека, а следовательно, не могут дать никаких гарантий для индивидуализма в общественном устройстве и широкого развития личности в массах.

[CZ].

Ср. главу vi.

[DA]

Подножие главы xxix.

[DB]

Глава xxxiii. p. 498.

[DC]

Представляется желательным приложить краткое дополнительное заявление о доктрине "личности Бога" и ее приемлемости для японцев. Прежде всего, я хотел бы прояснить, что трудности, которые испытывают японцы при принятии этой доктрины, объясняются не

столько недостатками японского языка или сущностной природой японского ума, то есть его утверждаемой структурной "безличностью". Мы видели, как все мышление народа и даже непосредственные моральные учения подразумевают как факт наличия личности в человеке, так и ее познание. Религиозные учения также подразумевают личность даже "Неба".

То, что с этой доктриной связаны философские или, правильнее сказать, метафизические трудности, мне хорошо известно; и то, что они ощущаются некоторыми японцами, мне также известно. Но я утверждаю, что эти трудности были привнесены с Запада. Трудности, порождаемые сенсационной философией, которая приводит к отрицанию реальности даже психической природы человека, не в меньшей степени, чем трудности, обусловленные глубоким идеализмом, были внедрены среди образованных японцев и нашли не мало откликов. Я убежден, что истинные причины сомнений в личности Бога, которые испытывают некоторые христиане в Японии, имеют иностранное происхождение. На эти сомнения нужно отвечать точно так же, как на те же трудности отвечают в других странах. Необходимо показать, что сенсационные и "позитивные" философии, заканчивающиеся агностицизмом в отношении всех великих проблем жизни и реальности, в основном виноваты в том, что не признают природу разума, который знает. Критика этих предположений и методов, проведенная Т.Х. Грином и другими внимательными мыслителями, на которую не дали ответа сенсационные и агностические школы мысли, должна быть представлена на понятном японском языке для достаточно образованного японского студента и обывателя. Так же и рассуждения таких писателей и философских мыслителей, как Сет, Иллингворт и особенно Лотце, чьи рассуждения о "личности" являются непревзойденными, должны быть представлены японским мыслителям в родном одеянии. Но, повторяю еще раз, мне кажется, что трудности, которые испытывают в Японии при изучении этих тем, вызваны не "безличностью" языка или родного ума, не преобладающими до сих пор религиями, а полностью импортированными философией и наукой. Люди, которые испытывают или, по крайней мере, выражают чувство затруднения в этих вопросах - по крайней мере, насколько мне известно, - это не те, кто не знает ничего, кроме своего родного языка и родной религии, а скорее те, кто получил исключительные преимущества в иностранном образовании, многие из них провели годы за границей в западных университетах. Они дают новое откровение о том, с какой быстротой японцы воспринимают новые идеи. Они не разрабатывали эти трудности для себя, а почерпнули их из чтения западной литературы и общения с людьми не евангелического нрава и мышления на Западе".

[DD]

"Священные книги Востока", т. xlix, ч. ii. с. 147.

[DE]

Ср. главы хііі. и хххі.

[DF]

Неудивительно, что во всех центрах нового обучения Конфуция обожествляли и ему поклонялись. В связи с многочисленными школами, созданными для изучения его трудов, в его честь возводились храмы, в которых ставилась только его статуя, перед которой через регулярные промежутки времени совершалась величественная религиозная служба. Так конфуцианство стало живой и жизнеутверждающей, хотя, как мы вскоре увидим, неполноценной религией.

[DG].

Писатели, занимающиеся историей и философией религии, много говорят о различиях между национальными и универсальными религиями. Три религии, которые они считают универсальными, - это магометанство, буддизм и христианство. Основанием для такого утверждения является тот факт, что каждая из этих религий развила в себе сильные индивидуалистические черты. Они озабочены индивидуальным спасением. Важность этого элемента никто не будет отрицать, и в первую очередь сам автор. Но я сомневаюсь в правильности описательного прилагательного. В силу своего индивидуалистического характера они способны перепрыгнуть территориальные границы и найти признание в любой общине; для этого они не зависят от территориального расширения общин, в которых они возникли".

[DH].

P. xvii.

[DI]

P. xviii.

[DJ].

P. 19.

[DK].

P. 6.

[DL].

P. 37.

[DM].

P. 83.

[DN]

Вопрос о том, изменяет ли деятельность передаваемую природу или нет, является проблемой наследования приобретенных характеристик. Диктум о том, что функция порождает организм, не говорит о том, является ли этот организм передаваемым или нет, ни в биологии, ни в социологии.